

Ирина Матлак

Крылья феникса

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Я — сирота, и мой круг — это старый чердак, швейная машинка и вечно недовольные опекуны.

Он — феникс из именитого дома, один из тех, кто защищает наш мир от Тьмы и ее порождений, приходящих с наступлением ночи.

Мы принадлежим разным кругам общества и никогда не должны были встретиться, но один случай меняет все. Всего один случай — и простая, практически лишенная магии девушка поступает в Институт аэллин, оказываясь очень близко к золотым небожителям. Всего один случай — и древние легенды начинают возрождаться. Всего один случай... А может, судьба?

- [Ирина Матлак](#)

-
- [ГЛАВА 1](#)
- [ГЛАВА 2](#)
- [ГЛАВА 3](#)
- [ГЛАВА 4](#)
- [ГЛАВА 5](#)
- [ГЛАВА 6](#)
- [ГЛАВА 7](#)
- [ГЛАВА 8](#)
- [ГЛАВА 9](#)
- [ГЛАВА 10](#)
- [ГЛАВА 11](#)
- [ГЛАВА 12](#)
- [ГЛАВА 13](#)
- [ГЛАВА 14](#)
- [ГЛАВА 15](#)
- [ГЛАВА 16](#)
- [ГЛАВА 17](#)
- [ГЛАВА 18](#)
- [ГЛАВА 19](#)
- [ГЛАВА 20](#)

- [ГЛАВА 21](#)
  - [ГЛАВА 22](#)
  - [ГЛАВА 23](#)
  - [ГЛАВА 24](#)
  - [ГЛАВА 25](#)
  - [ГЛАВА 26](#)
  - [ГЛАВА 27](#)
  - [ГЛАВА 28](#)
  - [ГЛАВА 29](#)
  - [ЭПИЛОГ](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
-

Ирина Матлак
КРЫЛЬЯ ФЕНИКСА

ГЛАВА 1

*Мы застываем в янтаре, где свет — тепло
любимых глаз,*

*Где дыханье и улыбки дорожке стоят тысяч
фраз.*

*Ты только меня не пускай — не пускай одной
улететь,*

*Никому, молю, не отдай — с тобой позволю
догореть!^[1]*

Иногда то, что мы принимаем за случайность, на самом деле является неизбежностью. Закономерностью, которую мы просто не в силах понять.

Сидя на крыше четырехэтажного дома, я любовалась закатом и еще не знала, какую случайность принесет мне грядущая ночь.

Этот вечер был совершенно обычным. Солнце медленно отплывало за горизонт, разбрызгивая по столице лучи, подобные разжиженному золоту. Под ним блестели гладкие черепичные крыши, зелень приобретала спокойные теплые оттенки, как будто август уже закончился и наступила середина осени. Ветер приносил запах дыма, выбивающегося из труб расположенной неподалеку котельной, ароматы свежей выпечки, продающейся в соседнем квартале, и спелых яблок.

Совершенно обычный вечер плавно перетекал в совершенно обычную ночь. Ночь всегда была хитрой — подкрадывалась незаметно, вытесняла свет, чтобы впустить в мир тьму, а вместе с ней — и ее вечных спутников.

В Дрейдере, как и в прочих городах, фонари зажигались еще засветло, и ни один из них не гас раньше чем день снова вступал в свои права. Несмотря на это, мало кто отваживался выходить из дома после наступления сумерек без весомого повода, да и при наличии одного еще раздумывали, а стоит ли оно того.

Опустив взгляд на листы раскрытой тетради, я перечитала написанное и вздохнула. Стихи приходили ко мне сами. Я никогда

этому не училась, да и поэзию как таковую особо не любила — попросту некогда мне было ее любить. Но иногда случались моменты, когда меня буквально распирало и казалось, что, не возьмись я за перо, карандаш, уголь, мел, да хоть что-нибудь пишущее, и голова просто взорвется!

В детстве родители хвалили меня, говоря, что, возможно, я сумею развить талант и стать известным поэтом.

Папа... мама... кот, которого все мы звали просто Котом... моя любимая семья, которой не стало десять лет назад. Тот день мне запомнился так отчетливо, что я могла воспроизвести в памяти каждую деталь. И сильный хлесткий дождь, под который выбежала в чем была — босиком, в простом домашнем платье; и стража с тонкой полоской усов, сообщившего, что кеб, на котором ехали родители, упал в ущелье; и приторный, тошнотворный запах дешевой туалетной воды, которой пользовалась моя тетушка...

Тетушка Эльза появилась в моей жизни внезапно. Прежде она не общалась со своей сестрой, но, оставшись единственной родственницей, стала моей опекуной. В тот день она в компании дядюшки Риуса полноправной владычицей поднялась на четвертый этаж пятнадцатого дома на Истарской улице, да так там и осталась. Нам с Котом пришлось перебраться на чердак.

В свою бывшую комнату я переселялась лишь на пару дней в году, когда нам наносила визит работница службы опеки. Эта худощавая, с мелкими чертами лица женщина очень любила деньги и с радостью принимала их от тетушки сразу после любезного приглашения выпить чаю. До меня работнице дела не было... вернее, было, но лишь формально. Да я особо и не жаловалась. Конечно, отношение ко мне тетушки Эльзы лишь с большой натяжкой можно было назвать сносным, но я быстро научилась с этим мириться. В детстве часто плакала и пыталась бунтовать, а потом перестала. Привыкла, наверное.

А совсем скоро мне исполнится девятнадцать. Я избавлюсь от власти опекунов и смогу жить, как захочу... только вот выставить их из дома вряд ли будет просто.

— Тэм, иди домой! — внезапно позвала сына вышедшая на балкон соседнего дома госпожа Грана. — Уже темнеет! — И тут же обратилась к сидящей в кресле-качалке свекрови: — Свежую прессу читали? Нориан Снэш вернулся в столицу!

— Это сегодня только ленивый не обсуждал, — хмыкнула та, раскуривая трубку. — Надо же, столько лет добровольной ссылки, и тут вдруг возвращается...

— Говорят, сам король призывает его к женитьбе. Такая кровь, такая сила... а избранницы все нет.

— Так ведь сколько выпускниц Института аэллин ему предлагали... — Пожилая женщина чуть понизила голос: — Ты ту историю, наверное, не помнишь. Тогда король младшую принцессу хотел замуж за него отдать. Потом случилось что-то, и Нориан Снэш неожиданно отбыл в приграничные земли. А принцессу скоропалительно за другого выдали.

— Отчего ж не помнить, помню... — задумчиво протянула госпожа Грана. — Сколько лет прошло? Пятнадцать? — и без перехода крикнула: — Тзм, иди домой, кому сказала!

Десятилетний мальчонка в последний раз подкинул мяч, ловко его поймал и припустил к дому. Через несколько мгновений за ним закрылась входная дверь.

— Я тебе вот что еще скажу: нынешний выпуск аэллин одним из сильнейших будет, — выдохнув несколько колечек дыма, произнесла пожилая женщина. — Непокойно у нас сейчас, наследники сильным домам как никогда нужны. Хочет того Нориан или нет, а женится. Повезло тем аэллинам, которые сейчас в институте обучаются, такой шанс... Эх, была б я помоложе годков этак на пятьдесят...

Невольно прислушавшись к разговору, я не заметила, как начало смеркаться. Наверное, о Снэсах в нашем королевстве не слышал только глухой, и если Нориан правда вернулся в столицу, намереваясь жениться... Впрочем, меня это не касается. Подобным мне с такими, как он, не позволено даже разговаривать. Да что там разговаривать — и вблизи их никогда не увидеть!

В здешних кварталах жили практически низы общества — дальше только трущобы. Хотя само слово «низы» всегда вызывало в моей душе негодование. Правильнее сказать, здесь обосновались простые люди, которым, возможно, повезло немного меньше, чем остальным.

Дом наш хоть и был старым, но все же сохранился лучше многих прочих. Жить на верхнем этаже в некотором смысле было даже престижно. Папа, который обладал потрясающим талантом живописца, при жизни продал немало картин. Одну из них даже купил

не слишком знатный, но вполне состоятельный лорд в подарок любимой супруге. Родители сумели выкупить две комнаты, принадлежащие соседям, и с тех пор в нашем распоряжении имелись пара спален, гостиная, кухня и даже отдельная ванная, что являлось настоящей роскошью.

Вернувшись на свой чердачок, я потрепала по голове развалившегося на кровати Кота и по привычке сунула тетрадь в нижний ящик тумбочки, спрятав ее под другими вещами. На столике, рядом со швейной машиной, лежали недоделанные заказы, которые мне предстояло завершить до завтра. Серьезную работу вроде полноценного пошива одежды мне доверяли редко, а вот что-то подшить или заштопать просили регулярно. Выручка выходила не слишком большой, но для того, чтобы чувствовать себя мало-мальски независимой от опекунов, ее хватало.

Ночка предстояла долгая. За шитьем я просидела практически весь день, не прерываясь даже на обед, поэтому сейчас чувство голода дало о себе знать.

На кухне я обычно не ела, привыкнув уносить еду к себе на чердак. Вот и сейчас быстро вскипятила воду, заварила чай, прихватила пару бутербродов и уже собралась снова вернуться к себе, когда в кухню вплыла тетушка Эльза.

Вид она имела крайне недовольный — как, впрочем, и всегда. И нелепый — тоже как всегда. Обладая пышными формами, она питала страшную слабость к утягивающим корсетам и глубоким декольте. А также к несуразным шляпкам с перьями и, что самое ужасное, — к ярко-розовому цвету, что, по моему скромному мнению, делало ее похожей на поросенка.

— Инида Трэйндж! — И голос у нее под стать пороссячьему, с извечно проступающими в нем визгливыми нотками. — Где тебя весь вечер носит?! Я же говорила, что у Элеоноры для тебя срочный заказ, который нужно сегодня забрать и доделать к завтрашнему утру!

— Вы говорили, — игнорируя ее тон, спокойно возразила я, — что забрать его нужно завтра, а на исполнение у меня будет целый день.

Тетушка поджала губы и, окинув меня раздраженным взглядом, воскликнула:

— Подумать только, какая наглость! Как будто я не помню, что говорю! Ты же знаешь, что Элеонора — жена начальника твоего дяди. Крайне уважаемая особа! Сегодня же, милочка, се-год-ня же нужно сходить и забрать у нее платье!

Я бросила взгляд на окно, сумерки за которым заметно сгустились. Каких-нибудь полчаса — и окончательно стемнеет.

— Ну, что ты молчишь?! — уперев руки в пухлые бока, вознегодовала свин... в смысле, тетушка Эльза. — Какая неблагодарная! А я всегда говорила, что ничего путного из тебя не вырастет! Мы с Риусом столько сил потратили на твое воспитание, растили как родную дочь, но разве дурную кровь исправишь? Что мать твоя была душой распоследней, что отец...

Крепче сжав поднос и с трудом удерживаясь от того, чтобы не запустить его прямо в опекуншу, я не дала ей продолжить.

— Не смейте *так* говорить о моих родителях, — пристально на нее посмотрела. — *Вообще* не смейте о них говорить.

Наверное, что-то такое отразилось в моем взгляде, потому что опекунша, уже собравшаяся продолжить, резко осеклась. Я привыкла игнорировать выпады в свой адрес, относясь к ним с прохладным спокойствием, что, кажется, бесило тетушку еще больше. Но когда она поминала родителей, это спокойствие в одночасье разлеталось вдребезги.

Опустив поднос на стол, частично расплескав чай, я стремительно прошла в прихожую, сорвала с вешалки легкое пальто и выскользнула за дверь. Прохладный вечерний воздух остудил полыхающие щеки и помог восстановить душевное равновесие. Несмотря на то что стояли последние дни августа, ночи уже были холодными.

Дом, где жила семья начальника дяди, располагался в конце соседнего квартала. Идти до него было не так уж далеко, и я рассудила, что лучше исполнить поручение опекунши, чем провоцировать очередную сцену.

Хорошо освещенная улочка была практически пуста. Здания здесь тесно прижимались друг к другу, окна стоявших друг напротив друга домов находились невероятно близко, что позволяло людям пребывать в полной осведомленности о жизни соседей.

Миновав пару узких улиц, я вышла на более широкую — считающуюся в нашем районе центральной. Во время пути до

нужного дома мне встретились всего пара прохожих да один пронесшийся мимо кеб. Если обитатели богатых районов могли позволить себе специальные защитные артефакты, позволяющие ночью чувствовать себя относительно уверенно, то нам это было недоступно.

Когда я оказалась на месте, дверь мне открыла молодая, прислуживающая в доме девушка. Именно от нее я получила сверток с платьем, подол которого требовалось укоротить, а корсаж — расшить прилегающим в отдельном мешочке золотистым бисером.

Бывать в этом доме прежде мне доводилось лишь единожды. Точнее, бывать в прихожей, дальше которой меня не пускали. Откровенно говоря, чета Бэйрси не слишком-то отличалась от моих опекунов — наверное, поэтому они и ладили.

Как раз в тот момент, когда служанка передавала мне сверток, со второго этажа донеслось громкое:

— Ма-а-ам!

А уже в следующую секунду я лицезрела сбегаящую по ступеням белокурую девушку, чье платье напоминало ворох взбитых сливок.

— Да, дорогая? — произнесла вышедшая из соседней комнаты госпожа Бэйрси.

— А, так ты уже здесь! — игнорируя мать, неожиданно обратилась девушка ко мне. — Наконец-то! Я хочу, чтобы все было идеально, понятно тебе? Бисеринка к бисеринке! И в семь утра платье должно быть у меня!

Соблазн послать ее к риаху был очень велик, как и поинтересоваться, почему она не озаботилась вопросом платья заранее и вообще не обратилась к какой-нибудь именитой портнихе. Но я заставила себя промолчать. Ну выскажу все, что думаю. Ну откажусь выполнять в нереально короткий срок кропотливую работу. Кому от этого будет лучше? Мне, потерявшей кучу нервных клеток во время скандала, который закатит тетушка Эльза? Дядюшке, которого уволят из-за ссоры с начальником?

— Доставлю лично, — усилием воли заставив гордость и праведное негодование замолчать, ровно пообещала я.

Тем более работы все же предстояло меньше, чем я предполагала изначально. Как оказалось, платье нужно расшивать не для Элеоноры, а для ее дочери, которая значительно миниатюрней и тоньше в талии.

Словно прочитав мои мысли, госпожа Бэйрси произнесла:

— Наша Люция на завтрашней Церемонии избрания должна быть на высоте! Не сомневаюсь, Пресветлый остановит свой выбор на моей девочке!

На этот раз мне пришлось проглотить так и рвущийся наружу скептический смешок. Ну да, можно подумать, из всех молодых девушек империи Пресветлый непременно заметит и выберет именно Люцию Бэйрси... Впрочем, мизерный шанс у нее действительно есть. Как и у всех остальных.

— Непременно остановит. — В прихожую неожиданно вышел счастливый отец, в чьем голосе звучала непоколебимая уверенность. — Можете в этом не сомневаться, дорогие мои.

В дальнейший разговор я уже не вслушивалась, терпеливо дожидаясь, когда мне позволят уйти. Но поскольку обо мне благополучно забыли, сама напомнила, что меня ожидает работа, после чего наконец покинула дом.

На мир к этому времени опустилась ночь. Ее — густую и вязкую, абсолютно черную — не могли прогнать даже многочисленные фонари и свет, горящий почти во всех окнах.

Я поспешила домой. Страшно было разве что совсем немного — слишком заняты были мысли предстоящей работой. Теперь придется не спать до самого утра, а потом, отдав злополучный заказ, заняться остальными, которые тоже не терпят отлагательства.

Завтра на улицах будет полным-полно людей, особенно на Центральной площади, дороги к которой частично перекроют. Даже в нашем районе начнется толкотня, поэтому лучше выйти из дому пораньше.

Церемония избрания — одно из главных ежегодных событий, которого многие девушки ждут с замиранием сердца. Именно в этот день у абсолютно любой жительницы империи в возрасте от семнадцати до двадцати двух лет есть шанс поступить в Институт аэллин на факультет ниллэ. Стать личной помощницей аэллины для большинства — заветная, но недостижимая мечта. Аэллинами становятся лишь представительницы аристократии, а ниллэ — тоже аристократки, но помельче или же просто особы, вышедшие из состоятельных семей. Так уж сложилось, что чем выше статус, тем больше искр при рождении получает человек. А наличие искр для

того, чтобы стать аэллиной, — самый главный критерий. С ниллэ все несколько иначе — чаще всего на факультет, где их готовят, поступают по знакомству и благодаря данным кому и когда надо взяткам.

На церемонии же сам Пресветлый дарует шанс одной из жительниц империи изменить свою жизнь. По крайней мере, так говорят. Но я не исключала вероятности того, что и здесь имеют место взятки, а свою волю изъясляет вовсе не Пресветлый, а организаторы этой самой церемонии. Во всяком случае, не было еще ни одного раза на моей памяти, чтобы счастливицей стала какая-нибудь нищая или совсем безродная девушка.

Невольно вспомнив уверенность, с которой господин Бэйрси говорил об избрании своей дочери, я задумалась. Вполне возможно, он как раз обладал нужными связями. Положение их семьи хоть и не слишком высокое, но, кажется, тетушка Эльза как-то упоминала, что какой-то его родственник служит в институте.

Я уже почти дошла до поворота, ведущего на Истарскую улицу, когда царящую вокруг тишину внезапно прорезал гонг. От неожиданности я едва не оступилась и машинально остановилась, слушая повторно разнесшийся, хорошо знакомый звук.

Гонг предупреждал о надвигающейся опасности. Чем больше сигналов — тем сильнее угроза. Самое большое число — три.

Опомнившись, я продолжила путь, практически срываясь на бег. А затем, свернув на Истарскую улицу, заметила озаривший ночное небо свет — пока еще далекий, а потому не слишком яркий.

«Фениксы», — тут же промелькнуло в мыслях.

Не знаю, почему вдруг снова остановилась. Нужно было внять прозвучавшему предупреждению и со всех ног бежать домой, но я, вопреки здравому смыслу, этого не сделала. Правда не знаю, что на меня нашло, только вот руки словно сами собой вцепились в железные прутья пожарной лестницы одного из расположенных рядом домов.

Карабкаться по таким лестницам я умела отлично — сказывалось богатое на подобные авантюры детство. Вот и сейчас подняться наверх не составило никакого труда, несмотря на то что одной рукой я удерживала сверток с платьем.

Уже совсем скоро я стояла на черепичной двускатной крыше, куда меня тянуло, точно магнитом. Прижимая к себе сверток, неотрывно смотрела на золотистый, идущий из другого конца города свет. Он

стремительно приближался, разрастался, прорезал черное небесное море. Казалось, это расстегивается невидимая застежка-молния, разрезая черное полотно и открывая обнаженное, усыпанное звездами небо.

По небу бежало несколько десятков григаннов — огненных крылатых скакунов, на спинах которых сидели они — недостижимые, прекрасные, верхушка аристократии, наши защитники и опора; те, с кем считается сам император. Те, для кого в институте и воспитывают аэллины — их будущих жен.

Я знала, что на них нельзя смотреть, ведь если долго смотреть на горящего феникса, можно ослепнуть. Но оторвать взгляд от поразительной картины не могла.

Через некоторое время золотая процессия оказалась прямо надо мной и тьма вокруг расступилась, уступая дорогу исходящему от них свету. Летели во все стороны огненные искры, звучало залиvistое ржание григаннов, и я, запрокинув голову, не сводила с фениксов взгляда до тех пор, пока глаза не начали слезиться.

На несколько секунд смежив веки, стерла выступившие слезы, а когда снова посмотрела вверх, фениксы были уже далеко. Они мчались все вперед и вперед, побеждая тьму и оставляя за собой мерцающий золотистый шлейф.

— Ну и дуреха ты, Ида, — обругала я себя несколькими мгновениями позже. — Ночь на дворе, дома столько работы ждет, а ты по крышам лазаешь!

Но вопреки логике сердце жило своей собственной жизнью. Потрясенное и замороженное увиденным, билось быстро-быстро, как пойманная, желающая вырваться на свободу птица...

Мое последующее промедление длилось недолго. Я уже развернулась, намереваясь спускаться, как вдруг путь мне преградил высокий темный силуэт. Словно сотканный из мрака, вытянутый, колыхающийся, он имел смутные очертания человека — изломанные и непропорциональные.

Я застыла, буквально пригвожденная к месту всепоглощающим ужасом. Силуэт медленно двигался ко мне, а я не могла ни попятиться, ни сделать хотя бы малейшее движение — тело буквально парализовало. Просто не верилось, что это происходит на самом деле, а не является ночным кошмаром. Порождение тьмы прямо передо

мной, а я — всего лишь беспомощная, одинокая и крохотная фигурка на одной из множества крыш...

Когда порождение приблизилось ко мне на расстояние шага, я опомнилась и, сбросив оцепенение, попыталась отступить. Лестница с этой стороны отсутствовала, но имелась водосточная труба, за которую при должной сноровке можно было зацепиться и съехать вниз.

Понимая, что от моих теперешних действий напрямую зависит, выживу или нет, я подавила страх и заставила себя не паниковать. Мгновения растянулись, приравняв короткие секунды к долгим минутам. Вот я устремляюсь вперед, вот оказываюсь на самом краю крыши, в то время как порождение практически меня настигает. А вот кончик туфли цепляется за черепицу, и я чувствую, как падаю...

«Конец», — успевает промелькнуть в сознании, пока взгляд неотрывно прикован к надвигающейся на меня сотканной из черноты фигуре...

А потом в окутавшую меня ватную тишину внезапно проник приятный мужской голос:

— Закройте глаза.

Я не успела выполнить приказ и увидела окруживший меня яркий свет, одновременно ощутив, что меня подхватили чьи-то горячие руки. А затем заметила мелькнувший совсем рядом силуэт и вспоровший тьму огненный клинок, появившийся словно из ниоткуда. Прозвучало тихое шипение, порождение рассеялось, и я, подняв взгляд, увидела склонившееся ко мне лицо, красивее которого прежде не видела. Подумалось, что меня удерживает настоящий небожитель — озаренный светом, златовласый, со словно бы подсвеченной изнутри кожей и проницательным, каким-то неземным взглядом золотых глаз, он казался плодом воображения.

Время будто застыло. Золотой свет был повсюду, наполнял меня теплым сиянием и, казалось, пронзал саму душу. Я находилась в его объятиях, касаясь крыши лишь кончиками старых туфель, и растворялась в склоняющемся ко мне лице, в свете, в удивительных сияющих глазах...

Неожиданно в груди появилось странное разрастающееся жжение, приведшее меня в себя. Время отмерло, и я, испугавшись, что смотрю на феникса слишком долго, запоздало смежила веки.

— Вы живете в этом доме? — словно издалека донесся до меня вопрос.

Меняхватило лишь на то, чтобы отрицательно покачать головой. Кажется, спасшего меня феникса позвал кто-то из собратьев, но я это восприняла как-то отстраненно — так же, как и последовавший спуск с крыши на григанне. Этот короткий полет прошел для меня будто невероятный, не имеющий ничего общего с реальностью сон.

Я открыла глаза, лишь когда ноги вновь ступили на твердую поверхность. Окружающее феникса пламя превратилось в легкий ореол, позволяющий смотреть на него, не опасаясь потерять зрение. Впрочем, смотреть ему в лицо я все равно больше не решалась.

Феникс протянул мне раскрытую ладонь, и над ней запылал яркий огонек.

— Он защитит и доведет вас до дома, — пояснил мой спаситель. — Следуйте за ним и больше не выходите на улицу этой ночью.

Сказав это, феникс снова запрыгнул на григанна и взмыл ввысь, оставляя за собой мерцающий золотистый шлейф.

— Спасибо... — запоздало выдохнула я в пустоту.

Огонек тем временем полетел в нужном мне направлении, и я, отведя взгляд от неба, поспешила за ним.

Обратный путь совсем не отложился в памяти. Во всех окнах нашего дома горел свет — в ночи, подобные этой, его никто не гасил до самого утра. Опекуны сидели в гостиной, и, кажется, при моем приходе тетушка Эльза что-то у меня спрашивала, но что я ей отвечала — хоть убей, не вспомню.

Относительно пришла в себя, лишь закрыв за собой дверь чердака. Машинально разложила на столе платье, сделала разметку, по которой следовало укоротить подол, взялась за ножницы... и, глубоко вдохнув, приложила руку к груди.

От рождения мне досталась всего одна искра, да и та — очень тусклая. Но сейчас казалось, что внутри полыхает настоящее пламя.

ГЛАВА 2

Нориан

Войдя в пустой, утопающий в полумраке холл, я пересек его, не зажигая свет, и вышел на балкон. Этой ночью прорывы случились не только в столице, но и в паре других городов. Ощущение, что тьма намеренно послала свои порождения нападать на людей накануне предстоящего торжества.

Торжество... за последние столетия это событие превратилось в сплошной фарс. Вся высшая аристократия — тоже сплошной фарс и тщеславие. А воспитывающиеся в институте аэллины — похожие друг на друга куклы. Противно, но таков порядок. Институт — оплот тщательно исполняемых из поколения в поколение традиций.

Лучше бы мне и дальше оставаться в Приграничье. Но когда тьма подступает слишком близко, когда столица как никогда нуждается в защите, выбора не остается. Не остается его и тогда, когда сам император требует, чтобы ты стал преподавать боевую магию в Институте аэллин.

«Будущие спутницы фениксов должны учиться за себя постоять», — слова его императорского величества.

Вот и нарушение традиций. Изнеженным девицам придется изучать искусство магического боя... Риах бы все побрал! Почему на должность преподавателя не могли назначить кого-то другого?!

— Росс! — позвал я, облокотившись о деревянные балконные перила.

Единственный слуга в этом доме пришел незамедлительно. И, заранее зная, что от него потребуют, принес поднос с откупоренной бутылкой и наполненным бокалом.

— Прошу, мой лорд, — со свойственной ему невозмутимостью предложил он.

Взяв бокал, я взболтал содержимое, наблюдая за переливами янтарной жидкости, и залпом его осушил. Поставил опустевший бокал обратно на поднос и вновь устремил взгляд на ночное небо. Отсюда, с высоты тридцати тысяч шейров, Дрейдер казался переплетением

горящих желтых цепей, какими воспринимались вереницы фонарей и горящих окон.

Шумно вдохнув ночной воздух, позволил его свежей прохладе наполнить разгоряченное тело и выпить кипящие эмоции.

Всегда любил это место. Нет, не сами небесные острова с их помпезными замками и резиденциями, где жили выходцы знаменитых домов. А именно этот парящий клочок земли с простым и небольшим двухэтажным домом, находящийся в моей личной собственности. Только сюда мне хотелось вернуться из Приграничья. Только здесь, где можно распробовать холодный ночной воздух и ощутить крепкие объятия прилетающего с гор ветра, я чувствовал себя по-настоящему дома.

— Еще бокал, мой лорд? — все с той же невозмутимостью осведомился Росс.

— Нет, можешь идти.

— Как прикажете, мой лорд, — почтительно кивнул он, но, противореча сам себе, задержался: — Днем прилетал ваш брат.

— Кайл? — Догадаться, о каком из них двоих идет речь, не составило труда. — Значит, он уже знает, что я вернулся.

— Это, полагаю, уже известно всем, — справедливо заметил Росс. — Он просил передать, что отец приглашает вас нанести семье визит.

Я усмехнулся — теперь семья просто приглашает меня с визитом, вернуться в родовое гнездо уже не зовут.

— Налей-ка мне еще, — велел слуге, и когда тот выполнил требуемое, добавил: — Теперь можешь идти.

На сей раз Росс не задержался, и после его ухода я снова залпом выпил «жидкий янтарь», как его называл создатель. Главный имперский винодельческий завод имел в своем штате специалиста, создавшего уникальную формулу, благодаря которой и появился «жидкий янтарь». Крепкий спиртной напиток с примесью сконцентрированных искр. Напиток, позволяющий фениксам быстро восстанавливать утраченные после столкновения с тьмой силы.

Напиток, разработанный специально для одного феникса. Для меня.

Об этом моем изъяне знали только император, моя семья и Росс, которому я доверял как себе. В отличие от братьев, я родился не с

янтарными глазами, а с бесцветными. Прозрачными. Не отражающими внутренний свет. И накапливал силу гораздо медленнее других. Вся ирония заключалась в том, что искр мне от рождения досталось гораздо больше, чем остальным. Из-за такого диссонанса боль стала постоянным спутником, и даже «жидкий янтарь» больше не мог надолго ее притуплять. Только помогал восстанавливаться и скрывал от посторонних несовершенство моих глаз.

Стиснув кулаки, медленно выдохнул, справляясь с расползшейся по телу огненной агонией. К любой боли можно привыкнуть. И научиться с ней сосуществовать. Даже к той, которая не имеет отношения к физической.

Глядя на ночной, освещенный тысячами огней Дрейдер, вдруг вспомнил о глазах, принадлежащих незнакомке с крыши. Они были карими. Теплыми. Я не почувствовал в ней сильных искр, но в этих глазах блестел свет, какой бывает на восходе солнца. Зрительная память никогда не была моей сильной стороной, и я не мог мысленно воспроизвести черты ее ничем не примечательного лица. Но глаза — широко распахнутые, словно вбирающие в себя исходящий от горящего феникса свет и не испытывающие при этом боли, почему-то врезались в память.

В долгой жизни больше минусов, чем плюсов. С течением времени теряется умение удивляться, мало что может искренне восхитить. Утрачивается страх. Все чувства притупляются, и то, что раньше дарило острое наслаждение, больше не способно дать даже толику обычной радости.

Поэтому я и уехал в Приграничье. Там — на границе барьера, где можно увидеть саму тьму, — некоторые чувства возвращаются. Адреналин. Желание сражений. Сожаление и боль утрат, когда те, кто успел стать хотя бы немного дорог, отправляются в иной мир.

Эти чувства были понятными и знакомыми. Привычными.

Но, глядя в широко распахнутые карие глаза, я ощутил нечто иное. Не то давно забытое, не то и вовсе незнакомое...

По телу пробежала очередная болезненная волна, заставившая поморщиться. «Янтарь» делал свое дело — силы восстанавливались, но платой за это становились частые болезненные импульсы. И это тоже было привычным, хорошо знакомым. Только внезапно возникшее

в груди жжение показалось странным. Пожалуй, второй бокал пить не стоило.

Ида

Поспать мне удалось всего час, и состояние после пробуждения было такое, что лучше бы я вообще не ложилась. Разбудил меня, как всегда, Кот, исполняющий возложенную на него миссию получше всякого будильника.

К моему огромному облегчению, доделать платье я успела, и теперь оставалось лишь к назначенному времени доставить его до места назначения. Только вот выходить на улицу после ночных приключений было... нет, страшно — не то определение. А какое «то», и сама не знаю.

Тьма за окном выцвела, и, хотя мир еще находился во власти утренних сумерек, угрозы они не представляли.

Вопреки обыкновению, тетушка Эльза уже поднялась, заняв ванную. Дядюшка Риус, у которого сегодня был выходной, расположился в гостиной, где почитывал газету. Как правило, завтрак готовила я, но сейчас как никогда захотелось наплевать на эту обязанность. Я и наплевала — если тетушка хочет, чтобы я доставила заказ вовремя, значит, пусть варит утренний кофе сама.

Проходя мимо того самого дома, на крыше которого вчера чуть не стала жертвой порождения тьмы, я на миг остановилась. Если столкновение с порождением еще как-то укладывалось в моей чугунной после бессонной ночи голове, то встреча с фениксом по-прежнему казалась плодом воображения. Соберись я убедить себя в ее нереальности — и стараться бы не пришлось.

У Бэйрси царила суматоха. Едва переступив порог, я словно оказалась в сумасшедшем доме, наполненном криками и бесконечной суетой. На сей раз меня проводили в комнату хозяйской дочки, где я вместе со служанкой и наблюдавшей за происходящим Элеонорой помогла Люции надеть платье.

Надо признать, выглядела она в нем и впрямь красивой. Характер у Люции был откровенно скверный, а вот с внешностью повезло — одни густые светлые волосы чего стоили. А платье нежно-

карамельного оттенка с россыпью золотистых, сотворенных моими руками узоров и вовсе превратило ее в красавицу.

Долго я не задерживалась. Получив причитающуюся оплату, которая, благодаря тому, что моя работа пришлась заказчицам по душе, даже превысила оговоренную, я ушла. Настроение существенно повысилось, и вместо того, чтобы идти домой, я решила наведаться в центр. Поскольку выручка вышла, по моим меркам, приличной, можно было расщедриться на покупку набора шелковых ниток, который я давно мечтала приобрести. Как раз для одного из нынешних незаконченных заказов пригодится.

Я ожидала, что в такую рань людей в городе будет еще не слишком много, но ошиблась. Улицы наводняли толпы. Все стекались к Центральной площади, желая занять лучшие места для обзора.

Но главным сюрпризом для меня стало столкновение с опекунами. Завидев меня, тетушка Эльза бесцеремонно распихала локтями разделяющих нас горожан и, оказавшись рядом, клещом впиалась мне в предплечье.

— Ида, как хорошо, что мы встретились, — ласковым голосом, за которым я без труда угадала злость, пропела она.

Да, на людях она предпочитала вести себя со мной именно так — играя роль любящей и заботливой тетушки. В городе у нее имелось немало приятельниц, любящих посплетничать не меньше, чем она сама, поэтому опекунша всячески старалась продемонстрировать царящую в нашей «семье» идиллию. Конечно, сплетни все равно ходили, в основном благодаря тонким стенам в нашем доме, но тетушку Эльзу это не смущало.

Приходить на Церемонию избрания всей семьей было в Дрейдере такой же традицией, как печь по воскресеньям шоколадное печенье. В прошлом году мне удалось отсидеться дома, а на этот раз, видимо, все-таки придется потерпеть общество родственничков.

Сама церемония всякий раз назначалась на час дня. Но уже сейчас на всех улицах и, разумеется, на Центральной площади, царил атмосфера праздника. Повсюду стояли лотки, где продавали то самое, всеми любимое шоколадное печенье, разноцветные сахарные леденцы и ароматные пирожные. Двери всех кафе и ресторанчиков были гостеприимно распахнуты, приглашая всех желающих отведать вкусные угощения, ароматы которых наводняли улицы. Работали и

летние площадки, где уже сейчас не оставалось ни одного свободного места.

Но чем ближе мы подходили к центру, тем явственнее атмосфера веселья сменялась торжественностью. Повсюду трепетали на ветру золотые флаги с гербом нашей империи, на зданиях красовались украшения в виде заключенных под тонкое стекло огней, добавляющих и без того солнечному дню еще больше света. Кое-где стояли карусели, на которых катались не только дети, но и молодые девушки, и даже парни. Карусели и впрямь были чудесными — их золотистые купола буквально горели под солнечными лучами, а вместо традиционных лошадок любителей покататься везли миниатюрные григанны. Когда я их увидела, сердце пропустило удар. Показалось, что в груди снова стало жарко, хотя жжение прекратилось несколько часов назад.

Главная сцена представляла собой огромный павильон со стеклянной куполообразной крышей. Именно туда в назначенный час выйдут служители главного храма, чтобы назвать имя счастливой избранницы.

Шелковые нитки я все-таки купила. Пока опекуны, повстречав своих знакомых, отвлеклись на разговор, я зашла в швейную лавку и успела приобрести желаемое. Настроение тут же поднялось еще больше, и я уже предвкушала, как буду использовать свое новое приобретение. Хотела потихоньку незамеченной ускользнуть домой, но на выходе из лавки была снова поймана тетушкой Эльзой, которая обладала не только хваткой клеща, но и взором ястреба. А вдобавок — напором завидевшего добычу непробиваемого риаха, благодаря чему родственница без особого труда принялась прокладывать путь к сцене. Надо ли говорить, что народу там было не протолкнуться?

Но, как вскоре оказалось, дядюшке за хорошую службу дали билеты на сидячие места. Конечно, самые отдаленные, но все-таки это было неожиданно и удивительно.

— Премного благодарствую, господин Бэйрси, — заискивающе поклонился он своему начальнику, сидящему на ряд впереди.

Тот удостоил его лишь короткого кивка и вновь устремил взгляд в сторону сцены. Из мельком услышанных разговоров окружающих я поняла, что все ближайшие места занимали работники ведомства, где служил дядя. Надо сказать, работником он был неплохим и за

последние годы сумел существенно продвинуться вверх по карьерной лестнице.

На сцене уже шло представление, где один номер плавно сменял другой. Но наблюдать за ними мешала тетушка Эльза, которая, перекрикивая шум, пыталась льстить чете Бэйрси в целом и Люции в частности. Уже спустя минут пять я с трудом подавляла зевки не только из-за бессонной ночи, но и из-за восхваляемых достоинств Люции. Она сама явно воспринимала их как должное, светилась от самодовольства, но до ответов не снисходила. Помимо этого, и она, и ее родители вели себя так, словно в самом деле нисколько не сомневались в исходе церемонии. Неужели господину Бэйрси и впрямь удалось через родственника получить место в институте для любимой дочурки?

Когда торжественно зазвучали фанфары и вдоль сцены вспыхнули столбы ярких искр, публика взорвалась громкими овациями. Абсолютно все присутствующие от мала до велика обратили взоры на выходящих на сцену храмовников, облаченных в длинные белоснежные одежды. Позади, оставаясь практически незаметными, выстроились стражи, надевшие сегодня парадные мундиры — белые, с золотыми, поблескивающими на свету пуговицами и нашивками.

Сегодня особый день. День, когда согласно древним преданиям родился первый феникс. Он появился из пепла. Пепла, который остался после уничтожения Прежнего мира самой тьмой. Тогда пали целые империи, некогда величественные города обратились в руины. Те немногие, кому удалось уцелеть, были убиты горем и обречены на скорую смерть. Мир захлебнулся в слезах и крови. Наступила вечная беззвездная ночь.

И тогда появился он — феникс. Единственный луч света и последняя надежда. Он родился на руинах империи Артоган — той, что пала последней. И когда огненные крылья вспороли воздух, рассыпая искры, когда в черное небо стремительно взмыл пылающий силуэт, беспроглядная ночь расступилась перед ним.

Феникс облетел весь Артоган и еще две соседние империи, возведя вокруг них прочный сияющий купол, внутри которого не было места абсолютной тьме. А те люди, что оказались внутри и наблюдали за этим чудом, стали первыми носителями искр. Именно на них осыпались частицы света, срывающиеся с огненных крыльев.

Потребовалось немало лет, чтобы оказавшиеся под защитой страны возродились. Не существовало более разрозненных государств, лишь единая империя, надежное убежище всего человеческого рода — Артоган. Со временем действие купола начало ослабевать, и по ночам тьма порой проникала внутрь. Но благодаря фениксам ее удавалось сдерживать и по сей день.

Именно об этом рассказывал главный храмовник, чей голос разносился не только по Центральной площади, но и по всей столице. Горожане, затаив дыхание, вслушивались в каждое звучащее слово, хотя эта речь в точности повторялась из года в год. Предание нашего общего прошлого мы все знали наизусть, впитывая его с самого детства.

Церемония тоже обычно шла по хорошо отработанному сценарию, разве что изменялись концертные номера. Вот и сейчас, пока главный храмовник держал речь, его подручные зажигали огни, которые воспаряли в воздух и зависали над сценой.

— Прояви уважение, — больно впившись мне в запястье, прошипела Эльза, заметив, что я слушаю вполуха и периодически смотрю по сторонам. — Смотри на сцену, дрянная ты девчонка.

— А то что? — Я намеренно не стала понижать голос, из-за чего к нам на миг обратились взгляды соседей.

В частности, к нам обернулась госпожа Бэйрси, недовольно сморщившая свой курносый нос, что заставило тетушку еще сильнее стиснуть мою руку и расплыться в извиняющейся улыбке.

И в этом вся Эльза — заискивает перед теми, кто сильнее, и старается выглядеть перед ними лучше, чем есть на самом деле, в то же время пытаясь отыгаться на тех, кто хоть как-то от нее зависит.

— Сегодня поистине особый день, — тем временем продолжал разноситься по площади голос главного храмовника. — Сам Пресветлый дарует молодой девушке шанс кардинально изменить свою жизнь, став ниллэ. Это огромная честь, но и такая же огромная ответственность. Ниллэ полагается помогать своей госпоже справляться с возложенной на нее миссией, ведь быть аэллиной — не только привилегия, но и огромный труд. Все мы знаем, кому обязаны своими жизнями. Знаем, какую тяжелую работу выполняют наши защитники, наша опора, элита нашей могущественной империи. Носители большого количества искр — фениксы.

Я снова украдкой зевнула. Нет, уважение и благодарность к фениксам, разумеется, испытывала, но спать хотелось очень. А звучащая высокопарная речь как нельзя лучше исполняла роль снотворного.

— Избранная Пресветлым девушка будет принята в Институт аэллин на факультет ниллэ, где пройдет двухлетнее обучение, которое спонсирует корона, — сказав это, храмовник наконец провозгласил: — Да свершится высшая воля!

Когда он взял в руки золотую чашу, все голоса моментально смолкли. Показалось, стих даже ветер, перестав терзать развешенные всюду флаги и зеленую листву. Даже я перестала зевать и невольно замерла.

Нет, я никогда не верила, что в один из таких моментов прозвучит мое имя. Разве что в далеком детстве, еще до гибели родителей иногда позволяла себе об этом мечтать. Помню, как мы приходили на эту самую площадь и, стоя в отдалении, внимательно слушали звучащую речь. Папа сажал меня себе на плечи, и я смотрела на творящуюся на сцене магию. Тогда испытывала чистое детское восхищение и представляла, как однажды, когда вырасту, я взойду на эту сцену и мне будет рукоплескать толпа.

Потом родителей не стало. И Церемония избрания, которую я любила, прежде всего как наш семейный праздник, стала для меня тяжелой повинностью, которую просто нужно отбыть. Казалось, что вместе с гибелью родителей от меня откололась и моя собственная часть — та, которая, будучи маленькой девочкой, восхищалась торжеством, глядя на мир с надежных папиных плеч...

Теперь же перспектива стать ниллэ и вовсе казалась мне не слишком привлекательной. Никто никогда не говорит, чем именно занимаются эти выпускницы института. Только о великой чести и ответственности. И что-то мне подсказывает, в роли ниллэ существует немало подводных камней.

Хотя нельзя не признать, что это действительно шанс кардинально изменить жизнь. Избавиться от влияния опекунов, стать причастной к высшему обществу, достичь тех высот, о которых простая городская девчонка не может даже помыслить.

Все эти мысли стремглав пронеслись в моей голове, пока храмовник, прикрыв глаза, молча возносил молитву. Тишина казалась

такой вязкой, что ее можно было черпать большими ложками, она наполняла каждую частицу воздуха, обволакивала всех собравшихся ватным коконом и предшествовала ликованию, которое наступит, когда будет произнесено заветное имя.

Всего одно имя... Чьи-то разбившиеся надежды. Чья-то осуществившаяся, казалось бы, несбыточная мечта.

Всего одно имя. Год за годом, церемония за церемонией. Империя замирает в ожидании — даже в самых отдаленных ее уголках, куда новости доходят с запозданием, живет надежда.

Люция, кажется, вообще перестала дышать. Я видела, какой напряженной стала ее идеально ровная спина. Видела и то, как мать слегка приобняла ее за плечи, а отец стиснул кулаки. Они верили в успех, но вместе с тем прекрасно понимали, что может произойти всякое. Что счастливицей может стать более родовитая или богатая девушка — дочь более влиятельных родителей. И все же...

Я за всех сейчас умираю
И только прошу: не забудь,
Как отчаянно ты обещал мне
Для нас все однажды вернуть.

Пришедшие на ум строчки вызвали привычное желание их записать, но под рукой не было ничего подходящего.

Внезапно в чашу, словно из ниоткуда, хлынул столб яркого света. Он — чистый, золотистый, словно состоял из мелких крупинок, похожих на волшебную пыльцу. А уже в следующую секунду из чаши выпорхнул небольшой листок, который храмовник тут же взял в руки.

Ты только меня, прошу, помни,
А как время придет — узнай,
Из тысячи чьих-то взглядов
Мой любящий взгляд отгадай...

— Сейчас, моя девочка, — словно издалека донесся до меня взволнованный шепот госпожи Бэйрси, обращающейся к дочери. — Это будет твой триумф...

Последние секунды, наполненные томительным ожиданием, — и наступил долгожданный момент. Храмовник развернул листок и приблизил к лицу.

— В этом году Пресветлый оказал свою милость девушке по имени...

Он почему-то запнулся, и во время ненадолго повисшей паузы среди зрителей пронесся удивленный шепоток. Из-за промедления все пребывали в замешательстве, ведь никогда прежде такого не случалось. Главный храмовник, судя по всему, находился в таком же замешательстве, и удивление в голосе ему скрыть не удалось.

— Инида Трэйндж, — с долей растерянности озвучил он через несколько мгновений.

Я подумала, что ослышалась. Наверное, поэтому не было ни подскочившего сердца, ни участившегося пульса, ни желания немедленно упасть в обморок. Я знала, что это ошибка, потому что такого просто не могло быть...

Но вот на меня в немом потрясении уставилась тетушка Эльза, кажется, впервые за все время напрочь лишившаяся дара речи; вот таким же взглядом в меня вперился дядя. Потрясенное семейство Бэйрси, как по команде обернувшееся ко мне. В голубых глазах Люции — потрясение и неверие, постепенно сменяющиеся яростью, ненавистью... завистью.

— Идочка. — Тетушка Эльза медленно привстала с места. — О моя дорогая...

Если бы не накрывшее меня абсолютное оцепенение, я бы рассмеялась. «Идочкой» она меня не называла даже ради того, чтобы произвести благоприятное впечатление на посторонних, и от такого обращения ощущение нереальности происходящего усилилось.

А уже в следующий момент такой же столп света, какой недавно лился в чашу, внезапно опустился на меня, привлекая ко мне уже всеобщее внимание. Кожу левого запястья слегка закололо, и я, опустив глаза, увидела, как на нем появляется рисунок изящного золотого браслета.

— Инида Трэйндж находится среди присутствующих! — провозгласил главный храмовник, чей голос доносился до меня словно из-за ватной стены. — Дитя мое, прошу, поднимись к нам на сцену!

«Это какая-то ошибка, — продолжало вертеться у меня в мыслях. — Я же просто Ида. Ида Трэйндж. В моей жизни не может произойти такой невероятной случайности. Я ведь невезучая...»

Тем не менее именно я, а не кто-то другой, словно во сне, шла между заполненных рядов. Именно я, не чувствуя ног, продвигалась все ближе и ближе к освещенной огнями и солнцем сцене, с которой на меня взирали храмовники. И именно ко мне обращались взгляды всех присутствующих на Центральной площади, желающие рассмотреть ту обычную девушку, которой так необычайно повезло.

В какой-то момент к ощущению абсолютной нереальности происходящего добавилось чувство, что я вернулась в свое далекое беззаботное детство. Будто стала той восхищенной, сидящей на плечах паны девочкой, мечта которой внезапно сбылась.

Я еще не осознавала свалившегося на меня... счастья? Удачи? Трудностей? Чем бы это ни было, я пребывала в слишком глубоком потрясении, чтобы все осмыслить и принять.

— Она ведь некрасивая, — прозвучало в окружающей меня какофонии звуков.

— Простая замарашка...

— А я ее знаю, она ушивала юбку для моей сестры...

— Ты только посмотри на это платье...

— А на туфли!

Что бы ни говорили злые языки, именно эти самые туфли сейчас поднимались по ведущим на сцену ступеням. И надеты они были на той самой простой замарашке, которая не обладала особой красотой. Нет, уродиной меня не назвать, но и постороннему взгляду в моей внешности зацепиться не за что. Я не обладала ни выдающимися женственными формами, ни светлым, никогда не выходящим из моды цветом волос, ни правильными чертами лица. Но никогда не переживала по этому поводу и уж точно не завидовала таким, как Люция, — к кому природа оказалась более щедра.

Несмотря ни на что, я любила себя — такую, какая есть. Хотя правильнее сказать, не любила, а принимала. Принимала вместе с худощавой фигурой, темно-русыми волосами, в которых имелась невесть от кого передавшаяся рыжинка, и несколькими испещрившими лицо «ямками» — последствиями перенесенной в детстве болезни.

Наверное поэтому, а еще потому, что пребывала в ощущении абсолютной нереальности, я и не обращала внимания на доносящиеся мне в спину высказывания. В конце концов, если такие высказывания доносятся мне в спину — значит, я впереди.

ГЛАВА 3

Следующие минуты еще больше напоминали сон. Стоя на сцене, я слушала говорящего храмовника, смотрела на заполонившую площадь толпу, но слышала лишь глухое биение собственного сердца. К счастью, мне держать речь не пришлось, только стоять и радостно улыбаться... хотя, подозреваю, в моем случае улыбка выглядела неестественной и больше растерянной, чем радостной.

Понятия не имею, сколько времени прошло перед тем, как меня увели со сцены и проводили в небольшой, но пышно обставленный шатер. Здесь установили резную белую мебель, стол, на котором возвышались блюда со сладостями и фруктами, на полу расстелили ворсистый ковер — тоже белый.

— Садитесь, — пригласил мой сопровождающий, указав на одно из кресел.

Только заняв предложенное место, я наконец относительно пришла в себя и смогла его рассмотреть. Это был молодой мужчина, светлые волосы которого были собраны в низкий короткий хвост. На нем был надет светлый же костюм, а черты привлекательного лица почему-то показались смутно знакомыми.

— Вам необходимо дождаться прихода леди Нейль, — сообщил он. — Она является деканом факультета ниллэ и лично проинструктирует вас относительно ваших дальнейших действий. Угощения в вашем распоряжении. Желаете чаю или кофе?

— Чаю, пожалуйста.

Мой голос прозвучал на удивление спокойно. Наверное, сказывался богатый опыт общения с тетушкой. А вот в голосе сопровождающего за подчеркнутой вежливостью я угадала пренебрежение, приправленное толикой недоумения. Похоже, не только главный храмовник удивился исходу сегодняшней церемонии.

Леди Нейль пришлось ждать больше часа. Зато к ее приходу я успела успокоиться, привести в порядок мысли и осмыслить то, что еще утром не могла себе даже представить. И все же вероятность, что была допущена ошибка, я не исключала. Не зря же на лицах тех, кто имел отношение к церемонии, читалось удивление. Быть может, выбор

был сделан заранее, — естественно, не в мою пользу, — а потом что-то пошло не так.

— Инида Трэйндж, — в какой-то момент прозвучал у входа в шатер сдержанный женский голос.

Поспешно поднявшись и обернувшись, я наткнулась на цепкий взгляд слегка прищуренных глаз. Передо мной стояла леди — такая, какую представляешь себе, когда слышишь само слово «леди». С идеальной осанкой, безупречным внешним видом и безукоризненным умением себя держать. Вместе с тем от нее веяло холодом — не буквально, конечно, а на каком-то другом, нематериальном уровне.

— Вам следовало бы присесть, — с тем же ощутимым холодком в голосе заметила леди.

Подумав, что совершила оплошность, вскочив на ноги, я снова опустилась на диван.

— Присесть в реверансе, — не сводя с меня пробирающего до дрожи взгляда, отчеканила леди Нейль.

Смутившись, я вновь поднялась и изобразила неумелый поклон. После прозвучавшего замечания и взгляда, который за ним последовал, стало понятно, что доброго отношения от леди Нейль ждать не стоит.

— Гай, проследи, чтобы ближайшие полчаса нас не беспокоили, — велела она, обратившись к моему недавнему сопровождающему.

Тот коротко кивнул, а я невольно задумалась, напрягая память.

Гай, Гай... точно! Кажется, так звали того самого родственника госпожи Бэйрси, который работал в Институте аэлин. Вот почему мне показалось знакомым его лицо — несмотря на дальнее родство, они с Люцией были похожи.

Весь наш последующий разговор с леди Нейль можно было охарактеризовать так: она спрашивала — я отвечала, она рассказывала — я слушала. Мне были заданы вопросы о моей семье, количестве искр, образовании и увлечениях. Эта леди обладала такой энергетикой, что под ее гипнотизирующим взглядом хотелось выложить все как на духу. Я и рассказала обо всем без утайки — скрывать мне все равно было нечего. Единственное, о чем умолчала, — о своей склонности время от времени писать стихи. Это не было увлечением, скорее непреодолимой потребностью, которая являлась слишком личной, чтобы с кем-то этим делиться.

Леди Нейль, в свою очередь, кратко поведала о моем предстоящем обучении. В большей степени она говорила о тех вещах, которые мне необходимо приобрести для учебы. И чем больше я слушала, тем явственнее понимала, что в институте стану белой вороной, поскольку не могла себе позволить практически ничего из перечисленного. Я не смогла заставить себя признаться в нехватке средств открыто, но весьма недвусмысленно намекнула, что не имею возможности приобрести все.

— Значит, заменяйте дорогие предметы дешевыми, — бесстрастно отозвалась та. — Корона спонсирует ваше обучение, но мелкие расходы вы должны обеспечить себе сами. Вам будут бесплатно выданы форма и учебники; прочие принадлежности, которые я перечислила, приобретаете самостоятельно. В первый день осени вам необходимо прибыть в институт заблаговременно. В восемь утра вас будет ждать доктор для проведения обязательного осмотра. После вам выдадут вещи и заселят в комнату жилого корпуса. У вас будет время переодеться, после чего Гай проведет вас на традиционную церемонию, посвященную первому дню обучения.

«Опять церемония», — промелькнуло в мыслях.

Почему-то одно это слово теперь заставляло меня невольно вздрагивать.

Когда мне были выданы все необходимые инструкции и леди Нейль сообщила, что больше меня не задерживает, я решила прояснить для себя самый главный, не дающий мне покоя вопрос.

— Могу я спросить? — произнесла, прежде чем уйти.

Мне благосклонно кивнули.

— Во время церемонии я заметила, что все были... удивлены, когда прозвучало мое имя. Могла ли произойти ошибка?

Я отдавала себе отчет, что вопрос задала скользкий. Отвечая на него, леди могла косвенно подтвердить, что все места на факультете ниллэ, — в том числе и то, которое распределяется во время церемонии, — куплены заранее.

Чего я не ожидала, так это того, что леди Нейль ответит мне прямо, даже не пытаясь скрыть правду хотя бы ради приличия.

— Вы ведь понимаете, как все происходит, — не меняя тона, спокойно произнесла она. — В чудеса верят либо дети, либо глупцы. Вряд ли Пресветлому есть дело до того, кто станет обучаться на

факультете ниллэ. На вашем месте сегодня должна была оказаться Люция Бэйрси. Сейчас проходит разбирательство того, что произошло. Но даже если по чьей-то халатности была допущена ошибка, вы уже приняты в институт. Право обучаться у вас никто не отнимет.

Дав мне время осмыслить сказанное, леди Нейль добавила:

— На мой взгляд, даже хорошо, что все вышло именно так. Бедная сирота из низов, поступившая на факультет ниллэ, — отличный повод воспрянуть духом для широкой общественности. В нынешние беспокойные времена это как никогда важно.

Не требовалось пояснять, что она подразумевала под «беспокойными временами». С каждым годом прорывы случались все чаще, а ночи становились длиннее. Семимильными шагами надвигалась осень, день сокращался, но дело было не только в этом. Просто тьма подступала все ближе, находила в защитном барьере лазейки и сеяла страх в людских сердцах. В связи с этим любое радостное событие ценилось еще больше.

— Надеюсь, не нужно предупреждать, что обсуждать с кем бы то ни было последнюю часть нашего разговора не следует? — выразительно приподняв тонкую бровь, задала риторический вопрос леди Нейль.

Риторический вопрос на то и риторический, что ответа на него не требуется. Поэтому я только кивнула.

— И, к слову, — добавила она напоследок, — девушке вашего положения наладить отношения с однокурсницами, возможно, будет сложно. Мой вам совет: не вступайте ни с кем в конфликты и сосредоточьтесь на учебе. Вы получили редкий шанс. Не упустите его.

Повторно кивнув, я попрощалась, снова изобразив некое подобие реверанса, и покинула шатер. Разговор оставил противоречивые ощущения, как и сама леди Нейль. Но в одном она была права: раз уж мне выпал один шанс на миллион, я вцеплюсь в него хваткой тетушки Эльзы и сделаю все, чтобы преуспеть.

Последние дни лета промелькнули как одно мгновение. Доделав все заказы, я обошла несколько небольших магазинчиков, где купила все, что мне могло понадобиться для учебы. Как и посоветовала леди Нейль, дорогостоящие тетради с тисненой бумагой и самопишущие перья заменила на дешевые аналоги, как и некоторые другие вещи.

Самым забавным в эти дни мне казалась резкая перемена в отношении опекунов. Тетушка Эльза буквально из кожи вон лезла, чтобы продемонстрировать свою любовь и заботу, что не вызывало у меня ничего, кроме тщательно скрываемой улыбки. Сразу после моего возвращения домой в день церемонии у нас на кухне был накрыт стол, к которому меня впервые за десять лет пригласили. Если бы не вкусные пирожные, купленные тетужкой в хорошей пекарне, я бы, наверное, не выдержала ее трескотни и ушла на чердак.

Понимая, в каком положении я теперь оказалась, опекуны всячески старались вызвать мое расположение. Ну не смешно ли, после стольких-то лет?

Первый день осени начался для меня засветло, а когда солнечные лучи коснулись столицы, я готовилась отправиться навстречу своей новой жизни. Все немногочисленные вещи были заранее сложены в старый чемоданчик, приютившийся у двери. Сегодня я надела свое лучшее платье — простого кроя, но из добротной желтой ткани. Его я сшила к своему прошлому дню рождения, решив, что хотя бы один раз за долгие годы могу сделать себе подарок. С того времени повода его надеть не представлялось, а теперь это платье пришлось очень кстати.

Из напольного зеркала в потертой деревянной раме на меня смотрела девушка, в глазах которой отражались одновременно и страх, и решительность — такой вот парадокс. Выгоревшие за лето и оттого еще больше порыжевшие волосы я собрала в низкий хвост, перевязав его желтой лентой. Тетушка Эльза расщедрилась мне на новые туфли и даже чулки. И теперь, одетая в обновки, я казалась себе почти что принцессой. Смешно, конечно, но я и правда никогда не видела себя такой.

Прежде чем уйти, обвела прощальным взглядом чердак — неизвестно, когда сюда вернусь. Пусть крыша временами подтекала, а зимой, находясь здесь, я куталась в несколько одеял, но все равно любила эту комнатку. Здесь было мое маленькое царство, наполненное стрекотанием швейной машинки и окутанное рассеянным светом, приникающим сквозь небольшое чердачное окно.

— Пока, толстяк. — Я сгребла Кота в охапку и уткнулась носом в его пушистую рыжую шерсть.

Избалованным гурманом он, конечно, не был и толстым казался исключительно благодаря пушистости.

— Мя-а-ау, — протянул Кот с такой вселенской печалью, словно в самом деле понимал, что нам предстоит надолго расстаться.

— Забрала бы тебя с собой, да только кто тебя в институт пустит? — вздохнула я. — Надеюсь, тетушка будет тебя кормить. А если и не будет, все равно не пропадешь. Ты же у меня такой славный охотник!

На этот раз Кот мяукнул снисходительно — мол, конечно, хозяйка, само собой.

Выходя из дома, я знала, что только по этому комку шерсти и буду скучать. Как притащила его — грязного, изможденного котенка, найденного в подворотне, — домой, когда мне было шесть, так с тех пор к нему и прикипела. И даже тот факт, что именно от него в то время подцепила заразу, наградившую меня ненавистными ямками на лице, моей любви к нему ничуть не умалял.

Опекуны сподобились проводить меня до самой остановки, где я села в омнибус. Такой способ передвижения был самым дешевым, поскольку вместо лошадей омнибус тащили кокрэны — этакие большие черные куры. Черный цвет у нас никогда не жаловали и старались его избегать везде где только можно. Но все попытки вывести кокрэнов другой масти заканчивались полным провалом. Куры, пусть даже большие, — существа, может, и глупые, но крайне упертые. Как были черными, так ими и оставались.

Институт аэллин поражал своей красотой еще издали. Трясаясь в омнибусе и периодически задерживая дыхание из-за сидящего рядом, источающего «потрясающий» аромат мужичка, я смотрела в небольшое окошко, за которым виднелись приближающиеся золотые башни. Именно они — высокие, сложенные из ныне дорогого, отливающего золотом камня, первыми бросались в глаза. На высоких шпилях развевались флаги с огненно-золотой птицей — символом института, который одновременно являлся и общим знаком самих фениксов. Институт располагался на возвышенности, попасть внутрь можно было, либо поднявшись по одной из ведущих к нему дорог, либо по воздуху — верхом на григаннах или в запряженной ими же карете.

Остановка омнибуса располагалась у подножия, так что наверх мне пришлось топтать на своих двоих.

Крутая, мощенная крупным светлым камнем дорога поднималась до самых институтских ворот — кованых, изящных, тоже отливающих золотом. По обеим сторонам росли высокие шелковичные деревья, чьи кроны, создавая тень, частично укрывали от жаркого солнца. Рядом с ними были выстроены разнообразные магазинчики, иногда встречались небольшие кофейни. Время в запасе у меня еще имелось, поэтому я шла неторопливо, с интересом все рассматривая.

Ворота института бесшумно распахнулись, едва я к ним приблизилась. А когда в них входила, узорный браслет на моей руке едва заметно засветился — видимо, он являлся своего рода пропуском на территорию.

Вблизи институт производил впечатление еще большее, чем издали. Он напоминал настоящий золотой замок, чьи башни, казалось, могли достать до самих небесных островов. Здесь имелось несколько корпусов, в которых с непривычки можно было с легкостью запутаться, если бы леди Нейль подробно не объяснила, где располагается врачебное крыло.

Идя по просторным, наполненным светом и позолотой коридорам, я с трудом заставляла себя сохранять рот закрытым. Челюсть так и норовила отвалиться от вида окружающей роскоши и красоты. Особой любви к шику я никогда не испытывала, больше ценя простоту и уют, но здешние интерьеры никого не могли оставить равнодушным.

Во врачебном крыле обстановка несколько изменилась, утратив изрядную часть помпезности. Здесь было все так же много света, а вот позолоты — меньше.

Приемная, куда я пришла, была пуста, а ведущая в кабинет доктора дверь — приоткрыта. Немного помявшись, я осторожно постучала и, получив разрешение, вошла.

Кабинет оказался просторным, с большими окнами, из которых открывался вид на сад. Сюда доносилось журчание фонтанов, которое могло бы подействовать на меня успокаивающе... если бы не вид сидящего за столом доктора.

Я ожидала увидеть умудренного жизнью человека средних лет, может даже, пожилого. Но никак не молодого мужчину с насмешливыми, слегка прищуренными глазами, который своей внешностью почти не уступал фениксам. Я даже растерялась. Но не из-за того, что доктор оказался молодым и красивым, а из-за его

взгляда, неспешно по мне скользящего. Так доктора на пациенток не смотрят... это непрофессионально, в конце концов!

— Мисс Трэйндж, — в отличие от взгляда, его голос никаких эмоций не выражал, как и лицо. Указав на стоящую в углу ширму, он велел: — Прошу вас снять все украшения, обувь, чулки и платье. Если есть корсет — его снимайте тоже. Если сами не справитесь со шнуровкой платья, можете позвать, я помогу.

Вместо того чтобы идти за ширму, я оставалась стоять на месте, почему-то не в состоянии сделать и шага. В последний раз меня осматривал доктор еще в детстве. Потом, если подхватывала простуду, я лечилась сама. А в школе нас толком не обследовали, подписывая документы о хорошем здоровье чисто формально. Идя сюда, я толком не знала, какой осмотр мне предстоит, но нисколько об этом не переживала.

Сейчас же от одной только мысли о том, что мне нужно снять платье и предстать в таком виде перед этим... доктором, щеки начали предательски гореть.

— Мисс Трэйндж, — раздраженный промедлением, поторопил меня доктор. — Если вы задались целью изображать фонарный столб — мои поздравления, у вас отлично получается.

Сбросив оцепенение, я заставила себя двинуться в сторону ширмы. Несмотря на продолжающие пылать щеки, распрямила плечи и постаралась идти уверенно... что было бы гораздо проще, не прожигай мне между лопаток дыру один насмешливый взгляд.

Спокойно, Ида, спокойно. Нужно просто собраться и перестать так глупо нервничать.

Из украшений на мне была только перевязывающая волосы лента, которую я сняла первой. Затем разулась и аккуратно пристроила туфли у стены. Немного поколебавшись, стянула чулки.

— Так вам помочь с платьем? — внезапно донеслось до меня.

Показалось, что за вежливым вопросом скрывается все та же насмешливость и какой-то интерес, не имеющий ничего общего с врачебной этикой. Или мне все это и впрямь кажется?

— Спасибо, справлюсь сама.

За спокойный тон, которым это сказала, я была готова себе поаплодировать.

Повесив платье на вешалку, переступила босыми ногами по гладкому паркету и, еще немного помедлив, вышла из-за ширмы. Окажись доктор таким, как я ожидала, — сейчас не испытывала бы никаких неудобств. Да и при таком докторе не смущалась бы настолько, если бы не проклятое ощущение, что он воспринимает меня не как пациентку.

— Может, у меня паранойя?

Пока я раздевалась, он поднялся с кресла и теперь стоял с другой стороны стола.

— Подойдите, мисс Трэйндж, — велели мне, не сводя с меня откровенно изучающего взгляда. — И поторопитесь, если не желаете опоздать в свой первый учебный день.

Я повиновалась, остановившись в шаге от него.

— Нет, так не годится, — глядя на мои ноги, вздохнул он.

Не успела я опомниться, как ко мне приблизились вплотную и подхватили на руки.

— Вы что делаете?! — от возмущения пополам с изумлением я не смогла даже закричать и вопрос буквально просипела.

Поставив меня на мягкий ковер и не спеша убирать руки с моей талии, доктор ответил:

— Пол прохладный, ты можешь заболеть. А я, как доктор, не могу этого допустить.

Я была так ошарашена его действиями и поведением, что не обратила внимания, как он перешел на «ты».

— С чего же нам начать осмотр? — Теплые пальцы скользнули по моей шее. — Может, с этого? — мазнули по ключице. — Или с этого?

Он как будто забавлялся, следя за моей реакцией. Глядя в нахальные глаза, я почему-то не могла отвести взгляд. Они словно гипнотизировали, внутри рождалось ощущение, что они могут заставить сделать все что угодно... Но это ведь невозможно?

А потом мне вдруг показалось, что в них мелькнули блики жидкого золота.

Я хотела сбросить его руку, а то и вовсе вклепить пощечину, но все, что могла — это только неподвижно стоять, смотря на него, как кролик на удава. Проклятье!

— Кхм-кхм, — неожиданно раздалось у двери хрипловатое покашливание.

Отвлечшись, доктор отвел взгляд, и странное оцепенение меня покинуло. Прерывисто вздохнув, я тоже посмотрела в сторону входа и увидела стоящего в дверном проеме... еще одного доктора. По крайней мере, белый халат на нем был точно такой же, как и на том, кто стоял около меня.

— Я вам не мешаю? — сложив руки на груди, саркастично осведомился мужчина.

Запоздало отступив от доктора номер один, я обхватила себя руками. Щеки запылали с новой силой, и, судя по ощущениям, к ним присоединилась шея.

Пришедший мужчина выглядел грубоватым — коренастого телосложения, с крупным горбатым носом и жесткими темными волосами, слегка тронутыми сединой. Тем не менее в настоящий момент он виделся мне куда менее опасным, чем стоящий около меня. У него, по крайней мере, взгляд был хоть и ироничный, но добрый.

Доктор номер один расплылся в улыбке.

— Поспи ты лишних пару минут, я бы возражать не стал.

— Всего пару минут? — пристально на меня посмотрев, доктор номер два выразительно приподнял бровь. — Странно, что ты так популярен у женщин.

— А ты не завидуй.

— Какого риаха, Кайл? — оторвавшись от дверного косяка, он подошел ближе. — Кажется, я просил не вламываться в мой кабинет в мое отсутствие.

— Я не вламывался. У тебя очень милая и сговорчивая помощница, которая сегодня утром любезно отдала мне ключ... и не только ключ, впрочем...

— Избавь меня от подробностей, — отмахнулся доктор номер два. — И от своего присутствия тоже избавь, сделай милость.

— Не будь занудой. Мне просто было любопытно взглянуть на особу, наделавшую такой переполох.

Пока происходил этот разговор, я делала выводы. Точнее, один самый главный вывод: доктор номер один — никакой не доктор! А просто... просто хам, нахал, непроходимый наглец и еще куча нелестных бранных определений!

Ну почему я не поняла этого раньше?

— Девушка, можете одеться, — наконец внимание настоящего доктора снова обратилось ко мне. — Уровень современной медицины позволяет пациенту не раздеваться при осмотре.

Я буквально задохнулась от возмущения и обратила на «кучу нелестных бранных определений» негодующий взгляд, на что тот ответил мне гаденькой ухмылкой. Все эти эпитеты так и крутились на языке, но одевание стало для меня первостепенным. Круто развернувшись, я стремительно скрылась за ширмой и, стора от стыда, принялась надевать платье.

ГЛАВА 4

Когда я вновь вышла из-за ширмы, светловолосого наглеца в кабинете уже не было. Доктор, представившийся господином Шайном, пригласил меня присесть, а затем перешел непосредственно к осмотру. На мое удивление, он не задавал никаких вопросов. Как вскоре выяснилось, карта со всеми имеющимися на меня данными уже лежала у него на столе. Во время самого осмотра я не испытывала ничего, кроме легкого тепла, исходящего от ладоней доктора, которыми он водил над моей головой. Затем он брал меня за запястья, заставлял подниматься и снова садиться, клал руки мне на плечи и касался затылка. Все эти действия заняли всего минут десять, после чего он сел за стол и, раскрыв карту, некоторое время ее изучал.

— Здесь сказано, что у вас всего одна искра, — подняв на меня глаза, произнес господин Шайн. — И та слабо выраженная. Все верно?

— Да, — подтвердила я.

— В таком случае вынужден констатировать, что в центре, где вас проверяли на уровень искр, работают крайне некомпетентные специалисты.

Я несколько напряглась:

— Что вы имеете в виду?

— У вас две вполне ярких искры. Я бы даже сказал, они почти «абсолютные», как мы называем искры, обладающие чистым ярким свечением.

— Но этого не может быть. — Такой факт не желал укладываться в голове. — Вы не можете ошибаться?

— Милочка, — в тоне доктора звучала снисходительность, — ошибиться могли неучи, которые осматривают детей из простых семей спустя рукава. Это, к сожалению, встречается сплошь и рядом. Заключение, сделанное относительно вас, было неверным, и я вам по-человечески сочувствую. С двумя искрами ребенок может претендовать на обучение в школе с магическим уклоном. Но вы учились в обычной, ведь так?

Переваривая неожиданную информацию, я медленно кивнула. Это действительно обидно — прожить столько лет, думая, что не

обладаешь необходимым количеством искр, чтобы иметь возможность получить хорошее образование и высокооплачиваемую работу.

Так уж устроено наше общество — чем больше искр, тем больше возможностей устроить свою жизнь.

Да, это и впрямь обидно... было бы, не будь я уверена, что никакой ошибки при моем первом осмотре не было. У меня и впрямь имелась всего одна тусклая искра. Потому что случайно ошибиться можно один раз, но не два.

Во второй раз мою искру проверял доктор во время той самой, наградившей меня ямками болезни. Тогда мне было очень плохо, температуру сбить не удавалось, и доктор использовал мой крошечный магический запас для того, чтобы побороть инфекцию. Он знал, что у меня одна искра, и, если бы обнаружил обратное, сказал бы об этом родителям.

— Скажите, доктор, — немного неуверенно проронила я, — а бывают случаи, когда количество искр изменяется? Когда число, данное человеку от рождения, увеличивается?

Опустив подбородок на сцепленные в замок руки, доктор усмехнулся:

— Нет, милочка, такого не бывает, это противоречило бы всем законам природы. Количество искр может меняться только у фениксов — да и то не увеличиваться, а уменьшаться, когда феникс выгорает. И такие случаи единичны. Насколько мне известно, за все время существования Артогана их было зафиксировано всего два. Так что не забивайте голову ерундой. Как я уже сказал, при вашем первом обследовании была допущена ошибка, вот и все.

Спорить я не стала. Быть может, он и прав. Да и не важно это все... Совсем скоро мне нужно быть в главном зале — вот что сейчас по-настоящему важно!

Когда доктор меня отпустил, прежде чем уйти, я рискнула задать еще один вопрос:

— Простите, вы... не могли бы сказать, кто сегодня прикинулся вами?

Господин Шайн мгновенно посерьезнел и, внимательно глядя мне в лицо, предостерег:

— Держитесь от него подальше. Его зовут Кайл Снэш. Думаю, не стоит пояснять, чем знаменит дом, выходцем которого он является?

Не сиди я, наверное, ноги бы подкосились. Возникло желание нервно рассмеяться — ведь я сразу подумала, что он похож на феникса. А он и есть феникс! Происходящий из одного из сильнейших домов, славящийся своим непростым характером и тянущимся за ним шлейфом разбитых женских сердец.

Пресветлый, помоги! Неужели это и впрямь был он?!

— Привыкайте, мисс Трэйндж, — правильно поняв мое состояние, хмыкнул доктор. — Теперь вы часто будете видеть фениксов. И напоминаю, что более я вас не задерживаю.

Из кабинета я выходила на негнущихся ногах. Внутри словно натянулась тугая струна, только тронь — зазвенит. Но мое состояние уже не было вызвано растерянностью или смущением, нет. Только возмущением из-за испытанного унижения! Пресыщенный жизнью, привыкший получать все, что пожелает, он смотрел на меня как на забавную зверушку. Даже тот факт, что он феникс, один из первых защитников империи, не мог пересилить моей к нему антипатии.

Пока феникс не начинал светиться, его можно было принять за обычного человека. Светлые волосы разных оттенков, светло-карие или ореховые глаза зачастую встречаются и среди людей, поэтому я и не поняла сразу, кто передо мной. А ведь золотистые блики в глазах заметила, могла бы и догадаться...

В приемной, где уже сидела симпатичная девушка, — видимо, та самая помощница доктора, — меня дождался Гай. Сегодня на нем был светло-коричневый костюм дворецкого, делающий его облик более строгим. Пока он провожал меня до моей новой комнаты, я невольно вспоминала свою недавнюю встречу с фениксом на крыше.

Тот феникс был совсем другим... каким-то более настоящим и человечным, при всем своем неземном облике. Теперь, вспомнив о нем, я подумала, что они с Кайлом Снэшем внешне чем-то похожи. Интересно, а все фениксы немного похожи между собой?

За такими размышлениями я не заметила, как мы преодолели очередной длинный коридор и перед нами распахнулась светлая дверь, украшенная ажурной позолоченной резьбой. Войдя в нее, мы оказались в очень просторной гостиной, где стояли несколько мягких уголков, обитых кремовым бархатом, изящные столики, напольные вазы с красивыми цветочными композициями и обнаружился большой

камин. Под высоким потолком висела хрустальная люстра, на которой даже сейчас сияло множество огней.

— Это гостиная факультета ниллэ, — сообщил Гай. — Как вы видите, отсюда ведет лестница на этаж выше, там располагаются комнаты второкурсниц. Комнаты первокурсниц, в том числе ваша, находятся на этом уровне. Ванная — своя на каждом этаже, жить будете с одной соседкой. Ваш браслет позволяет входить в любые помещения, кроме запрещенных, — подробнее об этом вам расскажут на собрании. Ну и кроме чужих комнат, разумеется. Для того чтобы попасть к соседкам, нужно получить их приглашение, иначе защита вас не пропустит.

Проводив меня до двери под номером одиннадцать, он распахнул ее, пропустил меня вперед, а затем внес в комнату мой чемодан.

— Ваша кровать слева, в шкафу рядом уже висит форма, постельное белье найдете в тумбочке. Переодевайтесь и через полчаса отправляйтесь в зал церемоний.

Только я открыла рот, намереваясь спросить, как мне его найти, как Гай пояснил:

— Следуйте за проводником. Первое время такой есть у всех первокурсниц.

Откуда вдруг возник небольшой огонек, похожий на тот, что создал спасший меня феникс, я так и не поняла. Что ж, по крайней мере, заблудиться мне не грозило.

Когда дворецкий ушел, я с интересом осмотрелась, приглядываясь к своему новому дому. По правде говоря, идя сюда, побаивалась, что комната окажется больше похожей на музей, которым хочется любоваться, но в котором не слишком уютно жить. Но опасения не оправдались.

Комната была в меру просторной, с двумя полуторными кроватями вдоль стен. Здесь тоже имелся камин, у которого стояла пара кресел и был расстелен мягкий ковер. Пара письменных столов, за которыми можно заниматься, прилагалась, как и пара шкафов. В целом интерьер хоть и напоминал тот, что присутствовал во всем институте, все же был менее помпезным.

Форменное платье оказалось простого строгого покроя и сшито было из добротной светлой ткани. Эта ткань слегка мерцала на свету и была очень приятной на ощупь. Помимо платья мне предоставили

белье, ночную сорочку и теплую мантию. Порадовавшись тому, что все мы будем одеты одинаково и я не буду выделяться, быстро переоделась и заново причесала волосы.

Еще успела разложить часть вещей, прежде чем стрелки часов подсказали, что пора идти на церемонию. Огонек-проводник терпеливо дожидался меня у двери и, когда я вышла в коридор, полетел вперед, уверенно указывая путь.

Я почти покинула корпус ниллэ, когда до меня донеслось раздраженное восклицание:

— Мама, прекрати! Или я в окно выпрыгну, клянусь Пресветлым!

— Не надо так кричать! — противореча себе, женщина тоже говорила на повышенных тонах, визгливость которых напомнила мне тетюшку Эльзу. — Помоги мне свет, ну почему ты уродилась такой упертой? Мне ведь таких трудов стоило достать для тебя этот осветлитель...

— Да не нужен он мне! Хватит уже издеваться над моими волосами, все равно никакие осветлители их не берут! И езжай домой, мама, я из-за тебя опаздываю!

— А вот если бы слушалась меня во всем, вела себя как подобает и красила волосы, была бы на факультет аэллин зачислена, а не каких-то там прислужниц...

— Мама!!! — Кажется, терпение у кого-то было на исходе.

Дойдя до угла, за которым происходил спор, я заколебалась, стоит ли выдавать свое присутствие, но в следующий миг решительно шагнула вперед. Стоять на месте было глупо, да и опаздывать, как и незнакомка, я не хотела.

Когда я свернула за угол, моему взгляду предстала богато одетая дама средних лет и черноволосая девушка — примерно моя ровесница, на щеках которой играл румянец, заметный даже на ее смуглой коже.

При моем появлении внимание обеих направилось на меня, и я, чтобы не показаться невежливой, поприветствовала:

— Светлого дня.

— Светлого, — отозвалась дама.

Девушка же нервно повела плечами и, не говоря больше ни слова, устремилась в ту сторону, откуда пришла я. Все ее пять далеко не маленьких и туго набитых чемоданов полетели следом, подхваченные едва заметными маленькими искрами.

В зал я пришла одной из первых. Ведущая в него высокая двустворчатая дверь, больше похожая на врата, была широко распахнута. Из зала доносились голоса, негромкая спокойная музыка и такой же негромкий смех. Прежде чем войти, я на миг замерла, унимая быстро забившееся сердце, расправила плечи, приподняла подбородок и перешагнула порог.

Пресветлый, как же здесь все-таки красиво...

По периметру всего помещения возвышались вазы с букетами живых цветов, источающих приятный свежий аромат. От множества кристаллов на люстрах преломлялся свет, проникающий сквозь большие арочные окна. Глянцевый светлый пол отражал золотистую лепнину высокого потолка и изящные, мастерски написанные фрески... Но долго интерьер я не рассматривала, увидев тройку стоящих неподалеку девиц. Все они были одеты точно так же, как я, за исключением обуви и украшений. Заметив меня, они прошлись по мне беглыми, но оценивающими взглядами.

Идя сюда, я собиралась действовать по ситуации и сейчас решила сохранять нейтралитет. Пытаться присоединиться к их компании и познакомиться не стала, встав на некотором от них расстоянии.

Вскоре зал начал стремительно наполняться девушками. Кто-то — в основном второкурсницы — приходили парами и небольшими группками. От первокурсниц их отличали небольшие золотые броши, приколотые на груди. Те, кто только поступил, входили в зал по одной, но, в отличие от меня, многие друг друга знали. И неудивительно! Они ведь с детства вращаются в одних кругах.

Аэллины пришли позже. Все курсы одновременно буквально вплыли в зал, являя собой настоящую вереницу красоты, затмившую и заполнившую все пространство. Их одежда немногим отличалась от нашей, но то, как эти девушки себя держали, с каким достоинством шли, выдавало в них настоящих воспитанниц факультета аэллин. Кроме того, если среди ниллэ встречалось немного действительно красивых девушек, то аэллины были как на подбор. Все как одна светловолосые, с правильными чертами лица и стройными фигурами.

Я мысленно усмехнулась, вспомнив, как этим утром, надев желтое платье, ощущала себя принцессой. В сравнении с ними меня можно легко назвать дурнушкой.

Далее мы все как-то постепенно выстроились в стройные ряды: аэллины — в одной части зала, ниллэ — в другой. Поблизости от себя я внезапно заметила девушку, с которой столкнулась в коридоре; она до сих пор хмурилась.

Последними в зал вошли преподаватели, деканы, среди которых была леди Нейль, и директриса леди Лейдаль — высокая худощавая женщина, возраст которой не поддавался определению.

Из приветственной речи я уяснила для себя несколько важных моментов. Во-первых, сроки обучения. Аэллины учились в институте четыре года. В течение третьего курса каждая из них выбирала себе ниллэ из первокурсниц, которые в совокупности обучались всего два года. Таким образом, аэллины и ее ниллэ выпускались одновременно.

Во-вторых, запреты. Всем воспитанницам института запрещалось — дословно: «вести себя недостойно леди». То есть сквернословить, провоцировать скандалы и участвовать в них, прогуливать занятия без уважительных причин и все в том же духе. Также запрещалось подниматься в Северную башню учебного корпуса — почему, директриса не объяснила.

Прочие запреты касались в основном ниллэ. Нам было нельзя первыми обращаться к аэллинам, без приглашения приходить в их корпус, досаждать им каким бы то ни было образом. Нельзя заговаривать с фениксами, часто посещающими институт и проводимые в нем балы, смотреть на фениксов и едва ли дышать в их присутствии. И прочие, прочие «нельзя», которым, казалось, не было конца.

В-третьих, смирение и сдержанность — кредо ниллэ. А если ее выбрала аэллины — к смирению и сдержанности добавляется преданность.

О том, чему именно меня станут обучать и к какой роли в последующем готовить, я пока не понимала. Директриса, леди Лейдаль, говорила об учебе в целом, не останавливаясь ни на чем конкретном.

— Ну а теперь перейдем к главной новости, которая, уверена, удивит всех, — продолжила леди Лейдаль. — С этого года в нашем институте вводится новый предмет, посещение которого обязательно как для аэллинов, так и для ниллэ. Обучаться вы будете вместе.

Ряды вышколенных аэллин все же поколебало возмущение — как же так, обучаться вместе теми, кто априори ниже статусом!

Не успели они переварить такую информацию, как директриса снова ошарашила:

— Поприветствуйте нашего нового преподавателя. Лорда Нориана Снэша!

После таких слов зал наполнился изумленными вздохами и восклицаниями. Но не успел никто в полной мере осмыслить такую потрясающую во всех отношениях новость, как в зал вошел названный феникс собственной персоной.

Я еще успела вспомнить недавний разговор соседок, где они обсуждали возвращение Нориана Снэша в столицу; в мыслях промелькнула недавняя встреча с его братом, а потом я вместе со всеми обернулась и... пропала.

Подумалось, что я брежу. Что идущий меж рядов воспитанниц феникс — всего лишь плод моего воспалившегося сознания. Что наша первая встреча на крыше дома — просто далекий, не имеющий ничего общего с реальностью сон...

Его чеканный шаг прорезал воцарившуюся в зале тишину, лицо казалось бесстрастным. Сейчас он не горел, но льющийся из окон свет окружал его фигуру ярким ореолом, отчего светлые волосы отливали золотом, а белый костюм мерцал.

— Добро пожаловать, лорд Снэш, — с любезной улыбкой приветствовала директриса, когда он встал рядом с ней. — Не хотите ли рассказать молодым леди о том, чему будете их обучать?

— Боевой магии, — лаконично отозвался новый преподаватель.

Изумление захлестнуло присутствующих в третий раз. Перешептывания взбудораженных девушек прервала директриса, а когда они стихли, лорд Снэш пояснил:

— Это инициатива императора и, должен признать, необходимая мера. Не хочу никого пугать, но все вы и без меня знаете, что каждую ночь тьма подбирается все ближе. Прорывы случаются чаще, дни укорачиваются. Вам необходимо научиться себя защищать. В каждой из вас есть искры — у кого-то больше, у кого-то меньше, но они есть. Значит, все вы сумеете достичь успехов в обучении боевой магии, если будете стараться и прикладывать максимум усилий.

— Но, лорд Снэш, — внезапно подала голос одна из аэллин, — разве фениксы не защитят нас? Разве они не защитят всю империю, как делали это столетиями?

На лице лорда не дрогнул ни единый мускул, но я уловила в его интонации едва заметную толику раздражения:

— Разумеется. Но в жизни случается всякое. Мир не ограничивается стенами этого института или хорошо охраняемым домом. Окажись вы один на один с порождением тьмы, что станете делать? Махать перед ним веером?

— Но вероятность этого, конечно, крайне мала, — поспешила вставить леди Лейдаль.

— Конечно, — подтвердил с легкой усмешкой феникс.

Снимая возникшее напряжение, директриса подытожила:

— Итак, дорогие воспитанницы, с завтрашнего дня в расписании старших курсов аэллин и обоих курсов ниллэ появится боевая магия. Также следует упомянуть, что запрет для ниллэ на разговоры с фениксами не распространяется на лорда Снэша. Разумеется, к нему как к преподавателю вы можете в рамках занятий обращаться с вопросами.

Лучше бы она этого не говорила. Лучше бы в отношении этого феникса действовало недоступное «нельзя». Может, тогда бы мне было проще заставить себя не смотреть на него во все глаза, не вспоминать, не ощущать, словно наяву, горячие ладони на своей спине. Не видеть расплавленного золота, плещущегося на дне пронизательных глаз... Пресветлый, помоги! Почему из всех фениксов на эту должность назначили именно его? Почему из всех девушек империи билет в новую жизнь получила я?

Какая поразительная случайность...

— А теперь я приглашаю первокурсниц получить свои броши, являющиеся неотъемлемым символом нашего института и обозначающие принадлежность к нему, — произнесла леди Лейдаль. — Начнем с аэллин.

Следующие долгие минуты прошли словно мимо меня. Одно имя сменялось другим, девушки по очереди подходили к директрисе, и та под взглядами деканов и преподавателей прикалывала к их платьям золотые броши. После аэллин шли взволнованные ниллэ, приседающие в безупречном реверансе, получив свой знак отличия.

И свет кругом, и песня льется,
Улыбки, танцы, пузырьки вина,
И сердце очень быстро бьется,
Жизнь новая теперь дана...

Замечательно! Только назойливых стихов мне сейчас не хватало...
— Инида Трэйндж!

Говорят, в нашем мире есть сомнамбулы — люди, чрезмерно подверженные влиянию ночи и приходящей с ней тьмы. Засыпая, они выбираются из постелей и, не помня себя, лазают по крышам, бродят по улицам, получая в это время необычную, никем не изученную силу. Такая особенность в нашей империи — настоящее проклятие.

Так вот, сейчас, подходя к леди Лейдаль, я чувствовала себя именно такой сомнамбулой. Изо всех сил старалась не смотреть на Нориана Снэша, не поворачивать к нему головы, даже не думать о нем, забыть о его присутствии. Но когда тонкие пальцы директрисы начали прикалывать к моей груди брошь, когда ее губы негромко проговорили: «Поздравляю», — когда за спиной пополз шепоток о том, что я — та самая избранная с церемонии, мне вдруг стало нечем дышать. Потому что хоть я не смотрела, не поворачивала головы и старалась не думать, все равно ощутила прикованный к себе взгляд.

Взгляд, осязаемый буквально физически, легко различимый среди остальных. Неотрывный, внимательный, будто проникающий в самую мою душу.

И я не сдержалась. Машинально присев в реверансе, посмотрела на феникса в ответ. Немыслимая дерзость — смотреть ему в лицо... прямо в глаза.

К счастью, в нелепое положение я себя не поставила, сумев вовремя сбросить оцепенение, поблагодарить леди Лейдаль и вернуться на место.

Далее в руках каждой из нас появились свитки с расписанием занятий, копии которых к этому времени также разместили и в гостиных факультетов. Затем директриса выразила надежду, что мы станем достойными воспитанницами института, и пригласила всех пройти в смежный зал, где были накрыты праздничные столы.

ГЛАВА 5

Нориан

Сидя за преподавательским столом, я не мог избавиться от ощущения, что оказался в оранжерее. Оранжерее, наполненной приторными запахами похожих друг на друга цветов. Розы. Да, все они были розами — и аэллины, и ниллэ. Выращенные в тепле и заботе, никогда не покидавшие безопасных теплиц. Все, кроме одной.

Эти глаза я узнал сразу.

Жизнь слишком часто преподносила мне сюрпризы, и уже мало что было способно меня удивить. Но кто бы мог подумать, что та встреча на крыше, отчего-то прочно въевшаяся в память, будет не единственной?

В последние дни все только и говорили, что о допущенной на Церемонии избрания ошибке. Инида Трэйндж сильно озадачила организаторов, храмовников и прочих причастных. Пока шло разбирательство и искали виновников, выдвигались самые разные версии случившегося. Находились даже те, кто верил в проявление высшей воли. Смешно. Пресветлый уже давно не заглядывал в наш мир, иначе тьма не подобралась бы настолько близко, а фениксы не утратили бы с годами половину сил.

Отпив прохладный ягодный отвар, — алкоголь в институте не подавали даже по праздникам, — незаметно посмотрел на виновницу переполоха. Даже одетая в институтскую форму, она неуловимо отличалась от остальных. Сидела с краю стола, особняком. Судя по тому, на какое расстояние отодвинулись от нее однокурсницы, ей придется нелегко. Ни декан факультета ниллэ, ни леди Лейдаль и пальцем не пошевелят, чтобы помочь. Напыщенные и самовлюбленные, помешанные на чистоте высокой крови. Как и многие аристократы, они смотрят на людей из низших слоев как на грязь. Само появление невысокородной девушки в институте — оскорбление для них. Лицемерки. Внеси ее родственники круглую сумму в фонд, они бы закрыли глаза на низкое происхождение.

На первом же занятии нужно дать понять им всем — классовое неравенство в боевой магии ничего не значит. Мне плевать, аэллины они или ниллэ, условия будут для всех одинаковыми. И если уж моя участь — преподавать им боевую магию, то жалеть никого не буду. Для их же блага.

Приступ пришел как всегда внезапно. Свет перед глазами на несколько долгих мгновений померк, грудь сдавило железными тисками, стало трудно дышать. Пальцы непроизвольно сдавили бокал с такой силой, что тот едва не треснул.

Риах!

— Лорд Снэш? — из-за плотного марева донесся до меня голос леди Лейдаль. — С вами все в порядке?

Привычка сделала свое дело, и голос не дрогнул:

— Прошу прощения. Я ненадолго отлучусь.

Не хватало воздуха и света, хотя и того и другого в институте имелось сполна. Вышел в коридор, ослабил ворот, но, не почувствовав облегчения, направился к лестнице.

Спуститься на первый этаж, выйти в сад, вдохнуть чистый, не сдерживаемый каменными стенами воздух. Хлебнуть солнечного света — хотя бы его, раз уж фляга с «жидким янтарем» внезапно оказалась пуста. Слишком частыми стали приступы. Я знал, что «янтарем» не следует злоупотреблять, — могут появиться последствия.

Оказавшись в саду, остановился около белокаменного фонтана и, ничего не видя перед собой, зачерпнул холодной воды. Плеснул в лицо и, замерев, шумно выдохнул. Спустя несколько минут боль притупилась. Не ушла полностью, но, по крайней мере, стала терпимой. Раньше я бы назвал ее сильной, но все познается в сравнении, и в последнее время боль такой интенсивности я практически не замечал.

Запрокинув голову, посмотрел на небо. Где-то в вышине неспешно плыли небесные острова, частично скрытые набегающими с запада плотными облаками.

Первый день осени. Скоро начнется сезон нескончаемой хмари и проливных дождей, крадущих драгоценные часы светового дня. Даже этот замок с его высокими светлыми башнями и избытком позолоты утонет в хмурой серости.

Так погрузился в себя, что не услышал звука приближающихся шагов.

— Лорд Снэш, — прозвучало за моей спиной.

Вернувшись к реальности, медленно обернулся. На садовой дорожке в паре шагов от меня стояла аэллина. Леди Вивьер, младшая дочь первого советника императора, которую мне представили на приеме, прошедшем в императорском дворце пару дней назад.

— Леди, — приветственно кивнул я.

— Простите, если нарушила ваше уединение. — Она потупилась, чтобы через мгновение снова взглянуть на меня исподлобья. — Вы так скоро нас покинули...

— Учитывая мою новую должность, вскоре вы сами будете рады избавиться от моего общества, — позволил себе сдержанно усмехнуться.

Аэллина так же сдержанно изогнула выразительные губы в улыбке:

— Вряд ли это возможно, лорд Снэш. Ваше общество для меня столь приятно, что я готова находиться в нем вечно...

«Да что ты знаешь о вечности?» — хотелось спросить мне.

Мне казалось, что за долгое время отсутствия в столице я успел отвыкнуть от светского общения, вынужденной вежливости и утомляющих расшаркиваний. Но последние дни показали, что вдалбливаемые с детства правила поведения в высшем обществе до сих пор не забыты.

Аделина была привлекательна. Даже красива. Богатая наследница, чья семья занимала высокое положение. Лучшая на третьем курсе, как мне уже успели рассказать, — в будущем может стать идеальной женой, способной произвести на свет феникса. И пока еще свободна.

— Леди Вивьер, — решил прояснить все сразу. — Я — ваш преподаватель по боевой магии, и отношения учителя и ученицы — единственные, которые между нами возможны.

Видимо, частично навыки все же утратил. Сказал резче, чем хотел. Но лучше так, чем давать повод для напрасных надежд.

— Я вам совсем не нравлюсь? — Ее зеленые глаза распахнулись чуть шире, на щеках появился хорошо отрепетированный румянец.

Притихшая было боль совсем некстати о себе напомнила. Пришлось приложить немало усилий, чтобы сохранить вежливо-

отстраненное выражение лица и не дать раздражению выплеснуться на ни в чем не повинную девушку.

— Вы прекрасны. Но я не намереваюсь жениться в ближайшие несколько лет. Уверен, многие фениксы будут счастливы завладеть вашим вниманием. Не стоит тратить свое время на меня.

Разочарование отразилось на ее лице лишь у а краткий миг. После чего Аделина снова надела извечную, скрывающую истинные чувства маску.

— Надеюсь, вы еще измените свое решение, — присев в реверансе, произнесла она. — Настоящая семья и чистый детский смех так необходимы нам в эти беспокойные времена.

Завуалированный смысл ее слов я оценил. В нашем доме женился только Рэйн, но его жена все никак не могла забеременеть. Уже сколько лет меня пытались склонить к женитьбе все — от отца и матери до императора. Сейчас все только и говорили о необходимости появления у фениксов наследников. И Аделина об этом прекрасно знала. Пусть на ее лице была неизменная маска, взгляд говорил, что так просто отступить она не намерена.

Наивная.

Как она ушла, я не видел, внезапно заметив фигуру, стоящую на балконе второго этажа. Солнце подсвечивало русые волосы, подчеркивая прячущуюся в них рыжину. Ветер развевал выбившиеся из прически пряди.

Лицо недавней незнакомки с крыши, а ныне — Иниды Трэйндж, было обращено ко мне. Обнаружив, что я ее заметил, она резко отступила и уже в следующую секунду скрылась из поля зрения.

Внутри шевельнулось какое-то странное, необъяснимое беспокойство. Риах знает, почему она в который раз привлекла мое внимание. Следующая догадка заставила взглянуть на ситуацию под другим углом. Одна встреча — случайность. Две — совпадение. Три — уже закономерность. Может, и первая никакой случайностью не была? Так же, как и ошибка на Церемонии избрания.

Институт аэллин всегда был неприкосновенным. Проникнуть на его территорию посторонним, не имеющим специального допуска, невозможно. Что, если кто-то намеренно помог Иниде Трэйндж сюда попасть?

В последнее время в империи сильна не только внешняя угроза, но и внутренняя. Об этом не распространяются, информация строго охраняется, но среди жителей Артогана появляются те, кто хочет впустить тьму под купол. Некоторые из пойманных под пытками дознавателей признавались, что та сулила им небывалую силу и власть. Каким образом она с ними говорила, как это происходило, до сих пор оставалось непонятным. Кто-то поддерживал эту безумную идею, пребывая в здравом уме. Но большинство словно бы повреждались рассудком. Последних стали называть одержимыми. А самое ужасное — несколько месяцев назад появились слухи о том, что идею возможного союза с тьмой стали поддерживать некоторые влиятельные особы. Не только простые чиновники, но и сильные маги, всегда завидующие фениксам. Но, если кто-то из им подобных вознамерился пробраться в институт, проще было завербовать девушку, уже поступившую на факультет ниллэ, чтобы не привлекать лишнего внимания.

Как бы то ни было, к мисс Трэйндж необходимо присмотреться внимательнее. Досконально изучить ее биографию тоже не будет лишним. В ней тьмы сейчас нет, иначе защита бы попросту ее не пропустила... но, пожалуй, проверить это, чтобы знать наверняка, все же стоит.

Ида

Праздничный пир длился долго. Так долго, что я уже смотреть не могла на всевозможные вкусности, которыми были заставлены столы. Но никто из ниллэ не уходил, а приковывать внимание к своей персоне, которая и так в последнее время постоянно находилась под прицелом множества взглядов, не хотелось.

Когда девушки стали потихоньку подниматься со своих мест, чтобы потанцевать или просто прогуляться по залу, я наконец вздохнула с облегчением. Выйти на балкон — и то казалось счастьем... и надо же было решить подышать свежим воздухом как раз в тот момент, когда прямо под окнами стоял Нориан Снэш!

Когда он покидал зал, мне показалось, что ему нездоровится. Понятия не имею, болят ли фениксы в принципе, но конкретно этот сейчас выглядел неважно. Не физически, нет... скорее на каком-то

другом, не распознаваемом обычным взглядом уровне. Впрочем, когда к нему подошла какая-то аэллина, лорду Снэшу явно стало лучше. Мне бы уйти, чтобы не нарушать в первый же день установленные запреты, но ноги словно вросли в пол. Мне не был слышен происходящий внизу разговор, но они улыбались друг другу, и я невольно залюбовалась обоими. Прекрасные сами по себе, вместе они словно еще больше подчеркивали красоту друг друга... Интересно, на каком курсе учится эта аэллина? Выбрал ли ее уже какой-нибудь феникс? Мысль о том, что, возможно, этим самым фениксом является лорд Снэш, почему-то вызвала странную щемящую грусть.

Пресветлый, Ида! О чем ты думаешь? Еще не хватало влюбиться в одного из сильнейших фениксов империи! Мы и виделись-то всего два раза...

Я никогда не была склонна строить иллюзии и тешить себя напрасными надеждами. И излишней романтичностью не страдала. Вот и сейчас прекрасно понимала, что, поселись в моем сердце хотя бы малейшая искорка чувств к любому фениксу, ничем, кроме боли и слез, для меня это не кончится. Поэтому, пока не поздно, нужно перестать думать о всяких глупостях и сосредоточиться исключительно на учебе. А для начала — уйти с балкона.

Как это обычно бывает, по закону подлости именно в тот момент, когда я собралась последовать принятому решению, Нориан Снэш меня заметил.

Снова эти глаза...

Спохватившись, я резко отпрянула от перил и покинула балкон.

Вечером, когда Дрейдер окутали сумерки, ниллэ стали постепенно стекаться в гостиную факультета. Я некоторое время провела за разборкой своих немногочисленных вещей, а потом просто бродила по замку, стараясь не попадаться никому на глаза. Одиночество меня не тяготило. Как-то так сложилось, что настоящими друзьями я не обзавелась, а с парой приятельниц виделась не слишком часто.

Путь до всех комнат пролегал через общую гостиную, еще не войдя в которую, я услышала звучащий в ней смех.

— Кокрэн! — выкрикнул кто-то. — Ну точно, самый настоящий кокрэн!

— Да как ты смеешь? — возмущенно воскликнула девушка, которой, видимо, адресовалось оскорбление. — Мой отец —

знаменитый лорд Найрес!

Ей в ответ дружно засмеялись.

— Что ж твой папочка на факультет аэллин тебя не пристроил? Бракованная, да?

— Заткнитесь! — в голосе прозвучали рычащие нотки, в следующий миг сменившиеся бесстрастностью: — Хотя мне глубоко на вас плевать. Даже исключительно по доброте душевной дам совет: почаще сцеживайте яд, а то сами же им и отравитесь.

— Фу, мерзкий кокрэн, иди возить кареты! — Совет «сцеживать яд» был незамедлительно приведен в исполнение.

— А, нет, — теперь бесстрастность сменилась насмешкой. — Скорее, вы не от яда сдохнете, а от собственной недалекости.

Как раз на этих словах я вошла в гостиную и тут же обнаружила, что они принадлежат той самой черноволосой девушке, которая сегодня ругалась с мамой.

«Алекса», — услужливо подсказала память имя, прозвучавшее на сегодняшней церемонии.

Она сидела в кресле у камина, на соседних расположились еще несколько ниллэ; некоторые заняли диваны и даже устроились на разбросанных по полу подушках. Если бы не царящая в гостиной атмосфера, можно было бы сказать, что сейчас здесь стало уютней, чем было утром.

Мельком скользнув взглядом по присутствующим, я про себя отметила, что почти все из них первокурсницы — память на лица у меня тоже была хорошей.

— О! — естественно, мой приход не остался незамеченным. — А вот и наша бедная родственница! Как тебя там?

Судя по взгляду говорившей, исследовавшему меня с головы до пят, она пыталась придумать мне «остроумное» прозвище.

— Инида Трэйндж, — произнесла я, прежде чем она успела это сделать. — Прости, твое имя я тоже не запомнила.

Вообще-то запомнила — ее звали Эмбер. Она не отличалась ни выдающейся внешностью, ни, судя по всему, умом. Но, очевидно, обладала напором риаха и бойкой наглостью, что позволило ей в короткий срок стать здесь лидером. По крайней мере, остальные ей либо поддакивали, либо помалкивали. За исключением попавшей под раздачу Алексы.

Эмбер недобро прищурилась:

— Правильно, нищенка. Твой удел — просить. Просить прощения и милостыню. Ты же просила милостыню, правда? Чем еще такая, как ты, могла обеспечивать свое убогое существование в этих мусорных кварталах? Или... — Ее узкие глаза блеснули. — Ты торговала собой в каком-нибудь дешевом борделе?

— Эмбер! — разом ахнули несколько девушек.

— Что? — Она небрежно повела плечом. — Моя старшая сестра давно замужем. Я слышала, как она жаловалась маме, что подозревает мужа в хождении по публичным домам. Дорогим, разумеется, а не таким, где работала эта нищенка. Хотя лично я ничего такого в этом не вижу. Мой муж должен сопровождать меня на приемах и выписывать чеки, а где и с кем он будет проводить время, не важно.

К нападкам мне было не привыкать. Благо тетушка Эльза так натренировала мою выдержку, что теперешние попытки меня задеть вообще не трогали. Но молча проглотить все, что Эмбер сейчас сказала, — значит, подписать себе приговор и подвергаться травле на протяжении всего обучения в институте.

Глядя на нее в упор, я усмехнулась:

— Ты так много знаешь о мужчинах и публичных домах. Может, сама таким образом подрабатывала? Или нет, ты же не какая-то там «нищенка», в деньгах не нуждаешься... Наверное, просто развлекалась.

Алекса, до этого молча за нами наблюдавшая, громко рассмеялась.

— Ты... — Эмбер буквально захлебнулась яростью и возмущением. — Серая мышь! Оборванка!

Мое спокойствие взбесило ее еще больше — ну точно как тетушка Эльза. Кажется, она сдерживалась из последних сил, чтобы не сорваться с места и не вцепиться мне в волосы. Возможно, это бы и произошло, не войди в гостиную староста второго курса.

— Что за вопли? — с видом истинной леди осведомилась она, обводя присутствующих цепким взглядом. — Что вы себе позволяете? Вы — будущие ниллэ, а ведете себя хуже базарных торговков! Сейчас же отправляйтесь в свои комнаты, посиделки у камина на сегодня закончены.

Не знаю, в чем был секрет этой девушки, но ее послушались все и сразу. Было в ее голосе что-то неуловимо гипнотическое, заставившее

прикусить язык даже Эмбер. Старосту второго курса нам сегодня представила декан, сказав, что в скором времени назначит старосту и среди первокурсниц.

Прежде чем я успела войти в свою комнату, идущая позади Эмбер резко схватила меня за предплечье и буквально прошипела:

— Не думай, что задержишься здесь надолго, нищенка. Таким, как ты, здесь не место!

Эти ее слова я пропустила мимо ушей.

Как там было сказано на церемонии? Кредо ниллэ — смирение и сдержанность. Если этому верить, то не задержится здесь, скорее, Эмбер, а у меня со сдержанностью все в порядке.

В глубине души я надеялась, что мне повезет и меня поселят с Алексой, — кажется, мы могли бы найти общий язык. Как говорится, враг моего врага — мой друг. Но, к сожалению, эта надежда не оправдалась. Вместо Алексы со мной в комнату вошла другая девушка, и вот ее имени я, как назло, не помнила.

Ко сну мы готовились молча. На тумбочках уже лежали стопки учебников, некоторые из которых я с большим интересом просмотрела. Здесь были и этикет, и история Артогана, и магия фениксов, и самый увесистый — магия и обязанности ниллэ. Открыть последний я не успела, поскольку соседка внезапно соизволила со мной заговорить.

— Ты правда поступила сюда не благодаря связям и деньгам? — поинтересовалась она.

— Правда, — подтвердила я, подняв глаза от книги.

— Занятно, — поправив квадратные очки в тонкой золотой оправе, она представилась: — Санди. Говорю сразу, дружить мы не будем. Но раз уж нас поселили в одной комнате, нужно как-то общаться.

Я кивнула. Что ж, хотя бы так — уже неплохо. И представлять не хочется, что было бы, попадись мне в соседки Эмбер.

Порывшись в вещах, Санди достала умывальные принадлежности, которые тут же подхватили появившиеся прямо из воздуха искры.

— Да где этот риахов осветлитель? — негромко пробормотала она, копаясь в не до конца разобранным чемодане.

Украдкой посмотрев на ее достающие до середины спины волосы, я отметила, что корни кажутся темнее, чем вся длина. Похоже, состоятельные девушки все как одна прибегают к процедуре осветления... если не считать Алексу, иссиня-черные волосы которой никаким осветлениям явно не поддаются.

Когда Санди вернулась с замотанной полотенцем головой, в ванную отправилась я. Правда, внутрь так и не попала. Дверь просто не поддавалась, хотя из щели между ней и полом виднелся свет, а из ванной комнаты доносилось приглушенное злорадное хихиканье.

Ломиться внутрь я, разумеется, не стала. Ложась спать, подумала, что завтра нужно будет встать пораньше и прийти в ванную первой. Еще успела пожалеть, что рядом нет Кота, который работал лучше всякого будильника, а затем, укутавшись в мягкое, пахнущее свежестью одеяло, провалилась в глубокий сон.

ГЛАВА 6

Несмотря на мягкую постель, спала я плохо и за ночь просыпалась несколько раз. Сперва меня разбудили раздающиеся за дверью шаги, — интересно, кто это среди ночи бродит? — а затем я уже не смогла нормально уснуть, боясь проспать. В итоге поднялась разбитой, но зато даже раньше, чем планировала.

На этот раз дверь ванной никто не запирает и я беспрепятственно попала внутрь. Откровенно говоря, о том, что собой представляет здешняя ванная, я вообще не задумывалась. И, увидев ее, удивилась.

Едва я перешагнула порог, в просторном, лишенном окон помещении зажглись многочисленные, висящие под потолком круглые фонари. Они осветили большой прямоугольный бассейн, наполненный кристально чистой водой, кабинки для переодевания и смежную комнату, где располагались души. В целом это помещение, скорее, напоминало купальню, чем ванную в буквальном смысле этого слова.

Быстро приняв душ, я не отказала себе в удовольствии ненадолго погрузиться в приятно прохладную воду и немного поплавать. Взбодрившись, выскользнула из ванны-купальни и, взяв в комнате с вечера собранную сумку, отправилась на завтрак.

В столовую, — как правильно назвать этот зал, не знала, — я ожидаемо пришла первой. Столы здесь были рассчитаны на две, четыре либо шесть персон, и все они уже были сервированы. Не знаю, какая столовая — или, наверное, правильнее сказать, обеденный зал, — была в крыле аэллин, но даже наша казалась просто роскошной. Вновь — обилие позолоты и лепнины, белоснежные ажурные скатерти и хрустальная посуда.

Вдоль одной стены тянулись длинные столы, на которых возвышались подносы с едой. Воздух над ними слегка мерцал, выдавая используемую магию, — должно быть, чтобы еда не успевала остывать.

Ароматы были аппетитными, и я уже устремилась к своему законному завтраку, когда, не дойдя нескольких шагов, внезапно наткнулась на невидимую преграду. Кожу запястья слегка кольнуло, и,

опустив взгляд, я увидела, что знак на моей руке едва заметно светится.

Так. И что теперь?

— Раздача начинается в полвосьмого, — сообщила одетая в поварскую форму женщина, которую я сразу не заметила. — В порядке очереди.

Пришлось прождать еще полчаса. Предварительно заняв место за одним из столов и положив на стул сумку, я вернулась к столам с едой. К названному времени за мной действительно выстроилась длинная, вооруженная подносами очередь. На мое счастье, сразу за мной встала староста, а за ней — еще несколько второкурсниц, так что притеснять меня никто не пытался.

Я спокойно взяла завтрак, из всего гастрономического разнообразия выбрав овсяную кашу со сладкой булочкой и чаем, и прошла к занятому ранее месту.

Увидев, что моя сумка валяется на полу вместе с частью выпавших из нее вещей, я почти не удивилась. Не удивилась и тому, что на стуле, где она стояла, теперь гордо восседала Эмбер.

— Здесь сижу я, — надменно бросила она. — Ищи себе другое место, нищенка.

На этот раз Эмбер не повысила голос, и проходящая неподалеку староста ей замечания не сделала.

Сцепив зубы, я напонила себе о том, для чего здесь нахожусь. Вспомнила об ожидающих меня перспективах, если завершу обучение, и о том, что глупо поддаваться на подобные провокации.

И все-таки я не сдержалась.

— Что ж, в таком случае мне и правда лучше найти другое место для завтрака. Боюсь, твое присутствие испортит мне аппетит.

Одной рукой удерживая поднос, другой я быстро собрала выпавшие вещи, подхватила сумку и направилась к соседнему столику. Как раз в этот момент подружки... или, правильнее сказать, подпевалы Эмбер принесли ей завтрак.

Я несколько удивилась тому, что она мне не ответила. Но уже совсем скоро причина стала ясна: все столики были заняты. Нет, за ними оставались свободные места, но при моем приближении все как одна однокурсницы демонстративно ставили сумки на свободные стулья.

Я обошла почти всю столовую, прежде чем решила сесть за столик второкурсниц. А что мне оставалось? Не на полу же есть.

И я подошла к столику, за которым сидела староста. При моем приближении она подняла на меня выразительные, но холодные глаза и сухо сообщила:

— Первый курс ест отдельно от второго.

Вот и все. Такая, казалось бы, мелочь, но она показала, что справедливости здесь ждать не стоит и вступаться за меня никто не будет. Вчера староста поставила Эмбер и прочих на место, но лишь для того, чтобы продемонстрировать свой авторитет.

Еще раз осмотрев зал, я наткнулась на злорадный взгляд Эмбер.

Риах! Да что она на меня так взъелась? Впрочем, глупый вопрос. Таким, как она, просто жизненно необходимо утверждаться за счет других. Да и все остальные однокурсницы смотрели на меня в лучшем случае как на досадное недоразумение, в худшем — так же, как Эмбер, наслаждаясь разницей наших положений. Даже Санди, которую я заметила за одним из столиков, ничем не отличалась от остальных.

Еще в день Церемонии избрания я знала, что меня ожидает нечто подобное. Даже морально на это настраивалась. Но все равно было неприятно.

Наконец мой блуждающий взгляд наткнулся на Алексу, сидящую особняком. Отбросив всяческие сомнения, я стремительно приблизилась к ней, и, пока она не успела возразить, решительно поставила на стол поднос.

— Курицы недобитые, — хмуро проговорила Алекса, ковыряя вилкой омлет.

Я приступила к завтраку.

— Может, послать эту учебу к риаху и вернуться домой? — Кажется, она вообще не обращала на меня внимания и просто размышляла вслух. — Ага, как же! Дома еще паршивей. Мать достала, все меня переделать хочет...

— Сочувствую, — вставила я, хотя ответа от меня явно не ждали.

Алекса посмотрела на меня так, словно только что обнаружила мое присутствие. Помолчала немного и произнесла:

— Взаимно.

Решив, что это добрый знак, а отношения нужно налаживать хоть с кем-нибудь, я как бы невзначай спросила:

— Ты же леди по происхождению?

— Ага. — Многострадальный омлет снова подвергся ковырянию. — Именно что по происхождению. Глаза б мои не видели всех этих реверансов, приторных танцев и тошнотворных приемов... Достали!

— Тебя, кажется, *все* достали? — заметила я, отправив в рот ложечку очень вкусной овсянки.

— Фу, как ты это ешь! — Алекса неприязненно покосилась на содержимое моей тарелки и, скривившись, ответила: — *Почти* все. Бабка у меня хорошая. Та, что по линии отца.

— А твой отец?

Впервые за время разговора Алекса заметно напряглась, и темные глаза зло сверкнули:

— Погиб.

Прежде чем с губ сорвалось «извини», я кое-что вспомнила. Вчера вечером она назвала его имя, но тогда я не придавала этому значения, не сопоставила...

— Подожди, — меня охватило волнение. — Ты говорила, твой отец — лорд Найрес? Тот самый лорд Найрес?!

— Ага. — Тон Алексы снова сделался флегматичным, и она, перестав мучить омлет, отодвинула от себя тарелку и принялась за кофе.

Я же буквально оцепенела, не веря, что сижу за одним столиком с дочерью героя. Лорд Найрес, более известный как генерал Найрес, пятнадцать лет назад прославился тем, что подавил одно из крупнейших в новой истории Артогана восстаний, произошедшее в одной приграничной области. Я мало разбиралась в политике, но, кажется, тогда тамошний наместник, называвший себя бастардом прошлого императора, хотел захватить власть. У него нашлось немало сторонников, и, если бы не отвага и смекалка генерала Найреса, неизвестно, чем бы все закончилось. И вот теперь дочь героя стала изгоем в институте, осуждаемая всего лишь за цвет волос... первокурсницы-ниллэ и впрямь «курицы», прости Пресветлый! Неужели, дожив почти до двадцати лет, ни разу не слышали этого имени и не открывали учебник по истории? Они ведь вчерашним вечером еще спрашивали, почему папа не пристроил Алексу с ее

высоким происхождением на факультет аэллин, — значит, прозвучавшее имя им точно ни о чем не сказало.

— Мой отец тоже погиб, — наконец сказала я, чтобы как-то заполнить повисшую напряженную тишину. — Вместе с мамой.

Алекса кивнула, и больше за завтраком мы не произнесли ни слова.

Первой в расписании у нас стояла двухчасовая лекция по магии и обязанностям ниллэ, которую декан вела лично. Алекса на дальнейшее общение со мной настроена не была, и в аудиторию мы пришли порознь. Сели тоже отдельно друг от друга. Но на этот раз я, снова пришедшая в числе первых, заняла место на первом ряду трибуны с намерением не покидать его даже в случае апокалипсиса. Благо, леди Нейль вошла в аудиторию задолго до прозвучавшего звонка, и доставать меня в ее присутствии никто не решился.

— Все официальные речи и приветственные слова были сказаны вчера, — когда началась лекция, без вступления произнесла она. — Но прежде, чем перейти к делу, вы подпишете договор о неразглашении. — Перед ученицами появились источающие легкое свечение свитки. — Даю вам пять минут, чтобы ознакомиться с содержимым клятвы, которую вы скрепите своей подписью. Магия клятвы будет завязана на ваших личных искрах, поэтому нарушить ее вы не сможете.

Внимательно прочитав не слишком длинный текст, я убедилась, что основа этой клятвы — действительно неразглашение. Нам запрещалось рассказывать кому бы то ни было обо всем, что связано с будущей ролью ниллэ и аэллинами.

Собственно, рассказывать мне было и некому, поэтому спустя обозначенные пять минут я уверенно поставила внизу свою подпись. Как только все сделали то же самое, свитки исчезли, а леди Нейль перешла непосредственно к лекции.

— Сегодня мы разберем основы службы ниллэ. Разумеется, за два часа осветить все области вашей, не побоюсь этого слова, профессии не удастся, но хотя бы общее представление, выходя из этой аудитории, вы будете иметь. Откройте учебники на странице номер три.

Всю лекцию я усердно старалась делать три вещи: осмыслять, запоминать и конспектировать. Информации от леди Нейль поступала

масса, и многие сведения удивляли не только меня. Как оказалось, о возлагающихся на ниллэ обязанностях и их роли в жизни аэллин не знали многие из высших кругов. Хотя, пожалуй, даже не многие, а большинство.

Во-первых, ниллэ сопровождают аэллин неотступно, где бы те ни находились: на приемах, во время визитов, дома. Иными словами, играют роль этакой фрейлины. Для окружающих именно эта роль представляется первостепенной, но на деле все совсем не так.

Истинная роль ниллэ — перенимать на себя от аэллины последствия аэльникса.

Аэльникс — термин, образованный двумя словами «аэллина» и «феникс», заставил покраснеть многих, когда нам объяснили его значение. Это любовная близость между аэллиной и фениксом, когда они пытаются зачать ребенка. Близость должна быть абсолютной — не только физической, но и духовной, основанной на полном слиянии душ. Поэтому феникс в такой момент предстает в своем истинном обличье — сотканный из слепящего золотого света и окруженный жарким огнем. Вся суть обучения аэллин сводится к подготовке к будущей супружеской жизни. Помимо этикета, танцев и прочего, чему учат обычных леди, они обучаются принятию и отдаче магии, углубленно изучают свои искры.

Чем больше искр — тем легче противостоять пламени. Именно поэтому аэллинами становятся лишь те, у кого искр не меньше тридцати, — необычайно высокая магическая одаренность. Пламя феникса не способно убить их или изувечить, но причиняет боль. Несмотря на высокую магическую совместимость феникса и избранной им аэллины, — проверку они проходят еще до свадьбы, — зачать наследника получается далеко не с первого раза.

Именно поэтому аэллине и нужна ниллэ. Чтобы после каждой такой ночи передавать ей свою боль — нестерпимый, не поддающийся лечению жар, который угасает лишь спустя несколько часов. Как правило, у фениксов не рождается больше двух детей. Когда появляются наследники, у ниллэ есть два пути: остаться обычной фрейлиной при аэллине или уйти. И в том и в другом случае она будет жить в достатке и роскоши, но все же большинство выбирает первый вариант. Приближенность к семье феникса дает огромные привилегии,

открывает доступ в императорский дворец и позволяет возвращаться в высших кругах.

— Простите, — в какой-то момент перебила леди Нейль Алекса, — неужели все девушки на это соглашаются? Я не слышала, чтобы институт покидали по своей воле. Поступая сюда, я, например, знала об обязанностях ниллэ только в общих чертах, некоторые важные детали мне известны не были. Зачем мне, и так обладающей нормальным материальным положением и высоким статусом, на все это соглашаться?

Уголки губ леди Нейль едва заметно приподнялись.

— Что ж, это разумный вопрос, хотя впредь попрошу меня не перебивать. Если желаете что-то сказать, поднимайте руку.

«Прямо как в школе», — подумала я, одновременно желая получить ответы на вопросы, которые задала Алекса. У меня появились точно такие же.

— Дело в том, что во время аэльникса феникс передает жене часть своего света. Вы никогда не задумывались, почему все фениксы выглядят не старше сорока лет, как и их избранницы?

«Я-то уж точно не задумывалась, — промелькнуло в мыслях. — Просто потому, что и в глаза-то их до недавнего времени не видела!»

— В среднем фениксы живут около двухсот лет, — продолжила леди Нейль. — И они практически не стареют — этому как раз способствуют их уникальные искры. Передавая часть света своей аэллине, феникс делится с ней и своим долголетием, и продлением молодости, сам при этом ничего не теряя. А аэллины, в свою очередь, часть этого света передают ниллэ вместе с болью — небольшую, конечно, но ее достаточно, чтобы значительно продлить и молодость, и жизнь.

В повисшем молчании отчетливо улавливалось изумление. Такого никто из первокурсниц точно предположить не мог.

— Так что, как видите, — вновь нарушила тишину леди Нейль, — оно того стоит.

Внезапно Эмбер подняла руку и, когда декан дала позволение говорить, спросила:

— Леди Нейль, скажите... а вы ведь тоже бывшая ниллэ?

Лицо декана посуровело:

— Запомните раз и навсегда, юная леди: спрашивать о таком — верх неприличия. Как вы уже поняли, ваша профессия косвенно соприкасается с интимной частью чужих жизней. Обсуждать это не принято. Но в качестве исключения ответчу на ваш вопрос — да, я была ниллэ, как и многие преподаватели института.

«Так вот почему они все выглядят так молодо!» — подумала я, глядя на леди Нейль и вспоминая директрису, возраст которой не сумела определить даже приблизительно.

Вслед за магией и обязанностями нас ожидала пара по истории, где пожилой преподаватель рассказывал о существовании Артогана до падения империй. В общем-то в основном информация была общеизвестной, преподаваемой еще в школе, но сейчас магистр подавал ее немного иначе, более подробно и глубоко освещая тему. К концу пары голова пухла от нескончаемых дат — магистр Дахшан, кажется, испытывал к ним особую любовь.

После истории наступило время обеда, и все заспешили в столовую. Я решила изменить тактику и, наоборот, прийти под конец обеда — пусть самое вкусное разберут, зато хоть поем спокойно. За обедом следовала боевая магия, которую я ждала с особым волнением. Да что там с волнением — от нервов хотелось грызть ногти, чего отродясь не делала!

Для занятий боевой магией нам была выдана специальная форма. И, чтобы не терять времени даром, я отправилась в нашу с Санди комнату, чтобы оставить там учебники и заодно переодеться.

Неладное я заподозрила еще в тот момент, когда, войдя в гостиную факультета, услышала подозрительно знакомый, звучащий неподалеку голос. Непроизвольно замедлив шаг, вошла в коридор, где располагались двери комнат, и тут же убедилась в том, что не ошиблась. Голос принадлежал Люции Бэйрси, беседующей с дворецким.

И что она здесь делает?

Стоило задаться этим вопросом, как взгляд зацепился сразу за две детали: первая — разговаривают они у одиннадцатой комнаты; вторая — у открытой двери стоит мой раскрытый чемодан, набитый как попало набросанными в него моими же вещами.

Изнутри меня царапнуло нехорошее предчувствие. Паршивое такое, гаденькое.

— А, мисс Трэйндж, — заметил меня Гай. — Хорошо, что вы пришли. Должен вас уведомить, что, поскольку в институт зачислена новая воспитанница, вам придется переехать.

Опустив вопрос о том, почему и как Люцию зачислили позже положенного, я спросила главное:

— Почему мне нужно куда-то переезжать? Разве она не может поселиться в той комнате, куда вы предлагаете перебраться мне?

— Нет, — сдержанно, но с затаенным раздражением произнес дворецкий. — Число воспитанниц на каждом курсе строго ограничено. В этом году набор был полным и лишних мест не осталось. Но поскольку именно вы были приняты при... хм... особых обстоятельствах, будет справедливо, если вы же станете жить в особых условиях.

От этих «особых условий» я ничего хорошего не ждала. Вон и ухмылка на лице Люции играет соответствующая, и родственничек ее явно злорадствует. А понятие справедливости у нас уж точно совершенно разное.

— Если я откажусь? — задала вполне закономерный вопрос. — И обращусь с возникшей проблемой, скажем, к декану?

Теперь раздражение Гая стало неприкрытым.

— Вы всерьез полагаете, что у леди Нейль есть время на такие мелочи? Расселением девушек в корпусе ниллэ заведую я. И сейчас я говорю, что вам следует взять свои вещи и проследовать за мной.

Ответ был вполне ожидаем. Конечно, я и не собиралась обращаться к декану, прекрасно понимая, что ничего путного из этого все равно не выйдет. Но попытаться хоть как-то воспротивиться стоило.

Когда, подойдя к чемодану, я опустила на корточки, чтобы его закрыть, Люция как бы невзначай наступила на край торчавшей из него ночной сорочки. А потом еще ногой поводила по полу.

До чего унизительно! До участвовавшего, отзывающегося в висках пульса и дрожи в руках. Хотелось вцепиться в ее ногу и разорвать тонкие чулки стоимостью в мою прежнюю месячную выручку. Но я только привычно стиснула челюсти и, глубоко вдохнув, постаралась абстрагироваться.

«Это происходит не со мной. Не по-настоящему...»

Кое-как собрав вещи, я поднялась и наткнулась на не сходящую с лица Люции усмешку. Она не могла простить мне «украденного» на Церемонии избрания триумфа и явно собиралась отыграться.

Гадко. И, похоже, проблем у меня прибавилось.

«Особые условия», которые упомянул дворецкий, оказались и впрямь особыми. Дверь, к которой он меня привел, располагалась в самом конце коридора рядом с лестницей. И открывалась она не магически, как остальные, а обычным ключом.

Внутри было очень темно, а когда загорелась единственная болтающаяся под потолком лампа, оказалось, что еще и очень пыльно. Само помещение было сравнительно небольшим, с крошечным прямоугольным окном, стекла которого покрылись до того толстым слоем грязи, что совсем не пропускали свет. Судя по количеству этой самой грязи и той же пыли, поддерживающие чистоту заклинания, действующие во всем институте, сюда не доходили. Да и вообще эта каморка больше напоминала кладовку, в которой почему-то оказались односпальная, с железными прутьями кровать и стол с приставленным к нему колченогим стулом. В одном углу так и вообще сгрудился какой-то хлам.

Какая-то часть меня еще хотела верить, что это злой розыгрыш, но взгляд дворецкого убил все надежды на корню.

Отбросив всякую вежливость, Гай склонился ко мне и прямым текстом заявил:

— С этого дня будешь жить здесь. Жаловаться бесполезно, только потеряешь время, а то и вообще вылетишь из института за доставляемое беспокойство. Тебя взяли сюда по чистой случайности, поэтому будь благодарна и не смей никому дерзить. Если узнаю, что ты досаждаешь Люции, сама захочешь вернуться домой. Понятно?

Я стиснула кулаки с такой силой, что ногти до боли впились в ладони. Досаждаю Люции? Может, наоборот?

Я уже не была уверена, что не хочу вернуться домой прямо сейчас. И не только из-за нынешнего инцидента и всеобщего ко мне отношения.

Нужно ли мне все это? Хочу ли становиться ниллэ, несколько лет периодически терпеть боль ради долголетия и молодости, которую мне не очень-то и хочется продлять?

Жизнь в роскоши и избыток денег меня не привлекали. Я всегда мечтала о семье и возможности заниматься любимым делом. Представляла, как однажды открою свой собственный небольшой салон, где буду шить красивую одежду для простых людей. Так стоит ли два года терпеть унижения ради будущего, к которому не очень-то и стремишься?

Стоит.

Потому что в институте я получу, пусть с некоторыми особенностями, но все же высшее образование. Потому что, став ниллэ, смогу заработать деньги на открытие салона и больше ни от кого не зависеть. Потому что моя будущая жизнь в целом станет гораздо насыщеннее и, как ни крути, интереснее, чем могла бы быть. Потому что, будучи ниллэ, я приобрету огромный опыт и вес в обществе, который, возможно, поможет мне сделать жизнь простых людей хотя бы немного лучше.

Быть ниллэ — это, в первую очередь, возможности. И они, в отличие от молодости, действительно того стоят.

— Понятно, — отправив эмоции в самый дальний уголок своей души, ровно ответила я.

— Вот и прекрасно, — бросил Гай. — Обживайся.

И, круто развернувшись, ушел, оставив меня один на один с новоиспеченной темной обителью.

ГЛАВА 7

Моя форма для занятий боевой магией оказалась изрезана. Длинными дырами были испещрены и мягкие обтягивающие брюки, и туника, и замшевая накидка — видимо, предназначенная для занятий на улице в холодное время года. Только сапоги остались целыми.

Гадать, чьих рук это дело, не приходилось. Либо Люции, либо Эмбер, попавшей в комнату по приглашению Санди. Я склонялась к кандидатке номер один, но никакого значения это уже не имело.

В какой-то момент к горлу подступил шершавый комок, но позорно разреветься я себе не позволила. Не дождутся!

Выбор между тем, пойти на боевую подготовку в платье, или не пойти вовсе, мягко говоря, не воодушевлял. И я, попросившись с обедом, решила последовать сказанному кем-то мудрым совету: если не можешь выбрать один из двух путей, иди по третьему. Третьим в данном случае оказался мой швейный набор, аккуратно сложенный во внутреннем кармане чемодана. Конечно, шить вручную гораздо дольше и сложнее, чем на машинке, но выбирать не приходилось.

Быстро прикинув, как можно хоть как-то исправить ситуацию, я взялась за дело. Пришлось пожертвовать своим старым повседневным платьем, использовав его для латания дыр на форме. Повезло, что оттенки — темно-бежевые — более-менее совпали. Тунику пришлось частично перекроить, а над брюками провозилась немного меньше.

Занимаясь шитьем, я обычно выпадала из реальности, утрачивая ощущение времени. Вот и сейчас показалось, что шила всего ничего, а донесшийся до жилого крыла звонок уже возвещал о начале занятия.

Риах!

Сделав пару последних стежков, я откусила зубами нитку, завязала узелок и бегло осмотрела плоды своих трудов. Теперь моя «боевая» форма выглядела... пожалуй, что действительно боевой — прошедшей немало сражений и наспех залатанной портным, у которого напрочь отсутствует чувство вкуса.

Но, во всяком случае, дырами она уже не пестрела, а ткань я сшила на совесть — швы разойтись не должны.

Натягивая свой обновленный экстравагантный наряд, вновь едва не разревелась. Пришлось до боли прикусывать губу, чтобы не дать волю слезам. Просто как представила, что сейчас заявлюсь на боевую магию в таком виде, да еще и с опозданием...

«Это все происходит не со мной, — мысленно повторила свою присказку. — Не по-настоящему...»

К счастью, проводника вместе с прежней комнатой у меня не отобрали, и он исправно летел впереди, указывая дорогу, когда я на всех парах мчалась на занятие. Желудок сводило не то от волнения, не то от голода, но я едва обращала на это внимание.

Входить в аудиторию было страшно. Подозреваю, если бы я долго простояла под дверью, то так и не решилась бы ее открыть. Поэтому, едва оказавшись перед ней, я глубоко вдохнула и, не дав себе времени ни о чем задуматься, резко потянула на себя.

Первое, что бросилось в глаза, — непривычно минималистический, лишенный вычурности интерьер.

Второе — множество обратившихся на меня взглядов.

Третье, но не по важности — лорд Норриан Снэш, стоящий в центре зала и замолчавший на полуслове. Его взгляд, кстати, тоже обратился ко мне. И я ощутила себя так, словно вновь оказалась на темной крыше лицом к лицу с ужасным порождением тьмы — одинокая и совершенно беспомощная.

Не позволив страху взять верх и на этот раз, расправила плечи и, заставив голос звучать ровно, произнесла:

— Прошу прощения за опоздание. Я могу войти?

Прежде чем лорд Снэш успел ответить, по рядам однокурсниц прокатилась волна смешков. Кто-то так и вовсе неэтично указал на меня пальцем — точнее, не на саму меня, а, вероятно, на мою одежду.

Но как только лорд обвел ряды пристальным взглядом, все звуки моментально стихли. К тому моменту, когда его глаза снова остановились на мне, я окончательно взяла себя в руки и знала, что теперь на моем лице отражается непоколебимое спокойствие. Ни одна малейшая деталь моего облика не выдает волнения, скручивающего внутренности тугим узлом, — вот уж не думала, что когда-нибудь стану так часто с благодарностью вспоминать тетушку Эльзу!

— Я не потерплю опозданий и легкомысленного отношения к своему предмету, — ровно произнес лорд Снэш, но этот его тон

произвел впечатление большее, чем иные крики. — Вы можете сесть, но, если подобное повторится, я не допущу вас к занятию, наверстывать упущенное будете сами. Это касается и остальных.

Не дожидаясь повторного приглашения, я прошла к заблаговременно присмотренному пустующему месту — как раз рядом с Алексой. Мысленно порадовалась, что лорд не стал заострять внимание на мой форме, — только на опоздании.

В отличие от других лекций, эта была общей для аэллин и ниллэ, хотя между ними и нами все равно существовало негласное разделение. Аэллины заняли правую часть трибуны, мы — левую.

— Как я уже сказал, обучение боевой магии будет иметь две дополняющие друг друга части: теорию и практику, — продолжил лорд Снэш. — Изначально планировалось, что первый семестр вы будете изучать только теорию, но ввиду некоторых обстоятельств практикой вы займетесь уже через пару недель...

Если вначале некоторые девушки — как среди аэллин, так и среди ниллэ, — были настроены романтично и бросали на феникса полные обожания взгляды, то вскоре ситуация изменилась. Нориан Снэш провел между нами четкую границу и поставил себя таким образом, что все и думать забыли о чем-то помимо учебы. Про себя я отметила, что преподавателем он оказался замечательным. Сложный материал подавал доступным языком, умело расставлял акценты и периодически вовлекал нас в диалог. Как выяснилось, хоть что-то о боевой магии среди нас знали единицы — причем аэллины. Видимо, какие-то азы боевой подготовки преподавались особо высокородным леди. К слову, самой просвещенной, правильно ответившей на все заданные лордом Снэшем вопросы, была та самая аэллинка, с которой я видела их в саду.

— Хорошо, Аделина, — заслужила она его похвалу после очередного правильного ответа. — Вы заработали себе пару плюсов к будущему зачету.

А я впервые в жизни кому-то позавидовала — не зло, просто с досадой на себя. И решила сегодня же вечером начать изучать программу по боевой магии на несколько параграфов вперед.

К тому времени как занятие подошло к концу, вдобавок твердо укрепились в намерении стать лучшей на своем курсе. Пусть я буду недосыпать, пусть однокурсницы относятся ко мне с пренебрежением

— неважно. Буду трудиться, отдавать учебе все силы и однажды стану лучшей! Не назло им, а на счастье себе.

Я уже почти вышла из аудитории, слившись с толпой, когда позади внезапно прозвучало:

— Мисс Трэйндж, задержитесь на несколько минут.

Сердце моментально ускорило ритм, ладони стали предательски влажными. Первая пришедшая в голову мысль — сейчас меня отчитают... как минимум. Только за что? Снова за опоздание или все-таки за форму? А может, причина вообще в другом?

Подходя к преподавательскому столу, я искренне надеялась, что кто-нибудь будет долго складывать вещи и остаться наедине с лордом Снэшем мне не придется. Но он дождался того момента, когда в коридор выйдет последняя не слишком расторопная ниллэ, после чего и вовсе прикрыл за ней дверь с помощью магии. А потом я заметила, как вокруг нас появляется невесомая, мерцающая золотом пелена. Я не знала точно, что это такое, но почему-то подумалось, что она является таким звукопоглощающим барьером, не позволяющим посторонним нас услышать.

Стихают звуки, входит он,
Незримым светом открылен...

Я даже головой тряхнула, прогоняя совершенно не к месту рождающиеся строчки. Вот же напасть! Только их в такой момент не хватало...

— Вы ведь понимаете, что слова о нынешнем беспокойном времени — не пустой звук? — спустя бесконечно долгую паузу спросил лорд Снэш.

Начало было, мягко сказать, неожиданным. Я даже на мгновение растерялась, но в следующую секунду утвердительно кивнула.

— Помимо обязанностей преподавателя боевой магии я с этого года отвечаю за безопасность института, — сообщил лорд. — Поэтому мне пришлось досконально проверить биографию девушки, попавшей сюда волей случая. Вашу биографию, как вы уже поняли.

Он замолчал, и я почувствовала себя... неуютно? Да, пожалуй, именно определение «неуютно» подходило в данной ситуации лучше

всего, хотя и не описывало ее полностью.

— Вы нашли в моей биографии что-то, вас заинтересовавшее? — рискнула я нарушить повисшую тишину.

Ниллэ запрещалось открыто смотреть на фениксов, и в этом отношении лорд Снэш исключением не был. При разговоре разрешалось смотреть в лицо, но в глаза — никогда. А я смотрела прямо в них, неотрывно, почему-то не в состоянии отвести взгляд.

— До поступления в институт — нет, — ответил он. — Хотя история гибели ваших родителей и скомканное расследование видятся мне мутными.

Не дав мне понять, что имелось в виду под этим замечанием, он добавил:

— Меня заинтересовало другое. Я беседовал с доктором Шайном и видел вашу карту. До зачисления в институт вы были уверены, что обладаете одной искрой, так?

Я вновь согласно кивнула.

— Он считает, что при вашем нервном осмотре в детстве была допущена ошибка, и я склонен с ним согласиться. Но все же, чтобы окончательно прояснить ситуацию, предлагаю вам пройти более детальное обследование. Оно безболезненно и совершенно не опасно. Но, разумеется, я в любом случае не стану вас к нему принуждать, если вы посчитаете это лишним.

Я понимала, почему необходимо мое согласие: любое прикосновение к внутренним искрам человека — процесс очень личный. Иногда это бывает необходимо — например, чтобы определить их количество, или, как в случае с поступлением, просто стандартная мера. Среди простых людей этому не придают большого значения, а среди аристократов, по слухам, принудительный осмотр искр приравнивается чуть ли не к физическому насилию. Похоже, слухи не слишком-то и преувеличены.

Меня зацепило другое. Возникло ощущение, что лорд Снэш чего-то недоговаривает. Он не соврал, но и не сказал всей правды. Не знаю, почему мне так показалось, но чувство было сильным. О чем он умолчал? Зачем на самом деле мне назначен дополнительный осмотр?

Наверное, другая на моем месте, стоя перед фениксом, бездумно согласилась бы на все, не переставая утвердительно кивать. И я бы

тоже это сделала, не научи меня жизнь в любых ситуациях рационально смотреть на вещи.

— То есть я могу отказаться? — уточнила спустя короткую паузу.

Судя по взгляду, лорд как раз и ожидал от меня беспрекословного согласия. Но мой вопрос не вызвал у него раздражения или недовольства, скорее легкое удивление и заинтересованность — это я тоже почувствовала интуитивно. Даже странно — не то чтобы я была не слишком проницательной, но настолько отчетливо интуиция еще ни с кем не работала.

— Можете, — подтвердил лорд Снэш. — Но должен заметить, в ваших интересах согласиться. Вы ничего не потеряете, лишь убедитесь, что с вашими искрами все в порядке.

— Обследование будет касаться только моих искр? — спросила и тут же вспомнила о своем последнем... точнее, предпоследнем «обследовании», проводимом родным братом разговаривающего со мной сейчас феникса.

— Да, — согласился лорд Снэш. — Только ваших искр.

И снова показалось, будто он не соврал, но и не озвучил всей правды. Тем не менее причин для отказа у меня не было. Да и, положив руку на сердце, самой хотелось разобраться, почему вместо одной искры у меня вдруг оказалось две. Ну или убедиться в правоте доктора Шайна.

— В таком случае, жду вас завтра после обеда во врачебном крыле. Обследование не займет много времени.

Пора было уходить, но я медлила. И хотела, и не решалась затронуть другую, очень важную для меня тему. Как это обычно бывало, в конце концов решила, не дав себе времени передумать.

— Я вас так и не поблагодарила, — произнесла, глядя лорду в лицо. — За то, что спасли меня тогда, на крыше. Если бы не вы, меня бы сейчас здесь не было... вообще нигде не было бы.

Уголки его губ слегка приподнялись.

— Значит, вы меня запомнили? Это моя работа, мисс Трэйндж.

Запомнила ли я? Даже до поступления в институт думала, что это лицо не забуду никогда!

Попрощавшись, я уже уходила из аудитории, когда вдруг почувствовала нечто необъяснимое. Показалось, будто от феникса исходит нечто темное и болезненное, подобное сдавливающим

бечевкам, мешающим свободно дышать. Ощущение было мимолетным, и я, на миг остановившись, толком не успела его распознать.

Похоже, из-за последних событий надо мной взял верх стресс. А еще — голод, вот и мерещится не пойми что. Придя к такому выводу, я вознамерилась пойти на ужин и, пока не вышла за дверь, спиной чувствовала прикованный ко мне взгляд.

Не считая летящих в мою сторону насмешек, ужин прошел неплохо. Собственно, на те самые насмешки мне было глубоко плевать, и все, что интересовало, — это горячая, очень вкусная еда. На сей раз столик для меня нашелся, и я, восседая в гордом одиночестве, не испытывала ни малейшего дискомфорта. Из столовой, — как я упорно продолжала называть этот зал, — выходила одной из последних. Поэтому не было ничего удивительного в том, что, подходя к гостинной факультета, слышала множество доносящихся из нее голосов. Но, что странно, при моем появлении они моментально смолкли.

Судя по всему, так бурно однокурсницы обсуждали меня. Отсутствие очередных насмешек заставило насторожиться, и к своей новой комнате я подходила с долей опасения. Увидев приоткрытую дверь, которую перед уходом запирала на ключ, внутренне вознегодовала. Даже опекуны, при всех своих недостатках, никогда не вторгались в мое личное пространство и не поднимались на чердак.

Перешагнув порог, я включила свет и скользнула взглядом по своим немногочисленным вещам. Вроде бы все было на месте — даже сумка стояла там же, где ее оставила. Но на всякий случай я осмотрела свои владения тщательнее, особое внимание уделив учебникам. К счастью, все действительно оказалось на месте. Но открытая дверь и поведение однокурсниц определенно настораживали.

Как и собиралась, этот вечер я провела с пользой. Вообще-то сначала хотела начать самостоятельное изучение боевой магии, но ввиду последних обстоятельств передумала. Меня никто не обучал даже азам магии, в то время как большинство однокурсниц владели ими практически с пеленок. И это, пожалуй, главное, что мне следовало наверстать. А начать я решила с заклинания, позволяющего установить магическую защиту на дверь. Оно приводилось в разделе простейших и не должно было вызвать особых сложностей у

обладателя хотя бы двух искр... в теории. На практике же у меня буквально вскипел мозг. И вскипел в данном случае — вовсе не фигура речи!

Чтобы преобразовать внутренний свет — намион — в способную влиять на окружающий мир энергию, требовался очень высокий уровень концентрации. Нужно не только почувствовать искры внутри себя, но и представить, как они разгораются, заполняя все тело целиком, а затем, уже преобразованные, выходят наружу. При этом важно правильно сформулировать мысленный посыл — чего ты хочешь в итоге добиться, а вдобавок еще и формулу заклинания мысленно начертить.

С непривычки у меня уже через час разболелась голова, но я не намеревалась отступать. На мое счастье, в учебнике содержалась подробная и доступно изложенная информация, которую понял бы и ребенок. Поэтому с восприятием проблем не возникло, только непосредственно с реализацией.

Поставить защиту у меня все-таки получилось — где-то к середине ночи. Я так погрузилась в процесс, что даже сразу этого не заметила. И только несколькими мгновениями позже, отерев влажный лоб, ошалело воззрилась на легкое золотистое свечение, окутавшее дверь.

Просто не верилось, что действительно получилось!

На этом можно было бы остановиться, но нет. Спать всего по несколько часов я давно привыкла и сейчас была готова пожертвовать сном. Понимала, что такая защита — просто детский лепет в сравнении с той, что охраняла остальные комнаты. И если кто-нибудь, более сведущий в магии, — то есть, по сути, все обитатели института, — захочет ко мне вломиться, она его не остановит.

Во второй части учебника приводились заклинания более сложные, рассчитанные на обладателей большего количества искр, чем у меня. Но все же, насколько я поняла из описания, в редких случаях даже пары искр было достаточно, чтобы суметь ими воспользоваться. Шансы были невелики, но попытаться стоило. И я взялась за дело с новыми силами.

На этот раз все давалось еще труднее. Голова болела уже просто нещадно, в висках стучали молотки, а на подушечках пальцев и

ладонях выступили волдыри — как оказалось, внутреннее пламя при неправильном использовании может обжигать своего носителя.

Но я не сдавалась. В какой-то момент потеряла счет времени и вообще забыла, где нахожусь. Концентрация становилась все слабее, захотелось сделать перерыв, но я почему-то не смогла. Меня словно затягивало в невидимую воронку — все глубже и глубже, и перед тем, как сознание ускользнуло в темноту, я, кажется, увидела очень яркую, но не ослепляющую вспышку...

Где-то неподалеку разносился шум, состоящий из стука быстрых шагов и чьих-то голосов. Открыв глаза, я не сразу поняла, где нахожусь и что происходит. Потом, обнаружив себя лежащей прямо на полу, резко села и тут же поморщилась от пульсирующей головной боли. Взгляд упал на лежащий рядом открытый учебник, и ко мне пришло понимание.

Надо же было заснуть прямо так! Хотя чему я удивляюсь? Со мной нередко случалось подобное, когда ночами занималась шитьем. Взглянув на взятые еще из дома часы, я подскочила с пола как ошпаренная. Еще бы за дверью не царил гомон — совсем скоро начнется первая лекция!

Наспех переодевшись в форму, я собралась бежать в ванную, но в тот момент, когда взялась за дверную ручку, замерла. Не знаю, что меня насторожило: вроде бы наложенное заклинание осталось таким же, как ночью, — несложным, источающим легкое свечение и тепло.

Машинально тряхнув головой и отгоняя сомнительные ощущения, я решительно вышла из комнаты. Все однокурсницы были слишком заняты тем, чтобы не опоздать, так что на меня внимания практически не обращали. Я даже смогла спокойно умыться — только про завтрак пришлось забыть.

Вернувшись в комнату, я взяла сумку, на всякий случай заперла дверь еще и на ключ, после чего понеслась на первую лекцию. Опаздывать второй раз за каких-то два дня не хотелось совершенно, но чудом я все-таки успела вовремя. Вбежала в аудиторию буквально за несколько секунд до звонка и прихода преподавателя.

Историю фениксов, как и историю Артогана у нас вел магистр Дахшан. Мне снова повезло сесть рядом с Алексой, которая, судя по отсутствующему виду, этого даже не заметила. В отличие от лорда

Снэша и некоторых других преподавателей, магистр Дахшан не умел целиком и полностью владеть вниманием аудитории. Хотя лекцию он читал, на мой взгляд, интересно, на рядах не стихали шепотки, которые он не делал попыток пресекать.

Стараясь не обращать внимания на постороннее, я сосредотачивалась на лекции. Голова все еще побаливала, но пыталась не обращать внимания и на это. И на боль от полопавшихся на пальцах волдырей — тоже. Хотя самопишущее перо сейчас бы очень пригодилось...

— Всем вам, конечно, известна история падения Артогана, подробности которой мы разбираем на другом нашем предмете, — вещал магистр Дахшан, то и дело поглаживая редкую бородку. — Как и история рождения первого феникса, от которого произошел весь их род. Но на этой теме мы остановимся позднее, а сейчас я хочу затронуть наиболее сложный вопрос, с которым вам придется столкнуться на ближайшем зачете. Конечно, речь идет о битве шестисотлетней давности, которую еще именуют «Кровавым светом». Кто скажет, какие главные изменения она за собой повлекла?

Я подняла руку одной из первых, и, как ни странно, магистр Дахшан выбрал именно меня.

— Пожалуйста, леди... э-э-э...

— Мисс, — ничуть не смутившись, поправила я. — Мисс Трэйндж. «Кровавым светом» именуется великая битва, которая произошла между легионами фениксов и проникшей под защитный купол тьмой. В ней погибла почти тысяча фениксов, а те, что уцелели, утратили свои пламенные крылья и возможность перерождения. С тех самых пор крылья им заменяют григанны, а умирая, они больше не восстают из пепла, некогда пожертвовав этими способностями, чтобы спасти Артоган.

— Все верно, — одобрительно кивнул магистр Дахшан. — Вы получаете плюс к будущему зачету. А кто мне скажет, как именно фениксы потеряли крылья?

Раздраженные тем, что первые бонусы к зачету заработала какая-то... я, все моментально перестали отвлекаться на постороннее, и вверх потянулся лес рук. Теперь выбор преподавателя пал на сидящую в первом ряду Люцию.

— Говорят, крылья отщипывало по кускам и вырывало с корнем, отчего фениксы погружались в агонию, — явно гордясь своими познаниями, произнесла она. — Чтобы победить, фениксы отдали все непрожитые жизни. С тех пор у каждого их потомка на спине есть два шрама, которые передаются по наследству, ведь крылья — это не просто материя, а отражение души.

— Точно подмечено, — отвесил очередную похвалу магистр Дахшан. — Вам тоже плюс к будущему зачету.

Люция на миг обернулась и бросила на меня взгляд, полный превосходства.

Мне даже смешно стало. Она это серьезно? Неужели ситуация на Церемонии избрания задела ее настолько, что она будет пытаться возвыситься надо мной при любом удобном случае?

В остальном лекция прошла интересно — я даже не заметила, как пролетело время. Далее нас ждал урок этикета, перерыв перед которым был достаточным для того, чтобы успеть забежать в комнату. Вчера я захватила с ужина булочку, а утром так спешила, что совершенно о ней забыла. Учитывая пропущенный завтрак, она сейчас придется как нельзя кстати.

В жилом крыле ниллэ было непривычно тихо. Гостиная пустовала, как и ведущий в комнаты коридор. Поэтому появление буквально налетевшего на меня дворецкого стало полнейшей неожиданностью.

Гневно сверкая глазами, растеряв всю свою деланую бесстрастность, он обманчиво спокойным тоном спросил:

— Кто тебе помог?

— Что? — только и смогла переспросить опешившая я.

— Я спрашиваю, — следующую фразу он практически выкрикнул, — кто поставил на твою дверь защиту второго класса?!

ГЛАВА 8

— Второго класса? — эхом повторила я за ним.

— Не прикидывайся дурой! — раздраженно бросил Гай. — Я даже за ручку твоей убогой кладовки взяться не могу!

Только после этих слов я заметила, что его правая кисть перебинтована. Это и привело меня в чувство, заставив забыть об испытанном изумлении.

— А зачем, позвольте спросить, вам понадобилось входить в мою, как вы выразились, кладовку? — вкрадчиво осведомилась я.

Дворецкий с силой стиснул челюсти и хотел сжать кулаки, но боль в пострадавшей руке заставила его поморщиться.

— Никто не имеет права вмешиваться в защитную магию института! — с тихой злостью изрек он. — Поэтому или говори, кто тебе помог, или...

— Или что? — недослушав, с вызовом спросила я. — Переселите меня жить в туалет?

Окончательно утратив самообладание, Гай прошипел:

— Не смей мне дерзить, ты, безродная выскочка! Тебя вообще здесь быть не должно. Мне пришлось приложить столько усилий, чтобы мою троюродную сестру приняли в институт! А потом еще столько же — после церемонии, на которой ты все испортила!

Он глубоко вдохнул и уже более ровным тоном произнес:

— Ладно. Судя по качеству защиты, тебе помог кто-то действительно одаренный. Мне лишние проблемы не нужны, но, если ты сегодня же не попросишь своего благодетеля ее снять, я сообщу обо всем декану.

— Разве у нее есть время на такие мелочи? — усмехнувшись, вернула я его же вчерашнюю фразу. — А, впрочем, рассказывайте. Интересно, как леди Нейль отнесется к тому, что вы не уследили за «безродной выскочкой»?

Судя по окаменевшему лицу дворецкого, я попала точно в цель. Он действительно не хотел себе лишних проблем. Одно дело, когда леди Нейль остается в стороне от всех студенческих разборок и проблем, хотя о них знает, и совсем другое — когда ее пытаются в это

втянуть. Защита, поставленная на дверь кладовки, — действительно мелочь, никак не тянущая на угрозу безопасности института, что бы там ни говорил Гай. Скорее уж наоборот. Да и вряд ли это запрещено.

Не дожидаясь ответа от пребывающего в тихом бешенстве дворецкого, я вошла в «кладовку» и наконец взяла свою законную булочку. Неприятный разговор отнял драгоценное время, и есть пришлось на ходу. А одновременно с этим размышлять над тем, как же так все-таки получилось? Как я смогла установить защиту... второго класса? Да я даже не знаю, что это такое! В учебнике о таком точно не читала.

Как бы то ни было, настроение у меня поднялось — кажется, больше о безопасности своей обители можно не беспокоиться.

Урок этикета стал для меня настоящей пыткой. Даже на лекции по боевой магии не чувствовала себя настолько выделяющейся на фоне остальных. Преподавательница с труднопроизносимой фамилией — леди Ягольтчейн, которую я мысленно прозвала Ягодкой, решила посвятить лекцию повторению всего того, что мы уже знаем. Я в это «мы», естественно, не входила.

К концу занятия я уже путалась в видах реверанса и правилах поведения в разных ситуациях. Так к моему персональному списку предметов, которые следует подтянуть, добавился еще один.

А после этикета наступил момент, которого я больше всего боялась. Разумеется, не обед — не ходить на него, похоже, становилось у меня традицией, — а предстоящий осмотр. Из-за него меня одолевало ужасное волнение и, несмотря на скудный завтрак, одна мысль о еде вызывала дурноту.

Во врачебное крыло я пошла сразу после занятий, потратив на дорогу почти весь обеденный перерыв. Двигаясь со скоростью засыпающей улитки, я пыталась успокоиться и собраться с мыслями. Сама не знала, почему так нервничала.

Подумаешь, снова увижусь с лордом Снэшем во внеучебное время. Подумаешь, меня будут снова осматривать в том самом кабинете, где я пережила унижительные минуты наедине с его братом. Подумаешь, у меня вместо одной искры вдруг оказалось две...

Действительно! Чего здесь волноваться-то?

Радовало только то обстоятельство, что на сегодня занятия были окончены. И я уже представляла, как, вернувшись в комнату, огражусь

от всего внешнего мира и возьмусь за учебники. Или можно попробовать отыскать укромное местечко в саду, или в библиотеку наведаться... да, пожалуй, посетить библиотеку и впрямь стоит. Согласно слухам она является четвертой по величине во всем Артогане. Наверняка там отыщется немало полезного, чего может не быть в выданных учебниках.

Примерно на этой мысли я и оказалась перед знакомой, ведущей в приемную доктора дверь. В той самой приемной, когда я вошла, никого не было — вероятно, помощница ушла на обед. Это навеяло дежавю, но я постаралась не думать о плохом.

В кабинете меня уже ждали. Доктор Шайн сидел на своем рабочем месте, а рядом с ним стоял лорд Нориан Снэш. До моего прихода они о чем-то разговаривали, но, когда я пришла, беседа прервалась и их внимание обратилось на меня.

— Проходите, мисс Трэйндж, — пригласил феникс.

— Чувствуйте себя как дома, — в своей обычной манере сыронизировал доктор.

Когда я села на предложенное место, лорд взял стоящий у стены табурет и поставил его напротив меня. Доктор же в это время вальяжно откинулся на спинку своего кресла и с интересом на нас поглядывал. Тут-то и закралось подозрение... не то чтобы нехорошее, но поднявшее градус волнения в несколько раз.

— Простите, — заговорила я, когда лорд Снэш разместился от меня на расстоянии меньше вытянутой руки. — Разве осмотр будет проводить не доктор Шайн?

— Нет, — просто ответил он. — Я. — И, пока я не успела опомниться, попросил: — А теперь, пожалуйста, дайте мне свою руку и постарайтесь ни о чем не думать.

Ни о чем не думать... Легче сказать, чем сделать. Как здесь не думать, когда тебя за руку держит феникс? Как забыть о том, что именно он — тот, случайная встреча с которым однажды спасла мне жизнь? И как расслабиться, если один из первых лордов империи неотрывно смотрит тебе в глаза?

Решение оказалось простым.

— Я могу закрыть глаза? — спросила прежде, чем успела испугаться такого вопроса.

Лорд Снэш едва заметно кивнул, и я смежила веки.

Но стало только хуже. Отсутствие зрения обострило другие чувства, сделав прикосновение к моей руке еще ярче, а близость феникса — ощутимее. Даже не знала, можно ли назвать происходящее осмотром, — все было совсем не так, как в тот раз, когда меня осматривал доктор Шайн. Меня не заставляли вставать и снова садиться, не клали руку на лоб, да и в целом казалось, что не происходит вообще ничего. Что время застыло и я увязла в нем, как в жидком, подобном меду, янтаре.

Рука в руке. Простое человеческое прикосновение, от которого по кончикам пальцев в какой-то момент стало разливаться легкое покалывание. Поднимаясь все выше, оно плавно охватывало руку до локтевого сгиба, плеча, переходило на шею... Как будто теплый, искристый и чуть шершавый свет проникал прямо под кожу.

Свет под кожей... как у феникса.

Я уже не замечала, что мысли текут вяло и так же застревают в янтаре, которым обратился весь окружающий мир. Воздух. Мое сознание.

Свет проникал все глубже, словно бы впитывался в самую кровь, пробирался все ближе и ближе к той невидимой материи, которую принято называть душой. Той, с которой неотрывно сплетены внутренние искры.

— Откройте глаза. — Голос лорда Снэша прозвучал будто у меня в голове.

Яркий свет не ударил по глазам — он мягко впитался в зрачки, медленно прокатился по телу очередной теплой и немного шершавой волной. Я видела, как едва заметно мерцает между нами воздух, словно кто-то сыпал с потолка сияющую пыль. Осязала, как окружающий янтарь застывает, заключая меня в прочные, не дающие пошевелиться тиски. Чувствовала ненавязчивый аромат нейранового дерева и почему-то — мускатного ореха...

Наверное, все в этом мире имеет свой запах. Даже свет. И сейчас, когда все чувства обострились до предела, я улавливала его предельно отчетливо.

В какой-то момент накрывающие меня волны исчезли — плавно и неуловимо. Притупились запахи, воздух Перестал мерцать, зато я почувствовала, что у меня затекла правая нога и та самая рука, которую держал в своей лорд Снэш.

А потом я вдруг заметила нечто удивительное. Направленные на меня глаза, которые, как и у всех фениксов были охристо-янтарными, сейчас становились прозрачными. Уходящий из них свет забирал с собой все цветовые оттенки, чего быть попросту не могло. Ведь общеизвестно, что глаза у фениксов бесцветными не бывают...

Стоило мне обратить внимание на эту деталь, как внезапно заметила и другое. Еще вчера в аудитории мне показалось, что от лорда Снэша исходит нечто болезненно-темное, мешающее свободно дышать... Сейчас это чувство усилилось во сто крат. Я буквально наяву увидела скрутившую его боль. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Ни единым намеком, ни единым неосторожным вздохом он ее не выдал. Но я видела эту боль — практически агонию, которая накрыла его в считанные секунды.

Пресветлый, что со мной? Это галлюцинации или я правда вижу... *что-то*? Это ведь как-то ненормально!

Не успели все эти мысли пронестись в голове, как я совершила поступок, который и сама не могла толком объяснить. Да что там толком — вообще никак объяснить не могла! Лорд Снэш уже отпуская мою руку, когда я неожиданно для самой себя крепко сжала его ладонь. Еще успела увидеть промелькнувшее в прозрачных глазах изумление, после чего на какое-то время выпала из реальности. А когда к ней вернулась, помнила только, что видела мелькнувшую перед закрытыми глазами яркую световую вспышку — такую же, как когда пыталась поставить защиту на дверь.

Когда я снова открыла глаза, в кабинете висела абсолютная тишина. Можно даже сказать — гробовая.

Обнаружив, что до сих пор сжимаю руку феникса, я, запоздало смутившись, ее отпустила.

Риах возьми, что я наделала? Что я вообще только что сделала?! Уму непостижимо — сама схватила за руку феникса! Это не просто в глаза посмотреть... кажется, можно паковать свой единственный чемодан. Меня точно исключат.

Да, я ожидала всякого: последовавшего за моей выходкой негодования, напоминания о субординации, раздражения, на худой конец! Но только не того, что феникс, посмотрев на меня охристого цвета глазами, глухо спросит:

— Как вы это сделали?

«Сделала что?» — мысленно спросила я.

— Пожалуйста, простите, — произнесла уже вслух. — Честное слово, не знаю, что на меня нашло!

Что собирался ответить лорд Снэш, так и не узнала, поскольку неожиданно заговорил доктор, о присутствии которого я совсем забыла:

— Ну что там, Нор? У тебя такое лицо, как будто ты действительно в ней самую тьму увидел!

Я непонимающе посмотрела сначала на господина Шайна, затем на лорда.

Тьму? При чем здесь тьма?

— Тьмы в ней нет, — теперь уже привычно ровным голосом ответил лорд Снэш. — Но есть искры.

— Как и в каждом из нас, — хмыкнул доктор.

Феникс наградил меня долгим немигающим взглядом и спустя паузу уточнил:

— Четыре искры.

Смысл сказанного до меня и до доктора доходил с одинаковой скоростью — скоростью той самой засыпающей улитки, с которой я ползла во врачебное крыло.

Сначала я подумала, что ослышалась. Затем, что просто не так поняла слова лорда Снэша. Но по мере того, как пауза затягивалась, я начинала осмысливать невероятный по своей сути факт. Ошибиться мог доктор, осматривающий меня в детстве, доктор, который позже меня лечил... возможно, даже доктор Шайн. Но феникс из сильнейшего дома ошибиться не мог никак!

— Четыре? — спустя целую вечность выдохнула я.

— Это невозможно, — вслед за мной произнес господин Шайн.

— Невозможно, — согласился лорд Снэш, не сводя с меня пристального взгляда. — Но это так.

В отличие от меня, доктор все еще испытывал сомнения. Поднявшись с места, обошел стол и, подойдя ко мне, спросил разрешения снова коснуться моих искр. Подвергаться которому по счету осмотру я хотела не слишком, но все-таки позволила ему это сделать. Когда спустя несколько минут он озадаченно повторил то же число, которое ранее озвучил лорд, в кабинете снова воцарилась тишина.

«Четыре искры, — набатом билось в сознании. — У меня четыре искры!»

Четыре искры у той, кто всю жизнь обладала одной-единственной — до того тусклой, что даже магии обучаться не могла.

— Вы ведь говорили, что количество искр не может увеличиваться, — севшим от волнения голосом обратилась я к доктору Шайну.

— Оно и не может, — пребывая в явном замешательстве, отозвался тот и тут же философски заметил: — На любое правило находится хотя бы одно исключение. И, похоже, такое исключение сейчас сидит прямо перед нами.

Я была слишком потрясена, чтобы взвешивать все плюсы и минусы своего нынешнего положения. Но одно знала точно: конкретно это исключение из правил — огромная, если не сказать феноменальная редкость, игнорировать которую никто не станет. И чем мне все это грозит, пока непонятно.

— Это весьма... необычно, — наконец произнес феникс. — Прежде мне с подобным сталкиваться не приходилось. Никому из нас не приходилось. Я обещал, что, осмотрев вас, проясню ситуацию с вашими искрами, но все неожиданно усложнилось. Пока мы не знаем, почему их количество растет и как это происходит. Поэтому предлагаю следующее. Вы, мисс Трэйндж, будете каждый вечер приходить в этот кабинет. Доктор Шайн будет проводить осмотр и фиксировать количество искр. Возможно, их рост прекратится. Но если этого не произойдет, мы попытаемся выявить закономерность, по которой их число изменяется.

— То есть от меня требуется только ежевечернее посещение доктора? — уточнила я.

Лорд Снэш кивнул:

— Продолжайте учиться, заниматься привычными делами. Если потребуется, скорректируем вашу программу в обучении магии. Хотя, пожалуй... — В охристых глазах промелькнула задумчивость. — Вы ведь не знаете даже основ магии, так?

Получив подтверждение, он предложил:

— Как вы смотрите на то, чтобы заниматься дополнительно? — и, не успев я ответить, как он добавил: — Впрочем, это мы обсудим позже. Сейчас можете идти, мисс Трэйндж.

Из кабинета я выходила на едва гнущихся ногах и в совершенно смешанных чувствах. Намерение где-нибудь уединиться только окрепло, и вместо того, чтобы идти в комнату, я решила поискать библиотеку. Хоть феникс и сказал, что, вероятно, мне будет предоставлена возможность дополнительных занятий, от идеи подтянуть некоторые предметы самостоятельно я не отказалась. Да и побыть в одиночестве опять-таки хотелось. Требовалось привести в порядок мысли, а заодно и чувства, которые в последние дни были самыми разными.

Не успела я пройти по навесному коридору, соединяющему врачебное крыло с основной частью корпуса, как впереди блеснул яркий свет. Вытянутый, примерно в человеческий рост, овал появился прямо в воздухе, рассыпая вокруг золотые искры.

Мне доводилось слышать, что некоторые фениксы умеют мгновенно перемещаться из одного места в другое, но наяву я такого еще не видела. Поэтому непроизвольно замерла, когда в светящемся «овале» показался мужской силуэт. После того как свет погас, силуэт приобрел узнаваемые очертания — лорда Кайла Снэша. Лорда, который находился последним в списке тех, с кем я хотела бы сейчас столкнуться.

Но я стояла посреди коридора, откуда существовало всего два пути: вперед и назад. Возвращаться было глупо, и, хотя Кайл Снэш начал стремительно двигаться мне навстречу, я продолжила путь.

Может, он вообще меня не помнит. С чего блистательному фениксу запоминать невзрачное лицо девушки из низов? В прошлый раз он просто хотел на меня посмотреть. Наверняка посмотрел, убедился, что во мне нет ничего особенного, и тут же забыл. Это у меня наша единственная встреча вызвала бурю еще долго не стихающих эмоций — все как одна негативных.

Надежда на то, что меня не вспомнят и пройдут мимо, рассыпалась, как карточный домик, когда мы с фениксом поравнялись. И вспомнил, и мимо не прошел. И за руку схватил, потянул на себя, вынуждая остановиться, чего я никак не ожидала.

Солнечный луч, прошедший сквозь оконное стекло, отблеском отразился от насмешливых, направленных на меня глаз. Я, как будто в замедленном сне, увидела и его, и кончики собственных

взметнувшихся волос, с которых неожиданно соскользнула лента. А может, он за нее дернул и я просто не заметила?

— Ну здравствуй, мышка, — усмехнулся лорд, неуловимо отгеснив меня в сторону.

Я оказалась прижата спиной к стене, а он небрежно уперся в нее одной рукой и, нависая надо мной, смотрел сверху вниз.

— Что вам нужно? — Я уткнулась взглядом в его подбородок.

— Мне скучно, — подцепив кончик моей частично расплетенной косы, Кайл пропустил пряди через пальцы, расплетая ее окончательно. — А ты забавная. Самая настоящая мышка, но что-то такое в тебе есть...

Я только открыла рот, намереваясь ответить, когда он внезапно произнес:

— Развлеки меня.

И снова этот тон — насмешливый, уверенный, с отчетливым оттенком скуки.

— Я вам не цирковая обезьянка, — процедила, с трудом сдерживаясь, чтобы не высказать все, что думаю.

— Конечно нет, — склонившись чуть ближе, согласился феникс. — Ты мышка. Серая храмовая мышка, у которой нет ни нормального дома, ни семьи. Ни происхождения, ни богатства, ни даже выдающейся внешности. Но тебе дважды повезло, мышка. Ты попала в институт и риах знает чем привлекла мое внимание. Пожалуй, я не прочь уделить тебе немного времени. Ну же, — в направленных на меня глазах плавилось золото. — Я не обижаю мышек. Если мне понравится, даже щедро вознагражу.

Не знаю, что отражалось на моем лице в этот момент. Не знаю, предполагал ли Кайл Снэш, что сделает «мышка» в следующую секунду.

Возможно, разумнее было сдержаться. Но внутри все буквально вскипело от возмущения и гнева, и я, ведомая порывом, с размаху влепила ему пощечину.

Да, возможно, сдержаться было бы разумней. Но я ни о чем не жалела — ни в тот момент, когда на светлой коже отпечатывался красный след моих пальцев, ни когда феникс, словно не веря сам себе, коснулся щеки.

На несколько коротких мгновений в его взгляде отразились изумление и неверие. Он в самом деле даже мысли не допускал, что кто-то может ему отказать, особенно — какая-то безродная девчонка. В эти короткие мгновения расплавленное золото, что плескалось в глубине его глаз, постепенно затапливало всю радужку. Застывало, превращалось в стужу и холодный, режущий свет.

Но клокочущая во мне злость из-за несправедливости, из-за унижительного положения, в которое меня снова поставили, не позволила испугаться. Глядя прямо в глаза явно разозленного феникса, я не испытывала ни капли страха.

Одному Пресветлому известно, что бы случилось дальше. Что бы он сделал в порыве ярости, не прозвучи внезапно поблизости знакомый, привычно ровный голос:

— Отойди от девушки.

Медленно повернув голову, я увидела направляющегося к нам лорда Нориана Снэша.

Нориан

Боль ушла. Исчезла без «жидкого янтаря». Исчезла в тот момент, когда она сама взяла меня за руку. Очередное совпадение? Или уже закономерность, которую необходимо понять? Так же, как и увеличивающееся количество ее искр.

Тьмы в ней нет. Более того — искры настолько чистые, настолько светлые и яркие, что даже удивительно. Такие встречаются только у фениксов и очень редко — у аэллин.

Собираясь провести осмотр, чтобы проверить Иниду Трэйндж на присутствие в ней тьмы, я даже не подозревал, что обнаружу столько интересного. Пожалуй, стоило ее осмотреть еще и ради того, чтобы увидеть лицо Шайна. Не так часто можно наблюдать изумленным этого прожженного скептика. Впрочем, мое собственное изумление было ничуть не меньшим. Даже *большим*, если учесть притихшую боль.

Взглянув на часы, обнаружил, что до аудиенции с императором осталось полчаса. Но вместо того чтобы немедленно отправиться во дворец, почему-то пошел вперед по коридору. Не задумываясь о

направлении, наступал на блики солнечного света, устилающего глянцевого бежевый пол.

Инида Трэйндж. Такая простая на первый взгляд. И такая сложная в действительности.

Что с ней не так? В чем кроется эта особенность и чем вызвана? Нужно поднять архивы, вплотную заняться этим вопросом. Возможно, когда-то уже были зафиксированы случаи, схожие с ее.

В памяти непроизвольно всплыла вчерашняя лекция. И она — несмотря на опоздание и свой вид, уверенно входящая в аудиторию. Не требовалось долго думать, чтобы понять, чем вызвано и то и другое.

Инстинкт защищать слабых, в той или иной степени присущий всем фениксам, подталкивал вступить. Жег каленым железом, заставлял кровь вскипать при виде многократно залатанной формы и слегка подрагивающих уголков губ. Но вмешаться в этой ситуации означало сделать еще хуже. Хуже для нее.

Блики продолжали стелиться под ногами. Свет попадал на кожу, даря слабую, но подпитку. Странно. Впервые за очень долгое время он не был нужен как воздух, не напоминал о необходимости постоянно принимать «жидкий янтарь». Просто проникающее сквозь окна солнце.

Появление неподалеку брата ощутил, еще не войдя в навесной коридор. Его свет, родственник моему, но все же отличающийся, не спутать ни с каким другим. Резкий и прохладный, не дарящий тепло — такой же, как сам Кайл.

Первое, что увидел, ступив в коридор, — струящиеся по хрупким плечам, достающие до пояса яркие волосы. Рыжее, рождающееся в солнечных лучах пламя.

Карие, врезающиеся в память глаза... Как мог раньше думать, что она некрасива?

Показалось, что остановился всего на миг. Просто стоял и смотрел, как замороженный. И жжение в груди... Нет, не то, что является привычным и знакомым. Новое, испытанное всего раз, после того как спас ее на проклятой крыше.

Воздух рассек звук пощечины.

Отмер, оценил ситуацию. Подумал, что этот день стоило прожить еще и для того, чтобы увидеть потрясенное лицо братца. Не составило труда понять, чем он это заслужил. Удивило другое: женщины падали

к его ногам. Все без исключения. Ему стоило лишь пожелать. Посмотреть так, как умел только он. Некоторым фениксам, помимо прочего, от рождения даются некоторые способности. Ему досталась способность обольщать. Об этом знал ограниченный круг лиц, и, разумеется, о таком не распространялись.

Никто не испытывал даже желания ему сопротивляться. А мисс Трэйндж вот воспротивилась. Еще и пощечину влепила.

— Отойди от девушки, — произнес я, приближаясь к ним.

Кайл пребывал в ярости. Но я, к своему очередному удивлению, в этом не слишком ему уступал. Собственная реакция казалась необоснованной. Нет, ее вызвал не только инстинкт. Этот жгучий гнев рождало нечто другое. Но, конечно, не тот факт, что практически на моих глазах обидели именно *ее*. Нет, разумеется, нет...

Реакция у Кайла была отменной, и его внимание мгновенно переключилось на меня.

— Ты? — В следующую секунду его губы изогнулись в хищной усмешке. — Ну, здравствуй, братишка.

Отстранившись от Иниды, он развернулся ко мне. Следовало бы заставить его извиниться, просить прощения за свое скотское поведение, но это всегда бесполезно. В его лексиконе нет слова «прости», а совесть отсутствует и подавно.

— Приношу извинения за своего брата, мисс Трэйндж, — пришлось говорить за него. — Вы можете идти.

Попутно отметил, что страха в карих глазах нет. Все что угодно, но только не страх отражался сейчас в них. Она осознавала, что сделала, была готова к последствиям, но не боялась. Это невольно восхищало.

— Ты, кажется, не видел, что произошло, — прищурившись, процедил Кайл.

— Ошибаешься, — пришлось призвать всю силу воли, чтобы не подчиниться эмоциям. — Я видел достаточно. Ты позволил себе неподобающее поведение в отношении воспитанницы института. И, насколько мне известно, не в первый раз. Если еще хоть раз я узнаю о чем-то подобном, доступ в Институт аэллин для тебя будет закрыт.

Судя по виду, инстинкт защищать в Кайле окончательно сменился желанием убивать.

— Ты не можешь! И не посмеешь...

— Не могу? — усмехнувшись, перебил его. — Снова ошибаешься. Волею императора я отвечаю за безопасность института. И все, кто будет нарушать покой студенток, больше не ступят на его территорию.

Пока мы разговаривали, мисс Трэйндж, проявив благоразумие, удалялась прочь. Кайл замечал это и хотел ее остановить, что отчетливо читалось на его лице. Но не стал, сконцентрировавшись на мне. Нас никогда нельзя было назвать любящими родственниками. Стена, воздвигнутая между нами много лет назад, с тех пор стала только крепче.

— Не слишком ли много ты на себя берешь? — с угрозой в голосе спросил Кайл. — Думаешь, отсидевшись в своем Приграничье, набрался опыта и сил? Только нам обоим известно, дорогой братец, чего на самом деле стоит твоя сила. Слышал, даже «жидкий янтарь» уже не способен тебе помочь?

Задеть меня у него не получилось.

— А еще нам обоим известно, почему ты регулярно посещаешь доктора Шайна, — ответил ему в тон. — Или мне напомнить об этих причинах?

Зато мне удалось задеть его. Да, это был запрещенный прием. Но с ним иначе нельзя.

Лицо Кайла окаменело, но лишь на несколько мгновений. После чего его губы сложились в кривую усмешку, и он небрежно бросил:

— Не думай, что сможешь манипулировать мной, Нор. Я буду приходить сюда, сколько захочу и когда захочу. И у меня есть на то законное право — те самые, не нуждающиеся в напоминании причины. Как ты знаешь, Шайн дома не принимает.

У него всегда была привычка оставлять за собой последнее слово. Вот и теперь, не дожидаясь ответа, Кайл открыл проход и в считанные секунды исчез, оставив после себя россыпь быстро погасших искр.

ГЛАВА 9

Библиотека моих ожиданий не оправдала. В том смысле, что уединения я здесь не нашла, — желающих ею воспользоваться оказалось на диво много. Это было одно из тех немногих мест, где аэллины и ниллэ могли пересечься, но первых здесь сейчас находилось заметно больше.

Аэллины с разных курсов восседали за длинными столами, изучали какие-то книги и делали заметки в тетрадях. Среди них я заметила и парочку второкурсниц-ниллэ, кропотливо работающих над заданным им проектом. Насколько я слышала, на втором курсе им давали масштабное практическое задание, касающееся созидательной магии. Точнее, давали тем, у кого для его выполнения хватало искр. Конкретно эти девушки выращивали небольшое, сотканное из света декоративное деревце и окружающий его цветочный сад. Выглядело красиво.

Интересно, я с учетом новообретенных искр когда-нибудь смогу сделать нечто подобное?

Несмотря на многолюдность, я не ушла. Подойдя к высокой стойке — такой высокой, что за ней едва-едва можно было разглядеть библиотекаря, — попросила дать мне книги по основам боевой, бытовой и созидательной магии. Конечно, бытовая и созидательная магия у нас начинались только во втором семестре, но лучше ознакомиться хотя бы с азами заранее.

— Тьфу, — раздалось наверху вместо ответа. — Всех библиотечных проводников разобрали! Говорю-говорю руководству, что нужно новых создавать, а они все только и знают, что отмахиваться...

Раздался негромкий протяжный скрип, и стойка вдруг стала стремительно уменьшаться в размерах.

— Ну, конечно, кто станет слушать какого-то старого библиотекаря? — тем временем продолжалось ворчливое бормотание. — Никакого уважения, никакого былого почета, пренебрежение одно...

Вскоре скрип прекратился, стойка приняла высоту стандартного письменного стола, и библиотекарь посмотрел на меня снизу вверх сквозь стекла круглых очков. Им оказался человек преклонных лет, я бы даже сказала — дедушка, с залысинами между двумя пучками курчавых волос и... прикованный к креслу. Честно признаться, таких кресел я еще не видела. Слышала, конечно, что в последние годы для людей, ограниченных в физических возможностях и не поддающихся лечению магией, разработаны такие специальные средства передвижения. Но вот видеть не видела.

— Следуйте за мной, пожалуйста, — прекратив ворчать, велел библиотекарь.

И, ловко вращая колеса кресла, на котором сидел, поехал вперед. Без промедления двинувшись следом, я осматривала огромные, подпирающие высокие потолки стеллажи, на которых хранились тысячи и тысячи книг. Эту библиотеку не зря называли одной из крупнейших в Артогане — таковой она и была.

Так же как и во всем замке, здесь было много света и простора, только подчеркивающего количество заполненных стеллажей. Те же украшенные позолотой барельефы и бордюры на потолке, а вот стены — нежно-голубые, успокаивающие и настраивающие на рабочий лад.

Даже представить сложно, как в этих книжных лабиринтах можно ориентироваться. А библиотекарь ориентировался прекрасно. Доведя меня до прохода, обозначенного номером двадцать три, уверенно в него свернул. Мы шли... точнее, я шла, а он ехал, по самому настоящему книжному коридору. Книги были повсюду, их длинные ряды убегали далеко вперед, теряясь в размытой туманной дымке, — должно быть, какая-то охранная магия, установленная на особые отделы.

— О, а вот, кажется, и проводник один освободился, — внезапно остановившись, хмыкнул библиотекарь. — Ну-ка, лети сюда...

Не прошло и десяти секунд, как около нас появился летающий огонек — не такой большой и яркий, как те, что сопровождали первокурсниц, но очень на них похожий.

— Ну, теперь уж сама все отыщешь, — обратился ко мне библиотекарь. — Те книги, что нельзя выносить из библиотеки, помечены красными ярлычками. Можешь брать, но читать только

здесь. Как выберешь все необходимое, подходи ко мне. Проводнику достаточно назвать тему, и он все покажет.

Я только и успела, что поблагодарить, как библиотекарь уже колесил в обратную сторону. На миг остановившись, он обернулся и бросил через плечо:

— Да, и левитационные заклинания осторожно применяй. Если повредишь что — будешь возмещать ущерб.

На своем кресле он ездил до того резво, что у меня не было времени ни задуматься над тем, зачем нужны левитационные заклинания, ни тем более об этом спросить. Понимание пришло, когда библиотекарь скрылся за поворотом.

Запрокинув голову, я посмотрела на верхние полки, находящиеся под самым потолком, и вздохнула. Левитационные заклинания — это, конечно, прекрасно. Только что делать той, кто совсем не представляет, как ими пользоваться?

Рассудив, что решать проблемы нужно по мере их поступления, я назвала проводнику наиболее важную для меня тему: боевая магия. Не прошло и пары мгновений, как он уверенно полетел вперед и вскоре остановился около одного из стеллажей. А когда я подошла, облетел его вдоль и поперек, как бы говоря, что все нужные книги находятся в нем.

Размах я оценила. Целый огромный стеллаж, посвященный одной только боевой магии! Пришлось конкретизировать запрос. И когда к фразе «боевая магия» я добавила слово «основы», круг подходящей литературы сузился.

Через некоторое время у меня на руках оказались книги и по боевой магии, и по бытовой, и даже парочка по созидательной. Отбирала я их долго и тщательно, специально отыскивая те, где нет красного ярлычка. Поскольку, похоже, единственное место, где я смогу спокойно заниматься в одиночестве, — это моя комнатка. А еще, кажется, Гай, желая насолить, на самом деле оказал мне услугу. Пусть моя «кладовка» маленькая и неудобная, зато в ней нет соседок и никто меня там не побеспокоит. А сделать ее уютной мне по силам — вот дождусь выходных и наведу там порядок. И домой съездить можно, кое-какие вещи забрать...

Пока я об этом думала, проводник по моему запросу отыскал книги по этикету. Учебник, который у меня имелся, был рассчитан на

девушек, изучающих этикет не один год. А мне опять же требовалось узнать основы.

И вот тут меня поджидала трудность: нужная полка находилась высоко. Не под потолком, конечно, но просто так до нее не дотянуться.

Осмотревшись, я обнаружила стоящую в конце образованного стеллажами коридора лестницу. Недолго думая приблизилась и заколебалась: воспользоваться ею или все же попросить помощи библиотекаря? Насколько я могла судить, лестницей здесь пользовались редко, но на вид она казалась прочной.

Мне не очень хотелось привлекать к себе всеобщее внимание и лишний раз расписываться в собственной несостоятельности. А в том, что находящиеся в библиотеке ниллэ услышат и разнесут новость о моей неспособности пользоваться банальным левитационным заклинанием, я не сомневалась. Поэтому решила действовать своими силами и, взявшись за железные прутья, принялась осторожно двигать лестницу в нужном направлении. Ее верхняя часть была соединена со специальным пазом в стеллаже, и передвигать лестницу оказалось легче, чем мне представлялось.

Когда она оказалась на месте, я попыталась ее расшатать и, убедившись в прочности, принялась карабкаться вверх. Проводник маячил рядом, освещая несколько книжных корешков. На то, чтобы взять нужные книги, много времени не ушло, и я уже собралась спускаться, когда внезапно заметила толстую тетрадь, лежащую поверх остальных книг. Точнее, сперва решила, что это тоже книга, но, взяв в руки, обнаружила, что это не так. Переплет был кожаным, с хорошо заметными потертостями и частично стертой золотой надписью: «Аэлина Лейстон».

— Кто-то забыл здесь свой дневник? — вслух спросила я у самой себя.

Чтение личных дневников считала занятием недостойным, поэтому внутрь заглядывать не стала. Конечно, можно было оставить его там же, где нашла, но я решила, что будет лучше отнести свою неожиданную находку библиотекарю.

К стойке я подходила, нагруженная увесистой стопкой. Еще с четверть часа пришлось отстоять в очереди, после чего библиотекарь наконец по одной принял у меня книги и внес записи в журнал.

Когда последняя книга была вписана в соответствующую графу, я положила на стойку дневник:

— И вот еще, нашла его среди книг. Наверное, кто-то случайно оставил...

Библиотекарь сначала долго смотрел на дневник, затем поднял недовольный взгляд на меня — недовольный настолько, что, кажется, даже стекла его очков могли не выдержать и треснуть.

— Думаешь, это смешно? — Голос ничем не уступал взгляду. — Пошутить решила, да?

— Простите? — искренне удивилась я.

— Не прощаю! — отрезал библиотекарь и в своей, видимо, любимой манере снова принялся ворчать: — Никакого уважения, никакого пиетета! Что у преподавателей этих снобов, прости Пресветлый, что у молодежи нынешней...

— Ты еще долго будешь стоять столбом? — раздраженно бросила стоящая за мной в очереди ниллэ. — Шевелись давай!

Похоже, правила вежливого обращения некоторые мои однокурсницы применяли исключительно на уроках этикета. Не обратив на нее внимания, я вновь повернулась к библиотекарю:

— Простите, я никак не хотела вас обидеть. Но что не так с этим дневником?

— Да с каким дневником?! — окончательно вскипела стоящая за мной девица. — Ты совсем, что ли, полоумная?

— Так, — нахмурившись, вставил библиотекарь, — получила книги — иди читай, не задерживай остальных, будь добра.

Ничего не понимая, я придвинула к себе стопку, машинально водрузила на нее дневник, чем заработала еще несколько недоуменных взглядов, и направилась к выходу. Если до этого была мысль провести немного времени в читальном зале, то теперь она окончательно исчезла.

Что до дневника, то, раз уж с ним сложилась такая странная ситуация, я решила сама узнать, кто такая аэллина Лейстон, и лично его ей отдать.

С ужином мне сегодня повезло. К тому времени как я отнесла книги в свою комнату и пришла в столовую, там уже почти никого не было. То же везение сопровождало меня и в ванной, куда я наведальась очень поздним вечером. Впрочем, на этом оно и закончилось.

Когда вышла из душа и собралась переодеться, обнаружила, что моя одежда исчезла. И форменное платье, и чулки, и даже сменное белье. Туфли пропали тоже.

С мокрых волос капала вода, стекающая по позвоночнику. Кожа покрылась мелкой дрожью, но не из-за холода, — в ванной было жарко, — а из-за негодования. Если вместо форменного платья я еще могла надеть то, в котором сюда приехала, то запасной обуви у меня не было. Это означало, что придется завтра идти на занятия босиком или не идти вообще.

Ногти впились в ладони, так сильно я стиснула кулаки. И губу закусила практически до крови.

Они хотят меня унижить, сделать посмешищем, не считают за человека. И за что? Просто за то, что я родилась в старых кварталах, а не в дорогом особняке. Просто потому, что всегда и везде находятся такие, как Эмбер и Люция. Просто потому, что всегда и везде есть те, кто, боясь стать изгоем, к ним присоединяются. И они сбиваются в стаи со своими вожаками, чтобы нападать на того, кого считают слабее.

Вот только я не слабее. Да, я родилась в старых кварталах и рано потеряла семью. Я научилась жить на чердаке и существовать рядом с теми, кто меня ненавидел. Сумела подавить гнев и отчаяние, сменив его на отчужденное спокойствие. И я не стану плакать. Не сейчас. Что такое украденная одежда в сравнении с разрушением мира, которым для десятилетней девочки стала потеря двух самых близких людей?

Закутавшись в полотенце, я решительно толкнула дверь и вышла в коридор. Из гостиной доносились приглушенные голоса, и вместо того, чтобы возвратиться в свою комнату, я решительно пошла туда.

— Я же говорила, что придет, — при моем появлении едко усмехнулась сидящая в кресле Люция.

— Что, нищенка, даже одежды нет? — с глумливой усмешкой подхватила Эмбер. — Так ты попроси, может, мы из милости к убогой что-нибудь и пожертвуем. — Она картинно поправила волосы. — Леди полагается быть милосердной даже к отбросам.

В случае этих двоих они могли либо спеться, либо загрызть друг друга. К сожалению, произошло первое.

— Леди полагается быть милосердными, — согласилась я. — Только что-то не вижу здесь леди. Одних злобных, испорченных и

самовлюбленных девиц недалекого ума.

Люция и Эмбер подскочили одновременно.

— Что ты сказала? — процедила Люция, прищурившись.

Угрозой в ее тоне я не прониклась. Не после того, как совсем недавно едва не испытала на себе гнев Кайла Снэша.

— Повторить? — спросила, глядя ей в лицо. — Или, может, сначала вернешь вещи, которые украла? Интересно, господин Бэйрси знает, что его дочь занимается воровством?

В какой-то момент показалось, что она набросится на меня, — но нет, сдержалась. А вот Эмбер сдерживаться не собиралась. Не дожидаясь, пока Люция найдет с ответом, она подошла прямо к камину и, достав откуда-то мою одежду, поднесла ее к огню.

— Что бы сжечь первым? — все с той же глумливой ухмылкой спросила она. — Может, это?

В огонь полетело белье.

— Или это? — Она взялась за чулки.

Наплевав на все, я резко направилась к ней. Не позволю! Не буду просто стоять и смотреть, как сжигают мою единственную одежду! Чулки ведь хорошие, не самые дешевые, других у меня нет! Да и не только в этом дело. Ведь каждая вещь чего-то стоит. Кто-то трудился, чтобы произвести нитки, изготовить ткань, сшить... Разве можно так относиться к чужому труду? Сжигать, выбрасывать, как будто это ничего не стоит...

Я думала, что давно научилась сдерживать и негодование, и злость. Но когда не успела вовремя перехватить Эмбер, когда она, извернувшись, все-таки бросила чулки в огонь, когда их начало пожирать яркое пламя, меня охватила настоящая ярость. Ударила в голову, заставила вскипеть кровь. Мое терпение на сегодня закончилось, и я приблизилась к точке кипения.

— Отдай платье, — потребовала севшим голосом, когда Эмбер, пряча его за спиной, отбежала в сторону.

А в следующее мгновение внезапно почувствовала, что не могу пошевелиться. Только боковым зрением заметила, что в этой сцене появилось новое действующее лицо. Не знала имени этой девушки, только помнила, что она из ближайшего окружения Эмбер.

— А это не слишком? — неожиданно произнесла Люция, на лице которой сомнение соседствовало с легким испугом. — Нам запрещено

использовать магию друг против друга...

— Не будь занудой, — отмахнулась Эмбер и, выразительно изогнув бровь, обратилась ко мне: — Добегалась, бродяжка? Ну точно, ты не только нищенка, но и самая настоящая бродяжка! Тебя сюда не звали, и тебе не место среди нас! Одно твоё присутствие в институте — насмешка над вековыми устоями! Да у тебя, как я слышала, даже искр нет! Так, всего парочка... бездарь! Ну ничего, сейчас я покажу тебе, где твоё место.

С каждой секундой её слова становились все тише и тише. Сперва мне казалось, что она понижает голос, но потом пришло осознание, что дело во мне. В обжигающем гневе, стремительно заполняющем каждую клеточку тела и окутывающем меня плотным коконом. Он застилал сознание, перехватывал дыхание, разрастался со скоростью неукротимого урагана. Я стояла рядом с камином, но в какой-то момент перестала чувствовать его жар. На краю сознания мелькнула мысль, что моё собственное тело стало таким же горячим, как само пламя, но это, конечно, было невозможно...

— Что это?! — как из-за ватной стены донесся до меня вопль Эмбер. — Лайра, прекрати!

— Это не я! — возразила та девушка, что удерживала меня магией.

Все, что происходило дальше, превратилось для меня в неразборчивый, размытый калейдоскоп образов. Казалось, что пламя повсюду. Что оно вырвалось из камина, разрослось, обратилось толстыми канатами и потянулось к тем, кто стоял напротив меня. Сердце тихо билось в грудной клетке, хотя от переполняющих меня эмоций и какой-то необъятной, необъяснимой силы должно было заходиться в бешеном ритме.

— Что за риах?! — Эти принадлежащие Люции слова частично вернули мне ощущение реальности.

Когда это произошло, накрывшая меня жаркая волна начала стихать. Зрению вернулась ясность, и я ещё успела уловить движение огня. Огня, который действительно вышел из камина и теперь возвращался обратно, оставляя своих несостоявшихся жертв стоять с открытыми ртами.

— Что здесь происходит? — Голос вошедшего в гостиную дворецкого прозвучал настолько неожиданно, что вздрогнули все.

— Пламя, оно... — запнувшись, проговорила Лайра. — Оно вдруг напало на нас!

От взгляда Гая явно не укрылась догорающая в камине ткань, но он сделал вид, что этого не заметил.

— Вы пользовались личными искрами? — спросил он, поочередно глядя на всех, кроме меня.

Очевидно, меня в список тех, кто мог использовать магию, он не включал.

— Нет, — нагло соврала Эмбер. — А если бы и пользовались, это не твое дело!

На откровенную грубость дворецкий отреагировал с легкой прохладцей:

— Ошибаетесь, это как раз мое дело. Я обязан следить за порядком и безопасностью как вверенного мне крыла, так и его обитателей.

— Это была случайность, — уверенно вставила Люция и не моргнув глазом сдала однокурсницу: — Лайра действительно использовала магию, находясь близко к камину. Полагаю, она случайно потревожила наложенное на камин заклинание, которое не позволяет пламени гаснуть. Вот оно на несколько мгновений и вышло из-под контроля.

Такое объяснение звучало не слишком убедительно... но, кажется, только для меня. Гая оно устроило, как и остальных участников этой сцены. Конечно, проще было поверить в такую версию, чем предположить, что заставить огонь выйти из камина могла «безродная бродяжка». Хотя я и сама не была уверена, что это так. На меня навалилась какая-то странная апатия и тяжесть — на плечи словно тяжелую плиту взвалили. Захотелось спать.

— Уже поздно, — заметил дворецкий. — Вам лучше разойтись по комнатам.

Первой его совету последовала Люция. За ней, бросив на меня беглый взгляд, нехотя отправилась Эмбер, за которой просеменила Лайра. Я же продолжала стоять на месте, ни о чем не думая и неотрывно глядя на танцующее каминное пламя, в котором уже почти обратилось в пепел то, что еще недавно было одеждой.

— Тебе нужно особое приглашение? — вернул меня в реальность раздраженный тон Гая.

Очнувшись, я оторвалась от созерцания камина и, подобрав свое валяющееся на полу платье, отправилась к себе. Попутно осмотрела гостиную на предмет нахождения в ней туфель, но их нигде не было.

Перспектива отправиться на завтрашние занятия босиком казалась вполне реальной, пока я не вспомнила о мягких полусапожках, прилегающих к форме для боевой магии. Может, и буду выглядеть нелепо, но это меня уже не волновало. Потерю белья и чулок как-нибудь переживу — платье осталось целым, и то хорошо. Будет мне урок на будущее — в ванной, да и вообще всегда, нужно быть внимательнее.

Все то время, пока искала туфли и шла до комнаты, чувствовала на себе неотрывный взгляд Гая. Буквально физически, всей кожей. Не уничижительный и ненавидящий, а какой-то... другой.

Заперев за собой дверь, я подошла к кровати и только в этот момент осознала, что до сих пор одета лишь в одно полотенце. Из горла вырвался нервный, почти истерический смешок — вот и объяснение повышенного внимания дворецкого.

Сил не осталось ни на то, чтобы собрать на завтра учебники, ни на то, чтобы переодеться. Нырнув в жесткую постель, я свернулась клубочком, совсем как это обычно делал Кот, и закрыла глаза. В сознании кружил хоровод обрывочных мыслей — воспоминаний сегодняшнего долгого дня, который выдался таким щедрым на разного рода «приключения».

А потом сил не осталось даже на то, чтобы вспоминать и думать. Я просто провалилась в блаженную и совсем не страшную черноту, забывшись глубоким, вязким, точно деготь, сном.

ГЛАВА 10

Почему-то именно в институте мне было очень тяжело вставать по утрам. Дома я могла подняться ни свет ни заря даже затемно и чувствовать себя прекрасно. Здесь же уже в который раз едва-едва удалось разлепить слипающиеся веки и, морщась от головной боли, заставить себя выбраться из постели.

За завтраком ко мне за столик неожиданно села Алекса, сподобившаяся поприветствовать:

— Светлого утра.

Устойчивое выражение с учетом пока еще клубящихся за окном сумерек прозвучало как сарказм.

— Светлого, — из вежливости ответила ей тем же.

Неожиданно она извлекла из сумки какую-то коробку, поставила ее на пол и, придвинув ко мне ногой, кивком велела открыть. Теряясь в догадках по поводу того, что в ней может находиться, я подняла крышку и... увидела свои туфли. Те самые, которые накануне забрала Эмбер.

— Откуда? — только и смогла ошарашенно спросить.

— Лайра — моя соседка, — исчерпывающе ответила Алекса и приступила к завтраку.

Искренне и все так же ошарашенно ее поблагодарив, я тоже принялась за еду. Меня обрадовали не столько найденные туфли, сколько поступок Алексы. Она ведь могла и не делать этого, не забирать их, не отдавать мне. Но все-таки поступила по-человечески правильно, и этот ее шаг значил гораздо больше, чем совместные дружеские прогулки и разговоры ни о чем.

Примерно на середине завтрака за некоторыми столиками стали раздаваться взрывы хохота. В последнее время я нередко ловила на себе насмешливые, издевательские взгляды, но сейчас их было как никогда много. И я никак не могла понять почему. Не из-за надетых же под платье сапог, в самом деле.

— Ага, как мухи в янтаре! — в какой-то момент прозвучала особо громкая реплика, за которой вновь последовал смех.

Мы с Алексой только переглянулись и, не стовариваясь, одновременно встали из-за стола. Первой парой у нас сегодня стоял этикет, который был единственным не особенно нравящимся мне предметом. Накануне, после возвращения из библиотеки, я провела целых два часа за изучением основ. То, что другие узнавали с пеленок, мне приходилось усваивать буквально на лету, но даже этого было недостаточно. Казалось бы, реверансы, обращения, титулы — ну что тут сложного? Читай и запоминай. Но нет. Там было столько нюансов, что в голове быстро возникала путаница.

День, начавшийся с приятного события в виде возвращения туфель, продолжился ужасно. Преподавательница этикета неожиданно решила провести опрос, задавая вопросы всем по очереди. Не знаю, было то случайностью или нет, но именно мне вопросы задавались чаще всего. И даже при моих скудных познаниях было очевидно, что выбирают такие, на которые именно мне ответить сложнее всего.

— Прискорбно, мисс Трэйндж, — покачала головой леди Ягольтчейн, которую мне уже расхотелось называть Ягодкой. — Весьма прискорбно, что вы не знаете таких элементарных вещей. Минус два бонусных балла. Если не отработаете их и будете продолжать в том же духе, боюсь, провалитесь на первом же зачете.

На этот раз раздавшиеся вокруг смешки были сдержанными — конечно, мы ведь на уроке этикета. Не пристало леди гоготать.

Все это было малоприятно, но упасть духом я себе не позволила. Кажется, как вчерашним вечером часть моих эмоций покрылась ледяной коркой, так до сих пор под ней и оставалась.

Так я думала до того момента, как пришла на боевую магию.

В институте существовала специальная комната, где девушки могли переодеться к занятиям, чтобы не бегать каждый раз в жилой корпус. Но я, по понятным причинам, предпочитала переодеваться у себя. Вот и сейчас, потратив большую часть перерыва, наведальась в жилое крыло, сменила одежду, а когда пришла в аудиторию, не сразу поняла, что происходит.

Занятие по боевой магии для аэллин и ниллэ сегодня проходило отдельно. Насколько я поняла из обрывков разговоров, у аэллин на это время был назначен какой-то плановый осмотр, поэтому в аудитории находились только ниллэ.

Лорд Снэш еще отсутствовал, и его место за преподавательским столом заняла Эмбер. Вокруг нее столпились почти все остальные однокурсницы, в стороне осталась разве что Алекса. Когда я вошла, головы всех повернулись ко мне, кто-то чуть отступил от стола, и я увидела лежащую на нем раскрытую толстую тетрадь.

— Нет, ну вы только послушайте! — Глаза Эмбер возбужденно блеснули, и она поднялась на ноги. — Ты только меня не пускай — не пускай одной улететь!

Смешки переходили в откровенный хохот — такой, какой не так давно стоял в столовой.

— Никому, молю, не отдай, — кривляясь, продолжила Эмбер. — С тобой позволь догореть!

Я как будто умерла.

Умерла прямо здесь и сейчас, когда по всему тому, что я изливала на бумагу, потоптались десятками грязных сапог... нет, не сапог — красивых, но таких же грязных туфель с острыми как шило каблучками.

К горлу подступила тошнота, когда я узнала передающуюся из рук в руки уже изрядно потрепанную тетрадь. Вопрос, как она оказалась у них, мелькнул где-то на краю сознания и тут же исчез. Вспомнилось, что еще до того, как установила на свою каморку защиту, обнаружила ее дверь незапертой. Тогда я осмотрела личные вещи, проверила, не пропали ли учебники... а про тетрадь, куда долгие годы записывала стихи, не вспомнила. За суетой последних дней вообще забыла о ее существовании!

— Мы застываем в янтаре, — с пафосом подхватила Люция, к которой перешла несчастная тетрадь. — Как мухи на...

Она замолчала, и все рассмеялись грубой недосказанной шутке.

Я стояла, не шевелясь и чувствуя себя ледяным изваянием.

«Не по-настоящему, не со мной...»

Нужно только окончательно заморозить эмоции, позволить им покрыться ледяной, защищающей душу и сердце броней. Не разрешать всему этому влиять на меня. Никто не сможет меня унижить, пока я сама не признаю себя униженной. И я не признаю. Не стану требовать отдать тетрадь, прыгать перед ними, плакать, они именно этого и ждут.

Только один человек не смеялся вместе с ними, только в одном взгляде отражалась толика сочувствия — Алекса. Но она не вмешивалась, да я на другое и не рассчитывала. Одно дело — дать отпор, когда задевают лично тебя, и другое — встать на чью-то защиту, выступив против большинства.

— А вот это! Вы только послушайте! — забрав у Люции тетрадь, снова перехватила инициативу Эмбер.

Над какими следующими строчками она хотела поиздеваться, никто так и не узнал.

Дверь громко хлопнула, оборвав царящий шум, и в аудиторию вошел лорд Норриан Снэш. Все так и замерли в тех же позах, в каких находились до его прихода. Обведя всех пробирающим до дрожи взглядом, он посмотрел на меня.

По ощущениям, моя спина была такой прямой, словно я проглотила кол. Превратившись в само сосредоточение напряжения и нервов, старалась ничем этого не выдать. Спрятать боль и обиду настолько глубоко, чтобы ее не смог распознать никто. Даже феникс. И его взгляд я встретила внешне спокойно и решительно. По крайней мере, надеялась, что это так.

Мы смотрели друг другу в глаза несколько долгих мгновений, а затем лорд Снэш, обращаясь ко всем, кроме меня, спросил:

— Что здесь происходит?

Было нечто забавное в том, что точно такой же вопрос вчера вечером задавал вошедший в гостиную Гай. Только вот феникс не дворецкий. И в его интонации было столько скрытой силы, властности и затаенной угрозы, что напряжение накалилось до предела. Я буквально физически почувствовала, как однокурсницами синхронно завладело одно-единственное желание — исчезнуть.

— Мне повторить вопрос? — В воцарившейся тишине его голос звучал, точно набат.

Заговорить осмелилась Эмбер. Поспешно выйдя из-за преподавательского стола, присела в реверансе и, опустив глаза, с несвойственными ей робостью и застенчивостью проговорила:

— Простите, лорд Снэш. Мы увлеклись. Смеялись и разговаривали слишком громко, я позволила себе занять ваше место. Этого больше не повторится.

Все, опомнившись, как по команде повторили за ней неизменный реверанс. А у меня ноги одеревенели настолько, что я со своими умениями и пытаться не стала. Да и глупыми сейчас казались все эти поклоны.

Лорд сделал несколько шагов вперед и, не сводя с притихших девушек немигающего взгляда, переспросил:

— Смеялись и разговаривали?

До этого момента я и подумать не могла, насколько сильное подавляющее впечатление может производить феникс. Нет, в тот момент, когда он спас меня на крыше, я на короткие мгновения видела его истинное обличье, но тогда он был другим. Теплым. Защищающим. Сейчас же казалось, что, несмотря на легкое, перекатывающееся под его кожей сияние, он источает холод. Могла бы поклясться, что имя этому холоду — злость. Злость, скрывающаяся под маской обманчивого спокойствия.

— Леди Шайдар, отдайте то, что сейчас находится у вас в руках.

Я заметила, как Эмбер вздрогнула, прежде чем, не отрывая взгляда от пола, подошла к лорду Снэшу и протянула ему тетрадь.

— Не мне, — показалось, лед в его тоне усилился. — А человеку, которому она принадлежит.

«Он слышал, — пронеслась в сознании лихорадочная мысль. — Слышал, что они читали стихи. И понял, кому эти стихи принадлежат...»

Захотелось провалиться сквозь паркет, пролететь несколько этажей и оказаться глубоко-глубоко под землей. Чтобы не находиться здесь и сейчас, не сторгать от стыда и понимания, что у этой ужасной сцены был свидетель... *такой* свидетель. Почему-то именно перед ним не хотелось выглядеть жалкой. Не хотелось, чтобы он знал о всеобщем ко мне отношении, хотя, скорее всего, ему о нем было известно и так.

Я буквально услышала, как Эмбер скрипнула зубами и, со злостью глядя на меня исподлобья, передала мне тетрадь.

Измятые, местами порванные листки моей души...

— А теперь извинитесь, — ровно, но с тем же пробирающим холодом в голосе потребовал феникс.

— Что? — Эмбер так удивилась, что даже осмелилась поднять на него округлившиеся глаза. И, словно не веря своим ушам, уточнила,

кивнув на меня: — Извиниться перед *ней*?

— Вы собираетесь мне возражать? — Лорд Снэш выразительно приподнял бровь.

Этого простого вопроса было достаточно, чтобы Эмбер снова уткнулась взглядом в пол и отрицательно качнула головой. При таких обстоятельствах ей пришлось переступить через себя, хотя это явно далось ей с колоссальным трудом.

— Извини, — не глядя на меня, процедила она.

Снова повисла напряженная пауза, которую вскоре нарушил лорд:

— За что вы просите прощения, леди Шайдар? Вы ведь просто «смеялись и разговаривали».

— Но вы же... — бросив на него быстрый взгляд, она тут же отвела глаза и, поежившись, негромко проговорила: — За то, что нехорошо шутила.

— Нехорошо шутили? — Теперь в тоне феникса звучал неприкрытый сарказм.

— *Зло* шутила, — исправилась Эмбер, все так же с трудом выдавливая слова. — И взяла без спроса чужую тетрадь.

— Ну а вы, леди Бэйрси? — внимание лорда Снэша неожиданно переключилось на Люцию. — Ничего не хотите сказать? Ну же, мы все внимание. Вы так вдохновенно декларировали строчки про... кажется, мух?

Щеки и шея Люции мгновенно сравнялись тоном со спелой свеклой. Судя по виду, провалиться сквозь землю теперь желала она и совершенно не знала, куда себя деть.

— Я... — пролепетала она. — Я... прошу прощения за свое поведение.

У нее хотя бы достало ума изобразить раскаяние, которого по отношению ко мне она не испытывала уж точно.

— Вы все, помимо Иниды Трэйндж, будете наказаны, — резюмировал лорд Снэш, вновь обводя взглядом присутствующих. — Минус десять бонусных баллов по боевой магии каждой из вас.

По аудитории прокатился синхронный судорожный вздох.

— А сегодня после занятий проведете уборку на первом этаже Северной башни. Поддерживающее чистоту заклинание там давно истончилось, пора навести порядок.

Теперь к судорожным вздохам добавились ахи.

— Простите, лорд Снэш, — осмелилась заговорить еще одна ниллэ. — Мы должны убираться... без магии? То есть руками?

— Можете и ногами, если обладаете таким удивительным умением, — с непроницаемым выражением лица сыронизировал тот. — Если не справитесь за сегодняшний вечер, продолжите завтра. Если среди вас есть недовольные, можете высказаться. Если нет — занимайте места и начнем занятие. Вы уже потеряли пятнадцать минут.

Возразить, естественно, никто не посмел. Только Алекса, когда все расселись, подняла руку и уточнила:

— Наказание распространяется и на меня?

Наградив ее долгим взглядом, феникс ответил:

— Вам минус десять баллов, леди Найрес. Игнорирование несправедливости и жестокости означает их принятие. Разве не этому учил вас ваш отец?

Алекса побледнела и вздрогнула.

— Но в Северной башне можете не убираться, — добавил лорд Снэш. — На этот раз.

Если на прошлой лекции по боевой магии все сидели просто тихо, то сейчас прорезаемая голосом феникса тишина была абсолютной. Казалось, никто даже дышать не осмеливался, сосредоточенно слушая все, что он говорит, и записывая, когда это необходимо. Я же словно разделилась на две половины: одна моя часть вместе со всеми воспринимала новую информацию, а другая пребывала в полнейшем ступоре от того, что недавно случилось. Не столько из-за ставшего достоянием общественности содержимого тетради, сколько из-за поступка лорда Снэша. Он ведь вступился за меня. Извиняться всех заставил, да еще и наказание им назначил... Почему? Впрочем, глупый вопрос. Из-за врожденного благородства, вероятно. Не могут ведь все поголовно аристократы быть сосредоточением пороков.

После этого его поступка не смотреть на лорда Снэша украдкой стало еще сложнее. Я усердно напоминала себе, что испытывать к фениксу чувства, отличные от благодарности и уважения, — в высшей степени безрассудство. Но сердце, уже давно натренированное подчиняться силе воли, на этот раз противилось и устраивало маленький бунт.

В конце занятия лорд раздал всем темы докладов, которые было необходимо подготовить к следующей нашей встрече. А затем, когда до звонка осталось всего несколько минут, внезапно спросил:

— Знаете, что такое тьма? Вы думаете, что знаете. Что это злая сила, клубящаяся за защитным барьером и пытающаяся через него прорваться. Представляете ее уродливыми порождениями, монстрами, приходящими с наступлением ночи. Но все это — лишь внешняя ее часть. То, что видят глаза. Совершая разнообразные, окрашенные негативом поступки, вы сами подпитываете ее, помогаете ей стать мощнее. Думаете, почему в последние годы прорывы стали случаться чаще? Потому что чем дальше, тем больше среди нас появляется лицемеров, завистников, самовлюбленных эгоистов, воров и даже убийц. И каждая из вас, — подчеркиваю, каждая, — своим сегодняшним поступком потворствовала тьме. В следующий раз, когда вам захочется совершить нечто подобное, задумайтесь: действительно ли оно того стоит? Стоит того, чтобы однажды порождение тьмы, прорвавшись через барьер, пришло именно к вашему дому?

Звонок прервал в очередной раз повисшую вслед за его словами тишину.

Все заторопились к выходу. Я, побросав учебники в сумку, уже собралась последовать их примеру, когда подумала о том, что нужно поблагодарить лорда Снэша. Снова.

— Не вздумайте говорить мне спасибо, — словно прочитав мои мысли, произнес он, как только я приблизилась. — Это моя обязанность.

«Так же, как защищать горожан от тьмы, спустившейся на их крыши», — мысленно добавила я.

— Хорошо, не буду, — покладисто согласилась с ним. — Тогда просто скажу, что рада вашим обязанностям.

Впервые за последние полтора часа феникс улыбнулся — одними уголками губ и глазами, в которых отразился лучистый свет.

— Я могу задать вам один вопрос? — поинтересовался он спустя короткую паузу. — Если покажется слишком личным, можете не отвечать.

Я утвердительно кивнула.

— Так уж получилось, что я слышал строки, написанные в той тетради. Искаженные, но все же. Вы написали это сами?

Признаться, услышать такой вопрос я совершенно не ожидала. Лорд Снэш был прав — эти стихи для меня были чем-то очень личным. Даже более чем просто личным. Тем, что я при всем желании не смогла бы описать словами. Какой-то болезненной потребностью, отражением моего подсознания, которое я и сама не всегда могла понять.

— Сама, — все-таки ответила я.

Показалось, что феникс посмотрел на меня как-то по-новому. С особым вниманием и такой же особой заинтересованностью. А еще показалось, что отражающийся в его глазах свет наполнился чем-то таким... если бы он так смотрел на какую-нибудь аэллину, то я бы решила, что это восхищение. Но поскольку сейчас этот взгляд адресовался мне, наверное, то было просто игрой моего воображения.

— Хотел бы попросить вас что-нибудь прочитать, но, боюсь, в этом вы мне точно откажете. — Теперь улыбка его стала широкой. — Пройдемте со мной, мисс Трэйндж.

Я даже спрашивать не стала, куда мы идем, просто послушно двинулась следом. Должна сказать, я ожидала всякого. В первую очередь подумала о том, что мы сейчас отправимся во врачебное крыло. Но уж чего никак не ожидала, так это того, что мы в итоге придем к кастелянше.

Эта полная розовощекая женщина восседала за столом и со скучающим видом изучала какие-то бумажки. Вокруг размещались шкафы с различными необходимыми в быту принадлежностями: постельным бельем, полотенцами, одеждой, мылом...

— Ну кто там еще? — недовольно проговорила она, не отрываясь от бумаг. — Написано же на двери: не принимаю до трех...

Подняв глаза, она посмотрела на нас поверх квадратных очков.

Собственно, ее последовавшую реакцию можно было описать всего тремя словами: узнавание, осознание, паника. И, как следствие, резкий подъем с места, сопровождающийся слетающими на пол теми самыми бумагами. Прерывистый вздох и произнесенные с непередаваемой гаммой чувств слова:

— Л-лорд Снэш?

— Будьте любезны, выдайте мисс Трэйндж новую форму по боевой магии, — ровно произнес он. — И все остальное, о чем она вас

попросит. А также впредь, если вдруг данная студентка обратится к вам с просьбой, настоятельно прошу ее исполнить.

— К-конечно, — не переставая заикаться, кастелянша поспешно закивала. — Ч-что-нибудь еще?

Феникс сдержанно улыбнулся.

— На этом все. Извините, что побеспокоили вас во внерабочее время, — и, обращаясь уже ко мне, напомнил: — Не забудьте вечером зайти к доктору.

Видя, что я намереваюсь что-то сказать, правильно истолковал мой порыв и добавил:

— За это тоже благодарить не нужно. Разбираться с формой студенток, конечно, в мои обязанности не входит, но я бы предпочел, чтобы на моих занятиях все выглядели пристойно.

Развернувшись, он вышел за дверь. А когда его шаги стихли в коридоре, мы с кастеляншей отмерли и с одинаковой смесью растерянности и изумления посмотрели друг на друга.

ГЛАВА 11

Мысль о том, что завтрашний день станет последним перед выходными, была крайне приятной. Нет, я вовсе не устала от занятий и намеревалась корпеть над учебниками даже в свободное время. Просто хотелось получить перерыв в той «войне», эпицентром которой я невольно стала. Хотя бы пару дней не ловить на себе насмешливые взгляды, не слышать издевки, да и вообще не видеть тех, кого видеть совсем не хочется.

После урока истории, который на сегодня был последним, я дождалась, пока все однокурсницы покинут аудиторию, и подошла к магистру Дахшану. Он преподавал на обоих факультетах, и я решила поинтересоваться, не знает ли он, кто такая аэллина Лейстон.

— Лейстон? — озадаченно переспросил магистр. — Среди тех, кто сейчас учится в институте, такой аэллины нет, это могу сказать точно. Но, знаете, очень знакомая фамилия, очень...

— Может быть, она окончила обучение в прошлом году? — предположила я. — Или раньше?

— Возможно, — согласился он, все еще задумчиво хмурясь. — Что-то и впрямь знакомое, так и вертится в голове... годы, знаете ли, берут свое. А ведь в свое время у меня такая память цепкая была: что ни прочитаю, запоминаю мгновенно...

В общем, узнать, кто такая аэллина Лейстон, у магистра Дахшана мне не удалось. Разве что открыть для себя то обстоятельство, что она больше не учится в институте. Что бы ни говорил магистр, память у него до сих пор была отличная — одна любовь к точным датам чего стоила. Поэтому в его словах я не сомневалась.

И это казалось странным. Если девушка уже не студентка, то почему ее дневник оказался в библиотеке? Там ведь установлены специальные заклинания, помогающие поддерживать порядок. Даже если предположить, что аэллина окончила обучение в прошлом году, он не мог пролежать в библиотеке все лето. Его бы непременно заметили.

Еще и эта странность с тем, что ни библиотекарь, ни стоящие за мной в очереди девушки его почему-то не видели...

Вся эта история сильно меня заинтересовала. Можно было забыть о ней и отнести дневник обратно в библиотеку, но я решила попробовать во всем разобраться. Поэтому, придя вечером к доктору, первым делом задала ему тот же вопрос, который задавала магистру Дахшану. В отличие от реакции магистра, реакция господина Шайна была не такой однозначной.

— Почему вы об этом спрашиваете? — вопросом на вопрос ответил он.

Не знаю, почему я не сказала про дневник. Врать я вообще не привыкла, но все случилось как-то само собой. Ответила, что просто услышала имя в библиотеке. Разумеется, он мне не поверил. А я не поверила ему, когда он сказал, что не знает такой аэллины. Господин Шайн явно о чем-то умолчал, но допытываться я не стала — в любом случае это было бесполезно. Зато мой интерес к этой загадочной девушке сильно возрос.

Проверив количество моих искр, доктор долго молчал. Слишком долго. Я уже не знала, что и думать, и в конце концов сама поинтересовалась, что же его так озадачило. Теперь, когда мы знали о том, что число личностных искр может возрасть, вряд ли его могло удивить их изменение...

Господин Шайн заметно колебался, не зная, говорить мне или нет. Но в какой-то момент все-таки произнес:

— Их три.

Теперь его удивление передалось и мне.

Три? Но ведь вчера было четыре! Это что же получается, их количество может изменяться и в обратном направлении? И в один далеко не прекрасный момент я могу снова остаться с одной?

В ответ на мои вопросы доктор развел руками: мол, для того вы, милочка, у меня и наблюдаетесь, чтобы мы могли выявить закономерность этих странных изменений.

Словом, из врачебного кабинета я выходила еще более озадаченной, чем вчера.

Зато ужин в кои-то веки прошел приятно. Большинство однокурсниц быстро расправились с едой и отправились убираться в Северной башне. А те, кто решил присоединиться к ним позже, даже не смотрели в мою сторону. Похоже, внушение лорда Снэша сработало и меня решили оставить в покое. Другой вопрос — насколько их

хватит? Мне думалось, что большинство действительно побоится снова вызывать недовольство феникса, но насчет Эмбер я иллюзий не питала. Такие, как она, просто так не отступаются. И после сегодняшних «унизительных», по ее мнению, извинений она попытается отыграться на мне сполна.

Как и планировала, весь вечер я провела за изучением книг и подготовкой доклада, которым занялась заблаговременно. Параллельно угощалась вкусным, взятым с ужина печеньем и чаем — оказывается, в нашей гостиной имелся специальный сервиз, в чайничке которого никогда не заканчивался пряный горячий чай. А еще перед этим успела сделать хоть какую-то уборку в своей комнатушке. Благо, в жилом крыле сейчас почти никого не было, и я могла беспрепятственно по нему передвигаться.

Не забыла и перестелить постель. Еще днем, воспользовавшись подвернувшейся возможностью, попросила у кастелянши новое постельное белье. А что поделать? Стараниями Гая все эти дни я спала на старой, затертой до дыр простыне и под одеялом, которое знавало лучшие времена.

Когда время приблизилось к одиннадцати часам, в коридорах все еще было тихо. Похоже, с уборкой мои однокурсницы застряли надолго. У меня же к этому моменту начали слипаться глаза, голова гудела от той информации, которую я пыталась в нее уместить. Поэтому, отложив учебники, я собралась ложиться спать, когда мой взгляд внезапно упал на лежащий неподалеку дневник.

Положив его к себе на колени, закусила губу. Любопытство настойчиво подталкивало заглянуть внутрь. Но если поддамся этому порыву, то чем я лучше тех, кто сегодня совал нос в мою тетрадь? Хотя содержимое дневника может пролить свет на личность его обладательницы. Да я и посмотрю-то всего одним глазком...

Не дав себе времени передумать, я открыла первую страницу и... обнаружила, что она пуста. Как и следующая. И следующая. И вообще весь дневник. В нем не было сделано ни единой записи, ни одной строчки не испещряло пожелтевшие от времени листы.

Пролистав его от корки до корки несколько раз, я убедилась в этом окончательно. Ничего не понимая, закрыла дневник и вперилась взглядом в полустертые на обложке буквы. Умом понимала, что всем связанным с этим дневником странностям можно найти рациональное

объяснение, — нужно только постараться. Но какое-то иное, не имеющее ничего общего с разумом чувство подсказывало, что на деле все не так просто. Что с дневником связано нечто такое... какая-то тайна, которую мне нестерпимо хотелось разгадать.

Была у меня в детстве такая черта — всегда тянуло на приключения и разгадывание всяческих секретов. А если таких секретов не находилось, я могла сама их выдумать и искренне в них поверить. Например, представляла, что обладаю множеством искр, только никто не должен об этом знать.

Думала, эта моя тяга к тайнам ушла, когда я повзрослела. А теперь вот оказалось, что нет.

— Как будто других проблем мало, — вздохнув, проговорила я вслух.

Несмотря на усталость, засыпала долго. Вертелась с боку на бок, произвольно прокручивая в мыслях все события минувшего дня. Но, о чем бы ни думала, перед закрытыми глазами то и дело представая облик лорда Снэша.

Наверное, именно поэтому он мне приснился, когда мое бодрствование перетекло в легкую дремоту, стирающую границу между реальностью и воображением.

Мне снился свет. Теплый и золотой. Обволакивающий и множеством лучей проходящий сквозь ставшее очень легким тело. Я словно бы висела в воздухе, окруженная только им одним — вне пространства, вне времени... а напротив находился он. Нориан Снэш. Являясь источником этого света, он медленно исчезал, растворялся в пахнущем небесной свежестью воздухе. И мне отчаянно, до боли в груди не хотелось, чтобы это происходило. Не хотелось, чтобы он исчез.

А он смотрел на меня своими нереально яркими золотистыми глазами — смотрел с нежностью и тоской. И растворялся, растворялся, растворялся... За его спиной, охваченное ярким пламенем, рассыпалось тысячами искр золотое крыло...

Мой сон прервали раздавшиеся в коридоре шаги. Тихие и удаляющиеся, они тем не менее сумели меня разбудить. Открыв глаза, я обнаружила, что щеки влажные, а ресницы слиплись от слез. Вот так

не позволяешь себе плакать, а потом однажды тебя просто-напросто накрывает накопившимся стрессом во сне...

Сон оставил после себя какую-то необъяснимую горечь и щемящее, отпечатавшееся в сердце чувство. Но все это отошло на второй план, когда на мою кровать пробрался холод, просочившийся через щель между дверью и полом. Все бы ничего — сквозняки в кладовке были делом обычным, — не будь этот холод таким пронзительным, таким напоминающим дуновение зимнего ветра, таким... темным?

Всего за несколько проведенных в институте дней запреты, которые я для себя ставила прежде, начали рушиться. Живя с опекунами, я старалась ничего не принимать близко к сердцу, научилась усмирять эмоции и даже подавила излишнее любопытство. А сейчас все это вдруг вновь стало проявляться. И вместо того чтобы лечь спать, я сунула ноги в туфли, наспех набросила собственноручно связанную шаль и подошла к двери. К этому времени шаги за ней почти стихли, их отзвуки раздавались где-то в районе гостиной.

Пока разум увещевал, что они принадлежат дворецкому или какой-нибудь ниллэ, нехорошее предчувствие толкало вперед. Осторожно надавив на дверную ручку, я выглянула в утопающий в полумраке коридор. Свет здесь горел всегда, но ночами становился приглушенным. Сейчас магические огни на настенных светильниках подрагивали, словно от ветра. И он в самом деле полз по полу — не то ветер, не то ледяной, очень сильный сквозняк.

Мельком осмотревшись, я тихо прокралась к гостиной, сама не зная, что ожидаю там увидеть. А войдя в нее, увидела лишь ускользнувшую тень — кто-то покидал жилое крыло.

«Наверняка какая-нибудь студентка», — вновь напомнил о себе глас разума.

Только сейчас даже он прозвучал как-то неуверенно.

Ночью, когда за окнами клубился мрак, даже институт не казался безопасным пристанищем, которым конечно же был. Когда на мир опускается ночь, самые привычные вещи начинают видеться пугающими. Как в детстве, когда в отбрасываемых ветвями деревьев тенях видятся скрюченные сухие руки и ты боишься слезать с кровати, потому что под ней притаилось чудовище.

По привычке тряхнув головой и избавляясь тем самым от непрошенных трусливых мыслей, я все так же тихо пошла вперед. Просто для того, чтобы убедиться, что ничего страшного там нет. Что здесь — безопасно. Услышанные мною шаги действительно принадлежат какой-нибудь девушке, которой этой ночью не спится. Ветер — самый обыкновенный сквозняк, а у меня просто разыгралось воображение.

Впереди раздались щелчок и какой-то глухой звук, вызвавший ассоциацию с распахнувшимся окном. Я ускорила шаг, преодолела длинный коридор и, дойдя до самого его конца, замерла.

Одно из окон в самом деле было открыто.

Я подошла поближе, выглянула на улицу, и мое сердце оборвалось. По узкому парапету, балансируя невесомым чудом, неспешно двигалась тонкая девичья фигурка. Темнота была такой плотной, что даже множество садовых фонарей и окружающих институт огней не могли ее разогнать. И самое главное — девушка, которую я видела лишь смутным темным силуэтом, будто намеренно шла там, куда не дотягивался свет.

«Она сомнамбула?» — была первая пришедшая мне в голову связная мысль.

Следующее, о чем я подумала: надо что-то делать. Как-то самой ей помочь или позвать кого-нибудь на помощь. Но в следующую секунду память воспроизвела все те скудные сведения, которые мне были известны об этом темном заболевании: человека в таком состоянии нельзя будить и вообще как-то на него воздействовать. Да и звать мне некого. Однорукники отпадают, а в корпус преподавателей я и подавно среди ночи не попаду.

Пока эти мысли стремительно проносились в сознании, девушка дошла до края парапета и... спрыгнула вниз.

Мое сердце оборвалось повторно. Не знаю, как успела вовремя зажать рот рукой и не закричать. Со смесью неверия и ужаса наблюдала за тем, как, вместо того чтобы разбиться, девушка плавно опускается на землю. Ее окружали легкие темные всполохи, мягко подхватывающие и не дающие упасть. Она сделала еще несколько шагов вперед, продолжая держаться в тени, и исчезла из поля моего зрения.

Я застыла, словно парализованная. Просто в голове не укладывалось, что все увиденное мною реально. Может, я все еще сплю?

Как могли принять в институт девушку, страдающую такой наводящей на всех ужас болезнью? Ведь нас всех проверяют, не зная об этом не могли. Или я ошиблась и это не сомнамбулизм, а нечто другое? Но чем это еще может быть? Предположения у меня отсутствовали.

Не успела я подумать, стоит ли рассказать кому-нибудь из преподавателей об увиденном, как воздух над институтом внезапно заискрился — в одном месте, между главным корпусом и Северной башней. Казалось, что это загорелась невидимая бумага, в которой вдруг прожгли дыру. Но это была не бумага, а покрывающий институт защитный купол, в котором расплзалась брешь.

Сердце оборвалось в третий раз и учащенно забилося, когда по столице прокатился предупреждающий об опасности гонг. Сначала один, а через недолгую паузу — второй.

Медлила я недолго. Выработанные рефлексы опередили осознание, и прозвучавший гонг заставил отойти от окна. Только вот вместо того, чтобы идти в свою комнату, зажигать свет и не высовываться, как и полагается всем добропорядочным жителям, я неотрывно смотрела на расплзающуюся в барьере дыру. Как замороженная наблюдала за тем, как она становится все больше и больше... А когда, опомнившись, все-таки собралась уходить, бокового зрения коснулся внезапно появившийся поблизости свет.

Резко обернувшись, я наткнулась на выходящего из образовавшегося светового проема лорда Нориана Снэша. Его взгляд задержался на мне лишь на несколько секунд, после чего феникс стремительно приблизился к окну и выглянул на улицу.

Выглядел он при этом... устрашающе. Пожалуй, даже более устрашающе, чем днем, когда раздавал наказания моим обидчикам. Исходящая от него внутренняя сила ощущалась буквально на физическом уровне, а глаза, обратившиеся ко мне спустя несколько долгих мгновений, полыхали расплавленным золотом.

— Отсюда тянется шлейф тьмы, — произнес он тоном, которого я в свой адрес от него еще не слышала. — Что вы делаете здесь в такое время, мисс Трэйндж?

Я прекрасно понимала, почему он задал такой вопрос и что за ним скрывается. И сама, оказавшись на его месте, первым делом подумала бы точно так же. Я в последнее время и без того сплошная странность, а теперь еще и это...

— Мне не спалось, и я услышала за дверью своей комнаты шаги, — ответила, заставляя себя открыто смотреть ему в лицо. Только голос предательски подрагивал. — Показалось, что в коридоре происходит нечто... темное. Я вышла из комнаты и увидела, что какая-то девушка уходит из жилого крыла. Я пошла за ней и увидела, как она остановилась на этом самом месте и вышла из окна. Она балансировала на парапете, а потом спрыгнула вниз. Но не разбилась, а... мягко приземлилась, словно ее кто-то поддерживал. Мне кажется, она... сомнамбула.

Во время моего рассказа на лице лорда Снэша не дрогнул ни единый мускул. Но когда я сказала про сомнамбулу, его взгляд неумовимо изменился.

— Вы знаете, кто эта девушка?

По его интонации не удалось понять, верит он мне или же нет.

— Я не смогла ее рассмотреть, — ответила как есть. — Она как будто специально держалась в тени...

Наш разговор занял от силы пару минут, за которые брешь в барьере успела увеличиться. Это заметила не только я.

— Возвращайтесь к себе и не выходите из комнаты до рассвета, — не терпящим возражений тоном велел лорд Снэш.

У меня и мысли не возникло спорить. Пожалуй, спорить сейчас с ним решился бы разве что сумасшедший. Только непроизвольно ахнула, когда лорд внезапно повторил тот же маршрут, который недавно проделала «ночная странница».

Он просто вышел в окно, но уже в следующее мгновение я наблюдала его восседающим на невесть откуда появившемся григанне. Соблазн задержаться и посмотреть, что произойдет дальше, был очень велик. Но послушаться феникса, слова которого можно было трактовать как самый настоящий приказ, я не осмелилась.

На обратном пути мне никто не встретился, хотя до меня долетали чьи-то встревоженные голоса и раздающиеся в соседних коридорах быстрые шаги. А в жилом крыле ниллэ, где еще недавно висела тишина, сейчас царило взбудораженное оживление. Взволнованные

тем, что происходит нечто страшное, и еще более взволнованные от незнания, чем это страшное является, ниллэ с обоих курсов собрались в гостиной.

Слава Пресветлому, на мой приход никто не обратил внимания. Все были слишком заняты своими переживаниями и построением версий происходящего.

— Говорю вам, тьма уже и до института добралась! — нагнетала обстановку Эмбер, за плечом которой маячила бледная Санди.

Интересно, а куда верная Лайра запропастилась? Бегло, но внимательно осмотрев собравшихся, я ее не обнаружила. Необычно, учитывая тот факт, что от Эмбер она не отходит ни на шаг. Впрочем, должно быть, просто предпочла остаться в своей комнате, как и некоторые другие ниллэ.

— Глупости! — фыркнула сидящая в кресле Люция. — Институт аэллин неприкосновенен. Тьме сюда не пробраться, даже если во мраке погрязнет весь Артоган. Этот замок — одно из самых безопасных мест империи, особенно теперь, когда мы все находимся под защитой лорда Нориана Снэша.

— А как же брешь? — передернув плечами, робко вставила Санди. — Говорят, она прямо в защитном, покрывающем институт куполе появилась...

— Ой, да кто это говорит? — презрительно бросила Люция. — Обычные сплетни и нагнетание обстановки. Никто из нас лично ничего не видел, так что это не более чем слухи.

Разумеется, я промолчала, не став ничего опровергать. К тому моменту, как в разговор вступил поддержавший Люцию дворецкий, я уже находилась на полпути к своей комнате. Вскоре после того, как легла в постель, в коридоре стали звучать стук дверей и шаги, на этот раз — самые обыкновенные, не имеющие ничего общего с тьмой. По настоятельной просьбе Гая все постепенно возвращались к себе, и разговоры стихали.

Кажется, многие в самом деле успокоили себя мыслью, что никакой брешы в куполе не существует. Только вот я успокоить себя таким образом не могла, потому что видела ее собственными глазами. И шагнувшую с парапета, окутанную темными всполохами девушку видела тоже.

Несмотря на полубессонную, щедрую на приключения ночь, проснулась я рано. Настолько, что успела и спокойно сходить в ванную, пока туда не нагрянули остальные, и не торопясь собраться.

На сердце было беспокойно. Не понимала, откуда берется это не поддающееся описанию чувство, но игнорировать его было сложно. Не спас ни прохладный душ, ни попытки отвлечь себя мыслями о предстоящих занятиях.

Аппетита не было совершенно, за завтраком я смогла заставить себя съесть лишь пару кусочков любимейшей мне выпечки. Возникший ночью ажиотаж продолжился и утром — все разговоры в столовой сводились к ночному прорыву. То, что совсем недавно было слухами, теперь обрастало новыми подробностями, большинство из которых являлось очевидными выдумками. Особо впечатлительные девушки клялись в том, что этой ночью в их комнаты пришли порождения тьмы, пытавшиеся их утащить. А еще более впечатлительные бросали на меня косые взгляды и припоминали вчерашние слова лорда Снэша — что, мол, это они сами своим поведением навлекли на нас несчастье.

Последним словам я невесело усмехалась — хоть какой-то плюс. Того и гляди, в это действительно поверят и окончательно оставят меня в покое.

— А ты что об этом думаешь? — обратилась я к Алексе.

Та только неопределенно повела плечами, не отрывая взгляда от тарелки. Впрочем, другого от нее я и не ждала.

Напряжение не покидало стены института целый день. Даже преподаватели казались чрезмерно хмурыми и погруженными в себя. Леди Нейль сегодня была особенно требовательна, строго отчитала нескольких студенток за несущественные мелочи и задала нам столько домашней работы, что у тех, кто планировал в выходные отдохнуть, не осталось ни малейшего шанса это сделать.

Покинув аудиторию после окончания последнего на сегодня занятия, я облегченно выдохнула. Впрочем, облегчение в полном смысле этого слова все равно не испытывала — необъяснимое тревожное чувство накрепко засело в душе и никак не желало отпустить.

Неспешно бредя во врачебное крыло, я машинально возвращалась к событиям прошлой ночи. И чем больше вспоминала, тем сильнее

становилось это чувство. Я до сих пор не находила ему ни объяснения, ни определения. Где-то в глубине души маячило понимание, что оно как-то связано с лордом Снэшем, но от этого самого понимания я старательно отмахивалась.

Это все тот сон — он во всем виноват... А сон — не более чем игра подсознания. Как бы ни хотелось это признавать, но феникс появляется в моих мыслях слишком часто. И далеко не всегда я думаю о нем как о своем спасителе и преподавателе боевой магии.

Риах!

На миг остановившись, я глубоко вдохнула, медленно выдохнула и продолжила путь уже в более решительном темпе.

Нужно просто ни о чем не думать. Не думать — и все. И не вспоминать о том, что приносит совершенно ненужное душевное беспокойство. Никаких крыш, золотого света и глаз, в которых плещется расплавленное золото...

В следующий миг жизнь наглядно продемонстрировала мне смысл поговорки: хочешь насмешить Пресветлого — расскажи ему о своих планах. Все мои «не думать и не вспоминать» полетели риаху под хвост, когда я, свернув за угол, внезапно наткнулась на предмет своих последних мыслей.

Увидев его, сразу поняла: что-то не так. Феникс стоял, склонив голову и упершись руками в подоконник. Верхние пуговицы его рубашки были расстегнуты, срывающееся с губ дыхание было рваным и тяжелым, а рядом с ним на полу валялась какая-то фляжка.

— Лорд Снэш? — настороженно позвала я.

Он не ответил.

— Вам плохо? — задала вопрос, ответ на который был очевиден. — Мне... кого-нибудь позвать?

Поскольку он снова не ответил, я медлила, не зная, что предпринять. Зато то самое, мучающее меня с утра чувство внезапно обострилось, достигнув своего пика. И я вдруг предельно отчетливо осознала невероятную, просто невыносимую вещь: все это время меня терзало желание оказаться рядом с ним. Не понимаю, откуда, как и почему, но где-то на подсознательном уровне я знала, что ему плохо.

Все произошло в точности так же, как в кабинете доктора. Мною завладел неконтролируемый порыв, перечеркнувший зарождающееся

намерение позвать кого-нибудь на помощь. Нет, звать никого не нужно. Потому что помочь ему должна я...

Даже не заметила, как преодолела разделяющее нас расстояние. А когда оказалась меньше чем в шаге от лорда Снэша, он вдруг обернулся.

На меня смотрели абсолютно прозрачные глаза. Как будто мутное стекло, за которым не разглядеть души из-за пожирающей тело боли. Его взгляд не был бессмысленным, скорее каким-то... иным? Таким, какого не бывает ни у обычных людей, ни даже у фениксов.

Набравшись невесть откуда появившейся смелости, я взяла его за руку. Снова.

И тут же ощутила, как в меня проникает сила. Как соприкосновение наших рук образует незримый мост, через который переливается бескрайнее световое море — искристое, мощное, не знающее никаких преград. Оно подхватило меня, унесло на своих огромных волнах, заставив забыть обо всем.

По ощущениям, все длилось меньше, чем в прошлый раз. А в реальность, кажется, мы вернулись одновременно. Взгляд глаз, которые обрели привычный цвет, становился все более и более осмысленным. И чем дольше лорд на меня смотрел, тем сильнее было желание немедленно исчезнуть.

Пресветлый, помоги! Ну что на меня опять нашло? Что это такое?!

Осознав, что по-прежнему держу феникса за руку, я попыталась спешно отстраниться, но на этот раз мне не позволили. Он сам перехватил мое запястье и, потянув на себя, продолжил неотрывно на меня смотреть. В теперешних обстоятельствах даже натренированной тетушкой Эльзой выдержки не хватало...

Понятия не имею, сколько времени прошло перед тем, как лорд Снэш, не прерывая нашего зрительного контакта, взмахнул свободной рукой. С кончиков его пальцев сорвались стремительно разросшиеся искры, вскоре окружившие нас сплошной яркой пеленой. В сознании успела мелькнуть паническая мысль, что мы сейчас куда-то перемещаемся, после чего свет стал абсолютным, затопившим весь окружающий мир.

Следующее, о чем подумалось с непередаваемой гаммой чувств: я что, правда перемещаюсь с помощью света феникса?! Это же... это...

Что такое «это», так и не додумала, поскольку свет внезапно исчез и я обнаружила себя стоящей посреди незнакомой гостиной.

ГЛАВА 12

Я ошарашенно скользила взглядом по лаконично, но дорого и со вкусом обставленной комнате. В отличие от института, где все было выдержано в светлых тонах, здесь интерьер был сдержанным, а цвета — приглушенными, даже темноватыми.

— Прошу прощения, что без предупреждения, — произнес лорд Снэш. — Добро пожаловать ко мне домой.

«К нему домой?» — повторила мысленно, впадая в еще больший ступор.

К счастью, натренированная тетушкой Эльзой выдержка все-таки дала о себе знать. И я, собравшись, переспросила:

— Могу узнать, чем обязана такому приглашению?

— Полагаю, вы об этом догадываетесь.

— Догадываться не значит знать наверняка, — заметила напрягшись.

Хотя, казалось бы, куда напрягаться еще больше? Нервы и без того натянулись, точно гитарные струны, и я превратилась в сплошной сгусток волнения. Хотя надеялась, что внешне это выдаю не слишком.

Проигнорировав мои последние слова, лорд Снэш жестом пригласил следовать за ним. И я пошла. А что еще следует делать девушке из нижних кварталов, если сам феникс вдруг перенес ее к себе домой? Только преисполниться терпением и гадать, что будет дальше.

А дальше мы вышли на балкон. И я, оказавшись на нем, замерла, чувствуя, как округляются мои глаза. Сердце подскочило к самому горлу, дыхание перехватило, и я непроизвольно ахнула.

Перед представшим моему взору видом мерк даже Институт аэллин со всей его роскошной красотой. Потому что украшающее его золото было лишь металлом, а то золото, что я видела сейчас, — бесценным даром самих небес.

Когда лорд сказал, что мы находимся в его доме, я подумала про обычный городской особняк — многие фениксы имели резиденции в столице. Но в эту самую минуту, в эти пропитанные закатным солнцем мгновения я пребывала на одном из небесных островов.

Небесные острова... недостижимые для простых смертных. Проплывающие высоко над Артоганом в виде неясных силуэтов, в которых ничего не разглядеть. Сколько раз я, сидя на крыше, наблюдала за ними, ждала их появления с замиранием сердца. А когда какой-нибудь остров появлялся, искала в нем знакомые очертания так же, как в облаках. И загадывала желания, следуя глупому поверью. Говорят, если увидеть небесный остров на закате и успеть загадать желание до того, как зайдет солнце, оно непременно сбудется.

Никогда в это не верила, но почему-то продолжала желать.

И вот я здесь. На небольшом, парящем высоко в небе клочке земли. И сейчас тоже закат — золотой и яркий, перемешанный с красочными алыми отблесками, в которые окрасились перьевые облака. Где-то внизу — прекрасный Дрейдер, где переплетения улиц видятся лабиринтом, а далеко впереди — еще один остров, только большой... нет, пожалуй, даже огромный. С изящными формами раскинувшихся на нем строений, пышными садами и куполами устремляющихся ввысь башен, горящих под лучами заходящего солнца.

А еще здесь дул пронзительный ветер. Холодный, прилетающий с гор. Суровый, но не беспощадный, приятно касающийся разгоряченных от волнения щек. Пах он тоже горами и слегка горьковатой осенней листвой. И еще — свежестью.

— О чем вы сейчас думаете? — прозвучавший вопрос застал меня врасплох.

Восхищенная увиденным, совсем забыла о том, где и с кем нахожусь. Наверное, именно поэтому и ответила чистую правду, не успев задуматься над своим ответом:

— О ветре.

Лорд Снэш облокотился о балконные перила и, исподлобья на меня взглянув, поинтересовался:

— И что вы думаете о ветре, мисс Трэйндж?

— Что он здесь особенный, — словно опьянев от здешнего свежего воздуха, все так же честно ответила я. — Такой... свободный.

В глазах феникса отразился закат.

— Забавно. Каждый раз, выходя на этот балкон, я в первую очередь замечаю ветер. Только сегодня все иначе.

— Почему? — отчего-то полушепотом спросила я.

— Потому что сегодня на нем стояли вы, — просто ответил он.

В который по счету раз за этот вечер я застыла, не найдясь с ответом. Но ответа от меня и не ждали. Лорд Снэш резко переменялся и уже совсем другим тоном произнес:

— Этим вечером я осмотрю ваши искры вместо доктора Шайна. Надеюсь, вы не возражаете?

Разумеется, я не возражала. Да и вопрос был задан чисто формально — полагаю, в этом случае даже нежелание принуждать не сыграло бы никакой роли. Я понимала, что и мое перемещение сюда, и намерение феникса лично осмотреть мои искры связано с тем, что произошло в коридоре. Мне и самой хотелось бы в этом разобраться, но... было откровенно страшно.

Страшно оттого, что я оказалась слишком близко к небожителю. Страшно, что после ночной встречи он мог подозревать меня Пресветлый знает в чем. Страшно, что мои внутренние искры ведут себя не так, как должны.

Да, страшно. Но, запрятав этот страх в самые глубины души, я усилием воли заставила себя расслабиться и прикрыла глаза.

Осмотр много времени не занял, да и вообще я, кажется, уже успела к нему привыкнуть. Когда феникс коснулся моих искр, стало даже приятно — словно теплый свет по венам разлился.

— Сколько? — только и спросила я, когда все закончилось.

Лорд Снэш наградил меня долгим взглядом — так, как умел только он, — и ровно ответил:

— Десять.

Не держись я в этот момент за перила, наверное, осела бы на пол или вообще свалилась с балкона.

Десять? Десять моих собственных искр? Но ведь только вчера их было всего три!

Судя по выражению лица, лорд, в отличие от меня, удивлен не был. Он собирался что-то сказать, когда на балкон внезапно вышел мужчина в строгом темно-коричневом костюме. Его иссиня-черные волосы были собраны в низкий хвост, зеленые глаза не выражали никаких чувств, а кожа была до того смуглой, словно он дни напролет проводил под неумолимым палящим солнцем.

«Рейанец», — с изумлением констатировала я.

Со дня возрождения империи их осталось совсем немного. Именно этот народ, отличающийся темной кожей и волосами, винили в пришествии тьмы. В прежние времена они и вовсе подвергались гонениям, а затем, когда все уцелевшие империи объединились в одну, для рейанцев создали отдельную резервацию у подножия южных гор. В настоящий момент представителей этого народа осталось совсем немного. Они предпочитали держаться в тени и не привлекать к себе внимания.

Тем удивительнее было обнаружить рейанца в роли слуги феникса. А то, что этот человек именно слуга, стало понятно сразу, как только он заговорил.

— Прощу прощения, мой лорд, — произнес он. — К вам прибыл брат. Желаете его принять или мне сказать, чтобы он убирался ко всем риахам?

Его дерзкие слова настолько не вязались с абсолютно бесстрастным тоном и выражением лица, что я не сдержала негромкий нервный смешок. Послать феникса ко всем риахам... Хотела бы я на это посмотреть!

— Пусть подождет, — ответил лорд.

— Сожалею, дорогой братишка, но я очень не люблю ждать, — прозвучало в следующее мгновение.

И на балкон, где вмиг стало слишком тесно, вышел Кайл Снэш. Его ленивый с прищуром взгляд скользнул по всем присутствующим и задержался на мне.

— Мышка? — Интонация выдала легкое удивление. — Вот уж кого не ожидал здесь увидеть.

Вместе с тем прежней злости, которую я ощущала в свой адрес в нашу последнюю встречу, от него не исходило. Вряд ли он забыл о той пощечине, но, по крайней мере, сейчас ничем не выдавал того, что о ней помнит.

— Зачем явился? — спросил хозяин дома.

— Так-то ты встречаешь родного брата? — делано посетовал Кайл Снэш. — А я за него волнуюсь, думаю, как он там после тяжелой ночки? Проведать решил, о здоровье справиться.

— А на самом деле? — не проникся «родной брат».

— А на самом деле я действительно переживал, как бы ты не отправился на тот свет раньше срока, — внезапно посерьезнел

Кайл. — Ты же утром выглядел как недобитый риах.

Став невольной свидетельницей этого разговора, я чувствовала себя абсолютно лишней. Но одновременно испытывала и все чаще напоминающее о себе любопытство. А кроме того, решила временно в своих мыслях называть обоих фениксов по именам, чтобы не путаться в лордах Снэсах.

— Со мной все в порядке, — заверил... Нориан. Все же даже мысленно называть феникса по имени оказалось трудно.

— Да уж, вижу. — Кайл снова на меня покосился. — Даже слишком в порядке. Я думал, «янтарь» тебе больше не помогает. Неужели нашему гению все-таки удалось усовершенствовать его формулу?

— Тебя это не касается, — отрезал Нориан. — Если это все, за чем ты пришел, то не смею тебя задерживать.

Кайл выразительно цокнул языком:

— Совсем одичал в своем Приграничье. Где твои манеры? Или так на тебя влияет общение с серыми мышками? — Мне достался третий по счету взгляд. — С каких пор ты приглашаешь девушек в эту свою берлогу? Должен заметить, твоя главная резиденция подходит для любовных свиданий куда больше.

Пока я, невольно и мгновенно покраснев, собиралась возразить, Нориан ровно ответил:

— Это тебя не касается тоже.

В следующую секунду что-то неуловимо изменилось. Закат почти догорел, и яркие краски выцвели, став приглушенными. Облака сгустились, превращаясь в плотные тучи, сквозь которые едва-едва проглядывали первые звезды и бледная кривоватая луна. В один миг фениксы отчего-то подобрались и напряглись, словно к чему-то прислушиваясь.

Прилетел ветер, на этот раз — резкий и колючий, с легким горьковатым оттенком. С привкусом гари.

А затем сквозь сгущающиеся вокруг острова тучи пробилась отблески алого зарева, не принадлежащие уже зашедшему солнцу. Сознательной своей частью я еще не успела ничего осмыслить, а бессознательное уже подсказало: пожар.

Где-то там, далеко-далеко внизу, в Дрейдере полыхало огромное яркое пламя. И словно в подтверждение моих мыслей воцарившееся

безмолвие внезапно прорезал предупреждающий об опасности гонг. Сначала было два коротких сигнала, что означало тревогу, не имеющую отношения к прорывам тьмы. Но потом... потом было еще два — хорошо знакомых, пробравших холодом до самых внутренностей.

— Риак! — забыв о манерах, выругался Кайл. — Только прошлой ночью все от этой мерзости очистили!

Больше сказать никто ничего не успел, потому что неподалеку вдруг разверзлось само небо. Точнее, это сначала мне так показалось, но уже совсем скоро стало понятно, что это появилась брешь в покрывающем Артоган куполе. В сравнении с тем, что я наблюдала в институте, она выглядела еще более жуткой. Брешь была совсем небольшой, но сквозь нее уже пролетали бесформенные, падающие на землю тени. Боковым зрением я уловила около себя свечение и уже знала, кому оно принадлежит. Обоих фениксов озарил идущий из них самих свет, а в их руках будто из ниоткуда появились объятые пламенем клинки. И так же, будто из ниоткуда, повинувшись мысленному зову, к ним уже приближались григанны. Два огненных скакуна, расправив могучие крылья, бежали прямо по воздуху, рассекая сумеречные облака. И воздух вокруг них мерцал, из-под копыт выбивались яркие искры, которые испарывали мрак, обнажая чистое небо позднего вечера.

— Лети вниз, — обратился к брату Нориан. — Я верну мисс Трэйндж в институт и присоединюсь.

В кои-то веки Кайл не стал язвить и спорить. Просто запрыгнул на своего подлетевшего к самому балкону григанна и устремился вперед.

Насколько я поняла из последующих событий, небесный остров и стоящий на нем дом тоже покрывал отдельный, созданный Норианом защитный купол. Как только Кайл покинул его пределы, случилось нечто такое, что вызвало у меня дикий, буквально первобытный ужас.

На него неожиданно для всех со скоростью спущенной стрелы спикировала огромная тень. Прорвавшееся порождение тьмы, имеющее очертания вытянутого рогатого волка, набросилось на Кайла в один миг, укутало плотным коконом, под которым свет стал казаться совсем тусклым.

«Вот и помяни риакса, — пронеслось в охваченном ужасе сознании. — Но ведь эти порождения появляются так редко!»

Одни из самых страшных созданий тьмы действительно прорывались под купол нечасто. Но это произошло. Сегодня, здесь, сейчас, прямо на моих глазах!

— Уходите с балкона и ждите внутри! — крикнул мне Нориан, запрыгивая на второго григанна, и, уже обращаясь к слуге, продолжил: — Росс, уведи ее!

Рейаиец аккуратно, но твердо обхватил меня за предплечье и чуть потянул на себя, вынуждая двинуться за ним. Но вместо того чтобы повиноваться, слушая глас разума, я почему-то воспротивилась. Неотрывно наблюдала за тем, как златогривый летун уносит Нориана все дальше и дальше от острова... все ближе и ближе к риаху, с которым вел сражение Кайл. Не было больше того надменного, самовлюбленного и саркастичного лорда, которого я знала. Был сосредоточенный, вооруженный огненным клинком феникс, дающий бой одному из самых сильных порождений тьмы.

Говорят, тьма может принимать разные обличья и каждый видит в них что-то свое. Но риаха все видели одинаково — изогнутая в вечном оскале гигантская пасть, способная за раз поглотить нескольких людей, острые рога и вытянутое тело с длинным хвостом.

Как только Нориан пересек границу защитного купола, риах выпустил Кайла и бросился на него. Кажется, ничего более жуткого я до этого момента не видела: одна его сотканная из теней лапа отшвырнула в сторону Кайла вместе с его григанном, а другая, увеличившись в размерах, обрушилась на Нориана.

В это же время рейанец сжал мое предплечье чуть крепче и потянул за собой уже настойчивее, из-за чего я была вынуждена последовать за ним. Но, пока покидала балкон, взгляда от происходящей совсем рядом битвы не отводила. А когда оказалась в комнате, прильнула к оконному стеклу, с замиранием сердца за ней наблюдая.

Наверное, глупо, но в эти мгновения наряду со страхом я испытывала и невольное восхищение. Сияющие, словно сотканые из живого пламени и света фениксы были прекрасны... один из них был прекрасен. То, что происходило теперь, воскресило в памяти другую картину, которая никак не желала меня отпустить и всегда ютилась в уголках сознания.

Тогда, на крыше, он тоже был таким — невообразимо прекрасным и сильным небожителем, защищающим наш мир от тех, кто приходит с наступлением ночи. Защищающим целую империю, но в тот момент — именно меня.

На теновом, не имеющем отчетливого контура теле риаха появлялись длинные дыры, оставляемые огненными клинками. Он издавал утробный, на грани слышимости рык, перемежающийся с таким же еле слышным шипением, от которого по коже бежала мелкая дрожь. Обнажал в оскале темные клыки, изворачивался, бросался в атаку снова и снова в желании поглотить, уничтожить отвечающий ему свет.

Я совершенно потеряла счет времени — оно словно замедлилось, растянулось. И таким же растянутым стал момент, где риах, изловчившись и приложив, кажется, максимум сил, обрушил на Нориана решающий удар.

«Утром ты выглядел как недобитый риах, — прозвучали в голове недавние слова Кайла. — Только прошлой ночью все от этой мерзости очистили!»

Минувшая ночь выдалась тяжелой, у фениксов не оставалось времени на восстановление. Какими бы сильными они ни были, даже им требовались перерыв и отдых.

Следующее, что промелькнуло перед мысленным взором, — лорд Нориан Снэш, тяжело дышащий и опирающийся на подоконник. Валяющаяся рядом пустая фляга и слова, снова принадлежащие Кайлу: «Я думал, „янтарь“ тебе больше не помогает...»

И вот теперь еще не до конца оправившийся от событий прошлой ночи Нориан пропустил удар. Кайлу приходилось не слаще, и он не успевал долететь до брата, чтобы помочь. Прозвучало залиvistое ржание окутанного тьмой григанна, погасло охватывающее клинок пламя...

Я смотрела на все это, будто погрязнув в безвременье, и в груди разливался опаляющий жар. Совсем как накануне, когда стояла у камина перед лицом своих обидчиц. Только сейчас жар вызывали не гнев и негодование, а соперничающее со страхом отчаянное желание помочь.

Но кто я такая, чтобы оказаться полезной самим фениксам? Простой человек, всю жизнь проживший без использования магии и

имеющий всего одну тусклую искру. Но теперь искр больше, и живущая на чердаке девушка перебралась в Институт аэллин, став его законной частью.

Жар опалял все сильнее, разрастаясь с каждой долей секунды. Растекался по венам раскаленной лавой, заставлял бурлить кровь и неистово биться сердце. Кажется, Росс пытался меня остановить, когда я, резко сорвавшись с места, распахнула балконную дверь. Но все это было уже не важно.

Там, в потемневшем, лишенном звезд небе задыхался в объятиях тьмы тот, кто однажды спас мне жизнь. Тот, кто один из немногих не судил меня по происхождению и отнесся по-человечески... хотя человеком и не был.

Распространившись по всему телу, жар сконцентрировался в кистях. Я мало что понимала в этот момент — ощущала лишь жгучую боль в ладонях и видела устремившийся в сторону риаха и фениксов поток золотого света. Выйдя за пределы защитного барьера, он стрелой вонзился во взревшего риаха, пройдя его насквозь в том месте, где у обычного живого существа находится сердце. Свет не уничтожил его, не был настолько мощным для того, чтобы развеять, но отвлек.

Коротких мгновений, когда риах, зашипев от боли, выпустил из лап свою жертву, было достаточно. Клинок Нориана вновь запылал, и они с Кайлом одновременно нанесли удар по призрачному темному телу.

Грянула яркая вспышка, во все стороны разлетелись ошметки теней и яркие золотые искры. В последний раз утробно зарычав, порождение тьмы растаяло, растворилось в сгустившемся воздухе, оставив после себя лишь едкий горьковатый запах.

Повисла тишина. Я будто оказалась в непроницаемом, поглощающем все звуки коконе. Оторопело смотрела на свои ладони, на которых виднелись два сплошных красных ожога. Смотрела и не верила, что с этих самых рук сорвался настоящий, преобразованный внутренними искрами свет. Чистая энергия. Магия.

А потом, заторможенно подняв глаза, обнаружила, что фениксы уже подлетели к самому балкону и их пристальные немигающие взгляды прикованы ко мне.

Нориан

Это было невысказано. Но невысказанность какого-либо события не значит, что оно невозможно.

Догадка, зародившаяся еще в тот момент, когда я впервые прикоснулся к ее искрам, догадка, которая на первый взгляд казалась полнейшим бредом, сегодня подтвердилась. Знала ли она об этом? Понимала ли, что уже дважды избавила меня от мучительной боли, на что больше не был способен даже «жидкий янтарь»?

Нет, Инида Трэйндж не просто уняла мою боль — она забрала ее вместе с переизбытком силы, приняла на себя и преобразовала в личностные искры.

Увеличение ее искр сразу после того, как она забрала излишки моего света, не могло быть простым совпадением. Каким бы невероятным это ни казалось, она действительно превращала перенятую у меня силу в собственные искры. Но стоило ей ими воспользоваться — и искры перегорали, поэтому Шайн при вчерашнем осмотре и выявил их уменьшение. Должно быть, она, осознанно или нет, применила магию. Как и сейчас.

Слишком темной была минувшая ночь. Одной из самых тяжелых за последнее десятилетие. Такие ночи среди фениксов прозвали черными. Пятнадцать прорывов в одной только столице, тридцать пострадавших. Слишком много сил было положено, и никто не думал, что прорыв случится снова... прорывы две ночи подряд — такого не происходило давно. И риах. Сколько лет их не видели? Пятнадцать. Пятнадцать долгих лет со дня восстания и попытки переворота. Это порождение появилось именно сегодня и именно у моего небесного острова. Даже противостоя ему в паре с Кайлом, я проигрывал. И проиграл бы, не отвлеки его неожиданная для всех нас атака — чистый преобразованный свет, исходящий от той, вокруг которой загадки множатся день ото дня.

Что она делала вчера на том месте, где ощущалось присутствие тьмы? Сказала правду о том, что слышала в коридоре шаги и решила проверить, кому они принадлежат, или соврала?

Сейчас, глядя на нее, был готов поверить в то, что врать она не умеет вообще. Слишком ярким было потрясение на ее лице. Слишком

неприкрытое изумление отражалось в теплых карих глазах, мгновение назад изучающих узкие ладони, на которых выступили алые ожоги.

— Как ты это сделала? — Опередив меня, Кайл спрыгнул с григанна на балкон и впился в нее пристальным взглядом. — У тебя же всего одна искра! Ты не могла сотворить такую сильную магию!

Я не хотел, чтобы кто-то знал о связанных с ней странностях. Никто не должен о них догадаться, тем более мой брат. Особенно теперь, когда стала очевидна ее способность забирать избытки моей силы — и только ли избытки? И только ли моей?

— Н-не знаю, — с запинкой ответила Инида.

Хотя над ней нависал Кайл, в настоящий момент сменивший обольстительность на подавляющую силу, она была скорее по-прежнему растеряна, чем напугана.

— Оставь ее, — бросил я, спешившись. — Времени нет, нужно лететь в город.

Кайл прищурился, не сводя с нее мерцающих в полумраке глаз, неподвижно постоял еще несколько долгих секунд и резко развернулся. Призвал григанна, вскочил ему на спину и, обращаясь ко мне, произнес:

— Я слишком хорошо знаю тебя, братец. Этот дом для тебя — личная крепость, ты никого сюда не приводишь, тем более женщин. А с ней, — он кивнул на Иниду, — определенно что-то не так. И, будь уверен, я выясню, что именно.

Как обычно оставив за собой последнее слово, он направил григанна прочь от острова и вскоре круто спикировал вниз, исчезая в дымке потемневших облаков.

Бросив быстрый взгляд на то место, где еще недавно зияла брешь, и убедившись, что она затянулась, я спросил:

— Вы в порядке?

Инида несколько заторможенно кивнула и посмотрела мне в лицо. Она хотя бы знает, что это противоречит всем устоям? Конечно, знает, при поступлении в институт ей это повторили не раз.

На подобные правила и пиетет перед фениксами мне всегда было глубоко плевать. Мы ничем не лучше простых людей, во многом даже хуже. Но мало кто считает так же. И мало кто осмеливается открыто смотреть нам в лицо. Даже знать. Даже большинство аэллинов.

А она смотрела. Бархатными карими глазами — большими и выразительными, преображающими простое лицо. Маленький рот, заостренный подбородок, небольшая горбинка на носу, немного веснушек и ямок на коже — должно быть, следствие перенесенной болезни... Глаза перекрывали все недостатки, заставляли признать девушку красавицей.

Нет, не сами глаза, а то, что они отражали. Теплый душевный свет... край вечно восходящего в душе солнца.

Риах! Куда свернули мои мысли?

Больше не медля, перенес нас в институт.

— Отправляйтесь к доктору Шайну, — велел ей, когда мы оказались в холле главного корпуса. — Он обработает ваши ожоги. И, пожалуйста, попросите его еще раз осмотреть ваши искры.

Хотя догадка переформировалась в убеждение, очередное подтверждение лишним не будет.

Она собиралась что-то сказать, но передумала и, отступив на шаг, вновь кивнула.

— Спасибо, Инида, — поблагодарил, растворясь во вновь окутавшем меня свете. — Теперь мы с вами в расчете.

ГЛАВА 13

Ида

«Теперь мы с вами в расчете», — эти слова все еще звучали у меня в голове, пока я, едва передвигая ногами, шла в больничное крыло.

Даже в проводнике не нуждалась — этот путь уже могла проделать с закрытыми глазами. Ладони ужасно саднили, но едва ли я обращала на это внимание. Поступая в Институт аэллин, я и вообразить не могла, что всего за какую-то неделю моя жизнь настолько изменится. Что у меня появятся заботы и поводы для волнения, куда более сильные, чем просто учеба.

Неужели я и впрямь это сделала? Воспользовалась магией, чтобы нанести удар по порождению тьмы? *Магией!* Просто не верится!

Коридоры института в столь поздний час были пусты. Мои шаги прорезали звонкую тишину и отскакивали от стен гулким эхом. Погрузившись в размышления, я не расслышала, как к ним добавились другие, сопровождающиеся парой негромких голосов. Поэтому столкновение с Эмбер и Лайрой стало неожиданностью. Неприятной неожиданностью, на которую у меня не осталось моральных сил.

— О, какая встреча! — ухмыльнулась Эмбер, преградив мне путь. — Нищая бродяжка снова скитается по нашему замку?

— С каких это пор он ваш? — вяло отмахнулась я и попыталась их обойти.

Не вышло. Стоило мне шагнуть в сторону, как Эмбер сделала то же самое.

Краем глаза я заметила, что Лайра с беспокойством поглядывает то на меня, то на подругу, — кажется, ей ввязываться в очередную стычку не хотелось. Не то из-за внушения лорда Снэша, не то после нашего последнего столкновения в гостиной у камина.

— Скоро самой настоящей бродяжкой станешь, — самодовольно бросила Эмбер. — Из института тебя рано или поздно вышвырнут, и возвращаться тебе будет некуда.

Я намеревалась игнорировать ее слова, но последняя фраза заставила непроизвольно насторожиться.

— Почему некуда? — переспросила у нее.

— Потому что скоро от ваших убогих кварталов останется один пепел, — с той же гадкой улыбкой охотно сообщила Эмбер. — Ко мне только что брат заезжал. Говорит, в «низах» все полыхает.

Если еще недавно меня одолевал жар, то теперь внутри все разом сковало льдом. К горлу подступил шершавый комок, когда я вспомнила алое, увиденное на балконе зарево... зарево от пожара.

Что кричала и над чем смеялась Эмбер мне в спину, я уже не слышала. Просто, круто развернувшись, на всех парах побежала по длинным коридорам, выбежала через парадную дверь и устремилась к воротам. В этот момент меня не волновали ни саднящие ладони, ни отсутствие верхней одежды, ни возможная встреча со снующими на улицах порождениями тьмы.

Нет, Эмбер не врала насчет пожара в наших кварталах — в этом я не сомневалась. Слишком довольным было ее лицо, слишком много неподдельного злорадства в голосе. Но я отчаянно надеялась, что наш дом... мой дом пожар обошел стороной. В его стенах сосредоточились мои последние воспоминания о родителях, о счастливых, проведенных там с ними годах. Там был мой чердак, мой любимый бедный Кот... и какие-никакие опекуны были тоже. Пусть я и не питала к тетушке Эльзе и дядюшке Риусу теплых чувств, какая-то моя часть переживала и за них. Погибнуть в огне я не пожелала бы и врагу.

«Откуда он взялся, этот огонь? — билось в мыслях, когда я выбегала за распахнувшиеся передо мной золотые ворота. — Откуда пожар?»

Гарь. За пределами покрывающего институт купола ее зловоние было повсюду. Перемешалось с горечью сухих листьев и напитало воздух.

Ночное небо окрашивали яркие огненные блики. Ветер приносил едкий запах дыма, от которого слезились глаза и перехватывало дыхание. Ведущая вниз дорога была пуста, по пути мне не встретилось ни одного человека. А еще она казалась бесконечно долгой, нескончаемой, а я сама — неповоротливой, слишком медлительной, вязнущей в пропахшем гарью воздухе.

Когда выбегала из института, я совершенно не задумывалась о том, как стану добираться до своего квартала. Но мне повезло — на первой же остановке стоял запряженный кокрэнами омнибус, уже готовый отходить. Внутри сидела всего пара человек — мужчина в пенсне, прижимающий к себе портфель, и парнишка лет пятнадцати. Причем мужчина показался мне смутно знакомым.

— Все пропало, все, — бормотал он побелевшими губами. — Столько труда, столько сил...

И тут я его вспомнила. В соседнем с нашим квартале располагалась знаменитая на всю округу пекарня, совладельцем которой он являлся. Мы, покупатели, чаще общались с господином Дайтром — вторым владельцем и главным пекарем по совместительству, а этого господина видели редко.

— Простите, — в горле от волнения пересохло, и мой голос прозвучал хрипло. — Что пропало?

— Пекарня горит, — подняв на меня ничего не выражающие глаза, ответил он.

— Пекарня? — эхом повторила я, ощущая, как сковавший изнутри холод усиливается. — Но как? Почему?

— Кто-то поджог склады, — подал голос паренек, взглянув на нас из-под козырька кепки. — Говорят, специально, чтобы, пока все отвлекаются на огонь, тьму в империю впустить... А у меня папаня на складе работает! Сегодня его смена, мне к нему срочно надо! Маманя пускать не хотела, а я все равно поехал, потому что...

Его сбивчивую речь прервало громкое кудахтанье кокрэнов, и в следующий миг омнибус резко встал. Выглянув в окно, я обнаружила, что мы остановились в том районе, откуда до наших кварталов добираться с четверть часа.

— Дальше не поеду, — бросил извозчик. — За Центральной площадью риах знает что творится!

— Но как же так, любезный? — встрепенулся владелец пекарни. — У меня семья там! Мне к ним нужно!

— И мне нужно! — запальчиво воскликнул парнишка.

— Вам нужно, вы и идите, — грубовато отозвался извозчик. — А у меня тоже семья, и они хотят видеть меня живым!

Я вышла из омнибуса первой. Оказавшись на улице, машинально уткнулась носом в рукав, пытаюсь защититься от едкого

обострившегося запаха гари.

Здесь уже было не так тихо, как в районе института. С соседних улиц доносились крики и стук колес, чьи-то голоса сливались воедино, рождая какофонию шума.

Рациональная моя часть понимала, что я действую безрассудно и опрометчиво, и, пока еще не поздно, следует повернуть назад. В конце концов, что я могу? Даже если удастся попасть к своему дому, какой в этом толк? Никакого. Сплошной бессмысленный риск.

Но другая моя сторона — та, которую я долгие годы старательно подавляла, толкала вперед. Это было почти как в тот раз, когда я, услышав гонг, вместо того чтобы поспешить домой, почему-то забралась на крышу. Совершенно нелогичный поступок... положивший начало грандиозным переменам в моей жизни.

Я дала себе несколько долгих секунд на то, чтобы собраться с мыслями, прислушаться к гласу разума и передумать.

А потом решительно шагнула вперед — туда, откуда ветер приносил запах горького пепла.

— Подождите, я с вами! — настиг меня оклик владельца пекарни.

— Я тоже! — заявил поравнявшийся со мной парнишка, на лице которого испуг соседствовал с отчаянной решимостью. — Похоже, нам всем в одну сторону...

Следующие минут пятнадцать тянулись невыносимо долго, хотя я практически бежала по окутанным неплотным дымом улицам. Вопреки ожиданию, ни хаоса, ни паники в городе не было — разве что все прохожие передвигались быстрее обычного и были взволнованны, а за окнами домов виднелись фигуры любопытных зевак.

Практически у всех, кто в этот поздний час рискнул выйти на улицу, имелся осветительный артефакт. У семенящего за нами владельца пекарни он тоже был. Наверное, именно поэтому Фин — так звали парнишку — предпочел присоединиться к нам, хотя ему явно не терпелось оказаться на месте как можно скорее. Положа руку на сердце, я и сама хотела снова сорваться на бег, но глас разума хоть и притих, а все-таки не умолк окончательно. И я тоже посчитала, что осветительный артефакт — какая-никакая защита.

Несмотря на обстоятельства, мысли стали ясными. Пока я шла и машинально отмечала детали окружения, в сознании выстраивалась логическая цепочка происходящего. Фин сказал, что пожар не был

случайностью и его устроили, чтобы впустить тьму. Спорное утверждение. Ведь огонь — это свет, близ которого порождения появиться не могут. Но, если пожар велик, потушить его без помощи фениксов, которым огонь не страшен, не смогут. И пока фениксы будут заняты пожаром, прорывы случатся в другом конце города — а, скорее всего, уже случились, чему я стала невольной свидетельницей.

Но кому вообще нужно впускать под купол тьму? Зачем? Это ведь какой-то изощренный способ самоубийства... Нет, я знала о слухах, которые ходили по Артогану уже не первый год. О том, что среди нас есть те, кто желает заключить союз с тьмой и совершить переворот, но это всегда казалось мне полнейшим бредом. Если люди с такими идеями и существовали, то наверняка их быстро вычисляли и применяли по отношению к ним соответствующие меры.

«Но тогда откуда все-таки пожары? — продолжала маячить в голове мысль. — И почему серьезные прорывы случились две ночи подряд?»

Впрочем, задаваться этими вопросами я перестала, когда мы трое оказались на главной улице нашего района. Мне думалось, что эти кварталы будут находиться в оцеплении и пройти внутрь будет проблематично, но ошиблась.

— Барьер поставили, — первым смекнул запыхавшийся владелец пекарни. — Преодолеть его могут только те, кто здесь живет.

Нас с ним барьер пропустил беспрепятственно, а вот Фин наткнулся на невидимую преграду. Проступившее на его лице отчаяние достигло апогея, и мне его стало искренне, от всего сердца жаль.

— Но там же папаня! — воскликнул он. — Почему я не могу пройти?!

Вернувшись к нему, я сделала то, что, пожалуй, следовало сделать с самого начала.

— Послушай, — произнесла, глядя в его беспокойные глаза. — Ты ведь мужчина. И твой отец — мужчина, я уверена, сильный и смелый. А твоя мама осталась одна, без поддержки вас обоих. Как ты думаешь, кому твоя помощь сейчас нужна больше?

В тех самых глазах отразилась тень сомнения.

— Ты оставил ее, сбежал, — закрепляя успех, продолжила я. — А она в тебе нуждается. К складам тебе сейчас все равно не попасть,

возвращайся обратно.

— Но папаня... — Фин совсем по-детски хлюпнул носом. — Там же словно сама преисподняя разверзлась, я слышал!

— Слухи сильно преувеличены, — с уверенностью, которой совсем не испытывала, сказала я. — А твой папа тоже обязательно вернется, вот увидишь. Думаешь, он обрадуется, что ты сбежал из дома, бросив маму?

Судя по сменившемуся выражению лица Фина, мои слова возымели нужный эффект. Пробормотав что-то неразборчивое и покусав губу, он в конце концов помчался в обратном направлении — на этот раз на полной скорости, лишенный компании медлительного человека преклонных лет.

К слову, о том самом человеке. Пока я разговаривала с Финном, владелец пекарни успел уйти, и теперь единственной моей защитой перед порождениями тьмы являлся свет фонарей.

Не мешкая я бегом устремилась вперед по освещенной улице. Дым здесь казался плотнее, едкий запах гари — ошутимее. Людей тоже было больше... нет, их было очень-очень много. Все местные высыпали на улицу, переговаривались, жались друг к другу и передавали свежие новости. И если вначале я совершенно не видела следов пожара, то вскоре они стали заметны.

Склады, с которых начался пожар, располагались в середине квартала. Больше всего я боялась, что ветер разнес огонь по всему району, и, к несчастью, это опасение подтвердилось. Из-за того что на одном из складов хранились магические артефакты, подпитанное высвобожденной из них магией пламя легко разносилось даже по каменным домам. Повсюду сновали пожарные, на охваченные огнем крыши лилась вода, некоторые жители, объединившись, тоже пытались тушить пожары. Что-то уже успело сгореть, что-то только начинало. То тут то там в вышине мелькали яркие силуэты фениксов...

А я все бежала. Дыхание сбилось, в боку нещадно колело, от дыма выступили слезы на глазах.

Остался всего один квартал, отделяющий меня от дома. И именно здесь на небольшом перекрестке я увидела то, что вынудило меня непроизвольно остановиться.

Дом четы Бэйрси пожирало безжалостное пламя. Его тушил целый отряд пожарных, но от балконов уже остались одни

догогорающие угольки, стекла на окнах треснули. И даже уйма защитных, навешенных на стены артефактов не смогла защитить одну из них от частичного разрушения. Господин Бэйрси с женой стояли неподалеку — поникшие, беспомощные, потерянные. На Элеоноре, прижимающей носовой платок к дрожащим губам, не было лица. Казалось, она постарела лет на десять.

Как бы я ни относилась к Люции, в этот момент меня переполнило сочувствие по отношению и к ней, и к ее родителям. Потому что сейчас они являлись частью одной большой, неожиданно настигшей нас всех беды.

Но, по крайней мере, все были живы. Сгоревший дом — дело поправимое, особенно если у тебя есть деньги. А судя по двум увесистым сумкам, которые прижимали к себе господин и госпожа Бэйрси, все самое ценное они вынести успели.

Я хотела было подойти к ним и спросить, не видели ли они моих опекунов, но быстро себя одернула. Вряд ли они сейчас расположены отвечать на вопросы и адекватно на что-либо реагировать.

Последний рывок. Бесконечно долгие минуты — и я оказалась стоящей ровно напротив своего дома.

Дома, еще недавно объятого огнем. Дома, который успели потушить, и теперь он, покрытый черной копотью, походил на несчастного рейанца — гонимого и всеми позабытого. Но уцелевшего и сохранившего жизнь.

Мой взгляд медленно скользнул от нижних этажей до верхних, каждый из которых не обошел огонь. Глубоко вдохнула, прежде чем посмотреть на самый верхний этаж и чердак. Большинство домов начинали гореть именно с крыш, и шансы на то, что наш этаж уцелел, были минимальны, если существовали вообще...

Сердце подскочило и забилось где-то в районе горла. Уже в который по счету раз не веря себе, я смотрела на место, где прожила почти девятнадцать лет.

Весь дом покрывала черная копоть, многие окна зияли провалами, несколько балконов обрушилось... А наш этаж был цел. Как и чердак. На первый взгляд казалось, что они не изменились, будто огонь к ним вообще не подобрался. Чистое и аккуратное светлое пятно на фоне разрухи и копоти. Просто невысказанно...

— Мя-а-ау, — неожиданно раздалось протяжное кошачье завывание.

В следующее мгновение на руки опешившей мне запрыгнул огромный и пушистый рыжий вихрь. Впрочем, не совсем рыжий, учитывая большие черные пятна на его длинной шерсти.

— Кот! — обрадовалась я, крепко прижав его в себе. — Слава Пресветлomu, с тобой все в порядке!

От испытанного облегчения я была готова разрыдаться, но выработанная за долгие годы привычка не позволила слезам выйти наружу.

— Ида! — раздалось следом восклицание. — Инида Трэйндж!

Тетушка Эльза всегда называла меня полным именем и фамилией, когда сильно нервничала или злилась. Она спешила ко мне, одетая в совершенно нелепое ярко-розовое платье и розовую же шляпу, на которой при каждом шаге подрагивали тощие перья.

— Тетушка, — ей я обрадовалась тоже, — как вы? Где дядюшка Риус, с ним все в порядке?

— В порядке, что ему сделается-то, — отмахнулась она. — Утешать господина Бэйрси отправился. До нас огонь дойти не успел, пожарные его потушили. Хотя, конечно, странно это... все дома с крыш гореть начали, а наш снизу.

Тетушка частила, с присущими ей визгливыми нотками рассказывая, как пила в гостиной чай, а потом заметила на улице яркие блики. Как почувствовала запах гари и, заподозрив неладное, выглянула в окно. Как посмотрела вниз и едва не лишилась чувств, увидев, что основание дома пожирает пламя.

— А ты-то как здесь оказалась? — оборвав себя на полуслове, без перехода спросила она.

— Узнала, что в наших кварталах пожар, — ответила я, поглаживая мурчащего Кота. — Не могла не прийти.

Тетушка Эльза исследовала меня пристальным взглядом с ног до головы. От этого цепкого взгляда явно не укрылись ни красивая институтская форма, ни сидящий на моих руках Кот.

— Платье испачкаешь, — закончив «осмотр», неодобрительно произнесла она.

И в этом вся тетушка — вокруг огненный апокалипсис, а она печется о какой-то ерунде.

Внезапно среди царящего вокруг шума прозвучал полный отчаяния крик. Не просто крик — крик с призывом о помощи. Исходил он оттуда, где еще полыхали и дымились дома.

— Что там? — спросил находящийся неподалеку пожарный.

— Да малому какому-то ногу придавило, — отозвался другой, прибежавший с той стороны. — Полез риах знает куда, прямо в огонь, дурной! К складам все рвался, а сейчас его огненное кольцо окружило, никак прорваться не можем! Жаль, погибнет пацан, не успеем спасти...

Это могло быть простым совпадением, если бы только я не узнала голос, повторно воззавший о помощи. Фин, этот отчаянный глупый мальчишка, каким-то образом все-таки обошел установленный в нашем районе барьер. И полез прямо в огонь, желая добраться до отца...

Когда крик прозвучал в третий раз, я опустила Кота на землю и устремилась в том направлении, откуда он доносился.

— Стой! — прозвучал мне в спину крик тетушки Эльзы. — Куда понеслась, оголтелая?!

Куда понеслась, «оголтелая» знала. А вот зачем — вопрос, которым задаться не удосужилась. Наверное, сегодня была просто такая ночь, в которую все установленные ранее запреты оказались разрушены, а логика и здравый смысл подчистую проигрывали чувствам и интуиции. Мною двигал тот же порыв, который заставил мчаться сюда из института. Тот же, благодаря которому я, выйдя из омнибуса, не повернула назад, избрав противоположное направление.

«Погибнет пацан, не успеем спасти», — билось в мыслях, заглушая все окружающие звуки.

Он находился совсем неподалеку, окруженный, как и сказал пожарный, кольцом огня. Я бы даже не поняла, что за этой высокой огненной стеной кто-то есть, не доносишь из-за нее переходящие в завывание крики.

— Ни одного феникса рядом! — посетовал кто-то из собравшейся поблизости толпы.

— Ну как же так?

— Да сделайте вы что-нибудь, ребенок сейчас заживо сгорит!

Башмачная, у которой все и происходило, судя по всему, вспыхнула быстро, и вовремя потушить ее не успели. Деревянное

двухэтажное строение оказалось полуразрушено, крыша провалилась, и упавшие обгорелые обломки каким-то образом упали прямо на пробегающего мимо Фина. Но крайней мере, так мне это представлялось, когда я увидела эту ужасную картину.

Обычная вода гасила подпитанное магическими артефактами пламя очень медленно. Пожарные выливали на образовавшуюся пламенную стену все, что оставалось у них в запасе, но этого не хватало. И хотя их форма тоже была оснащена противопожарными артефактами, пройти через такое пламя они не могли.

Когда ветер летит с востока,
В смерть обращая жизнь,
Глядя в глаза ему, вспомнишь:
Ты в пламени не сгоришь...

Как это обычно бывало, стихи пришли неожиданно и в самый неподходящий момент... А может, как раз в подходящий? Может, они — ключ к тем самым чувствам и интуиции, которым я так долго не давала себя проявлять?

Да, эта ночь и впрямь была сплошным безумием. Моим личным безумием. Иначе как объяснить то, что я, неотрывно глядя на танцующий смертоносный танец огонь, шагнула к нему? Непроизвольно, замороженно, как мотылек, которого влечет неукротимое яркое пламя.

В груди появилось знакомое жжение, стремительно распространяющееся по всему телу. Как и пару дней назад, стоя у камина, я чувствовала, что все внутри стремительно нагревается, как само мое тело становится приятно горячим.

Еще один шаг. И еще один... И впрямь безумие.

Должно быть, я действительно сошла с ума, если мне кажется, что окруживший Фина огонь — живой. Буйный, но любопытный, готовый договориться и пропустить, если ты знаешь, как нужно с ним разговаривать.

— А это еще кто?! — прозвучало где-то позади.

— Стой, идиотка! Да что ж кругом одни самоубийцы...

Остановить меня никто не успел. Подталкиваемая не то какой-то неведомой силой, не то живущим во мне самой знанием, сделала решающий шаг.

В эту самую ночь, в эти пропахшие гарью и дымом мгновения я, увязая в замедлившемся времени, шагнула прямо в огонь.

ГЛАВА 14

Пламя негодуяюще взвилось, вздыбилось, словно тысячи ядовитых змей, и... не обожгло. Сейчас оно напоминало мне ветер — теплый и сильный. Времени задумываться над тем, что я творю, не было. Да и не в состоянии я была задумываться ни о чем подобном, потому что если бы стала, уже точно сошла бы с ума.

Ногу Фина придавил обломок деревянной полуистлевшей балки. Заплаканный и перепуганный паренек лежал на земле, обхватив пострадавшую голень и тщетно пытаюсь ее освободить. Когда он меня увидел, в его глазах отразилась непередаваемая смесь ужаса, паники, шока и чего-то, очень похожего на восхищение.

— Ты... — сипло выдохнул он. — Ты...

Закончить предложение Фин оказался не в состоянии и только хватал ртом жаркий воздух, как выброшенная на берег рыба. Кольцо огня с каждым мгновением становилось все плотнее, и я понимала, что действовать нужно быстро. Языки пламени подрагивали, окрашивали все в рыжие тона, вплетались в мои волосы, как подвижные ленты, цеплялись за подол платья. И тянулись к выбранной жертве, оказавшейся совершенно беспомощной перед буйством стихии. Огонь хотел поглотить маленького человека в смешной, съехавшей набекрень кепке. Хотел лизнуть его, распробовать на вкус и насладиться законной добычей, которая гораздо вкуснее надоевшего дерева.

— Помоги мне! — опустившись рядом с Финном, я взялась за край балки. — Попробуй поднять вместе со мной!

Балка оказалась невероятно тяжелой. Лоб сделался влажным от прикладываемых усилий, дыхание сбивалось от волнения, на руках выступили вены.

Сил не хватало. Фин окончательно ослабел и предавался панике, а у меня одной ничего не получалось. Сдвинуть этот тяжеленный обломок дерева не представлялось возможным, но я все равно не оставляла попыток. Потому что прекратить сейчас означало обречь мальчика на смерть. Старательно заталкивая чувства в самые глубины души, я заставляла себя не думать о том, что он сейчас испытывает.

Через какие моральные и физические муки проходит. О том, что стало с его придавленной ногой и какую боль это ему доставляет.

— Ну давай же, — прошептала горячими, пересохшими губами. — Ну, пожалуйста...

Где-то по ту сторону огня продолжали раздаваться крики, стук колес, плеск воды и шипение пламени, на которое она попадала. Огню не нравилась вода, и он ярился еще больше, все сильнее бросаясь на тех, до кого мог дотянуться. И до меня дотягивался тоже — только не яростно обрушивался, а ластился, словно ища поддержки и понимания.

Время все еще воспринималось замедленным. Вряд ли прошло больше минуты с тех пор, как я вошла в пламя, но по ощущениям минул долгий час. И каждая секунда утекала, как та самая вода, — быстро, неминуемо, неотвратно...

— Зря я тебя не послушал, — внезапно произнес Фин.

В его голосе было столько спокойствия и какого-то по-настоящему взрослого смирения перед неизбежным, что меня пробрала дрожь.

— Нужно было вернуться домой, — добавил он.

И сдался — это было видно и по его лицу, и по потухшему взгляду, и по безвольно опустившимся рукам. Этот мальчишка, в сущности еще ребенок, собирался умереть здесь и сейчас страшной смертью, толком не повидав жизнь.

А я не могла ничего сделать! Какой прок в том, что пришла сюда, если ни на что большее не способна?!

— Феникс! — неожиданно раздалось среди царящего за огненной пеленой шума.

Это восклицание тут же подхватили, голоса зазвучали громче, и я в один миг преисполнилась надеждой. В этот момент не думала ни о чем, кроме того, что у Фина появился шанс на спасение. Зато он этого, кажется, не понимал. Оставался безучастным, словно не слыша ничего, что происходит вокруг.

Обернувшись, я увидела появившийся в пламени силуэт. Феникс двигался быстро и решительно, но для меня, все еще вязнувшей в неестественно растянувшемся времени, его шаг воспринимался слишком медлительным.

Пламя признавало того, кто уверенно шел сквозь него. Признавало его власть и силу, расступалось, не смея причинять вред. С каждым мгновением силуэт становился отчетливее, принимая все более узнаваемые черты.

Преодолев огонь, Кайл Снэш остановился и взглянул на Фина. Но уже через миг его взгляд направился на меня. Невозможно передать и понять, что отразилось в его глазах в этот момент.

Пресветлый, ну почему из всех живущих в Дрейдере фениксов здесь оказался именно он?! Хотя о чем это я? Хоть сам риах пускай приходит, лишь бы помог!

Если раньше для меня часам равнялись минуты, то теперь растягивались доли секунд. Показалось, что прошло невероятно много времени перед тем, как Кайл подошел к Фину и, ничего не говоря, с легкостью поднял и отшвырнул в сторону балку, не физической силой — магией. И, все так же не говоря ни слова, не церемонясь, поднял Фина за шкуру и перекинул через плечо.

Не глядя на меня, он небрежно взмахнул рукой, и в огне образовался проход, через который он прошел вместе со своей пребывающей в глубоком потрясении ношей.

Какой-то моей части хотелось сбежать, но я все-таки последовала за фениксом. Где-то глубоко внутри питала глупую надежду, что он больше не станет обращать на меня внимания, не услышит, что говорят в толпе, и просто уйдет. Но вместе с тем я понимала, что этого ждать не стоит и никакого «просто» не будет. Собственно, «просто» уже вообще ничего не будет.

Я со скачущими туда-сюда искрами едва смирилась, а теперь еще и хождение через огонь в копилку добавилось. Впрочем, в настоящий момент своим внутренним состоянием я мало отличалась от Фина — словно бы впала в своего рода анабиоз и передвигалась машинально, как сомнамбула.

Нас... то есть Кайла Снэша встретили громогласным ликованием. Увеличившаяся толпа буквально взревела, а потом от нее вдруг отделился один высокий, крепко сбитый мужчина, выбежавший нам навстречу.

— Фин? — Гамма чувств, отразившаяся в его голосе, не поддавалась описанию. — Сынок, это ты?!

Паренек мгновенно встрепенулся и, словно не веря сам себе, выдохнул:

— Папаня?

Заметив «папаню», феникс передал ему спасенного парня и остался равнодушным к последовавшим за этим благодарностям. Я уж было подумала, что обо мне действительно забыли, и тихонько попятилась в сторону своего дома. Но стоило мне сдвинуться с места, как пригвоздивший к земле взгляд вновь направился на меня. И, говоря «пригвоздивший», я ничуть не преувеличивала, — способность двигаться мгновенно меня покинула. Да и бегство в данной ситуации было откровенно глупым, бессмысленным и трусливым поступком.

Храня молчание, Кайл Снэш приблизился ко мне и с той же бесцеремонностью, с какой только что взваливал на плечо Фина, взял меня за запястья. Развернул мои кисти ладонями вверх и вперился в них немигающим взглядом. Только в этот момент я вдруг осознала, что боль от ожогов совсем не чувствуется, — она отсутствовала и когда я пыталась поднять балку, и теперь.

Как же так? Когда ожоги успели исчезнуть?

— А девчонка-то молодец! Прямо в огонь за ним пошла! — снова раздалось где-то в толпе.

— Да только как она прошла-то? — подхватил другой голос. — Вон даже пожарные подойти к нему не могли!

— Да небось артефакт какой-нибудь дорогуший...

— Гляньте, это ж та самая девушка, которую на Церемонии избрания выбрали!

— Да ну, не она это...

— А я говорю — она! Лично в лицо ее видел!

Еще никогда всеобщее внимание не казалось мне таким нежеланным и неуместным. Люди возбужденно обсуждали случившееся, но ко мне не подходили, хотя многим явно хотелось. А не подходили они, потому что рядом, ровно напротив меня все еще стоял феникс. И о чем он в этот момент думал, оставалось только гадать. По бесстрастному, лишенному эмоций лицу было совершенно непонятно, какие мысли роятся в его голове. Наверное, только по взгляду можно было что-то прочесть, но смотреть Кайлу Снэшу в глаза я избегала — провоцировать его сейчас точно не стоило.

Когда повисшая пауза стала затягиваться, я не выдержала и глухо спросила:

— Я могу идти?

Он молчал неимоверно долго — по крайней мере, в моем мире, где время текло слишком медленно, это молчание длилось целые часы.

— Нет, — наконец прозвучал ответ. И, спустя еще одну, уже чуть менее длинную паузу, феникс пояснил: — Пока не скажешь, откуда у тебя такая же редкая способность, как у моего брата.

Забывшись, в глаза я ему все-таки посмотрела и растерянно переспросила:

— Редкая способность?

— Проходить сквозь пламя, — уточнил он, не сводя с меня пристального взгляда. — Все фениксы могут воздействовать на огонь, заставляя его подчиняться и не обжигать. Но каждому фениксу от рождения достается какая-то особенность. У Нора их несколько. И одна из них — полная, бесконтрольная огнеустойчивость. Ему не нужно прикладывать никаких усилий, не нужно использовать внутренний свет, чтобы проходить сквозь пламя и не сгорать. Ты тоже не использовала ни внутренние искры, ни артефакты — я бы почувствовал их остаточную магию. Поэтому повторяю вопрос.

Третья пауза была еще короче, а следовавшие за ней повторившиеся слова — еще более резкими:

— Откуда у простой девчонки эта способность?

Ответить я бы не смогла при всем желании. Хотя бы потому, что сама задавалась тем же вопросом и была откровенно потрясена. Я совершенно не понимала, как такое возможно, что со мной происходит и что со всем этим делать. А Кайл Снэш, подливая масло в огонь моего внутреннего напряжения, продолжал испепелять меня тяжелым взглядом.

— Я не знаю, — ответила чистую правду. — Мне...

— Не знаешь? — не дослушав, перебил он. — Или смеешь мне врать? У маленькой мышки есть большие секреты... По крайней мере, теперь понятно, почему ты привлекла к себе внимание Нора.

Если бы существовала шкала, определяющая уровень подавляющей силы, Кайл Снэш добрался бы до самой ее верхушки. Не знаю, как бы повел себя кто-нибудь другой на моем месте, — возможно, трясся бы от страха, пытался оправдываться или доказывал,

что действительно ничего не знает. Мне тоже хотелось делать и первое, и второе, и третье, но я заставила себя собраться.

Это было трудно. Очень трудно. Но, вновь посмотрев ему в глаза, я выдержала адресованный мне взгляд. И внутреннюю дрожь подавила, и оправдываться не стала, потому что тем, кто оправдывается, никогда не верят. А граница между попытками доказать свою невиновность и оправданиями, как правило, очень тонка.

Повисшее между нами молчание было тягостным. И инородным на фоне окружающей, подсвеченной бликами пламени суеты. Спустя некоторое время глаза феникса как-то странно блеснули, и не успела я сообразить, что это значит, как нас окутал яркий, но холодный свет.

Уже сбилась со счета, в который раз за этот день совершала такой переход. Кажется, еще немного — и начну к этому привыкать.

Далеко Кайл нас не перенес. Мы очутились в соседнем квартале, где к этому времени уже полностью потушили огонь и улица утопала в остатках серого дыма. Как когда-то в коридоре, я оказалась стоящей спиной к стене одного из уцелевших зданий — цирюльни, кажется, а феникс вновь нависал надо мной, окруженный ореолом холодного света.

У меня не было времени, чтобы сообразить, что он собирается сделать. Но как только холодный свет сгустился вокруг меня, как только стал проникать под кожу, впитываться в кровь, стремясь добраться до самого сердца, — поняла. Не разумом — скорее таким обострившимся сегодня шестым чувством.

Кайл Снэш хотел увидеть мои искры. Не спрашивая разрешения, без моего согласия, что в высших кругах являлось недопустимым. Но я ведь не из высших кругов — с какой стати ему заботиться о чувствах какой-то «мышки»?

Я не хотела, чтобы он видел мои искры. Ни сейчас, ни когда-нибудь потом. Не хотела, чтобы его свет прикасался к ним, изучал, обволакивал своим чужеродным холодом. И я непроизвольно сосредоточилась на этом желании, хотя сознавала, что противостоять фениксу все равно не смогу. Ни убежать от него, ни спрятаться, ни оградиться. И руку из его руки тоже не выдерну, слишком крепка его хватка — наверное, синяк останется...

Я все еще смотрела в сияющие золотые глаза, поэтому и не пропустила внезапно произошедшую в них перемену. В какой-то момент в них отразилось отчетливое удивление, как если бы он столкнулся с чем-то очень странным.

— Какого риаха... — нахмурившись, негромко произнес Кайл Снэш.

А в следующее мгновение наполняющий меня холодный свет усилился. Ускорился, быстрее побежал по венам, подобрался к самому сердцу и... остановился, так и не пробравшись внутрь. Уже неоднократно испытал те ощущения, когда кто-то прикасается к искрам, я помнила их очень хорошо. Сейчас этих ощущений не было. Как будто феникс остановился в шаге от моих искр, почему-то не дойдя до конца.

— Чем дальше, тем интереснее, — задумчиво добавил он, склонившись ближе к моему лицу.

Порыв вжаться в стену сдержать не удалось. Мне хотелось впечататься в нее, раствориться, пройти насквозь, оказаться где-нибудь далеко-далеко отсюда, оставшись в долгожданном одиночестве.

Следующее, что сказал феникс, удивило уже меня:

— Поцелуй меня.

Это было требование. Приказ, произнесенный наполненным обаянием и внутренней силой бархатным голосом. Эта сила обрушилась на меня подобно гигантской волне, которая сбивает с ног и не дает шанса устоять.

Нечто похожее уже случалось однажды — в первую нашу встречу в кабинете доктора. Тогда у меня тоже появилось неконтролируемое желание повиноваться, выполнить все, что он пожелает. Какое-то безумное наваждение...

Где-то на задворках сознания промелькнула догадка, что это невероятное обаяние — особая способность, доставшаяся Кайлу Снэшу от рождения так же, как Нориану — устойчивость к огню.

И без того вымотанная событиями последних часов, теперь я испытывала невероятные муки из-за внутренней борьбы. Одна моя часть неимоверно жаждала поцеловать стоящего напротив феникса, а другая прикладывала все оставшиеся силы, чтобы этого не сделать.

Я даже не заметила, как ногти с силой вонзились в многострадальные ладони, оставляя на коже красные полумесяцы. И

как практически до крови прикусила губу, не заметила тоже.

— Поцелуй, — повторился приказ, и по коже рассыпалась дрожь.

Эта волна оказалась еще больше предыдущей, еще неистовее. Не знаю, существовал ли во всем Артогане хотя бы один человек, способный ей противостоять. Если и существовал, то я этим человеком не была.

Ненавидя себя за то, что не могу справиться с этим наваждением и одновременно до боли желая ему поддаться, я медленно оторвалась от стены и подалась вперед. Сердце гулко билось о грудную клетку, в висках неистово стучал пульс. Я не понимала и не видела уже ничего — только выразительные губы, которые с каждым мгновением становились все ближе, ближе, ближе...

— По-моему, я выразился предельно ясно, когда говорил тебе держаться от этой девушки подальше, — неожиданно прозвучал поблизости знакомый голос.

Окружавшее меня плотным коконом наваждение пошло мелкими трещинами и мгновенно разлетелось на множество осколков. Пошатнувшись, я едва устояла на ногах и снова привалилась спиной к стене.

— А вас, мисс Трэйндж, я, кажется, просил идти к доктору, а не в охваченные пожаром кварталы, — произнес все тот же голос.

У меня даже испытать облегчение сил не хватило. Зато испытала чувство дежавю — уже в который раз Нориан Снэш появлялся рядом именно в тот момент, когда это было очень нужно.

— Я не твой подчиненный в Приграничье, чтобы делать все, что ты мне скажешь, — посмотрев на брата, бросил Кайл. — Она, — кивок в мою сторону, — прошла сквозь пламя. Без артефактов. Как феникс. Более того — как ты.

Судя по изменившемуся выражению лица, об этом Нориану еще известно не было.

— Это какая-то ошибка, — с долей сомнения произнес он.

— Свидетелей — десятки, — опроверг Кайл. — И я не могу подступить к ее искрам из-за мощного внутреннего щита. Это не говоря о ее сегодняшнем «подвиге» но отношению к риаху. Она даже *мне* противиться сумела, хотя в итоге все-таки сдалась. Я ведь все равно выясню, что с ней не так, ты меня знаешь. Но, может, облегчишь нам обоим жизнь и сам все расскажешь?

Нориан перевел взгляд с него на меня и обратно, после чего ответил:

— Проблема в том, что даже если бы хотел, ничего тебе рассказать я бы не смог.

— Хочешь сказать, ты не знаешь, почему у этой девицы столько... особенностей? — явно не поверил Кайл.

Усмехнувшись, Нориан вернул его же реплику:

— Я не твой подчиненный, чтобы оправдываться и что-то тебе доказывать.

Удивительно, как он практически точь-в-точь повторил мои недавние мысли.

Происходящий разговор касался меня напрямую, но я наблюдала за ним как будто со стороны. Казалось, что весь сегодняшний вечер и ночь — просто сон, который исчезнет с первыми проблесками рассвета. Желание оказаться в одиночестве было единственным, что осталось во мне в настоящий момент.

И оно быстро исполнилось. Нориан Снэш не позволил брату больше меня задерживать и вознамерился вернуть в институт. Но завтра... или, вернее, уже сегодня был выходной, и проводить его в своей каморке неподалеку от Эмбер и ей подобных я не хотела.

Когда сказала, что сегодня останусь здесь, препятствовать этому Нориан не стал. Только проводил до самого дома, и весь путь до моего квартала мы проделали молча. Я была благодарна ему за многое, а теперь еще и за то, что он не мучил меня вопросами, ответов на которые все равно никто из нас не знал.

Разве что у самого моего дома, увидев уцелевший этаж, спросил:

— Вы живете там?

Я кивнула, понимая, что тем самым добавила дополнительный вопрос в копилку уже имеющихся. Но, по крайней мере, короткую отсрочку я получила.

Интересным был тот факт, что лестница в доме тоже практически не пострадала, как и несущие стены. В сущности, наш дом большей частью обгорел снаружи и пострадал в основном визуально. На некоторых соседних строениях пожарные вешали таблички с надписями о том, что входить внутрь запрещено. На нашей входной двери такой не было.

Простенькие, заряженные искрами артефакты разгоняли дым. Но все равно, пока поднималась на наш этаж, я успела им надышаться. Казалось, он пропитал меня насквозь, так же, как и стены, навечно вьевшись в здешний воздух и став нашим постоянным соседом.

— Инида! — встретили меня синхронным восклицанием опекуны, едва я вошла в прихожую. — Тебя что, провожал феникс?!

— Он преподает в институте, — разуваясь, устало ответила я.

— Инидочка, какая ты умница! — непривычно залебезила тетушка Эльза. — Всего неделю учишься, а уже такие успехи! Нет, ну надо же... Ты слышал, Риус? Сам феникс ее обучает, да еще и до дома сопровождает...

Пока они были заняты перевариванием такой потрясающей с их точки зрения информации, я тихонько прошмыгнула на чердак и заперла за собой дверь. Здесь ничего не изменилось с тех пор, как я ушла, прихватив с собой старенький чемодан. И это было так странно — понимать, что минула всего неделя, здесь все осталось по-прежнему, а в моей жизни произошло столько перемен, что их хватило бы на целый год.

Привалившись спиной к двери, я несколько минут стояла, глядя в круглое пыльное окошко. На стекле подрагивали блики от еще пылающего где-то огня, по улицам разносился шум, и воздух все так же пах гарью. Только здесь, в моей устроенной на чердаке комнате, он был совсем ненавязчивым, едва уловимым.

Кот уже дремал на кровати. Вальяжно развалившись белым брюхом кверху, он поглядывал на меня сквозь полузакрытые глаза и тихонько посапывал. Мне же, несмотря на все нервные потрясения последних часов, спать почему-то не хотелось.

Подойдя к швейной машинке, на которой тоже успел появиться слой пыли, я коснулась колесика и неспешно его покрутила. Раздался знакомый, приятный слуху звук — ритмичный и успокаивающий.

Я присела на табурет, порылась в своем сундучке и извлекла из него несколько обрезков ткани. И сама не знала, что шила следующие несколько часов... или минут? Как это обычно бывало, занимаясь любимым делом, я потеряла счет времени.

Переплетались, стягиваясь в тугие стежки, нити, стучала, подпрыгивая, шпулька, и все эти звуки оказывали на меня

расслабляющий эффект. Забывались тревоги, отступали проблемы, прятались в полумраке комнаты все горести последних дней.

Тук-тук-тук...

Закончив шить, я очень удивилась, обнаружив, что оконное стекло окрашивают уже не блики огня, а легкие проблески рассвета. Суета на улице успела стихнуть, и даже снизу больше не доносилось ни звука. Во время шитья я изредка обращала внимание на раздающиеся в нашей прихожей голоса. Кажется, к нам приходили соседи, большинство из которых интересовались мной. Точнее, моей учебой, фениксами и всем, что с ними связано. Я только вздохнула — становиться местной знаменитостью не было ни малейшего желания.

Протерев слегка уставшие глаза, опустила взгляд на свое творение и непроизвольно затаила дыхание. Сама того не ведая, из обрезков золотистой ткани я сшила феникса, похожего на тряпичный амулет. Небольшую птицу — символ Института аэллин и всего Артогана.

ГЛАВА 15

Впервые за много лет я проспала до самого обеда.

Выходной день выдался ярким и солнечным, подчеркивающим краски входящей в свои права осени. На его фоне даже обгоревшие дома не выглядели унылыми и печальными, какими казались бы в пасмурную погоду. В наших кварталах только и было разговоров, что о компенсации, которую император выделил всем пострадавшим от недавнего пожара. Обстановка сейчас была беспокойной, и монарх всячески старался угодить народу там, где это возможно.

На улицах вовсю работали присланные из императорского дворца маги, которые с помощью личных искр и дорогих артефактов вместе с простыми работниками восстанавливали пострадавшие от огня строения.

Те, чье жилье уцелело, выходили на балконы, делились последними сплетнями и возбужденно обсуждали все, что недавно произошло.

Одни из самых главных сплетниц — госпожа Грана и ее вечно дымящая трубкой свекровь — тоже не упустили возможность почесать языком. Я в этот момент сидела на крыше и потому прекрасно их слышала. А вот они видеть меня, находящуюся за каминными трубами, не могли.

— Про соседку нашу уже слышали? — понизив голос, спросила госпожа Грана. — Говорят, один из фениксов ее домой провожал.

Выпустив несколько колечек дыма, свекровь выразительно хмыкнула:

— Не просто один из фениксов. Сам Нориан Снэш.

— Быть не может! — ахнула госпожа Грана.

— Своими глазами видела, — сделав очередную затяжку, усмехнулась пожилая женщина. — Это сейчас он строго-настрого запретил газетным писакам свои портреты печатать. А в былые времена они часто в газетах появлялись... такое лицо не забудешь. Да и похожи между собой младшие братья Снэши.

Госпожа Грана покачала головой:

— Подумать только... теперь эта семейка совсем зазнается. Уже видеть эту Эльзу не могу, до чего все-таки противная баба! Да и девчонка эта их странная, уж сколько ее помню, всегда себе на уме. Как родители погибли, так и замкнулась в себе. Хотя жалко ее, конечно...

— А я тебе хочу сказать, не все так просто с их гибелью. — В воздух взвились еще несколько дымных колечек. — За пару дней до этого к ним какой-то человек странный приходил — в черном весь, прям среди ночи появился. Я всего их разговора, конечно, не слышала, только видела, что после его ухода мать Иды сама не своя была. А человек этот что-то вроде «вы еще пожалеете» проговорил. Они как раз в гостиной стояли, так он еще одно имя несколько раз повторил.

— Что за имя? — Госпожа Грана от любопытства даже приподнялась с места.

— Дай Пресветлый памяти, как же это... кажется, аэллина какая-то. Не то Лейвон, не то Лейтон... нет, не вспомню, сколько лет уж прошло.

— Лейстон, — одними губами прошептала я, ощущая, как сердце подскакивает к самому горлу.

Прислонившись плечом к каминной трубе, я сделала глубокий вдох, только сейчас заметив, что все это время не дышала.

Аэлина Лейстон — владелица загадочного дневника, который случайно попал ко мне в руки. Та, о ком никто не знал и кого мне никак не удавалось отыскать. Почему это имя всплыло именно сейчас, здесь? Может ли это быть простым совпадением? В конце концов, именно оно не прозвучало, это у меня возникла ассоциация с ним. Но что за человек приходил к моим родителям за несколько дней до их гибели? Его фраза «вы еще пожалеете» — тоже совпадение? И вообще, можно ли верить памяти старой женщины, разменявшей восьмой десяток?

Вопросы, вопросы, снова сплошные вопросы!

Возможно, еще неделю назад я бы списала все это на совпадение. Но не теперь. Не после всего, с чем мне уже довелось столкнуться. Вдобавок вспомнились брошенные вскользь слова лорда Нориана Снэша — он тоже сказал, что история с гибелью моих родителей и скомканным расследованием видится ему мутной.

Вглядываясь в горизонт поверх крыш разновеликих домов, я непроизвольно сжала кулаки.

Нориан Снэш. Вот кто может мне помочь во всем разобраться. Он и без того знает о многих связанных со мною странностях и в любом случае будет пытаться выяснить правду. Поэтому нужно рассказать ему и об остальном. И о найденном дневнике, и об услышанном сейчас разговоре. И уж если он — феникс из сильнейшего дома, приближенный к императору, бывший главнокомандующий первого гарнизона в Приграничье, — не скажет мне, кто такая аэллина Лейстон, значит, не скажет никто.

Из дома я ушла с большим трудом. В том смысле, что, едва спустившись с чердачной лестницы, наткнулась на тетушку Эльзу, загородившую проход своим далеко не маленьким телом. Хорошо, что в это время ее позвал дядюшка Риус, и мне все-таки удалось ускользнуть. Возвращаться в институт я планировала на последнем omnibusе, а оставшееся до вечера время хотела просто побродить по городу. Кот неожиданно увязался следом и семенил позади, периодически впуская стайки пронырливых воробьев.

Было так приятно идти по усыпанному солнечными бликами тротуару, подставлять лицо ласковым лучам и ветру. За пределами кварталов, где ночью бушевал пожар, дышалось легче. Здесь текла беспокойная, но простая и понятная столичная жизнь — спешили по своим делам прохожие, цокали копыта впряженных в экипажи кокрэнов, магазины беззастенчиво демонстрировали витрины с красиво расставленными на них товарами.

Я любила Дрейдер. Любила наш большой, пестрящий контрастами город, в котором каждый видел и находил что-то свое. А особенно любила его в предзакатные осенние часы, когда солнечный свет делался по-особенному ярким и теплым, мягко обволакивал здания и разжигал пожар в кронах пожелтевших кленов. Порой в такие моменты мне казалось, что не существует ни прошлого, ни будущего, ни даже настоящего. Что наша жизнь — вне времени и вне пространства, а мы просто не понимаем этого. Живем, как муравьи, копошащиеся в своем большом муравейнике и не видящие ничего дальше пары подобранных веток.

Я гуляла несколько долгих часов, ходила и по центру города, и по маленьким, но уютным улочкам. Рассматривала витрины тех самых

магазинов, любовалась ясным небом, вдыхала прозрачный воздух и наслаждалась спокойствием. Уединением. Несмотря на то что меня окружали толпы, я чувствовала себя обособленной от них, отгороженной своим личным непроницаемым панцирем.

Когда стало смеркаться, я решила вернуться домой, чтобы забрать кое-какие вещи. Моя швейная машинка была не слишком громоздкой. Она легко помещалась под специальный, оснащенный ручкой для переноски деревянный колпак, и я хотела взять ее с собой. И для душевного успокоения в стрессовых ситуациях, и в случае, если эти стрессовые ситуации вызовет испорченная одежда. Да и просто приятно, когда рядом есть частичка родного дома.

Домой я возвращалась, минуя Центральную площадь. Невзирая на то, что еще было светло, здесь уже зажглись фонари, разгоняющие первые невесомые сумерки. Кота я взяла на руки и неспешно почесывала это мурчащее чумазое создание за ухом.

Часы на ратуше пробили шесть вечера, и располагающиеся на них фигурки пришли в движение. Распахнулись миниатюрные ворота, и пятнадцать небольших скульптурок появились из них одна за другой. Непроизвольно за ними наблюдая, я вдруг обратила внимание, как из ратуши вышла пара — светловолосый мужчина и держащая его под руку красивая девушка.

Не знаю, что заставило меня задержать на них взгляд. И что заставило этого мужчину, прежде чем сесть в карету, посмотреть в мою сторону — сначала мельком, а потом не отрывая от меня взгляда несколько долгих секунд. Показалось, что на его лице отразилось удивление и что-то вроде узнавания — хотя, возможно, мне просто издали это померещилось.

Тронув за руку, спутница что-то ему сказала, и мужчина слегка потрянул головой. Больше ни разу на меня не взглянув, сел в карету, и вскоре она скрылась из моего поля зрения.

Я только пожала плечами — спутал он меня, что ли, с кем? Или узнал во мне избранную на последней церемонии?

— Эй, ты чего? — обратилась я к Коту, заметив, что он как-то странно утробно порыкивает и тоже провожает взглядом удаляющуюся карету.

В следующую секунду наглая животиная куснула меня за палец и, вырвавшись, спрыгнула на тротуар. Замерла, точно к чему-то

прислушиваясь, протяжно мяукнула и, как ни в чем не бывало, прошествовала в направлении наших кварталов.

На омнибус мне удалось не опоздать лишь чудом. Все из-за тетушки Эльзы, которая впервые за долгие годы поднялась на чердак и донимала меня расспросами. Уж насколько хорошо я успела ее изучить, но до этого дня даже предположить не могла, что когда-нибудь она будет так стараться мне угодить. Судя по ее поведению, тетушка Эльза уже записала меня в выпускницы института, устроила на почетную должность, сделала вхожей в высшие дома и наградила несметным богатством.

— Ты же помнишь, как мы были к тебе добры? — то и дело приговаривала она, пока я складывала швейную машинку. — Заботились, кормили, одевали, растили, как родную дочь...

Я слушала вполуха и лишь кивала, когда это требовалось. Что толку спорить? Тетушку все равно не переделать.

Сложив машинку, я собралась, огибая опекуншу, пробираться к выходу, но мое внимание внезапно привлекла лежащая на столе тряпичная фигурка, рядом с которой уселся Кот. Недолго поколебавшись, я сунула сшитого ночью феникса в карман, потрепала Кота по голове и наконец покинула чердак.

На этот раз уходила со спокойной душой, уверенная в том, что обижать Кота опекуны не будут. Даже забавно, насколько резко переменилось их ко мне отношение... забавно и одновременно гадко.

К институтским воротам я пришла, когда мир окончательно поглотили плотные сумерки. Раньше я не обращала внимания на то, какая мощная энергия окружает этот золотой замок, а теперь в полной мере это почувствовала. Кажется, защитный купол стал еще сильнее, превратив Институт аэллин в настоящую непреступную крепость.

Я прошла через ворота, миновала сад и приблизилась к входу в главный корпус, когда увидела идущего неподалеку лорда Нориана Снэша. Он был задумчив и погружен в свои мысли.

Мне тут же вспомнилось принятое днем решение — рассказать ему обо всем, о чем прежде молчала. Похоже, самому Пресветлому было угодно, чтобы я это сделала, раз он устроил нам эту встречу. Но мне вдруг стало страшно. Разом всплыли воспоминания и о пожаре, и о столкновении с его братом, и обо всем остальном...

Но, отбросив ненужные сомнения и набравшись смелости, я решительно и громко позвала:

— Лорд Снэш!

Мы сидели в беломраморной беседке, укрытой от посторонних взглядов пышными пожелтевшими кронами. Пряча руки под столом, я в волнении переплетала пальцы, но мой голос звучал ровно. До этого момента мысленно несколько раз репетировала свои слова, но теперь они все вылетели из головы, и этот разговор я начала совсем не так, как планировала. И все-таки мне удалось рассказать, о чем собиралась, не упустив ничего важного и не перескакивая с одного на другое.

Когда я закончила, повисла тишина. Спроси меня кто-нибудь, какой она была, я бы не смогла ответить. Напряженной? Неопределенной? Томительной? Наверное, все сразу.

— Дневник сейчас у вас? — наконец спросил лорд Снэш, по выражению лица которого было невозможно ничего прочесть.

— Да, — кивнула я. — В моей комнате.

— Сейчас мне необходимо на некоторое время отлучиться, — произнес феникс. — Не уверен, что смогу вернуться раньше ночи. Давайте встретимся с вами здесь же, в этой беседке, завтра в десять утра. Возьмите с собой дневник.

— А вы... — начала я и ненадолго замолкла, подбирая подходящие слова. — Вы знаете, кто такая аэллина Лейстон?

Если прежде я могла читать хотя бы его взгляд, то теперь не сумела и этого. Все мысли и чувства лорда словно бы спрятались где-то глубоко внутри, оставив на поверхности лишь непроницаемую, лишенную всяческих эмоций маску.

— Поговорим об этом завтра, — уклонившись от ответа, он поднялся с места.

Не такого итога я ожидала от этого разговора. Но мне не оставалось ничего другого, кроме как преисполниться терпения и дожидаться завтрашнего утра. Очередная отсрочка одновременно и огорчила, и обрадовала, вызвав определенную долю облегчения.

Нориан

Меня ожидали в императорском дворце, но вместо того, чтобы находиться там, я перенесся в совершенно другое место. Туда, где не

был уже много долгих лет. Туда, где меня давно не ждали, но все еще помнили.

Небесный остров, который я когда-то называл своим домом. Родовое гнездо.

Кажется, в последний раз был здесь в прошлой жизни. Какая глупость... больше не существует ни прошлых жизней, ни будущих. Не существует с тех самых пор, как шестьсот лет назад все они были отданы фениксами во имя защиты Артогана. «Кровавый свет» изменил и сломал тысячи судеб, в том числе и предков нашего дома. Всякий редкий раз, оказываясь на этом небесном острове, я непроизвольно об этом вспоминаю.

Отец и старший брат, помешанные на истории нашего дома, сделали все, чтобы каждый, ступивший на эту небесную землю, ее узнал.

Огромный особняк в форме вытянутой буквы «П» с вычурной богатой отделкой был призван подчеркивать состояние и богатство. Прямо в центре внутреннего двора — высокий монумент с портретами наших предков, начиная Лосценом Снэшем, объединившим и возглавившим легионы фениксов во время «Кровавого света». Он погиб за Артоган и не оставил после себя потомков. А наш род продолжил его кузен, вошедший в число тех немногих, кто после битвы сохранил внутренний свет.

Этот монумент, изготовленный лучшим скульптором империи из редкого золотого мрамора, — настоящая гордость семьи, которой я никогда не разделял. Он — всего лишь кусок камня, призванный пускать пыль в глаза. Подвиг нашего предка действительно повод для гордости. Но настоящее никогда не бывает пафосным и не выставляется напоказ.

Лакеи у входа все те же. Интерьеры особняка не изменились, так же как и двор. Стабильность, постоянство, верность традициям — то, что так ценит отец. Даже дворецкий, который и сам не помнит, сколько ему лет, по-прежнему занимает свой пост.

За пятнадцать лет моего отсутствия не изменилось ничего. В золотой гостиной все так же тикают стоящие на камине часы, в хрустальных вазах благоухают белые розы. Леди Гойрей — бывшая ниллэ матери и ее нынешняя фрейлина, как всегда, напоминает

ледяную, напрочь лишенную чувств скульптуру. В ее холодных глазах, похожих на рыбы, при виде меня отражается лишь тень удивления.

Я миновал несколько длинных коридоров, поднялся по широкой, устланной светлым ковром лестнице и подошел к хорошо знакомой двери. Внутри шевельнулось легкое, давно забытое беспокойство — призрачное, прилетевшее из далекого детства. Вспомнилось, как брался за эту дверную ручку, будучи еще мальчишкой, страшащимся гнева отца.

Вошел без стука.

Лорд Вэйр Снэш, занятый разбором бумаг, сидел за письменным столом. Стол тоже остался прежним — массивным, с украшением на ножках в виде львиных голов.

Я вошел бесшумно и так же бесшумно прикрыл за собой дверь. Но мой приход все равно не остался незамеченным. Оторвавшись от изучения бумаг, отец медленно поднял на меня взгляд.

После моего возвращения из Приграничья мы неоднократно виделись в императорском дворце и на приемах. Даже вели дежурные разговоры. Но пролегающая между нами пропасть никуда не исчезла, и сейчас это ощущалось как никогда отчетливо. Да, за последние недели мы виделись не один раз. Но в настоящий момент возникло ощущение, что встретились впервые за эти пятнадцать лет.

— Пришел, — спустя долгую паузу полуутвердительно-полувопросительно произнес отец.

— Пришел, — согласился я с ним и без перехода обозначил причину визита: — Мне нужно воспользоваться семейной библиотекой.

Отец выразительно приподнял бровь.

— Семейной библиотекой?

— Той ее частью, что собрали вы с Рэйном, — уточнил я.

Последовала еще одна долгая пауза. Как и дом, отец совсем не изменился за минувшие годы — все тот же суровый взгляд из-под сошедшихся на переносице бровей, твердая линия подбородка с короткой, с едва заметной проседью бородой. И глаза цвета расплавленного золота, слегка мерцающие, даже когда внутренний свет спит.

— Значит, ты пришел сюда, только чтобы посетить семейную библиотеку, — снова и вопрос, и констатация факта. — Собранную

мною и твоим старшим братом. Позволь узнать, зачем тебе понадобились наши архивы?

— Это важно. — Я не стал вдаваться в подробности. — Мне нужно увидеть одно имя.

— И ты считаешь, что я так просто позволю тебе это сделать? — В голосе отца зазвучала сталь. — Ты попрал традиции и вековые устои, разорвал все связи с самым главным — со своей семьей, своим домом. Не исполнил долг и не женился, чтобы обзавестись наследником. И думаешь, что после этого можешь заявиться сюда и я так просто исполню твою просьбу?

Зная характер отца, я не ответил, ожидая скорого продолжения. И оно не заставило себя ждать:

— Ты мог жениться на принцессе! Породниться с императором, принести еще больший почет нашему дому, но отказался от всего и сбежал в треклятое Приграничье!

— Не сбежал. — Не в пример отцу, я голос не повышал. — И тебе прекрасно известны причины, по которым помолвка с принцессой была расторгнута. Но семья, которую я считал своей, приняла не мою сторону. *Ты* не принял мою сторону. Никогда ее не принимал. Говоришь, я попрал все традиции? Нет, это сделал Кайл, которого ты, несмотря на его поступок, поддержал.

Отец приподнялся с кресла, и на его щеке нервно дернулся мускул.

— Я не поддерживал Кайла. Ни тогда, ни теперь. Он — моя извечная головная боль. Но он не отказался от нас, не наплевал на мое мнение. Я никогда не ждал от него многого. А вот от тебя, несмотря на твой досадный изъян, ожидал. И ты этих ожиданий не оправдал.

Я ошибался, считая, что та давняя история канула для меня в небытие. Нет. Сейчас в висках застучала кровь, и в груди шевельнулось негодование, перемешанное с отголосками старой боли, не имеющей никакого отношения к моему «изъяну».

Но выплеснуться наружу ему не позволил. Привычно подавив неприятные воспоминания, сухо повторил вопрос:

— Так я могу воспользоваться библиотекой?

Отец слегка прищурился, глядя на меня в упор. Этот его прищур был едва ли не единственным, что унаследовал от него Кайл.

— Через неделю я устраиваю прием, на котором будут присутствовать представители всех сильнейших домов. Приходи на него. Со спутницей — выпускницей или студенткой Института аэллин. Возможно, тем же вечером я дам тебе нужный ключ.

Ход отца был понятен. Когда-то я публично отказался от своего дома, сказав, что больше сюда не вернусь. А теперь должен буду публично вернуться. Со спутницей, наличие которой тут же приравняют к моей возможной скорой женитьбе.

— Хорошо, — согласился я, выдержав тяжелый взгляд. — Я приду на прием с одной из нынешних студенток института. Будь по-твоему.

Отец думал, что победа осталась за ним. Но он не уточнил, какой именно студентке необходимо меня сопровождать. О том, что она должна обучаться на факультете аэллин, не было сказано ни слова. И я намеревался этим воспользоваться.

ГЛАВА 16

В выходной день жилое крыло факультета ниллэ больше напоминало вымершее. Все, кто жил в Дрейдере, разъехались по домам, а остальные предпочитали проводить свободное время вне четырех стен.

Гостиная стала наполняться людьми, лишь когда окончательно стемнело. Я тоже сидела здесь, у камина, в кои-то веки не прячась в своей каморке. Эмбер и ее приспешницы отсутствовали, так что никто не нарушал мой покой.

В камине уютно потрескивали поленья, горячий чай, который я пила, пах терпкими и чуть горьковатыми травами — согревающими и играющими на языке приятным послевкусием. Постепенно поглощая печенье из вазочки, я изучала учебник по этикету, стараясь осмыслить и запомнить все прочитанное.

Дневник неизвестной аэллины решила не трогать до завтрашнего утра, хотя руки так и чесались вновь его открыть. А еще я не могла не думать о предстоящем завтра разговоре, да и вообще обо всем том, что случилось в последние дни. Даже изучение правил поведения в высшем обществе не смогло надолго отвлечь.

Мне казался немного странным тот факт, что обсуждение касающихся меня проблем вновь было отложено. Хотя я ведь не сердце мира, чтобы все вращалось вокруг меня. У лорда Снэша хватает и других забот.

Погруженная и в свои мысли, и в мысли составителя учебника, я не заметила, как пролетели несколько часов. А еще не заметила, как в гостиную вошла Люция, которая была не похожа сама на себя. Скорее на свое блеклое подобие — голубые глаза словно бы стали еще больше, лицо разом осунулось; еще вчера румяные щеки сделались бледными, плотно сжатые губы слегка подрагивали, а пальцы нервно сминали носовой платок.

Ее приход я заметила только благодаря Гаю, который встретил ее буквально на пороге. Все немногочисленные разговоры в гостиной как-то сразу смолкли, и всеобщее внимание обратилось к ней. Судя по

поведению остальных, не одна я была осведомлена о постигшем семью Бэйрси несчастье.

Но, несмотря ни на что, я не могла не восхититься выдержкой Люции. Даже с учетом наших взаимоотношений не могла не признать, что держится она отлично. Плечи широко расправлены, подбородок высоко поднят, а глаза горят решительным блеском, как бы предупреждающим, что сейчас ее лучше не трогать.

Тем не менее среди нас нашлась та, которая не могла не насладиться чужой болью. Эмбер, невесть когда успевшая появиться в гостиной, встретила Люцию презрительной ухмылкой и едкой фразой:

— Ну что, похоже, теперь у нас на одну бродяжку больше?

Казалось, Люция сейчас резко сорвется с места, преодолет разделяющее их расстояние и набросится на теперь уже бывшую приятельницу. Но она сдержалась, только шторм в голубых глазах усилился.

— Нет, бродяжкой мы тебя звать не станем... погорелица подходит больше, — продолжила глумиться Эмбер.

— Еще одно слово, и вы пожалеете, — холодно, но с едва сдерживаемым бешенством произнес Гай.

Эмбер и бровью не повела. Очевидно, она чувствовала себя королевой и упивалась собственной безнаказанностью. Здесь, в корпусе факультета ниллэ, она была одной из немногих, кому повезло родиться в очень богатой семье и одновременно иметь дворянский титул. Выше нее стояла разве что только Алекса.

— Пожалее? — с усмешкой переспросила она. — Да кто ты такой, чтобы мне угрожать? Всего лишь прислуга, отворяющая и затворяющая перед нами дверь.

Судя по поведению дворецкого, дальняя родственница была ему дорога, но свое место в институте он ценил еще дороже, поэтому и не ответил Эмбер в той же манере. Это надо мной — заведомо более слабой — он мог измываться и угрожать. А в ситуации с Эмбер опасался нажать врага.

А вот мне опасаться было нечего.

Уже давно заметила за собой такую черту: если унижить пытались меня, мне по большей части было на это плевать. Но если при мне творилась несправедливость и звучали оскорбления в адрес кого-то другого — внутри все мгновенно вскипало от негодования. И пусть

Люция относилась ко мне не лучше той же Эмбер, все-таки зародившееся еще ночью сострадание к ней никуда не делось. В конце концов, я знала ее практически с детства, мы жили в соседних кварталах. Да и вообще слова Эмбер задевали не только Люцию, а всех тех, кто пострадал в ночном пожаре.

Она хотя бы отдает себе отчет, что насмехается и оскорбляет сразу сотни людей? А ведь от огня пострадали не только дома, но и сами жители, — кто-то получил ожоги, некоторые и вовсе попрощались с жизнью...

— Что ж, если тебе так нравится придумывать прозвища, то грех не наградить им и тебя, — произнесла я, поднявшись с места.

Эмбер мгновенно обернулась ко мне, а я, добавив в голос насмешку, продолжила:

— По-моему, «неудачница» подойдет лучше всего. Скажи-ка, Эмбер, ты потому разбрызгиваешь яд, что при своем положении и влиянии родителей сумела поступить лишь на факультет ниллэ? Бедняжка, как, должно быть, обидно родиться с недостаточным для аэллины количеством искр. Вероятно, ты стала большим разочарованием для своей семьи.

Откровенно говоря, я даже не ожидала, что мои слова настолько ее заденут. А особенно — последняя фраза. Еще никогда я не видела, чтобы кто-то буквально в считанные секунды превратился в настоящую взбешенную фурию.

Даже опомниться не успела, как Эмбер сделала то, чего я недавно ожидала от Люции: вскочила с места и набросилась на свою обидчицу. То есть на меня.

Не помню, когда я в последний раз дралась. Кажется, тогда мне было лет десять. В то время, после гибели родителей, я впала в глубокое беспросветное отчаяние, а отношение ко мне опекунов только его усугубило. Я выплескивала накопившийся в душе негатив в стычках с дразнящими меня мальчишками и делала это не один раз.

Даже смешно, что сейчас об этом вспомнила... и удивительно, что навыки — если это можно так назвать — никуда не делись.

Разум еще не успел понять, что происходит, а рефлексy уже сработали, и я инстинктивно закрыла голову руками, уворачиваясь от пальцев, готовых вцепиться мне в волосы. Вокруг раздавались чьи-то голоса, кто-то кричал, кто-то визжал на одной ноте, подбежавший к

нам Гай пытался оттащить от меня Эмбер. А я, не верящая, что этот абсурд происходит на самом деле, просто пыталась защищаться. Может, я и не леди, но решение конфликтов с помощью кулаков считала делом последним.

Правда, в какой-то момент, когда разошедшейся, словно бы обезумевшей Эмбер удалось больно меня задеть, я не сдержалась и ударила в ответ. А потом те самые навыки проявились в полной мере, и я, сделав резкую, не слишком честную подсечку, повалила ее на пол.

Оказавшись сверху, придавила ее шею локтем и, глядя в глаза, отчетливо произнесла:

— Научись подавлять свою злобу, Эмбер Шайдар. Иначе когда-нибудь сама же от нее пострадаешь.

Убедившись, что сопротивление сломлено и снова нападать она не станет, я поднялась на ноги. Распластавшись на полу, Эмбер тяжело дышала, не сводя с меня горящих ненавистью глаз.

Никто не шелохнулся. В гостиной повисла абсолютная тишина, в которой мои шаги прозвучали громким набатом. Взяв со стола свой учебник по этикету, я отряхнула платье и грациозно изобразила выученный реверанс. После чего, ни на кого не глядя, вышла из гостиной.

Утро второго выходного дня началось со стука в мою дверь. Накинув на плечи шаль и на ходу поправив волосы, я открыла неожиданному визитеру и обнаружила, что им является Гай.

— Вас вызывают в кабинет директора, — официальным тоном сообщил он.

Впервые за все время я не чувствовала от него в свой адрес ни презрения, ни злости. Конечно, дружелюбием там и не пахло, но, во всяком случае, какой бы то ни было негатив отсутствовал тоже.

Собираясь в ускоренном темпе, я гадала, зачем понадобилась леди Лейдаль. А еще раздумывала над тем, успею ли прийти в беседку, где меня будет ожидать лорд Снэш, к назначенному часу. Оставалось надеяться, что надолго директриса меня не задержит.

Чтобы после не возвращаться и не тратить время зря, я прихватила с собой сумку, куда положила дневник.

До директорского кабинета меня сопровождал проводник, привычно летящий впереди и указывающий дорогу. Как и накануне,

институт казался совершенно пустым — мало кому хотелось вставать пораньше, когда представился шанс законно выспаться.

В приемной директората сидела пожилая секретарь, которая спросила мое имя, сверилась с какими-то бумагами и лишь затем позволила мне войти.

Кабинет леди Лейдаль в каком-то смысле напоминал ее саму: сдержанный, утонченный, вся мебель подобрана с безупречным вкусом, как и детали, каждой из которых отведено свое место.

Я отметила это машинально, прежде чем посмотреть в сторону письменного стола и увидеть, что помимо директрисы здесь присутствует еще один человек. Напротив нее стояла Эмбер, обернувшаяся при моем приходе и наградившая меня взглядом, полным торжества. Именно в этот момент я поняла, по какой причине меня сюда позвали. И поняла также, что ничего хорошего мне это не сулит.

— Проходите, мисс Трэйндж, — пригласила леди Лейдаль. — Дождавшись, пока я встану рядом с Эмбер, она продолжила: — Мне доложили об инциденте, произошедшем между вами двоими вчерашним вечером. Это недопустимо. Подобное поведение просто неприемлемо в стенах нашего института. Оно порочит само звание ниллэ, которая всегда, при любых условиях и в любой ситуации должна являть собой образец выдержки и спокойного достоинства. Как правило, с подобными случаями разбирается декан, но я посчитала нужным поговорить с вами лично. Вы проучились в институте всего неделю, а уже успели ввязаться в такой возмутительный скандал. Повторюсь, это неприемлемо. Вы обе будете наказаны. Но вы, мисс Трэйндж, — ее взгляд остановился на мне, — вы будете наказаны особенно. Ваше вчерашнее поведение возмутительно! Вместо того чтобы ценить выпавший вам шанс и предоставленные возможности, стараться учиться и быть за все благодарной, вы проявили вопиющую наглость и невоспитанность. На глазах у всех позволили себе оскорбить, а затем избить свою однокурсницу! Назовите мне хотя бы одну причину, по которой после этого я не должна исключить вас из Института аэллин?

Всю отповедь я выслушала молча. Как это обычно бывало в такие моменты, мною овладело удивительное даже для меня самой спокойствие.

— Вместо того чтобы озвучивать причины, позвольте спросить, — вежливо произнесла я. — Кто доложил вам об этом инциденте?

— По-видимому, вам и впрямь не занимать наглости, раз вы считаете уместным задавать такой вопрос, — холодно произнесла леди Лейдаль, но затем все же ответила: — Это не имеет значения.

Да, пожалуй, действительно, не имело. Я почти не сомневалась, что доносчиком стал кто-то из круга Эмбер. Та же Лайра, например. А расспросить остальных свидетелей той сцены леди Лейдаль не соизволила. Это уже не удивляло — я давно привыкла к подобной несправедливости.

Конечно, разве можно записать в зачинщицы конфликта воспитанницу, вышедшую из благополучной и обеспеченной семьи, не скупящейся в том числе на пожертвования в институтский фонд? Разумеется, проще спустить всех собак на ту, которой вообще не место в этих золотых стенах. Ту, которая попала сюда по досадной случайности, по допущенной кем-то ошибке.

— Если считаете нужным меня исключить — исключайте, — просто сказала я.

Директриса ожидала от меня явно не этого. Как и Эмбер.

Вероятно, предполагалось, что я стану слезно умолять о прощении, говорить, что очень сожалею о случившемся и больше так не буду. Но я ни о чем сожалела и не считала себя виноватой. Поэтому и оправдываться мне было не за что.

Робко прозвучавший стук в дверь разрезал напряженную тишину. На пороге кабинета показалась секретарь, которая, поправив очки, доложила:

— Простите, что прерываю, леди Лейдаль, но к вам посетитель... срочно... феникс.

— Почему же вы заставляете его ждать? — последовал незамедлительный риторический вопрос.

Когда в кабинет вошел лорд Нориан Снэш, директриса поднялась с места и присела в реверансе. Мы с Эмбер сделали то же самое, а я украдкой подумала, что уже сбилась со счета, в который раз он появляется очень вовремя.

— Чем обязана вашему визиту, лорд Снэш? — выпрямившись, осведомилась леди Лейдаль.

— Так сложилось, что, возвратившись в институт этим утром, я невольно узнал о стычке, произошедшей накануне между двумя студентками.

— О, я лично приношу за это извинения, — произнесла директриса. — На мне лежит ответственность за все, что происходит в этих стенах. И мне искренне жаль, что эти девушки посмели повести себя столь недостойно. Будьте уверены, они понесут соответствующее наказание.

— И какое же наказание вы считаете для них подходящим? — вежливо поинтересовался лорд Снэш.

— Леди Шайдар в течение следующей недели будет после занятий помогать в библиотеке, — ответила директриса. — Что до мисс Трэйндж, которая являлась зачинщицей того возмутительного конфликта... Я раздумываю над тем, чтобы применить к ней высшую меру наказания, исключив из института.

— Вот как? — все так же вежливо переспросил феникс. — Что ж, исключение — действительно справедливое наказание для той, которая неоднократно и грубо нарушала правила.

— Рада, что вы со мной согласны. — Леди Лейдаль сдержанно улыбнулась. — В таком случае я незамедлительно попрошу секретаря составить необходимую бумагу и...

— Но есть один нюанс, — недослушав, продолжил лорд Снэш. В следующее мгновение вежливость в его тоне сменилась резкой холодностью: — Мы с вами говорим о разных студентках.

Не успела директриса осознать, что он имеет в виду, как в кабинет вошли три наши с Эмбер однокурсницы, в числе которых была Люция.

— Я позволил себе пригласить к вам этих студенток, которые являлись свидетельницами вчерашней сцены, — прокомментировал их появление феникс и, глядя на директрису в упор, добавил: — Раз уж вы сами не удосужились этого сделать.

Дождавшись позволения лорда Снэша, однокурсницы одна за другой кратко рассказали о том, что вчера произошло. Все их рассказы были схожи, в том числе и Люции, занявшей мою сторону. Ее поступок меня не удивил, и я не обманывалась на этот счет — Люция поддержала меня вовсе не из благодарности за мое вчерашнее заступничество, а потому, что, во-первых, желала реабилитироваться перед фениксом и, во-вторых, отомстить задевшей ее Эмбер.

Сама Эмбер уже явно жалела о том, что пришла к леди Лейдаль. Чем дальше, тем явственнее на ее лице проступали досада и бессильная злость, которые ей приходилось сдерживать.

А леди Лейдаль — застывшая, неподвижная и, кажется, даже не мигающая, — напоминала ледяную скульптуру. Чего у этой женщины было не отнять, так это умения владеть собой и сохранять лицо. Даже сейчас, оказавшись в щекотливой ситуации, она ничем не выдавала своих эмоций.

— Что ж, — дослушав последнюю девушку, произнесла она. — Вынуждена признать, что совершила серьезную ошибку. И должна принести извинения вам, мисс Трэйндж, за то, что осудила, досконально не разобравшись в ситуации. Разумеется, вы не будете исключены. Но тем не менее наказание все равно понесете, так как ваше вчерашнее поведение неприемлемо в любом случае. А что касается вас, леди Шайдар, — директриса строго на нее посмотрела, — то я крайне вами разочарована. Полагаю, ваш отец сам определится с вашим наказанием, когда я поставлю его в известность относительно вашего поступка.

Впервые за все время я увидела, как на лице Эмбер проступает страх... Нет, даже не страх — самый настоящий ужас.

— В-вы... — с запинкой произнесла она. — Вы же не исключите меня?

Ее взгляд переместился с директрисы на феникса и вернулся обратно.

Последовавшая пауза была недолгой, но напряженной.

— Нет, — наконец ответила леди Лейдаль. — Не исключу. Но всю следующую неделю вместо библиотеки вы будете проводить время в Северной башне. Как я слышала, лорд Снэш уже успел наказать ваш курс, велел убрать ее первый этаж. Вы же в одиночку вычистите лестницу, ведущую на второй. Надеюсь, физический труд научит вас терпимости и заставит задуматься над своим поведением.

Эмбер буквально спала с лица. И я была уверена, что причиной тому послужил вовсе не предстоящий «физический труд», а скорый разговор с отцом. Это обстоятельство вкупе с ее реакцией на мои вчерашние слова заставило задуматься. Похоже, в семье Эмбер не все так гладко, как можно было подумать.

Моим наказанием директриса назначила то, которое изначально предназначалось Эмбер, — помощь в библиотеке. Не сказать, чтобы это сильно меня огорчило — книги я всегда любила, да и такую работу очень легко совмещать со штудированием учебников.

Все это время лорд Снэш стоял чуть в стороне, сложив руки на груди и молча наблюдая за происходящим. Но когда директриса озвучила свое решение, снова о себе напомнил.

— Нисколько не сомневаюсь в вашей компетенции, леди Лейдаль, — с едва заметной холодной усмешкой обратился он к ней. — Но не соблаговолите ли объяснить, почему одну студентку вы намеревались исключить, а другую за тот же проступок всего лишь записали во временные уборщицы?

Директриса не выдала своих эмоций и на этот раз. Разве что атмосфера в кабинете стала чуть более напряженной.

— Я лишь раздумывала над тем, чтобы исключить мисс Трэйндж, — извернулась она. — Решение не являлось окончательным, поскольку приказ об отчислении не был подписан.

Всем присутствующим был очевиден настоящий ответ на заданный фениксом вопрос. Но леди Лейдаль ловко вышла из положения, и формально упрекнуть ее было не в чем.

— В таком случае надеюсь, что в следующий раз вы детально разберетесь в ситуации, прежде чем примете окончательное решение, — холодно произнес лорд Снэш. — В противном случае у совета попечителей могут возникнуть сомнения относительно занимаемой вами должности.

Выдержка леди Лейдаль не изменила ей и теперь. Хотя на каком-то интуитивном уровне я уловила исходящую от нее смесь напряжения и злости с отчетливым оттенком страха.

Утро, начавшееся столь насыщенно, продолжилось в том же духе. Покинув кабинет директрисы, я отправилась в садовую беседку, куда вскоре пришел лорд Снэш. Вместо того чтобы взглянуть на дневник, он первым делом проверил количество моих искр, которых оказалось восемь. В прошлый раз, когда мы стояли на балконе его дома, феникс явно собирался что-то мне сказать, но нас прервал его брат. И сейчас, когда мы находились в саду одни, он поделился со мной своими умозаключениями. Не всеми, насколько я могла судить, но самыми важными.

Если теория лорда была верна, то я каким-то образом поглощала его свет, преобразовывая в личностные искры. Притом было неясно, распространяется эта моя особенность на всех фениксов или только на него. Вдобавок эти искры были подвижными — пользуясь ими для сотворения магии, я их утрачивала, поэтому их количество не было постоянным. А еще, похоже, я могла подпитываться от огня — как вчера, когда, пройдя сквозь пламя, восполнила потерянные до этого искры и залечила ожоги на руках.

— Ваш брат сказал, что вы обладаете особенностью, связанной с огнем, — припомнила я. — Как считаете, я могла частично перенять ее вместе с вашим светом?

— Возможно, — кивнул лорд Снэш. — Пока мы не можем быть ни в чем уверенными. Все мною сказанное — лишь предположение до тех пор, пока мы не найдем тому непоколебимые подтверждения. А для того чтобы их найти, нам придется часто контактировать. Мне бы не хотелось причинять вам лишнее беспокойство, мисс Трэйндж, но ваш феномен необходимо изучать.

— Я понимаю, — согласилась с ним. — И сама хочу разобраться в том, что со мной происходит.

После лорд Снэш попросил показать ему дневник, и я, доставая его из сумки, буквально затаила дыхание. Подумалось, что сейчас он так же, как и остальные, его не увидит... Но нет — увидел.

Осторожно взял, положил перед собой и долго всматривался в потертый переплет. Затем открыл, пролистал несколько страниц, вновь закрыл и медленно провел над дневником рукой. Из его ладони струился рассеянный свет, осыпающийся на дневник мелкой мерцающей пылью.

Когда лорд вновь посмотрел на меня, в его глазах отражалась озадаченность.

— Я не чувствую в нем никакой магии, — констатировал он спустя мгновение. — Это просто тетрадь.

— Но почему его никто видит, кроме мен... кроме нас? — усомнилась я.

— Вы позволите мне его взять на некоторое время? — вопросом на вопрос ответил лорд Снэш.

Я, разумеется, позволила, хотя расставаться с дневником почему-то не хотелось.

На этом наш разговор был окончен. Я чувствовала, что феникс рассказал мне далеко не все — в частности, ни словом не обмолвился об аэллине, которой принадлежал дневник. Сложилось впечатление, что он что-то о ней знает, но не считает нужным говорить. Расспрашивать о ней я не стала, была благодарна уже за то, что он поделился со мной хотя бы частью своих домыслов. В конце концов, кто я такая, чтобы требовать от него большего?

Насыщенное утро перетекло в спокойный и ничем не примечательный выходной день. А вот вечером неожиданно для всех студенток произошло то, что перевернуло институт вверх дном.

ГЛАВА 17

После ужина аэллин и ниллэ всех курсов собрали в главном зале, где нас ожидали леди Лейдаль, деканы обоих факультетов и лорд Снэш. Мы не имели ни малейшего понятия, с чем это связано. Кто-то волновался, предполагая, что случилось нечто плохое, а кто-то, напротив, ожидал хороших новостей.

Правы оказались вторые.

Долго не ходя вокруг да около, леди Лейдаль сообщила, что у каждой из нас появился шанс проявить себя. Вскоре в доме лордов Снэшей состоится прием, на который придут важные гости. Представители всех домов фениксов будут присутствовать там вместе с остальной знатью.

— Одной из вас будет оказана великая честь, — продолжила за директрисой декан факультета аэллин. — Вы сможете не только попасть на этот прием, но и сопровождать на нем самого лорда Снэша.

Даже среди старших курсов раздался синхронный вздох, что уж говорить о младших. Многим не удалось сдержать эмоций, и по залу пронеслась волна возбужденных шепотков.

— Тише, пожалуйста! — призвала к порядку леди Лейдаль. — Шанс есть у всех вас независимо от факультета. Для аэллины это возможность подтвердить свой статус и сделать шаг вперед, для ниллэ — побывать не просто в высшем, а в высочайшем свете, испытав себя. А теперь об условиях. Мы проведем своего рода состязание, в котором самая достойная получит приглашение. Условия следующие: в течение шести дней, начиная с завтрашнего, вы будете получать особые баллы за ответы на занятиях, успешно выполненную дополнительную работу и достойное поведение. Говоря о достойном поведении, я подразумеваю, что каждой из вас представится ситуация, в которой вы сможете проявить свои лучшие или худшие черты. В холле главного корпуса завтра утром появится специальная доска, на которой будут фиксироваться все результаты. Вы всегда можете прийти туда и посмотреть, сколько в настоящий момент баллов набрали вы и другие студентки. Также следует упомянуть, что за всевозможные проступки баллы вы будете терять.

Теперь по залу прокатилась волна не просто шепотков, а крайне взбудораженного гула. Что и говорить — новость о предстоящем соревновании взволновала всех. Вряд ли среди нас имелась хотя бы одна девушка, оставшаяся равнодушной к возможности попасть на прием к фениксам. Положа руку на сердце, я такой девушкой тоже не была.

Вот только прельщал меня не столько прием, сколько тот, кого предстояло сопровождать. Уж сколько я твердила себе, что нельзя испытывать даже намек на романтические чувства к Нориану Снэшу, — все без толку. И глупое сердце, беря верх над разумом, забилось быстрее.

— Начнись соревнование сегодня, вы бы уже потеряли баллы! — с недовольством заметила леди Нейль. — Прекратите шуметь!

Опомнившись, все моментально замолкли и замерли, более не шелохнувшись.

— В конце недели приглашение появится где-то в институте, — дождавшись тишины, продолжила декан. — И отыскать его сможет только победительница.

— На этом все, — вновь взяла слово леди Лейдаль и, обернувшись к лорду Снэшу, спросила: — Быть может, вы желаете что-то добавить?

— Это всего лишь прием, — ровно произнес он. — Не корите себя, если приглашение достанется не вам. Просто старайтесь учиться и не теряйте себя. А в случае проигрыша сумеете порадоваться за победительницу, ведь отсутствие зависти — достижение куда большее, чем выход в свет.

Возможно, я выдавала желаемое за действительное, или то была игра моего воображения, но показалось, что, говоря о победительнице, лорд Снэш посмотрел на меня.

Екнув, сердце забилось еще быстрее, хотя казалось, что быстрее уже невозможно.

И будет вечер, будут пары
Кружиться, как когда-то встарь,
И терпкий запах фимиама
В расплавленный войдет янтарь.

Незримо крылья за спиной
Появятся, как у волшебной птицы,
Златой укрытые волной,
Мы взмоем ввысь на колеснице.

И будет вечер, будут пары
Кружиться, как когда-то встарь...
И грянут разом все фанфары
Во власти чьих-то дивных чар.

Из главного зала все выходили, переговариваясь между собой. В коридоре шумная толпа разделилась на две части согласно факультетам и разбрелась в разные стороны. А я, оставшись где-то между ними, подошла к ближайшему окну. Положив ладони на прозрачное стекло, смотрела на высоко стоящее солнце и, глубоко дыша, силилась успокоиться.

Лорд Снэш прав — подумаешь, прием... Пожалуй, будет даже лучше, если мне не удастся на него попасть. Там ведь будет и Кайл, от которого нет никакого покоя, и прочие представители высокой аристократии. Окажись я там, на меня наверняка будут смотреть, как на диковинную зверушку, как на недоразумение, случайно попавшее в их ослепительный мир.

Хотя, быть может, благодаря соревнованию все будет иначе. Та, кто его выиграет, станет считаться лучшей воспитанницей института — пусть временно, но все же. И это действительно огромный шанс проявить и испытать себя, сделать вклад в свое будущее. То будущее, ради которого я и нахожусь здесь.

Мазнув по стеклу кончиками пальцев, я отняла от него руки и отвела взгляд от солнца. Постараюсь на грядущей неделе приложить максимум сил для того, чтобы достичь успеха. Если уж проигрывать, то с мыслью, что сделал все от тебя зависящее. А там будь что будет.

Следующие несколько дней пролетели совершенно незаметно. Так же быстро, как облетали с пожелтевших деревьев сухие листья. В Институте аэлин наступили благостные дни спокойствия и тишины.

Все были слишком заняты собой, чтобы обращать внимание друг на друга.

Это своеобразное соревнование за приглашение на прием подстегнуло всех рьяно взяться за учебу и самое главное — сдерживать свои негативные порывы. Эмбер так и вовсе не походила на саму себя. И не только из-за желания получить приз. После возвращения из дома, куда ее отпустили в один из вечеров, она ходила, точно тень: незаметная, молчаливая, старающаяся держаться в стороне. Даже ванную посещала отдельно от остальных — приходя в нашу купальню последней, я нередко с ней сталкивалась. Если бы все не были так заняты собой, наверняка сильно удивились бы произошедшим с ней переменам. Впрочем, что-то мне подсказывало — такое ее состояние продлится недолго.

Каждое утро все воспитанницы спешили в холл главного корпуса, где на доске ежечасно обновлялись заработанные нами баллы. В настоящий момент лидирующую позицию занимала леди Вивьер — третьекурсница с факультета аэллин, которую не зря называли самой одаренной из нынешних студенток.

Я, несмотря на все старания, никак не могла подняться выше девятой строчки. Хотя войти в десятку уже было неплохо, я всегда считала, что есть только одно победное место — первое, а второе, третье и иже с ними занимают проигравшие, как ни крути. В запасе оставалась всего пара дней, и я понимала, что уже вряд ли смогу изменить ситуацию в свою пользу.

Занятия шли своим чередом. Я готовила реферат, продолжала самостоятельное изучение книг и учебников, отбывала свое наказание, помогая в библиотеке. Каждый вечер ходила к доктору Шайну, который проводил осмотр моих искр. За эти дни их количество осталось неизменным. С лордом Снэшем мы пересекались только на занятиях по боевой магии, где нагрузка увеличивалась с каждым разом, так что я забывала обо всем остальном. Пока мы изучали лишь теорию, но на следующей неделе нас ожидали первые практические занятия, подготовка к которым началась уже сейчас.

Преподаватель Нориан Снэш сильно отличался от лорда Нориана Снэша. Иногда мне казалось, что это — два разных феникса, первый из которых — чрезмерно требовательный, жесткий и равнодушный к мольбам десятков страдающих девиц.

Сегодня я задержалась в библиотеке дольше обычного. Господин Грун — тот самый прикованный к креслу библиотекарь — надумал привести в порядок часть старых книг, до которых прежде у него никак не доходили руки. И теперь, закрыв библиотеку, мы с ним подклеивали и подшивали старые издания, поистрепавшиеся за долгое время.

— С такими изданиями грех магией работать, — назидательно произнес господин Грун в самом начале работы. — Только руками к ним прикасаться можно... Да, только так — с душой и глубоким уважением, а не с помощью этих новомодных магических штучек.

Вот мы «со всей душой» и перебирали горы нуждающихся в реставрации книг, не прибегая к помощи специально предназначенных для такой работы артефактов.

— А это что? — удивилась я, взяв в руки очередной экземпляр. — Она как будто обгорела...

Взглянув на следующие книги, обнаружила, что их постигла та же участь. Какие-то пострадали больше, какие-то меньше, но так или иначе их всех коснулся огонь.

Глаза библиотекаря, прячущиеся под толстыми стеклами очков, подернула пелена задумчивости.

— Да, действительно обгорели, — огладив подбородок, произнес он. — Это очень старые книги, они еще «Кровавый свет» помнят. Ведь в той битве наш институт тоже очень пострадал. Тут такой пожар буйствовал, что столб дыма доставал до самого неба... в те времена ни аэллин, ни ниллэ как таковых еще не было. Да и Института аэллин не было, он тогда Академией света звался.

— Кто же здесь учился? — поинтересовалась я.

— У кого способностей хватало, те и учились, — тоже взяв одну из книг, ответил господин Грун. — Сюда только самых талантливых и старательных принимали. Если искр у тебя много да трудолюбием природа наградила — милости просим. А уж из какого ты рода и сколько денег имеешь, никого не волновало. Да-а-а... по справедливости тогда все было. Лучше, чем сейчас. Хотя, конечно, и времена тогда другие были. Фениксы перерождались, о наследниках не требовалось заботиться так, как теперь.

Я непроизвольно покачала головой:

— Надо же... никогда об этом не слышала.

— А откуда ж вам, голубушка, было об этом слышать? — Библиотекарь многозначительно хмыкнул. — Кто ж вам теперь расскажет, что в давнишние времена здесь что простолюдины, что дворяне на равных учились? Нынче же носятся аристократишки со своей родословной как с писаной торбой, бахвалятся. Да и мало кому известно, что на самом деле здесь происходило. В академии же тогда самая большая библиотека была собрана, все важные архивы здесь же, а не во дворце располагались. А во время пожара почти все сгорело подчистую. Это я — старый книжный червь нос свой люблю в историю совать, до правды докапываться. Только кому она нужна сейчас, эта правда? Ты вон поди нашей директрисе скажи, что на ее месте когда-то выходец из простого люда находился, так тут же места лишишься. А я эту библиотеку люблю... Одна она у меня радостью в жизни осталась. Столько лет ей отдал... и помру тоже здесь.

Это неожиданное откровение господина Груна заставило меня задуматься. До сего момента я и вправду не слышала о том, что когда-то институт назывался академией и что устроено все было совсем иначе. Возможно, об этом рассказывали на уроках истории старшим курсам, но, во всяком случае, широким массам об этом известно не было.

За сегодняшний вечер мы успели разобрать треть книг, остальное отложили на завтра. Уже собираясь уходить, я вдруг обернулась к все еще сидящему за книгами библиотекарю.

— Господин Грун, простите, могу я задать один вопрос?

Подняв на меня взгляд, он рассеянно кивнул.

— Вам что-нибудь известно об аэллине Лейстон?

Рассеянность постепенно уходила из направленных на меня, скрытых очками глаз. В какой-то момент мне даже показалось, что сейчас он даст утвердительный ответ. Но меня, как всегда, ждало разочарование:

— Нет. Впервые слышу.

Мысленно вздохнув, я поблагодарила его, попрощалась и, пребывая в задумчивости, вышла из библиотеки.

А едва оказавшись в коридоре, неожиданно столкнулась с лордом Снэшем.

К сожалению, не с Норианом.

— Мышка облюбовала уголок в библиотеке? — бросил он со свойственной ему насмешливостью. — Решила усердно грызть гранит науки? Впрочем, можешь не отвечать. Мне известно о твоём бравом подвиге, отправившем однокурсницу в нокаут. Должен заметить, дополнительная работа в библиотеке — не самое большое наказание для такого проступка.

— Что вам угодно? — пропустив все его замечания мимо ушей, прямо спросила я.

— Что мне угодно? — за вкрадчивостью интонации угадывались сила и угроза. — Полагаю, то, что не угодно тебе.

Я молчала, ожидая продолжения. Обойти феникса даже не пыталась — все равно бессмысленно. Кайла Снэша я не боялась, скорее разумно опасалась. И больше всего опасалась повторения недавней ситуации, воспоминание о которой до сих пор не померкло. Вновь испытывать навязанное чужой волей чувство не хотелось совершенно, как и ощущать себя двигающейся по чьей-то прихоти марионеткой.

— Я тут узнал о тебе прелюбопытные факты, — не дождавшись от меня никакой реакции, произнес он. — О которых не известно ни тебе, ни моему дражайшему братцу.

На это не отреагировать я уже не могла.

— Неужели еще более любопытные, чем те, о которых вы были осведомлены прежде? — спросила с такой же долей насмешливости.

— Должен признать, я полагал, что твое хождение сквозь огонь ничто не переплюнет. — Феникс совсем некстати шагнул ко мне. — Но ты — просто кладезь загадок, мышка.

Я, в свою очередь, на короткий шаг отступила и, глядя ему в лицо, заметила:

— Делиться тем, что узнали, вы явно не намерены. Поэтому я не понимаю, к чему вообще весь этот разговор.

— Ты права, не намерен, — легко согласился Кайл Снэш. — Но я готов рассказать тебе о не менее любопытном обстоятельстве, касающемся Нора. Хотя и тебя, насколько я могу судить, оно касается тоже.

Я снова промолчала, не желая вытягивать из него информацию клещами. Любопытство любопытством, но попадаться на его уловки я

не собиралась. И понимала, что он ведет какую-то игру, где мне с большой долей вероятности отведена роль все той же марионетки.

— Не так давно Нор заявился в отцовский дом, чего не делал много лет. И попросил дать ему доступ в семейную библиотеку, которую отец собрал вместе с нашим старшим братом. Догадываешься, для чего ему понадобились старые семейные архивы?

— Для чего угодно, — сыронизировала я.

— Это связано с тобой. Наши родственнички собрали такую библиотеку, редкости экземпляров которой позавидует даже императорская. К слову, — внимательно на меня смотря, феникс прищурился, — отец согласился впустить туда Нора с тем условием, что тот придет на ближайший прием в сопровождении женщины.

Два и два я сложила быстро.

— То есть, — произнесла, на миг задумавшись, — поэтому в институте проходит соревнование? Вместо того чтобы просто пригласить какую-нибудь девушку, лорд Снэш решил «разыграть» приглашение?

— У них с отцом сложные взаимоотношения, все силится друг друга обойти, — подтвердил феникс. — Но речь не об этом. Как ты понимаешь, тебе это соревнование уже не выиграть и на прием не попасть. Сомневаюсь, что Нор поделится с тобой тем, что найдет в библиотеке.

— А может, он ничего не найдет? — предположила я. — Да и вообще, меня это не волнует. Лорд Снэш скажет мне то, что посчитает нужным. Или не скажет. Я доверяю его решениям и поступкам.

Кайл придвинулся ко мне на совсем уж неприличное по всем меркам расстояние и усмехнулся.

— Позволь тебе не поверить. Тебя это волнует, и еще как. И на прием ты хочешь попасть. А что до моего брата — всецело доверяешь ему зря. Его работа, помимо прочего, — подозревать людей. И относительно тебя у него накопилась масса вопросов, так что о взаимном доверии между вами речь не идет.

Он сделал короткую паузу и продолжил:

— Вернемся к теме приема. Я могу сделать так, чтобы ты все-таки на него попала. Более того — даже устроить для тебя экскурсию по нашей книжной святыне святынь.

Пусть я знала Кайла Снэша лишь поверхностно, этого было достаточно, чтобы понять: он ничего не делает просто так и уж точно не действует из бескорыстных побуждений.

— Что вы хотите взамен?

— Ничего, удивил он. — Совершенно.

Конечно, я ему не поверила, но все же решила поинтересоваться:

— И как же я попаду на прием, если не в сопровождении лорда Снэша?

— Ну почему же не в его сопровождении? — Выражение глаз, где мерцали золотые искры, мне совершенно не понравилось. — У тебя есть реальная возможность войти в высшее общество под руку с самим лордом Снэшем.

Одним неувимым движением он приподнял мой подбородок, вынуждая смотреть ему в глаза, и уточнил:

— Со мной.

Несмотря на все его предыдущие поползновения в мой адрес, такого я никак не ожидала. Одно дело — в наглой форме предложить мне его «развлечь» и совсем другое — пригласить на прием, где соберется высочайший свет.

— И вас не смущает спутница в лице «безродной мышки»? — подавив удивление, спросила я. — Косые взгляды, всеобщее неодобрение?

— Вызывать всеобщее неодобрение — одно из моих любимейших развлечений, — снисходительно произнес феникс. — К тому же я совершал вещи куда более неординарные, чем посещение приема в компании будущей ниллэ.

И все же я не понимала, для чего ему это. Позлить Нориана? В очередной раз выделиться? Или им движут какие-то иные мотивы, о которых я не могу даже догадываться?

Совру, если скажу, что это приглашение не показалось мне заманчивым. Возможно, сделай его кто-нибудь другой, я бы, поразмыслив, согласилась. Но поскольку оно исходило от Кайла Снэша, принимать его в любом случае было нельзя.

— Спасибо, но нет, — вывернувшись, я отступила еще на один короткий шаг. — Вынуждена отказаться.

Показалось, в первые мгновения он не осознал смысла моих слов.

— Нет? — переспросил секундой позже.

— Нет, — подтвердила я. — Извините, мне пора. Всего доброго.

Уйти мне не позволили. Я успела отойти всего ничего, когда меня бесцеремонно схватили за руку и дернули назад, заставляя развернуться. Опасения перед Кайлом Снэшем никуда не делись, но наравне с ними меня даже определенная доля злости взяла — да сколько можно так со мной обращаться?!

— Почему ты мне отказываешь? — Судя по тону, он и в самом деле не понимал. — Сейчас я не предложил тебе ничего «оскорбительного». Да любая на твоём месте была бы счастлива! Появиться на приеме в моем обществе для такой, как ты, — шанс выбраться из грязи, в которой провела всю жизнь, и войти в высокий мир. Ты должна благодарить меня, а не говорить треклятое «нет»!

Всколыхнувшаяся во мне злость усилилась, и я не сдержалась:

— Да если в этом «высоком мире» большинство подобно вам, то это он погряз в грязи! Говорите, не предложили мне ничего оскорбительного? Я не злопамятна, лорд Снэш, но тем не менее память у меня хорошая. И я помню все, что происходило в наши предыдущие встречи, все ваши слова и действия. И если вы думаете, что маячащая передо мной перспектива посетить прием фениксов и вашу библиотеку затмит глас разума, то сильно ошибаетесь. Мне от вас ничего не нужно! Поэтому, пожалуйста, оставьте меня в покое!

На его щеках заходили желваки, в глазах загорелось пламя.

— Прости, мышка, но на покой тебе рассчитывать не приходится, — с кривой усмешкой произнес он. — Узнать все твои секреты — это уже дело принципа. Ты заинтересовала меня, а по-настоящему это сделать редко кому удастся. А твоя несговорчивость... Пожалуй, так даже интереснее.

— Я не мышка, — возразила, стараясь не обращать внимания на тиски его рук. — И то, что вы — феникс, не дает вам права считать себя лучше остальных. Лучше меня, лучше простых людей. От рождения мне досталась всего одна искра, а вам — почти бесконечный свет. Но на самом деле важно лишь то, как мы этим распоряжаемся.

— По-твоему, Нориан распоряжается лучше меня? — От Кайла повеяло холодом.

— Не мне об этом судить, — взяв эмоции под контроль, ровно ответила я. — Но, исходя из ваших с ним поступков, — да.

В какой-то момент возникло ощущение, что от меня сейчас не оставят и мокрого места. Не то с силой впечатают в стену, не то окатят световой волной как какого-нибудь риаха, не то вернут давнюю пощечину.

Но ничего из этого не произошло.

— Я бы мог заставить тебя сделать все что угодно, — склонившись совсем близко ко мне, хриплым шепотом произнес феникс. — У тебя не хватило бы сил этому сопротивляться. Но не буду. Вот и думай, как я распоряжаюсь своим внутренним светом.

— Отпустите меня, — потребовала я, глядя в глаза, где сияло холодное солнце.

Не знаю, что побудило его выполнить это мое требование, — уж явно не благородство, которым он не был отягощен. Да я об этом и не задумывалась. Как только почувствовала себя свободной, стремительно двинулась вперед по коридору в надежде, что он не передумает и на этот раз препятствовать моему уходу не станет.

Только удалившись на значительное расстояние от библиотеки и спустившись на первый этаж, я облегченно выдохнула. И лишь теперь ощутила, как от переизбытка эмоций колотится сердце.

Пресветлый, ну почему я привлекла его внимание? Зачем мне это все? Я ведь хотела просто учиться и стараться в меру своих скромных, как раньше думала, возможностей...

Мне еще нужно было зайти к доктору Шайну, но, оказавшись на первом этаже главного корпуса, я по привычке вышла в холл. В последний раз смотрела на доску с баллами еще днем — конечно, за минувшее время там вряд ли что-то кардинально изменилось, но проверить стоило.

У доски толпилось более десятка студентов, рьяно что-то обсуждавших. Это было совсем неудивительно — на этой неделе здесь всегда царил оживление. Но удивительным было то, что при моем появлении все почему-то смолкли и даже расступились.

Не понимая, чем вызвана такая реакция, я подняла глаза на доску и... застыла, неверяще глядя на свое имя. Оно переместилось на несколько позиций вверх и теперь вместо девятой занимало вторую строку. Впереди — только леди Вивьер.

— Еще час назад ты была на девятой строчке, — сказал кто-то из девушек. — Как тебе удалось так быстро и так высоко подняться?

Я стояла, опешив, еще несколько долгих мгновений, а затем проговорила:

— Извините, мне нужно идти...

Мне в спину еще доносился гомон голосов и выделяющиеся из него отдельные вопросы, пока я поднималась по главной лестнице. Первым пришедшим на ум предположением было то, что произошла какая-то ошибка. Какой-то сбой, повлекший за собой эту путаницу.

«Такая же ошибка, как на Церемонии избрания», — с долей иронии подумалось следом.

На мою удачу, декан факультета ниллэ не только пребывала на своем рабочем месте, но и была свободна. Когда я спросила у нее насчет вероятности сбоя, то получила неожиданно категоричный ответ:

— Нет, это невозможно. Рейтинг формируется не человеком, а магическим артефактом высокого порядка. Должна признать, меня тоже несколько удивил ваш стремительный взлет. Но, вероятно, в течение минувшего часа вы совершили какой-то значимый поступок, оцененный магической системой высокими баллами. — Леди Нейль внимательно на меня посмотрела, предугадав мой следующий вопрос. — Вам лучше знать какой.

Из деканата я выходила еще более удивленная, чем пришла.

Почти весь минувший час я, как и в прошлые дни, проработала в библиотеке — вряд ли это такой уж повод начислить мне много баллов. Разговор с господином Груном — тоже.

Следующая мысль заставила меня резко остановиться. Я ведь разговаривала не только с господином Груном...

Кайл Снэш. Неужели мое поведение в отношении него было расценено как приличествующее воспитаннице института и оценено так высоко? Разговаривая с ним, я не думала ни о соревновании, ни о баллах...

Как бы то ни было, других предположений у меня не имелось. Если леди Нейль исключает вероятность ошибки, значит, все честно и мое новое место в рейтинге нужно принять как факт. А еще это значит, что ситуация переменялась и у меня появился вполне реальный шанс одержать победу. Пусть разрыв между мной и аэллиной Вивьер существенен, в оставшиеся два дня я все равно буду стремиться ее нагнать.

В одном Кайл Снэш прав: я действительно хочу попасть на прием и еще больше — хотя бы одним глазком взглянуть на их семейную библиотеку.

ГЛАВА 18

В Северной башне, на верхние этажи которой было запрещено подниматься, я прежде не бывала. Не знаю, как выглядел ее первый этаж до того, как мои однокурсницы провели генеральную уборку, но сейчас здесь было пусто и чисто. Благодаря обилию магических огней в округлом помещении было светло, несмотря на отсутствие окон.

Не считая ректора и деканов, нас здесь находилось трое. И, на мой взгляд, более странной компании просто не придумать.

Сегодняшним вечером истекал срок, отведенный на наше небольшое соревнование, и вскоре должна была определиться победительница. Трех девушек, занявших верхние строчки, пригласили сюда для прохождения финального... испытания, если это можно так назвать.

— Всю учебную неделю вы старались, зарабатывая баллы, — произнесла леди Лейдаль. — Этим вечером они вам еще пригодятся, хотя основным фактором победы, по настоянию лорда Снэша, станет ваша удача. В этой башне есть комната, отведенная для склада старых вещей. Там хранится то, что не нужно, но жалко выбросить. Все очень просто. Вы войдете туда по очереди согласно набранным баллам. Первой — леди Вивьер, второй — мисс Трэйндж и третьей — леди Андор. Все, что вам необходимо сделать, — это отыскать приглашение. Можете использовать магию, можете довольствоваться интуицией, выбор ваш. Пройдемте.

Следуя за директрисой, я с трудом верила, что действительно здесь нахожусь. За минувшие дни подняться на первое место в списке мне так и не удалось, но зато я сумела удержаться на втором. Это обстоятельство вызывало явное недовольство старосты факультета ниллэ, разместившейся на третьей строчке и идущей за мной в настоящий момент. А вот леди Вивьер сохраняла невозмутимое спокойствие, держалась с достоинством настоящей леди и вообще вела себя так, как подобает настоящей аэллине. В своей победе она, кажется, не сомневалась.

Вскоре наша небольшая процессия, поднявшись на второй этаж, оказалась перед тяжелой и высокой дверью. Здесь уже было не так

светло, как внизу. Магические огни сменили висящие на стенах факелы с негаснущим пламенем, и все окружающее утопало в легком полумраке.

Как и сказала директриса, первой в кладовую вошла леди Вивьер. Меня впустили внутрь только спустя пять минут, и, войдя, я на несколько мгновений обомлела, рассматривая помещение, в котором оказалась.

Скорее, это была не кладовая, а огромный, в несколько ярусов склад, вдоль стен которого тянулись деревянные, убегающие под самый потолок лестницы. До этого я даже не предполагала, насколько трудным окажется поиск приглашения, а ведь здесь хранилось столько разных вещей! Повсюду высились наставленные друг на друга сундуки, старые столы, заваленные всевозможными мелочами. Рулоны тканей и старая одежда, покосившиеся книжные полки и покрытые вековой пылью резные комоды — чего здесь только не было! Даже интересно, для чего все это хранят, вместо того чтобы выбросить?

Оценив масштаб предстоящих поисков, я отмерла и приступила к делу. Леди Вивьер нигде видно не было, и спустя некоторое время я вообще забыла, что нахожусь здесь не одна. Проходя между рядами многочисленных вещей, внимательно всматривалась в каждую деталь, касалась пальцами столешниц, оставляя на них дорожки в пыли. А затем, поняв, что так могу бродить до бесконечности, остановилась и сосредоточилась.

Поисковое заклинание относилось к разряду простейших, и я решила попробовать им воспользоваться. Как раз недавно наткнулась на него в одной из библиотечных книг...

Разумеется, все не могло быть так просто. Сотворить простую форму поисковой магии у меня получилось, но на этом все и закончилось. Маленький созданный мною огненный проводник остался висеть в воздухе и не двигался с места. Наверняка дело было не в моих умениях, а в самом этом помещении. Да, нам разрешили использовать магию, но вряд ли директриса не обеспечила дополнительные трудности.

Тогда я вознамерилась идти другим путем. В последнее время интуиция еще ни разу меня не подводила, и я решила ей довериться. Прикрыв глаза, прислушалась к своим ощущениям. Представила, что

где-то среди этого старого хлама спрятана очень важная для меня вещь.

Возможно, я просто выдавала желаемое за действительное или сработал принцип самовнушения, но внезапно возникло ощущение идущего откуда-то сверху тепла. В мыслях появился образ золотого клубка, от которого тянется длинная, заканчивающаяся у меня в руках нить. И я не задумываясь пошла в том направлении, откуда она исходила.

Деревянные, словно вырастающие прямо из каменных стен ступени, поскрипывали при каждом моем шаге. Следуя за воображаемой «нитью», я поднималась все выше, миновала завешенные тканью зеркала и заключенные в массивные рамы картины.

Сбилась со счета, сколько ярусов преодолела и на каком из них нахожусь, когда моя личная путеводная нить закончилась. Место, куда я в итоге пришла, ничем не выделялось на общем фоне — все те же груды старья.

Прямо передо мной стоял деревянный сундук, украшенный незамысловатой ковкой. Особо ни на что не надеясь, я приблизилась к нему и, откинув тяжелую крышку, заглянула внутрь.

На самом верху лежали подсвечник и лоскутное одеяло, которые я осторожно достала из сундука. Следом — пара ветхих книг, текст в которых истерся настолько, что его не представлялось возможным прочитать. На дне обнаружили женская заколка, треснувшее зеркальце, фарфоровая чашка с отколотой ручкой и кучка тканевых лоскутков вперемешку с полуистлевшими нитками.

«Вот тебе и путеводный клубок», — мысленно усмехнулась я.

Уже собралась складывать все вещи обратно, когда взгляд внезапно зацепился за те самые лоскутки. Точнее, за то, что среди них находилось. Подумав, что зрение подводит или расшалившееся воображение снова играет со мной злую шутку, я разобрала кусочки тканей... И замерла, не веря своим глазам.

У меня в руках, сшитый из лоскутков, находился феникс. Не то набивная игрушка, не то своеобразный амулет, идентичный тому, который я не так давно собственноручно сшила.

— Как такое возможно? — прошептала вмиг пересохшими от волнения губами.

Можно было бы списать все на совпадение, не будь эти тряпичные фигурки так похожи — формой и даже стежками. У каждой швеи есть свой почерк, своя особая, скрывающаяся в незаметных для обывателя деталях манера шитья. Не найди я эту вещь в старой кладовой, решила бы, что сшила ее сама.

По ощущениям, я просидела на полу, рассматривая тряпичную фигурку, по меньшей мере минуту. А затем, тряхнув головой в непроизвольном желании избавиться от наваждения, отправила ее обратно в сундук. Уже взялась за одеяло в намерении положить обратно и его, как вдруг заметила то, на что не обратила внимания изначально. К внутренней стороне крышки словно бы приклеился прямоугольный бумажный листок, сливающийся с ней по тону.

Повинуясь внутреннему чутью, я коснулась его, аккуратно потянула за край и спустя несколько мгновений он оказался у меня в руках. А спустя еще одно короткое мгновение покрывающий его обманчивый слой осыпался, точно перемешанная с пылью старая краска. И моему взору предстало новое, окутанное легким золотистым ореолом приглашение.

Приглашение на послезавтрашний прием в доме фениксов Снэшей.

Сидя в гостиной личных покоев леди Лейдаль, я нервно сжимала и разжимала пальцы, пока приглашенная мастерица укладывала мои волосы. До сих пор не верилось, что все обернулось именно так. Что это не сон, который исчезнет, стоит только сильно зажмуриться и открыть глаза.

Когда стало известно, что именно мне досталось приглашение на торжественный прием, большая часть института выпала в осадок. Не только воспитанницы, но и преподаватели изумлялись такому исходу. Половина однокурсниц стала относиться ко мне еще хуже — в открытую они, конечно, ничего не говорили, но я то и дело ловила на себе их злобно-завистливые взгляды. А другая половина, напротив, вдруг стала искать моего расположения. Если раньше со мной могла заговорить разве что Алекса, то теперь от досужих разговоров не было ни минуты покоя. И я затруднилась бы ответить, что хуже: злобная зависть или откровенная лесть.

Всего за несколько дней из изгоя я превратилась в одну из самых обсуждаемых личностей института. Поскольку мне предстояло ни много ни мало — представлять честь нашего учебного заведения на высоком приеме, директриса контролировала мою подготовку лично.

В последние двое суток меня штудировали по этикету, заставляли зубрить имена аристократов и в нереально ускоренном режиме обучали основным танцам. А еще мне в не менее ускоренном режиме сшили платье. Деньги выделили из фонда института, и сегодня я впервые в жизни надела такой роскошный, но в то же время утонченный наряд. Оттенок старого золота, как его назвала модистка, подчеркнул рыжину моих волос — об этом сообщила уже мастерица по волосам. А фасон подчеркнул тонкую талию и хрупкие плечи — это снова слова модистки.

Никто не спрашивал, чего я хочу, не интересовался моим мнением. Впрочем, я и не собиралась его высказывать — относительно внешнего вида они знали явно более моего.

— Готово, — наконец произнесла колдующая над моей прической мастерица.

Леди Лейдаль, отставив чашку кофе, поднялась с места и исследовала меня цепким взглядом. Судя по выражению лица, результат ее удовлетворил, и мне позволили взглянуть на себя в зеркало.

Нет, я не превратилась в прекрасную принцессу, как это бывает в детских сказках. Не потеряла дар речи от собственного вида, не стала считать себя по-настоящему красивой. Но выглядела я и впрямь неплохо... лучше, чем можно было ожидать. Пожалуй, ключевым моментом стала именно прическа — волосам придали объем и собрали их на затылке, оставив несколько подкрученных прядей у лица.

Пользоваться косметикой воспитанницам института было запрещено, хотя я знала, что аристократки этим правилом зачастую пренебрегают. В моем случае тоже сделали исключение, нанеся на кожу специальный, скрывающий недостатки крем — и это было еще одним преобразившим меня моментом.

— Повторите имена всех фениксов, начиная Снэшами, — потребовала леди Лейдаль.

Когда я без запинки их перечислила, мне велели изобразить несколько видов реверанса и заставили подробно рассказать, как

следует себя вести на приеме. После чего директриса, кажется, успокоилась окончательно и разве что не благословила меня на выход в свет.

— Помните, вы представляете наш институт, — произнесла она. — Сегодня вы можете наслаждаться своим триумфом. Но если совершите хоть одну оплошность и опозорите звание нашей воспитанницы, будьте уверены, этот триумф быстро обернется болезненным падением.

Это я понимала и без нее. Волнение зашкаливало и, не подавляя я его усилием воли, захлестнуло бы меня целиком. Но поддаваться волнению этим вечером в мои планы не входило, и я старалась абстрагироваться от ситуации, в которой оказалась.

«Это все происходит не со мной», — мысленно повторяла всегда успокаивающую меня присказку, пока в личном сопровождении леди Лейдаль шла к ожидающей меня карете. Знакомые слова действительно помогали.

Выйдя во двор, я ощутила множество направленных на меня взглядов. Студентки прильнули к окнам и не сводили с меня глаз, что заставило еще сильнее расправить плечи и выровнять шаг.

На небесный остров мне предстояло добираться в карете, запряженной григаннами. Я знала об этом с самого начала и уже почти свыклась с этим невероятным фактом, но все равно едва сдержала изумление, когда увидела ожидающий меня транспорт вблизи. Золоченая и изящная, охваченная легким свечением карета была прекрасна, как и впряженные в нее огненные скакуны. Но еще более прекрасным и невероятным был стоящий у нее Нориан Снэш, ожидающий меня.

Ожидающий *меня*... Пресветлый, помоги!

Поглощенная созерцанием открывшегося мне великолепия, я не сразу обратила внимание на то, что карет у ворот две. И что у второй стоит еще один феникс, а именно Кайл Снэш, тоже заметила не сразу.

Когда я приблизилась, мой сегодняшний спутник слегка склонил голову, как лорд перед леди, и произнес:

— Вы прекрасны.

От неожиданно пробежавшей по телу теплой волны, сопровождающейся мелкой дрожью, я едва не забыла все, чему меня

учили. Но, вовремя взяв себя в руки, изобразила полагающийся реверанс:

— Благодарю.

А в следующую секунду позади раздался мерный стук каблуков. Выпрямившись, я украдкой обернулась и не без удивления увидела направляющуюся к нам леди Вивьер — невероятно красивую, в роскошном бальном платье, с поблескивающими на свету, стоящими целое состояние украшениями.

Вот уж кто точно настоящая сказочная принцесса...

В этот самый момент стало понятно и для кого предназначена вторая карета, и кого ожидал стоящий у нее Кайл Снэш.

Нориан

В первые мгновения я ее не узнал. Скользнул мимолетным взглядом, подумав, что это одна из многочисленных студенток. Но уже спустя секунду непроизвольно посмотрел на нее снова... посмотрел — и не сводил глаз до тех пор, пока она не подошла. Впрочем, даже тогда с трудом себя пересилил, заставив не смотреть на нее столь пристально.

Чем дольше живешь, тем больше укрепляешься во мнении, что внешность ничего не стоит. Внешность — всего лишь обертка, оболочка для находящейся внутри души. Именно содержание отражается в глазах, именно оно проступает сквозь кожу незаметным светом, наполняя окружающее пространство частицами личного эфира.

Инида Трэйндж была именно такой.

До сих пор оставалось немало вопросов на ее счет, но чем дальше, тем сильнее я склонялся к тому, что она — редкой души человек. Редкого *света*, как издавна говорят фениксы.

Сейчас, этим вечером, увидев ее, я был готов поверить, что она спустилась с небес. Внешнее преображение подчеркнуло внутреннее содержание, придало еще больше блеска искрящимся карим глазам.

Сегодня ее было не отличить от настоящей леди. Леди в лучшем понимании этого слова. Промелькнула несуразная мысль, что, если бы существовали фениксы-женщины, они бы выглядели так, как она.

Я наблюдал за ней. Когда григанны подняли карету в воздух, она затаила дыхание. Смотрела в окно, за которым проплывало темное небо, усыпанное мириадами звезд, и молча восхищалась. Для меня зрелище давно привычное, для нее все в новинку. И карета, и впряженные в нее григанны, и даже бальное платье.

Прислушавшись к себе, внезапно осознал, что хотел бы видеть ее такой чаще. Показать этой девушке все те вещи, которые могли бы ее восхитить. И весь небесный мир — в лучшем его проявлении, исконный, пронизанный яркими золотыми лучами. Хотел бы видеть ее радостную улыбку и блеск глаз, путающееся в рыжеватых волосах солнце, слышать искренний, непритворный смех. Принято считать, что все богатства мира принадлежат фениксам и аристократии. Но мы — пресыщенные жизнью, получающие все, чего пожелаем, в сущности нищие, разучившиеся радоваться простым вещам.

Подумав так, резко себя одернул. Опасные мысли. Опасные желания. Плевать на разницу сословий и мнение окружающих. Но эта девушка не аэллина, способная выдержать истинный свет феникса. Даже при всех особенностях сил у нее не хватит. А меньшего, чем женитьба, она не заслуживает...

Риах! Снова не те мысли. Почему они вообще появились в голове?

Заставив себя отвлечься, подумал о причине, по которой решил посетить этот прием. Узнав, что второе данное мне приглашение разыгрывается как приз, отец был зол. Но он всегда превыше всего ставил честь семьи, поэтому не стал в это вмешиваться. Впрочем, когда узнал, что соревнование выиграла не аэллина, а первокурсница-ниллэ, да еще и не обладающая высоким происхождением, злость сменилась настоящей яростью.

Вспомнив нашу последнюю встречу, состоявшуюся в императорском дворце, я невольно усмехнулся. Даже при всем желании воспрепятствовать появлению Иниды в своем доме отец теперь не мог. И выказывать ей пренебрежительное отношение не мог тоже — все из-за той же чести семьи и уважения перед Институтом аэллинов.

Разумеется, я не рассчитывал, что после этого он легко впустит меня в семейную библиотеку, поэтому намеревался воплотить в жизнь запасной план и обратиться к Рэйну. Отношения со старшим братом в

последние годы у меня тоже были натянутые, но все же я не сомневался, что он мне не откажет.

Вновь незаметно взглянул на мисс Трэйндж. С самого начала не испытывал практически никаких сомнений, что приглашение выиграет именно она. Но все равно удивился, когда узнал от леди Лейдаль, насколько быстро она нашла его в Северной башне.

Сундук, в котором оно было спрятано, содержал вещи, относящиеся еще к тем временам, когда на месте института существовала Академия света.

Приглашение ли нашла Инида Трэйндж? Или те самые, оставшиеся с давних времен вещи? Как дневник, который, возможно, принадлежал девушке, которая умерла сотни лет назад.

Мне не требовалось исследовать все содержимое семейной библиотеки. Всего лишь одну книгу. Одну запись. Проверить догадку, которая может расставить все по своим местам.

Ида

Сдерживать внутреннее напряжение и волнение, нарастающие по мере приближения к одному из самых больших в Артогане небесных островов, давалось огромным трудом. Но наравне с ними я не могла перестать испытывать безмерное восхищение от всего, что со мной сейчас происходило. И дело было не в платье, не в дорогой карете, даже не в прекрасных григаннах, а в самой причастности к тому, что прежде было недоступно. К тому, о чем прежде я не могла даже мечтать.

Резиденция лордов Снэшей походила на дворец. Конечно, размерами он не мог сравниться с императорским, но красотой ничуть ему не уступал. Золотой и изящный, с роскошным внутренним двором, где раскинулись фонтаны, искусно выполненные скульптуры и клумбы пышно цветущих, несмотря на осень, цветов. А в центре — постамент с чьими-то именами и выгравированными портретами. Должно быть, предков.

Нас встречали лакеи, распахнувшие дверцы кареты. В тот момент, когда мне с почтением подали руку, чтобы помочь спуститься, я мысленно велела себе собраться. И все волнения, все переживания и

страхи остались там — в золотой карете, а из нее я вышла собранной и сдержанной воспитанницей Института аэллин.

Карета, в которой ехали леди Вивьер и Кайл, прибыла вместе с нами, но в их сторону я больше не смотрела. Помня о правилах, вбитых в меня преподавательницей этикета и леди Лейдаль, я дождалась, пока лорд Снэш подойдет ко мне и жестом предложит взять его под руку. После чего аккуратно коснулась сгиба его локтя, и мы прошествовали к главному входу прямо по усыпанной частицами света дорожке.

Да, сперва мне действительно показалось, что по дороге рассыпан сам свет. Лишь спустя несколько долгих мгновений я вспомнила о соалите — полудрагоценном редком минерале, крошкой которого состоятельные лорды посыпают садовые дорожки. И сейчас этот дорогостоящий минерал поскрипывал под ногами сироты, рожденной в низших кварталах...

Когда еще одна пара лакеев распахнула перед нами дверь, я окунулась в истинную роскошь и свет. Обилие ярких огней, безупречный вкус, с которым подобрана каждая деталь интерьера, — вот мое первое впечатление от внутреннего убранства дома фениксов. Уже после, по пути к главному залу я отметила и гляцевый светлый пол, и преображающие стены полотна великих художников, и высокие расписные потолки, под которыми висели большие хрустальные люстры.

— Лорд Норриан Снэш и мисс Инида Трэйндж, — представили нас перед тем, как мы вошли в бальный зал.

Не знаю, сделал это лорд Снэш намеренно или так вышло случайно, но мы прибыли одними из первых. Должна признать, больше всего я волновалась именно из-за пристального внимания окружающих, когда войду в зал. К счастью, пока гостей было не так много.

И все же без внимания наш приход не остался. Хозяйева этого вечера, стоящие неподалеку от лестницы, по которой мы спускались, не сводили с меня глаз. Да, именно с *меня*, а не с *нас*.

Леди Снэш была прекрасна и выглядела в разы моложе своих лет — лишнее подтверждение преимуществ, за которыми гонятся девушки, избирающие путь аэллин. Лорд Вэйр Снэш производил

впечатление сурового и не терпящего неповиновения феникса; того, кто по-настоящему гордился своим происхождением.

Все гости стояли чуть в отдалении от них, и только одна женщина находилась подле леди Снэш. Невольно задержав на ней взгляд, я удивилась тому, насколько холодной она была. Даже на расстоянии чувствовалось исходящее от нее... не знаю, как это назвать. Пожалуй, верным будет сказать, что она напоминала ожившую ледяную скульптуру. Из того, что ее возраст не поддавался определению, а она сама стояла около хозяев дома, я сделала вывод, что это — ниллэ леди Снэш.

Согласно этикету мы первым делом подошли именно к ним. Несмотря на все усилия, я все же немного выдала напряжение, чуть сжав пальцы, лежащие на локте своего спутника.

— Отец, матушка, — когда мы приблизились, произнес Нориан. — Мое почтение.

— Рад, что ты наконец решил это почтение выказать, удостоив нас своим визитом, — ответил ему лорд Снэш. — Должен заметить, что ты пренебрегаешь правилами этикета, — ты должен был появиться лишь спустя полчаса после остальных гостей.

— Должен заметить, — в тон ему отозвался Нориан, кивнув на спускающегося по лестнице Кайла, — не я один пренебрег этим правилом.

— Мисс Трэйндж, — внезапно обратилась ко мне леди Снэш. — Позвольте сделать вам комплимент, вы выглядите прекрасно.

Я сдержанно улыбнулась.

— Благодарю.

— Леди Лейдаль воистину кудесница, — продолжила она. — Должно быть, непросто обучить девушку такого положения. О, милая, не подумайте, я нисколько не осуждаю вас за ваше низкое происхождение, исключительно восхищаюсь вашими наставницами. Прошло так мало времени с тех пор, как вас из милости зачислили в институт, а вы уже стали одной из лучших студенток и попали на высочайший прием.

Мои пальцы сжались еще чуточку крепче, но это было единственное проявление эмоций. Идя сюда, я знала, что меня ждет, и сейчас сдержаться оказалось несложно. Пусть хоть все разом

завуалированно ткнут меня носом в низкое происхождение — реагировать и поддаваться на провокации не стану.

— Мисс Трэйндж действительно одна из лучших студенток, — с предостережением, угадывающимся за вежливым тоном, произнес Нориан. — И как один из упомянутых вами преподавателей могу сказать, что она достигла этого звания благодаря собственному упорству и труду.

В следующий момент к хозяевам подошли Кайл с леди Вивьер, и нам представилась возможность отойти в сторону. Сделав несколько шагов, я мысленно выдохнула и расслабилась.

— Простите за мою мать, — негромко сказал мне Нориан. — Ее уже не переделать.

— Не понимаю, о чем речь, — произнесла я, чем заработала мимолетную одобрительную улыбку.

Мы встали у фонтана, который вместо воды наполнял растопленный белый шоколад. На стоящих рядом столиках возвышались хрустальные вазы с мелко нарезанными и нанизанными на шпажки фруктами и сладостями. Присутствовали и некоторые другие легкие закуски, лакеи разносили на золоченых подносах бокалы с игристым вином. Расположившийся на одном из балконов оркестр исполнял красивую классическую музыку, звуки которой наполняли весь зал.

— А вот и мой старший брат, — неожиданно произнес Нориан, глядя куда-то мне за спину.

Обернувшись, я проследила за его взглядом и озадачилась. Лицо направляющегося к нам мужчины, как и его красивой спутницы, было мне определенно знакомо. Где их видела, я вспомнила, лишь когда они приблизились, и удивилась такому совпадению.

Не так давно, в день после пожара, я гуляла по Центральной площади и видела их двоих при выходе из ратуши. Отчетливо вспомнился долгий и пронзительный взгляд, которым меня наградил этот мужчина, прежде чем сесть в карету. А еще почему-то вспомнилась реакция сидящего у меня на руках Кота — шипение и выпущенные когти.

ГЛАВА 19

— Рад тебя видеть, Рэйн, — приветствовал брата Нориан и, посмотрев на его спутницу, чуть склонил голову. — Леди Авелла.

— Нориан, — улыбнулся тот. — Уже и не ждал, что ты когда-нибудь посетишь прием в этом доме. А это, — его взгляд переместился на меня, — надо полагать, та самая Инида Трэйндж, о которой все говорят?

— Та самая, — опередив Нориана, ответила я.

Наши взгляды встретились — совсем как тогда, на Центральной площади.

И вот что странно — я была уверена, что старший из братьев Снэшей меня вспомнил. Вспомнил ту мимолетную встречу, когда я почему-то привлекла его внимание. Но сейчас ничем этого не выдал, сделав вид, что видит меня впервые. Лишь на короткий миг в его взгляде отразилось узнавание и еще нечто такое, что я не смогла распознать.

— Я хотел кое о чем с тобой переговорить, — обратился к нему Нориан. — Уделишь мне несколько минут?

Рэйн поочередно посмотрел на свою жену и меня:

— Надеюсь, леди не обидятся, если мы ненадолго их оставим?

— Леди *не обидится*, — улыбнулась его спутница одними уголками губ.

Прежде чем отойти вместе с братом, Нориан шепнул мне, что скоро вернется. До этого момента мне так и не удалось заговорить с ним о библиотеке, но я полагала, что он наведается в нее не сейчас, а позднее. И мне еще представится возможность попросить взять меня с собой.

Как только лорды ушли, выражение лица леди Авеллы резко изменилось. Ее взгляд стал более цепким и оценивающим, беззастенчиво исследующим меня с ног до головы. Она рассматривала меня с подчеркнутой заинтересованностью, как если бы увидела перед собой нечто крайне занятное. Неведомую зверушку, например. Или необычный музейный экспонат.

Если она намеревалась меня этим смутить, то у нее ничего не вышло. Я практически не обращала на нее внимания, занятая наблюдением за Норианом и Рэйном Снэшами, хотя слышать их разговор, конечно, не могла.

— Не думала, что в институте так упал уровень образования, — с едва уловимой насмешкой произнесла леди Авелла. — Разве вы не знаете, что невежливо смотреть мимо собеседника?

— До этого момента мы обе молчали, — спокойно ответила я. — А уровень образования, полагаю, остался тем же. Ведь в том, чтобы столь пристально изучать собеседника взглядом, тоже приличного мало.

Похоже, такого ответа леди от меня не ожидала. Да и вообще никакого не ожидала, судя по удивленному выражению лица. Впрочем, это удивление быстро скрылось под непроницаемой маской, имеющейся в арсенале каждого аристократа.

В следующий момент мое положение стало еще более удручающим, поскольку к нам присоединились Кайл Снэш и леди Вивьер. Не могу сказать, что компания, в которой я оказалась, была мне приятна. Но пришлось следовать примеру леди Авеллы и надевать ту самую маску — к сожалению, опыта у меня было немного, но училась я всегда быстро.

В их обществе мне пришлось находиться не дольше пяти минут, но эти минуты тянулись мучительно долго. Как и собиралась, я не обращала внимания на завуалированные оскорбления, а иногда у меня получалось отвечать тем же. Справедливости ради надо отметить, словесно мне досадить пыталась только леди Авелла. Кайл Снэш сохранял нейтралитет, не поддерживая ее, но и не пытаясь урезонить, а леди Вивьер держалась чуть отстраненно.

Постепенно зал наполнялся прибывающими гостями. Их становилось все больше — фениксов и высокого положения аристократов из людей. Лица некоторых из них я знала по газетным портретам, а большинство звучащих имен были на слуху.

С появлением каждого гостя на свободной от картин и окон стене появлялся один подвижный светящийся шар. И уже вскоре эта стена являла собой удивительно красивое зрелище, немного напоминая состоящий из света водопад.

— Вы снова пренебрегаете нашим обществом, мисс Трэйндж, — с деланным сожалением укорила меня леди Авелла. — Хотя понимаю, здесь все для вас в новинку. Вероятно, это очень трудно — войти в высочайший свет прямиком из низов.

Прежде чем я успела придумать достойный ответ, в разговор неожиданно вмешался Кайл:

— Дорогая моя Авелла, тебе ли об этом говорить? Помнится, ваш род до того обнищал, что вас не принимали ни в одном именитом доме, пока мой брат на тебе не женился.

На этот раз с ответом не нашлась уже сама леди Авелла. Впрочем, возможности ответить у нее и не было, поскольку к нам вернулись братья Слэши. Нориан тут же встал рядом со мной, как бы показывая, что я этим вечером нахожусь под его личной защитой и пусть кто-нибудь только попробует меня обидеть.

Следующая словесная пикировка продолжалась недолго. Кайл начал острить, пытаясь задеть Нориана, но тот на это никак не реагировал. А после Нориан и вовсе увел меня подальше от этой компании, сославшись на то, что нужно меня познакомить с другими гостями.

К моему удивлению, многие из этих знакомств оказались приятными. Я лишний раз убедилась, что нельзя грести всех под одну гребенку. Далеко не все аристократы относились ко мне с предубеждением, многие оказались вполне дружелюбно настроенными. Некоторые так и вовсе, не ограничиваясь простым знакомством, продолжали разговор, интересовались учебой в Институте аэллин и сопутствующими ей трудностями. Одна пожилая женщина, происходящая из влиятельной семьи, так и вовсе пожелала мне удачи. Да, все определенно было не так плохо, как я ожидала.

А потом пришло время танцев. Танцевальную часть открывали представители дома Снэшей, и первый в своей жизни бальный танец мне предстояло станцевать вместе с Норианом.

Рука в руке. Легкий шелест дорогой ткани, из которой сшито переливающееся золотом платье. Приглушенный свет, сосредоточенный в центре зала, куда мы выходим вместе с остальными парами. И музыка — чарующая, пробирающая до сладкой дрожи, гармонично вплетающаяся в канву этих невероятных мгновений.

Лежащая на моей талии ладонь, уверенное прикосновение которой чувствуется даже сквозь одежду. И взгляд — не отпускающий, глубокий, такой же чарующий, как разносящаяся по залу мелодия.

Первый шаг, во время которого я боюсь сбиться. Еще один. Страх проходит, растворяется под жаром направленных на меня глаз, и сердце учащенно бьется уже не из-за него.

Я перестала видеть окружающих нас людей и фениксов. Став для меня невидимками, они отделились, исчезли, затерялись в мерцании золотых огней. Светящиеся шары на стене обратились настоящим водопадом, стекающим прямо на пол, и стелились мерцанием у нас под ногами. Эфемерная дымка, напоминающая робкий утренний туман, повисла в воздухе и пропускала через себя золотые лучи. Пахло фимиамом и теплом полуденного солнца, и в эти ароматы вплетались легкие ноты свежести, какая бывает после летнего дождя.

Нориан Снэш танцевал прекрасно — другого я и не ожидала. Безупречный во всем. Недосягаемый... но в этот момент такой невысказанно близкий. Смотрящий мне в душу, обнимающий, ведущий в плавном, именуемом калейлью танце.

Калейль... Само слово — такое легкое, обволакивающее, но в то же время подвижное, точно вода. И наши движения — такие же легкие, гибкие, как две сливающиеся волны...

Я настолько погрузилась в этот танец, в музыку, в янтарные глаза, что даже не сразу заметила, как мы начали плавно подниматься в воздух. Вместе с нами поднималась отделившаяся от пола дымка — невесомо окутывающая и служащая опорой. Баснословно дорогие артефакты, сложная магия... не важно.

Важны только прикосновения *его* рук, *его* глаза и наполняющий меня жар — не губительный и обжигающий, но томительный и волнующий. И сейчас я позволила себе чувствовать эти прикосновения, смотреть в эти глаза, испытывать то, что испытывала. Сейчас было можно. Сейчас я, пусть и ненадолго, часть *его* мира.

Он златом горит, охваченный светом,
Он тайны хранит, что ключ от дверей,
Чувства для нас, увы, под запретом,
Но разобьются однажды оковы цепей...

Когда музыка стала стихать и мы плавно опустились на пол, я ощутила легкое головокружение — и от танца, и от переполняющих меня эмоций. Где-то на краю сознания промелькнула мысль, что следовало бы сдерживать себя, не снимать надетой маски, не срывать замок, который этим вечером повесила на дверь чувств. Но это было выше моих сил. Во время этого танца возникло ощущение, что между нами с Норианом образовался незримый, соединивший сердца мост.

Невозможный хрупкий мост между двумя мирами.

Освещение стало таким, как до первого танца, и вокруг зазвучали аплодисменты. Глубоко вдохнув, я стряхнула с себя волшебство, точно золотую вуаль, и вместе с лордом Снэшем слилась с толпой гостей.

Прошло еще немного времени перед тем, как мне наконец удалось улучшить удобную для разговора минуту. Мы стояли там же, где и прежде, — у шоколадного фонтана. Периодически к нам, точнее, к лорду Снэшу подходили важные особы, с которыми он обменивался парой реплик.

Когда очередной лорд откланялся и мы ненадолго остались одни, я решила. Не ходя вокруг да около, спросила прямо:

— Ваше желание посетить семейную библиотеку как-то связано со мной?

Самонадеянный вопрос. Не стоит так легко верить Кайлу, сказавшему, что это так. Но не спросить я не могла.

Брови лорда приподнялись в легком удивлении.

— Не буду спрашивать, откуда вам это известно, — произнес он и спустя короткую паузу добавил: — Да. С вами. И с найденным вами дневником.

Откровенный ответ придал уверенности и храбрости попросить:

— Вы позволите пойти с вами?

Неслыханная дерзость с моей стороны — леди Лейдаль была бы в ужасе.

Феникс молчал, пристально на меня смотря, и я не могла понять, о чем он думает. Что ж, по крайней мере, мои слова не вызвали у него ни видимого раздражения, ни злости... либо же он прекрасно владел собой. Хотя последнее — неоспоримый факт.

Я уже приготовилась к отказу, когда лорд Снэш внезапно ответил:

— Хороню, Инида. Вы можете пойти со мной.

И-ни-да.

Так странно слышать собственное имя из его уст. Не официальное «мисс Трэйндж», не безликое «студентка»... Притихший жар снова забурлил в крови, а рассеявшийся было мост воссоздался в мгновение ока.

Бальный зал мы покинули в перерыве между танцами, когда свет вновь стал приглушенным. Уходили не через ту дверь, в которую вошли, а в располагающуюся за тем самым светящимся «водопадом». Она практически сливалась со стеной, из-за чего была незаметной. Пройдя сквозь нее, мы оказались в светлом коридоре, по правой стороне которого тянулась длинная аркада.

Дальнейший путь я не смогла бы повторить при всем желании, хотя никогда не жаловалась на память. Один длинный коридор сменял другой, мы поднимались по изящным беломраморным лестницам, проходили по соединяющим разные части резиденции подвесным переходам, каждый из которых мог считаться произведением искусства. Некоторое время назад я наивно полагала, что после помпезного Института аэллин меня не удивить красотой архитектуры и интерьеров, но сильно ошибалась на этот счет. И все-таки окружающее великолепие я отмечала лишь мельком, занятая мыслями о том, что узнаю в библиотеке. Судя по словам лорда Снэша, он шел туда за чем-то конкретным и точно знал, что хочет увидеть.

Библиотека располагалась на третьем этаже за массивной золоченой дверью. Подойдя к ней, мы почему-то остановились, а уже спустя пару минут к нам присоединился Рэйн Снэш.

— Надеюсь, ты ищешь что-то действительно важное, — произнес он, извлекая из кармана точно такой же перстень, какой был надет на его указательном пальце. — Мне стоило немалых трудов его достать.

— Я ценю твою помощь, — ответил Нориан. — И если тебе потребуется моя, ты знаешь, я в долгу не останусь.

Коротко кивнув, Рэйн поднес оба перстня к двери и приложил их к расположенным на резных створках выемкам. Вспыхнувший вокруг них свет быстро распространился по всей двери, повеяло теплом, и после раздавшегося щелчка дверь бесшумно распахнулась.

Вплоть до того момента, пока мы не перешагнули порог, за ней был виден лишь туман. Но стоило войти внутрь... Моя воображаемая маска сдержанности и спокойствия разлетелась вдребезги, и я, не сдержавшись, ахнула.

Библиотека оказалась большой. Конечно, до институтской ей было далеко, но и поражала она вовсе не размерами. Не знаю, что это была за магия, только никаких стеллажей здесь не было, а ряды книг висали прямо в воздухе, окруженные золотистыми ореолами. Вместо полок — все та же светлая дымка, напоминающая облака.

— Удивительно, — на выдохе произнесла я.

— В нашей семье эту библиотеку называют парящей, — улыбнулся Рэйн. — Это сила света нашего отца. Дарованная ему особенность позволяет наделять нелетающие предметы свойствами левитации. Это умение высоко ценится в империи и служит на ее благо.

Об этом я не знала. Никогда не задумывалась над тем, как изготавливаются артефакты, созданные для полетов тех же карет, — оказывается, и здесь приложили руку фениксы.

— Мне нужно вернуть перстень, пока отец ничего не заметил, — тем временем обратился к брату Рэйн Снэш. — Не задерживайтесь. Когда выйдете, магия сама опечатает дверь.

— Спасибо, — кивнул Нориан и, жестом поманив меня за собой, уверенно двинулся вперед.

Я даже не представляла, как здесь можно ориентироваться. Запомнить расположение похожих одна на другую книг было еще труднее, чем не запутаться в хитросплетениях здешних коридоров.

Сквозь вытянутые арочные окна, располагающиеся под самым потолком, лился лунный свет, который, проходя через ярко-желтые витражи, менял цвет и казался солнечным. Запутавшись в дымке, он висел на ней небольшими островками, и каждый такой островок, как я вскоре поняла, служил своеобразным указателем.

Чем дальше мы продвигались, тем плотнее становился туман. Я предположила, что в самых глубинах библиотеки хранятся наиболее значимые книжные экземпляры. А когда мы оказались перед золотой решеткой, туман за которой висел сплошной светло-серой стеной, убедилась в этом окончательно.

— Дальше пройти могут только члены нашего рода, — пояснил Нориан, положив руку на решетку. — Подождите меня здесь.

Золотые прутья пошли рябью и расступились, пропуская его внутрь, а я осталась стоять на месте. Его отсутствие длилось недолго, но время для меня тянулось невыносимо медленно. В последние

недели со мной это случалось часто. Иногда казалось, что дни пролетают слишком молниеносно, а секунды порой равняются часам.

Чтобы чем-то себя занять, я осмотрелась, выискивая взглядом книги, но вокруг виднелся только разбавляемый лучами туман.

— И снова здравствуй, мышка, — внезапно прозвучало возле меня насмешливое.

Резко обернувшись, я увидела вышедшего из тумана Кайла Снэша.

— Что вы здесь делаете? — непроизвольно вырвалось у меня.

Он выразительно изогнул бровь:

— Вообще-то это и моя библиотека тоже.

Остаться с ним наедине мне совершенно не хотелось, а ситуации, подобные этой, порядком надоели. Тем более с учетом того, что мы сейчас не в институте, где я могу уйти, а в библиотеке, уходить из которой мне попросту некуда.

«Где же Нориан?» — мысленно простонала я.

Когда Кайл сделал по направлению ко мне несколько шагов, я машинально, не отдавая себе в этом отчета, попятилась. И прежде чем успела сообразить, что произошло, прежде чем на лице Кайла отразилось неподдельное изумление, я почувствовала спиной твердость золотых прутьев. Всего мгновение — и они словно бы обмякли, прогибаясь подо мной и оплывая. А еще спустя мгновение оказались перед моим лицом.

Замерев, я несколько раз моргнула, думая, что мне мерещится.

Но нет — не мерещилось. Каким-то непостижимым образом я оказалась в той части библиотеки, пройти куда могли только фениксы рода Снэшей.

Разумеется, Кайл незамедлительно последовал за мной. Но теперь меня мало волновало его присутствие, мои мысли занимал единственный вопрос: как? Как я преодолела этот барьер?

Этим вопросом задавалась не только я. Правда, на этот раз Кайл ни о чем спрашивать не стал, а просто бесцеремонно схватил меня за руку и куда-то поволок. Я попыталась вырваться, но это было так же бесполезно, как если бы песчинка вздумала сопротивляться бурному речному потоку. Доверия к этому фениксу у меня не было никакого, и я, наплевав на гордость, уже собралась позвать на помощь Нориана, когда он внезапно возник перед нами.

В отличие от остальной библиотеки, здесь — в этом небольшом, замкнутом высокими стеллажами пространстве, книги размещались на обычных деревянных полках. Только один стеллаж выделялся на их фоне — более массивный, с искусной позолоченной резьбой. Как раз рядом с ним и стоял Нориан, выражение лица которого в момент, когда он нас заметил, не поддавалось описанию. Его реакция была такой же, как у Кайла, — абсолютное неприкрытое изумление. Кажется, я впервые видела его удивленным *настолько*.

— Инида? — ошарашенно спросил он и тут же перевел взгляд на Кайла.

— Не смотри на меня, — правильно разгадав немой посыл, отозвался тот. — Я здесь ни при чем. Она сама вошла сюда, С легкостью, должен заметить.

Вернув самообладание, Нориан задал тот же вопрос, который не так давно задавала Кайлу я:

— Что ты здесь делаешь?

— Ты сейчас серьезно? Вместо того чтобы поинтересоваться, как сюда сумела попасть *она*, спрашиваешь, что здесь делаю *я*?

Видимо вспомнив, что наше время здесь ограничено, Нориан не стал тратить его на выяснение того, что терпело некоторых отлагательств. В его руках находилась большая, увитая объемным золотым орнаментом книга, которую он в следующую секунду открыл. С сосредоточенным видом перелистнул несколько страниц, ненадолго замер и вдруг нахмурился.

Затем медленно поднял взгляд на Кайла и подчеркнуто спокойно спросил:

— Твоя работа?

Приподнявшись на носочки, я заглянула в книгу и увидела, что одна из страниц вырвана. Не было никаких сомнений в том, что именно эта страница представляла особую важность и именно ее содержимое хотел прочесть Нориан.

— Признаю, за мной немало грехов, — Кайл криво усмехнулся, — но акт вандализма по отношению к семейной реликвии среди них не числится.

И, недолго помолчав, добавил:

— Отец будет в ярости.

Я буквально услышала, как Нориан скрипнул зубами. В настоящий момент было важно не столько то, кто вырвал страницу, сколько сам факт ее отсутствия.

— Ты еще долго будешь пытаться ставить мне палки в колеса? — заверению брата относительно грехов Нориан явно не поверил. — Мое терпение не безгранично, Кайл. Или ты сейчас отдаешь мне страницу, или...

— Или что? — с вызовом прищурился тот. — Сказал же, я к этому непричастен!

Нориан хотел еще что-то сказать, когда по его лицу внезапно пробежала судорога. Удерживающие книгу пальцы дрогнули, и она с громким стуком упала на пол.

— Нор? — Кайл, в интонации которого прорезалось легкое беспокойство, чуть подался вперед.

Под кожей Нориана прорисовались огненные дорожки, похожие на тонкие реки лавы. Он плотно стиснул челюсти и сжал кулаки, на его лбу выступила испарина, дыхание сделалось тяжелым.

Однажды мне уже доводилось видеть подобное... только сейчас все обстояло в разы хуже. Было заметно, что феникс с трудом стоит на ногах и остается в сознании лишь благодаря невероятной силе воли.

Я ощутила жар. Исходящий от него, дохнувший мне в лицо, подобно мифическому дракону. И не менее жгучее желание подойти к нему вплотную, взять за руку и поймать наполненный болью взгляд. Чтобы выпить и эту боль, и нестерпимое, раздирающее его изнутри пламя. Чтобы помочь.

— Нор? — с усилившимся беспокойством позвал Кайл. — Где твой «янтарь»?

— Я в порядке, — глухо произнес Нориан и, противореча своим словам, пошатнулся.

Процедив сквозь зубы ругательство, Кайл приблизился к нему, помог присесть и принялся бесцеремонно шарить у него в карманах, ища тот самый «янтарь». И одно то, что Нориан никак этому не препятствовал, показывало, насколько ему на самом деле плохо.

Обнаружившаяся во внутреннем кармане фляжка оказалась пуста.

Я еще успела подумать о том, что Кайл не такой уж и бессердечный мерзавец, а потом отмерла и подбежала к ним. Во второй раз за этот вечер я привела «не такого уж мерзавца» в ступор,

оттеснив его от брата. Видимо, только из-за непомерного удивления он и позволил мне это сделать, а когда опомнился, я уже держала Нориана за руку.

Присев рядом с ним, крепко сжала невероятно горячие пальцы, а другую ладонь, повинувшись внутреннему зову, положила ему на лоб. Взгляд феникса был расфокусированным, подернутым пеленой захлестнувшей его боли. В этот самый момент я отчетливо поняла, что настолько сильного приступа у него еще не случалось.

— Какого риаха ты... — начал Кайл и тут же осекся, неотрывно следя за моими действиями.

Не знаю, как это выглядело со стороны, но мне казалось, что от Нориана исходит множество огненных дорожек — эфемерных, похожих на искристую обжигающую пыль. Они тянулись от него ко мне, впитывались в мои ладони и распространялись по телу.

На этот раз мне было больно. Очень больно — до непроизвольно выступивших на глазах слез и прокушенной до крови губы. Но я только с еще большим рвением желала вобрать излишки переполняющей феникса магии, а моя боль служила сигналом тому, что я все делаю правильно. Сейчас меня не волновало ни то, где мы находимся, ни наблюдающий за нами Кайл, который узнал обо мне больше, чем хотелось. Все это не имело значения. Важен только тот, кому я в силах помочь.

Я как будто окунулась в свой давнишний сон. Библиотека истаяла, сменившись сплошным золотым светом, в котором постепенно растворился Нориан. Одной своей частью я признавала реальность и понимала, где на самом деле нахожусь, но другой пребывала в том самом сне. И в этом сне Нориан медленно исчезал, а мне отчаянно, до боли в груди не хотелось, чтобы это произошло. Не хотелось его терять...

Вобрав в себя последнюю частицу света, я шумно выдохнула и обессиленно уронила руки. Ладони горели от появившихся на них ожогов, но внутри меня переполняло приятное обволакивающее тепло.

ГЛАВА 20

— Мне вот интересно, — вкрадчиво проговорил Кайл, нарушив повисшую тишину, — когда ты, Нор, собираешься рассказать об этой мышке... скажем, Совету фениксов?

Поднявшись с пола, Нориан подал мне руку, после чего несколько глухо обронил:

— С каких это пор тебя волнуют дела Совета?

— Ты прав, Совет меня волнует мало, — с обманчивой легкостью согласился Кайл. — А вот *его* очень заинтересует девушка, которая сначала стала избранницей на церемонии, а затем научилась поглощать твой свет и преобразовывать в ее личностные искры. И да, я уже упоминал, что ко всему прочему она переняла твою особенность взаимодействия с огнем?

— Чего ты хочешь? — прямо спросил Нориан, с непроницаемым выражением лица изучая мои обожженные ладони.

— Всего лишь правды, — тоже переведя взгляд на мои руки, произнес Кайл. — Ее так удручающе мало в нашем лживом мире... — И уже серьезно, убрав из интонации деланое легкомыслие, добавил: — Я хочу узнать секреты одной милой маленькой мышки. Ты, насколько я понимаю, хочешь того же. Почему бы нам не объединить усилия?

— Зачем тебе это? — вопросом на вопрос ответил Нориан.

— Мне было ужасно скучно в последние годы, — дал Кайл «исчерпывающий» ответ. — А она сумела меня заинтересовать.

— Инида не игрушка, которая может тебя развлечь, — с отчетливой угрозой отрезал Нориан. — Я уже говорил несколько раз и повторяю снова: держись от нее подальше. В твоём окружении немало девушек, жаждущих твоего общества. Среди них и ищи средство от скуки.

Кайл усмехнулся:

— Ты слишком прямолинеен, Нор. И слишком честен — вот в чем твоя главная проблема. Позволь обратить твое внимание на одно важное обстоятельство: ты пришел сюда с целью что-то найти. И не нашел. Что бы ты ни думал, я не вырывал эту страницу. Но могу помочь тебе узнать ее содержимое. Отец знает все эти книги

практически наизусть. Если ты скажешь мне, что ищешь, возможно, я сумею его разговорить и помочь тебе.

Мне тут же вспомнился наш с ним разговор, когда Кайл сказал, что знает нечто такое, о чем неизвестно ни мне, ни даже Нориану. Был ли это простой блеф — неизвестно. Но в любом случае теперь Кайл знал обо мне достаточно, и скрывать от него уже было попросту нечего. Так что согласиться на этокое своеобразное «сотрудничество» с ним казалось не лишенным смысла.

Судя по всему, Нориан думал о том же, но принимать предложение брата не спешил.

— Прошу прощения, что вмешиваюсь, — заговорила я. — Но поскольку ваше обсуждение напрямую касается меня, думаю, я имею право высказаться.

Завладев их вниманием, продолжила:

— Я как никто другой хочу понять, что со мной происходит. Понимаю, что вы можете сомневаться во мне, думать, будто я намеренно что-то скрываю, но это не так. Я готова использовать любой шанс, чтобы во всем разобраться. Поэтому со своей стороны могу сказать, что не против вашего содействия, лорд Снэш. — Я перевела взгляд на Кайла, показывая, к кому обращаюсь. — Но только в том случае, если смогу рассчитывать на уважительное к себе отношение — такое, какого заслуживает студентка Института аэлин, а не возможное «средство от скуки».

Фирменно прищурившись, Кайл некоторое время обдумывал мои слова, после чего признал:

— Что ж, справедливо. Не могу ничего гарантировать, но, во всяком случае, постараюсь сдерживать свою... заинтересованность.

Следующие слова он, небрежно ухмыляясь, адресовал уже Нориану:

— Так что скажешь, Нор? На твоём месте я бы прислушался к разумным доводам нашей *мисс Трэйндж*.

Изменившуюся форму обращения к себе я оценила. Как и дополнение — «наша». Прямо даже не знала, радоваться зачислению в импровизированную команду фениксов или возмущаться.

— Хорошо, — спустя долгую паузу наконец согласился Нориан. — Но я не доверяю тебе, Кайл. И хочу, чтобы ты помнил: любое неосторожное действие с твоей стороны — и наша сегодняшняя

договоренность будет разрушена. Я сумею собрать необходимые сведения и без тебя, хотя, признаю, это займет гораздо больше времени. — Последовала еще одна, уже не такая долгая пауза, спустя которую он произнес: — Меня интересует аэлина Лейстон. Нужно проверить, упоминается ли это имя на вырванной странице. Мне кажется, однажды я видел его здесь, но могу и ошибаться.

Кайл кивнул, показывая, что принял информацию к сведению, и с деланным сожалением заметил:

— Как жаль, что меня никогда не интересовало фамильное старье. Хотя, насколько я понимаю, в этом фолианте содержатся записи самого Лосцена?

— Да, — лаконично отозвался Нориан.

Мне даже не пришлось напрягаться, чтобы вспомнить, кто такой Лосцен Снэш. Он — один из самых знаменитых фениксов, объединивших легионы собратьев во время «Кровавого света». О нем знал каждый житель империи, его имя воспевали в балладах, а его образ увековечивали в многочисленных монументах. Он, отдавший жизнь за Артоган, являлся тем, кому мы все были обязаны возможностью находиться здесь и сейчас.

Единственное, чего я не понимала, — каким образом знаменитый предок Снэшей может быть причастен к аэлине Лейстон. Неужели найденный мною дневник настолько стар, что существует вероятность, будто они оба жили в одно время?

Библиотеку мы покинули все вместе, а в бальный зал вернулись порознь. Кайл отыскал леди Вивьер, не успевшую заскучать благодаря вниманию окруживших ее поклонников. А мы с Норианом на балу не задержались, пробыв ровно столько, сколько требовали рамки приличий, не более. Мне пришлось вытерпеть прощание с его родителями, что потребовало немалого мужества и внутренних сил. Хотя недовольство старшего лорда Снэша было обращено преимущественно к сыну, я все равно ощущала себя неудобно.

До института мы добирались так же, как и до небесного острова, — на запряженной григаннами карете. Во время взлета, глядя на остающуюся позади резиденцию, я подумала, что, несмотря ни на что, этот вечер был одним из лучших в моей жизни. И уж точно самым прекрасным.

— Спасибо, Инида, — невесомо коснувшись моей руки, произнес Нориан.

Непроизвольно вздрогнув, я подняла взгляд и обнаружила, что в его глазах плавится янтарь. Не требовалось спрашивать, за что он меня благодарит, и я просто ответила:

— Не за что...

— Нет, есть, — возразил он. — Шайн часто засиживается в рабочем кабинете допоздна. Зайдем к нему, он обработает раны на ваших ладонях.

Так мы и сделали. Прибыв к институтским воротам, где нас встретил дворецкий корпуса аэллин, пешком отправились в больничное крыло. До меня доходили слухи, что в последнее время фениксы старались не использовать личностный свет для переходов без особых причин. Это уже не удивляло, учитывая, насколько часто в последнее время стали случаться прорывы. Фениксы берегли силы.

Вопреки ожиданиям, дверь приемной оказалась закрыта. Но это не послужило препятствием тому, чтобы войти. Выразив надежду, что доктор не будет против нашего небольшого вторжения, Нориан коснулся замочной скважины. Ее тут же охватило легкое свечение, раздался характерный щелчок, и дверь приоткрылась.

В кабинете доктора Шайна Нориан ориентировался так же хорошо, как в библиотеке родного дома. Среди множества стоящих в шкафу баночек без труда отыскал ту, в которой хранилась необходимая мазь.

— Вы позволите? — Он жестом указал на мои руки.

Пока лорд Снэш втирал мазь мне в ладони, я силилась не терять самообладания. Он делал это очень осторожно и бережно, стараясь не причинять мне лишней боли. И больно мне в самом деле не было. Зато я испытывала то же неконтролируемое волнение, что и во время нашего танца. Заставляя все внутри сжиматься и замирать, оно накрывало меня теплыми волнами, которым невозможно противостоять.

— Вам сегодня было очень плохо? — спросила я, чтобы хоть как-то отвлечься. — Хуже, чем обычно?

— Хуже, — не прерывая своего занятия, подтвердил лорд Снэш. — С каждым разом приступы усиливаются, но, честно говоря, сегодняшней застал меня врасплох. Не знаю, чем бы все закончилось

без вашего вмешательства, Инида. Мне остается лишь благодарить Пресветлого, что этим вечером вы оказались рядом со мной.

Волнение, которому я так отчаянно старалась не поддаваться, после прозвучавших слов усилилось стократ.

— Неужели не существует способа вас исцелить? — слегка дрогнувшим голосом спросила я. — Окончательно, или хотя бы избавиться от страданий на длительный срок?

Закончив втирать мазь, но не отпустив моих рук, лорд Снэш отрицательно качнул головой:

— Нет. По крайней мере, о таком пока неизвестно. Думаю, в случае с вами это излишне, но я все равно попрошу вас не распространяться о моем недуге. О нем знают единицы, и я бы хотел, чтобы так оставалось и впредь.

Осознание того, что я вхожу в число этих «единиц», приводило в некоторое замешательство. Я знаю тайну одного из знаменитейших фениксов империи... Все же странно это, с какой стороны ни посмотри.

— Конечно, — кивнула я в ответ на прозвучавшую просьбу. — Можете не сомневаться, от меня об этом никто не узнает.

С легким сожалением, как мне показалось, отпустив мои руки, лорд Снэш отошел к окну. Глядя на простирающийся за ним внутренний двор, немного помолчал, после чего неожиданно развил тему:

— Шайн — один из лучших докторов Артогана. И один из тех немногих, кто обладает умениями лечить фениксов. Наши болезни протекают не так, как у людей, и сами недуги зачастую сильно отличаются от привычных. Хотя благодаря внутреннему свету, в большинстве случаев способствующему самоисцелению, серьезно болеем мы редко.

Я отдавала себе отчет, что, возможно, своим следующим вопросом переступаю черту дозволенного, но не спросить не смогла:

— А ваш брат... младший. Он часто здесь появляется. Он тоже страдает от какого-то недуга?

Это было всего лишь предположение. Кайл совершенно не производил впечатление страдальца, скорее уж наоборот. Но он и правда появлялся в больничном крыле слишком часто и, насколько я знала, посещал доктора Шайна задолго до моего здесь появления.

Откровенно говоря, я не ожидала, что мне ответят. Но этот вечер, уже практически перетекший в ночь, вероятно, и впрямь был особенным. Ночь всегда стирает существующие рамки, подталкивая людей и не-людей к откровенностям, каких не найти при свете яркого солнца.

Обернувшись ко мне, лорд Снэш невесело усмехнулся:

— Кайл так жаждет узнать ваши секреты, что, думаю, будет справедливо, если вы узнаете его. Впрочем, это не такой уж и секрет — в высшем обществе об этом известно практически всем. Пятнадцать лет назад Кайл соблазнил младшую дочь императора, которая на тот момент была обручена. Их застал обманутый жених, который был по-настоящему в нее влюблен. Жених не хотел придавать историю огласке, но помолвку, которая была очень важна по политическим причинам, расторг. Однако император все равно узнал о произошедшем, и Кайла осудили. Благодаря заступничеству отца и влиянию нашей семьи конфликт удалось сгладить и Кайл отделался небольшим проклятием.

— Проклятием? — не сдержала я изумления.

— Ими занимаются передовые маги империи, — пояснил лорд Снэш. — Проклятия создаются из отщипнутой от порождений тьмы материи. Фактически это своего рода оружие, которое постоянно совершенствуется. С тех пор Кайл испытывает определенные неудобства. Срок действия его проклятия определен двадцатью годами, а до тех пор он вынужден посещать доктора, который эти неудобства облегчает.

Я даже не знала, что сказать. И не столько из-за наказания Кайла, сколько из-за того, что поняла, кем являлся обманутый жених. Разрозненные части мозаики — услышанные когда-то разговоры и ходящие слухи — сложились воедино.

Нориан вновь устремил взгляд в окно, а я стояла чуть позади и не могла ни ответить на его откровенность, ни как-то поддержать. Да и вряд ли спустя столько лет он нуждался в чьей-либо поддержке. Но хотя с тех пор минуло много времени, я все равно ощутила острую за него обиду.

«Слишком честный и прямолинейный», — как недавно сказал про него Кайл. Именно такие, как правило, и вынуждены страдать больше всех, сталкиваясь с обманом и несправедливостью нашего мира.

— Почему же принцессу в таком случае не отдали замуж за Кайла? — все-таки поинтересовалась я.

Видимо, на сегодня откровенность оказалась исчерпана, потому что на этот раз лорд Снэш ответил абстрактно:

— Были причины.

Он проводил меня до самого корпуса ниллэ, у входа в который мы попрощались. Войдя внутрь, я спустя несколько мгновений снова приоткрыла дверь и сквозь образовавшуюся щелку еще долго смотрела вслед уходящему фениксу. Он шел медленно, озаренный лунным светом, и мне почему-то казалось, что я уже видела его таким. Что уже были и наполненная откровениями ночь, и волшебный танец, и с интересом заглядывающая в окна луна...

Направляясь в свою комнату, я полагала, что на сегодня мои приключения окончены. Что сейчас я лягу в теплую постель, с блаженством растянусь на кровати и провалюсь в сон. По, как говорят в народе, хочешь рассмешить Пресветлого — расскажи ему о своих планах.

Не дойдя до своей каморки, я заметила движущуюся мне навстречу фигуру... и сопровождающий ее холод заметила тоже — знакомый, похожий на стылый зимний, ползущий по полу ветер. Могла бы поклясться, что девушка, которая шла по коридору слишком медленно и как-то неестественно, — та самая, которую я уже видела бродящей по ночам. Та же, что спрыгнула с крыши, спланировав на землю с помощью окруживших ее всполохов тьмы.

Резко отпрянув в сторону, я притаилась за дверью гостиной, ожидая ее появления. Сердце, подвергающееся в этот вечер тяжким испытаниям, гулко забило в груди — неужели я сейчас увижу ее лицо? Узнаю, кто в прошлый раз был причастен к появлению бреши в защитном куполе?

Думая так, я даже не предполагала, что мне не понадобится заглядывать в лицо блуждающей по ночам девушки. Что, увидев одни только волосы — черные, как оперение кокрэна, я безошибочно ее узнаю.

«Алекса?!» — едва не вырвалось у меня. Да быть не может...

Верила я или нет, но это действительно была она. Ее глаза были закрыты, но шла она уверенно, хоть и медленно. Босая, одетая в одну

лишь белую ночную сорочку, она напоминала не то видение, не то бестелесного духа, способного растаять от одного прикосновения.

Растерявшись, я на некоторое время впала в ступор и не знала, как мне поступить. Будь на месте Алексы кто-нибудь другой, я бы разбудила всех в нашем корпусе, чтобы утром они смогли подтвердить мои слова. Но ведь это Алекса... единственная среди однокурсниц, кто изначально отнесся ко мне по-человечески. Было так сложно поверить, что она может быть связана с тьмой, что это по ее вине был нарушен защитный барьер...

Пока я колебалась, Алекса прошла еще немного вперед.

И я, еще немного помедлив, пошла за ней. Снова. Испытывая все возрастающее чувство дежавю, усиливающееся из-за того, что мы шли той же дорогой, что и в прошлый раз.

Я понятия не имела, что она собирается делать, о чем сейчас думает и думает ли вообще. Вроде бы сомнамбулы действовали неосознанно, но уверенности в этом я не испытывала. Перед мысленным взором стояла расползающаяся по защитному куполу брешь, вслед за которой приходили воспоминания о риахе и недавнем пожаре.

Тьма, несущая смерть и разрушения, всегда находящаяся где-то поблизости. И сейчас, в этот самый момент идущая прямо передо мной. Непредсказуемая и опасная.

Я помнила, что сомнамбул нельзя будить. Но благодаря работе в библиотеке и самостоятельному изучению разных книг я узнала кое-что еще. Существовало мнение, что сомнамбулы просыпаются, если наступают в воду. А еще для работы в библиотеке мне пришлось освоить простейшее заклинание левитации, с помощью которого можно было воздействовать на небольшие неодушевленные предметы.

Следующая идея пришла ко мне внезапно. Подбежав к окну, я высунулась наружу и бросила взгляд на находящийся во дворе фонтан. Действовать требовалось быстро, и сомневаться я себе не позволила. Раньше мне приходилось применять левитационное заклинание только к книгам, но я надеялась, что все получится.

Сосредоточившись, ощутила горящие внутри себя искры, уже привычно преобразовала их во внешнюю энергию и направила ее на фонтан. Я хотела взять из него немного воды, перенести из сада в

замок и вылить под ноги Алексе, пока она не успела выпрыгнуть в окно или сделать еще что похуже.

Сначала все шло хорошо. У меня получилось почувствовать воду и применить к ней магию, а вот потом... потом все вышло из-под контроля. Внезапно я почувствовала в себе слишком много силы, слишком много заискрившегося внутри света. Не успела ничего сделать и даже осознать, как вдруг весь фонтан охватило яркое сияние и он оторвался от земли.

Весь! Целиком!

«Нет, нет, нет! — мысленно воскликнула я. — Стой!»

Словно повинувшись моему мысленному приказу, он перестал подниматься и завис в воздухе. Где-то на задворках сознания промелькнула мысль, что это все из-за поглощенного мною света. Сегодня я забрала у лорда Снэша слишком много энергии, и риах знает, сколько теперь во мне искр. Искр, к которым я не привыкла и управляться с которыми не умею...

«Опускайся же! — снова мысленно воззвала я. — Пресветлый... Ну, пожалуйста!»

Окруживший фонтан ореол запылал ярче, и тот, еще несколько мгновений повисев в воздухе, рухнул обратно, расплескав воду.

Стук вышел громким, как и плеск. А уже в следующее мгновение, не успела я прийти в себя, как рядом прозвучал прерывистый вздох.

Алекса! Она проснулась! Наверное, от громкого и резкого звука...

Я действовала инстинктивно. Сделав несколько стремительных шагов, вжалась в одну из стенных ниш. Едва дыша, неотрывно наблюдала за тем, как Алекса медленно разворачивается, как ее взгляд постепенно делается осмысленным и как растерянность на лице сменяется досадой и злостью.

Недолго постояв на месте, она быстрым шагом пронеслась в обратном направлении и, не заметив меня, свернула за угол коридора. Я, немного подождав, проследовала тем же маршрутом и относительно успокоилась, лишь увидев, как она миновала гостиную факультета и скрылась в своей комнате.

Меня переполняли эмоции. Переполняла внутренняя сила — разбуженная, она хотела выплеснуться наружу, обратившись магией. Казалось, что в полумраке жилого коридора я вижу, как от

переизбытка этой силы светится и мерцает моя кожа. Руки подрагивали, и меня ощутимо потряхивало.

Выброс адреналина, наложившийся на и без того насыщенный день, еще долго не давал мне расслабиться и спокойно заснуть. Я крутилась на кровати, переворачивалась с боку на бок и мучилась мыслями о том, как мне быть с тем, что я узнала. Как быть с Алексой? Стоит ли завтра самой с ней поговорить или сразу пойти к лорду Снэшу?

В итоге я с головой укрылась одеялом и заставила себя сомкнуть веки. Лучше подумаю обо всем этом завтра, на свежую голову. Утро вечера мудренее.

ГЛАВА 21

Мудренее вечера следующее утро не оказалось. Возможно, причина была в том, что я едва не проспала. А может, в том, что день не задался с самого начала, поскольку в ванной, когда я туда пришла и уже встала под душ, «закончилась» горячая вода. Вместо нее на меня посыпался самый настоящий лед. Выяснить, кто это устроил, времени не было, как и ставить в известность дворецкого.

Следующей неприятностью стала разлитая перед моим порогом желеобразная субстанция, в которую я едва не наступила. Пакости уровня ребенка дошкольных лет... Впрочем, они меня не слишком удивили. Я знала, что так будет, было бы странно, не найдись среди однокурсниц не желавшие понимать, как звание лучшей ученицы могло достаться «нищенке».

К счастью, на магию и обязанности ниллэ я, несмотря на все препятствия, успела вовремя. В аудиторию влетела буквально за пару секунд до леди Нейль.

Сегодняшнее занятие было крайне важным и заставляющим волноваться — у нас начиналась практика. Важным настолько, что нас лишили законного выходного, поставив практику на сегодняшнее утро.

Как вскоре выяснилось, это обуславливалось тем, что для данного занятия требовались специальные артефакты, которые работали всего несколько дней. В институт их поставили несколько раньше, чем планировалось, и леди Нейль не была намерена терять драгоценное время попусту.

Заняв свое обычное место, я выискала взглядом Алексу, которая пропустила завтрак. Сейчас она разместилась на самом дальнем ряду, словно бы желая оградиться ото всех и скрыться за чужими спинами.

— Доброе утро, девушки, — приветствовала нас леди Нейль. — Как вы, надеюсь, уже успели усвоить, самое главное для ниллэ — держать под контролем чувства и эмоции. Уметь подавлять их в любой ситуации, как и боль. Вы — образец сдержанности, надежности, твердости духа.

«И бесчувственности», — мысленно добавила я, вспомнив ниллэ леди Снэш, кажущуюся такой же холодной, как посыпавшийся на меня

этим утром лед.

— Лежащие перед вами артефакты крайне дорогостоящие, созданные из редкого минерала. Поэтому, пожалуйста, будьте аккуратны при их использовании. Как вы можете заметить, они представляют собой десять сросшихся кристаллов. Сейчас я разобью вас на пары. Ваша задача — постараться задеть напарницу, в позитивном или негативном ключе — решайте сами. Самое главное — вызвать у нее какие-либо сильные эмоции. Артефакт отобразит уровень испытываемых эмоций по десятибалльной шкале. Верх самоконтроля — не загорится ни один кристалл. Полная несдержанность — засветятся все.

Предлагаемым тестом была озадачена не одна я. Судя по переглядывающимся девушкам, всем нам было не по себе при мысли, что придется выводить друг друга из себя. И, похоже, не одна я опасалась, что преобладать будут эмоции негативные. Все же вызвать злость или обидеть гораздо проще, чем по-настоящему порадовать.

Вскоре леди Нейль озвучила пары, в которые нам предстояло объединиться. Звучали знакомые имена, и те, кому они принадлежали, покидали свои места, чтобы сесть вместе.

— Эмбер Шайдар и Инида Трэйндж, — прозвучала очередная пара имен.

«Лучшей» напарницы для меня было не придумать... и что-то мне подсказывало, леди Нейль поставила нас в пару вовсе не случайно. Как и остальных.

Поскольку ждать от Эмбер, что она сама пересядет ко мне, не приходилось, я собрала свои вещи и отправилась на первый ряд. Стоило присесть рядом, как она демонстративно отодвинулась, бросив на меня испепеляющий взгляд.

Что ж, похоже, моя часть задания окажется не такой уж сложной — неприязнь Эмбер ко мне и так зашкаливает.

К выполнению мы приступили не все вместе, а по несколько пар за раз. Леди Нейль с пристальностью ястреба следила за каждой студенткой, хотя поначалу казалось, что это не так. Сперва все вели себя сдержанно, но чем дальше, тем более напряженной становилась атмосфера. Для многих это занятие стало поводом озвучить все свои потаенные мысли и высказать то, что не стали бы говорить при обычных обстоятельствах.

То тут то там вспыхивали кристаллы, что сопровождалось легким звоном. Вначале это были единичные вспышки, но с каждой минутой их становилось все больше, и вскоре всю аудиторию затопил свет.

— Вы пытаетесь вывести из себя оппонента или злорадствуете сами? — обратилась к одной из воспитанниц леди Нейль. — Плохо.

Подойдя к следующей паре, прокомментировала:

— Девять уровней — недопустимо.

Со следующими повторялось то же самое. Самый лучший результат неожиданно для всех показала Санди — у нее засветились всего два кристалла. Худший — Лайра, которая, покраснев как помидор, хмуро смотрела на десять мерцающих ровным светом кристаллов.

Случайно или нет, но мы с Эмбер приступили к выполнению задания в числе последних. Как и ожидалось, мне даже стараться не пришлось для того, чтобы заставить ее испытывать яркие эмоции. Я помнила, насколько остро она реагировала на все, что касалось ее семьи. Но злоупотреблять этим и как-то обижать ее мне, несмотря ни на что, не хотелось. Откровенно говоря, я вообще находила это задание чересчур жестоким. Понятно, что оно направлялось, помимо прочего, на раскрытие наших внутренних качеств. Как говорила леди Нейль — ниллэ должна уметь, не опускаясь до оскорблений, при необходимости тонко поставить собеседника на место.

Словом, у Эмбер так же, как и у Лайры, быстро засветились все десять кристаллов, чем она заработала крайнее неодобрение леди Нейль.

Когда дело дошло до меня, Эмбер себя не сдерживала. Ее как будто прорвало. И мне показалось, что, пытаясь обидеть меня, она просто выплескивала весь накопившийся в ней негатив, все переживания и собственные, нанесенные кем-то обиды. Наверное, именно поэтому ее слова меня не трогали. Совсем. «Нищенка», «оборванка», «бродяжка» — все это я слышала сотни раз и уже привыкла игнорировать подобные выпады.

Мой артефакт оставался таким же, как прежде.

Краем глаза я отметила, что те, кто уже выполнил задание, с интересом за нами наблюдают. Леди Нейль так и вовсе, подойдя ближе, не сводила с нас пристального взгляда.

— Тебе никогда не стать настоящей ниллэ! — продолжала обрушиваться на меня Эмбер. — Никогда не быть полноправной частью высшего общества! Ты — никому не интересная, невзрачная, безродная...

— Достаточно, — внезапно оборвала ее леди Нейль. — Ваш артефакт, Эмбер, скоро взорвется от перегрева. Поздравляю, вы справились хуже всех и продемонстрировали крайнюю степень неподготовленности. Инида, — без перехода обратилась она ко мне, — ваш отец был художником?

От неожиданности заданного вопроса я на миг растерялась, но после утвердительно кивнула.

— Бездарным, насколько мне известно?

— Нет, это не так. Он был талантлив.

— Так может сказать каждая дочь, — равнодушно бросила леди Нейль. — И каждый, кто берет в руки кисти, мнит себя художником. Ваш отец был низкого происхождения, и это закрыло перед ним множество дверей. Возможно, обучайся он у именитых мастеров, его мазня была бы куда более сносной.

— Уровень таланта определяется не происхождением, — возразила я, незаметно сжав под столом кулаки.

— Разве? — Она скептически изогнула бровь. — Все в нашем мире можно купить. Даже талант. Любой талант ничто без каждодневной работы и качественного обучения, обеспечить которое можно только благодаря связям и деньгам. А ваш отец к тому же был слишком ленив, чтобы много работать. Оправдывал лень отсутствием вдохновения.

Как всегда, когда речь заходила о близких и несправедливости, сдерживаться мне было трудно.

— Вам-то откуда об этом знать? — Голос я все-таки не повысила, хотя очень хотелось. — Вы даже не были с ним знакомы.

Ничего не ответив, леди Нейль посмотрела на лежащий передо мной артефакт и прохладно улыбнулась. Проследив за ее взглядом, я обнаружила, что на нем сияют пять кристаллов.

— Неплохо, мисс Трэйндж, — удостоили меня сдержанной похвалы. — Но работы вам еще предстоит много.

Из аудитории я выходила уставшей от морального перенапряжения. Практика оказалась изматывающей и совсем не

такой, какой мне представлялась. Атмосфера все занятие была откровенно нездоровой, и мне хотелось чем-нибудь себя отвлечь, чтобы избавиться от неприятного, появившегося на душе осадка.

К счастью, оставшаяся часть дня была свободна и можно было немного передохнуть перед предстоящей учебной неделей. Несмотря на подготовку к приему, все задания я сделала заранее, даже успев написать реферат по истории. Я подумала, что можно было бы, не дожидаясь вечера, навестить к доктору Шайну для осмотра искр. После ночного происшествия с фонтаном я даже предполагать не бралась, сколько их сейчас.

Как было бы хорошо, умей я сама определять их количество!

Проходя тем же коридором, что и вчера, я услышала происходящий во дворе разговор девушек. Они, находясь у того самого фонтана, спорили на предмет того, что раньше он стоял немного левее и что земля вокруг слишком раскурочена. Одна доказывала, что это происки пробравшейся в институт тьмы, а другая называла ее чокнутым параноиком.

Остановившись и прислушавшись к разговору, я невольно улыбнулась.

Правда, улыбка очень быстро сошла с моих губ, стоило мысленно вернуться к событиям этой ночи. Следом за фонтаном пришли мысли об Алексее. Я понимала, что чем дольше об этом думаю, тем сильнее начинаю во всем сомневаться. И в конце концов все-таки решила рассказать об увиденном лорду Снэшу. Если бы угроза нависала только надо мной, я бы промолчала. Но ведь речь идет о безопасности обитателей всего института, и рисковать в данном случае нельзя. А если Алекса ни в чем не виновата, то лорд Снэш обязательно это поймет. Он всегда был ко всем справедлив и не рубил сплеча. Поэтому я небезосновательно надеялась, что и в случае с Алексой он будет вести себя так же.

Но этот день, начавшийся не слишком удачно, продолжился в том же духе. Во время поисков лорда Снэша я выяснила, что в институте его сегодня не будет. С одной стороны, это обстоятельство меня расстроило, но с другой — где-то в глубине души я испытала определенную долю облегчения.

Визит к доктору все-таки решила отложить до вечера, а сейчас отправилась в сад. Осень стремительно вступала в свои права, отбирая

у листьев зелень и делая их золотыми. Пожалуй, эта пора, когда лето уже ушло, но настоящие холода и затяжные дожди еще не наступили, — моя любимая. Воздух делается чистым и звонким, а яркие древесные кроны так красиво контрастируют с небесной синевой. День сегодня был ясный и погожий, так что казалось просто грешным проводить его в четырех стенах.

Я шла к своей излюбленной беседке, когда внезапно заметила, что ко мне направляются две девушки с курса аэлин. Точнее, сперва я подумала, что это просто совпадение и идут они вовсе не ко мне. Но, как вскоре выяснилось, все-таки ко мне.

В одной из них я без труда узнала леди Вивьер, а другая была мне незнакома.

— Светлого дня, Инида, — приблизившись, произнесла леди Вивьер.

— Светлого, — отозвалась я, присев в легком, причитающемся случаю реверансе.

Откровенно говоря, ее появление меня насторожило и слегка напрягло. С чего вдруг я ей понадобилась?

— Не буду ходить вокруг да около и скажу сразу, — продолжила тем временем леди Вивьер. — Я — третьекурсница и в этом году должна выбрать себе ниллэ. Многие из нас тянут с этим до весны, но мне это ни к чему. Я хочу, чтобы моей будущей ниллэ стала ты. И предлагаю начать совместное обучение уже сейчас.

Сказать, что я удивилась, — это не сказать ничего. Даже мелькнуло предположение, что я неправильно ее поняла, но направленный на меня взгляд говорил об обратном.

— Почему я? — собравшись с мыслями, спросила у нее. — Я ведь...

— Меня не интересуют твоя родословная и материальное положение, — поняв, что я хочу сказать, перебила меня леди Вивьер. — На прошлой неделе тебя признали лучшей студенткой, ты попала на прием к фениксам. Прежде всего я ценю в людях целеустремленность, упорство и стойкость. Я наблюдала за тобой и пришла к выводу, что ты этими качествами обладаешь.

Спустя короткую паузу она, внимательно на меня посмотрев, спросила:

— Что скажешь, Инида Трэйндж? Ты согласна стать моей ниллэ?

Если бы меня спросили, согласна ли я немедленно отправиться в Приграничье, ответить и то было бы проще. Наверное, любая на моем месте не раздумывала бы ни секунды и буквально прыгала от счастья. Возможно, сделай мне такое предложение другая аэллина, я бы тоже раздумывала недолго.

Быть выбранной одной из первых — большая честь, открывающая дополнительные привилегии. Эту истину нам всем исправно вдалбливала леди Нейль. А леди Вивьер — лучшая на своем курсе, перспективная, происходящая из знатного и древнего рода. Я лично слышала, как однокурсницы, обсуждая девушек с факультета аэллин, говорили, что мечтали бы стать ее ниллэ.

Надо признать, до сих пор леди Вивьер вела себя как истинная аэлина и леди. Ни поступком, ни единым словом она не запятнала свою безупречную репутацию. Всегда держалась в стороне от склок, если таковые происходили, не пыталась кого-то задеть или обидеть. Даже на вчерашнем приеме она ни разу не выразила недовольства моим присутствием, хотя та же леди Авелла не упустила возможности это сделать. И обоснование ее выбора звучало логично, но...

Да, имелось определенное «но». Возможно, я все слишком усложняла, но не могла избавиться от ощущения, что за ее желанием сделать меня своей ниллэ кроется что-то еще.

И все же отказаться сейчас означало не только нанести леди Вивьер серьезное оскорбление, но и, вероятно, упустить свой единственный шанс. Много ли найдется аэллин, которые захотят видеть меня своей ниллэ? Многие ли так, как она, закроют глаза на мое происхождение?

Все эти мысли пронеслись в сознании за считанные секунды. А затем я, тщательно подбирая слова, с предельной вежливостью произнесла:

— Мне очень лестно ваше предложение, но, боюсь, пока я недостаточно освоила необходимые дисциплины. Насколько мне известно, совместная работа требует определенного уровня навыков, которого у меня пока нет. Мне необходимо еще некоторое время, чтобы освоиться с магией, которой прежде я, к сожалению, не обучалась.

Леди Вивьер и бровью не повела. Все так же спокойно и в то же время пристально на меня глядя, возразила:

— Если ты станешь моей ниллэ, у тебя будут дополнительные индивидуальные занятия с лучшими преподавателями. Моя ниллэ должна быть безупречна во всем, и я лично помогу тебе достичь совершенства.

Мысли продолжали стремительно, одна за другой, проноситься в сознании. От неожиданности всего происходящего голова шла кругом. Перспективы и впрямь впечатляли. Я не боялась трудностей и желала совершенствоваться, используя для этого все возможности, но... Да, снова «но».

Чем больше времени я проводила в институте, тем сильнее сомневалась, что хочу стать ниллэ. Точнее, такой ниллэ, какими их привыкли видеть. Нет, я жаждала знаний и развития в плане магии, очень хотела учиться, но стать бесчувственной ледяной глыбой желания не испытывала. А «совершенство» предполагало именно это.

От необходимости отвечать меня неожиданно спас лорд Снэш. И для разнообразия в роли спасителя на этот раз оказался незаметно приблизившийся к нам Кайл.

— Леди, — с фирменным прищуром и легкой полуулыбкой приветствовал он. — Прошу прощения, что прерываю вашу беседу.

Обе аэллины как по команде изобразили идеальный реверанс. Я немного с ним запоздала, чем заработала насмешливый взгляд феникса. Украдкой отметила в его руках пышный букет белых роз, охваченный невесомым сияющим флером. На лепестках некоторых цветов мерцали россыпи прозрачных, имитирующих росу кристаллов. Под лучами солнца вся эта композиция выглядела роскошно.

— Хотел еще раз поблагодарить вас за вчерашний вечер. — Обратив взгляд на леди Вивьер, Кайл преподнес ей букет. — Вы были лучшим его украшением.

Пока леди благодарила его за подарок и они вели дальнейшую беседу, я надеялась, что обо мне забудут. Мне требовалась хотя бы небольшая пауза, чтобы все как следует обдумать и принять верное решение. Я буквально молила об этом Пресветлого, и мои молитвы, как ни удивительно, были услышаны.

Кайл предложил леди Вивьер прогуляться, и та, приняв предложение, обратилась ко мне:

— Закончим разговор позже.

Впервые я была искренне и от всего сердца рада появлению Кайла Снэша. И впервые за все время его появление пришлось как нельзя кстати.

Поскольку они остались в саду, а мне не хотелось лишний раз с ними сталкиваться, я решила прогуляться за пределами института. Выйдя за ворота, неспешно двинулась по дороге, где, подобно золотому ковру, расстился солнечный свет. Тихо шелестели сухие кроны, прохладный ветер срывал листья и ронял на землю, смешивая их с солнечным ковром. Вся окружающая красота действовала на меня успокаивающе, помогала расслабиться и привести в порядок мысли.

Немного погуляв, я вознамерилась зайти в «Золотое перо» — небольшую, расположенную на пути к институту кофейню, где любили проводить время студентки. Прежде я в ней не бывала, но запах свежей выпечки, доносящийся из-за приоткрытой двери, заставил меня исправить это упущение.

Внутри, как ни странно, было немногочленно. Встретивший у входа молодой человек помог мне снять верхнюю одежду и, пристроив ее на вешалку, проводил к столику у окна. Этот стол стоял почти в самом углу, частично скрытый декоративной ажурной ширмой, — самое то для гостя, желающего находиться в обществе и уединении одновременно.

Цены здесь оказались далеко не низкими, но я решила, что хотя бы один раз могу себя немножко побаловать.

Дождаясь заказанного кофе с карамелью и пряного пирожного, я неспешно изучала окружающий интерьер. Это местечко и впрямь было уютным и очень красивым. Пожалуй, я бы могла охарактеризовать его всего одним словом — изящно.

Изящным здесь было все, начиная от светлой мебели и заканчивая стоящими на столиках хрустальными вазочками. Даже поданное мне морковное пирожное было изящным, украшенным взбитыми сливками и хрустящей ореховой крошкой.

В какой-то момент, глядя в окно, я вдруг увидела приближающуюся к кофейне Лайру. Даже удивилась слегка — в последнее время она снова ходила за Эмбер хвостом. Неужели та ее отпустила? Домой на выходных Эмбер никогда не уезжала...

Войдя внутрь, Лайра расположилась неподалеку от меня, но, кажется, я осталась для нее незамеченной. Спустя некоторое время,

наслаждаясь отменным карамельным кофе, я и думать забыла о ее присутствии. Но вспомнить о нем меня вынудил вскоре присоединившийся к ней мужчина. Он выглядел невозмутимым и собранным, а вот Лайра, увидев его, покраснела и, как мне показалось, занервничала.

Свидания среди воспитанниц института, мягко говоря, не поощрялись. Для аэллин, по понятным причинам, они и вовсе были под запретом, да и ниллэ старались не запятнать свою репутацию. И все же я была почти уверена, что за соседним столиком происходит именно свидание.

Когда мужчина накрыл руку Лайры своей, я хотела отвернуться, как вдруг в его пальцах что-то блеснуло. Показалось, что это был какой-то небольшой предмет — не то коробочка, не то пузырек. Но, невольно присмотревшись внимательнее, я заметила на среднем пальце мужчины кольцо и решила, что блеснуло именно оно.

Мне никогда не было свойственно совать нос в чужие отношения, и тем более я не собиралась подсматривать за однокурсницей, спрятавшись за ширмой. Поэтому, отвернувшись к окну, спокойно допила кофе и еще немного посидела, дожидаясь, пока парочка уйдет. После чего, расплатившись, тоже вышла из кофейни и, глубоко вдохнув чистый воздух, неспешно побрела в сторону института.

ГЛАВА 22

Среди ночи меня разбудил оглушительный взрыв, заставивший с бешено колотящимся сердцем подскочить с кровати. Не понимая, что происходит, но уже интуитивно чувствуя, что явно ничего хорошего, я наспех набросила халат и выбежала из комнаты.

Разумеется, от такого звука проснулась не одна я. Из всех комнат одна за другой выходили растерянные и заспанные студентки, не сговариваясь, стекающиеся в гостиную. Не прошло и минуты, как только что тихое жилое крыло утопало в оживленном гомоне. Кто-то прильнул к окнам, кто-то попытался выйти в коридор, но был остановлен преградившим проход дворецким. Глядя на всегда невозмутимого и безупречно выглядящего Гая, я даже удивилась — неужели он и спит в костюме?

— Что произошло? — без промедления обратилась к нему Люция.

— Мне неизвестно, — ровно ответил дворецкий. — Но сейчас я попытаюсь это выяснить. Всех вас, леди, попрошу оставаться здесь. Для вашей безопасности я активирую дополнительную защиту вокруг корпуса, и выйти за его пределы вы временно не сможете. Не беспокойтесь, это просто предусмотренная правилами мера.

Приложив руку к груди, он слегка склонил голову.

— Прошу меня простить.

И удалился, пока его не успели засыпать вопросами взволнованные девицы. А вопросы, естественно, посыпались, только адресованы они теперь были друг другу. Как и предположения по поводу того, что могло произойти. Особо любопытные попытались открыть окна и высунуться наружу, но окна с уходом Гая тоже оказались запечатаны магией.

— Наверняка что-то опять случилось с барьером! — воскликнула одна из особо впечатлительных девушек.

Ее тут же поддержали, принявшись наперебой строить догадки вокруг этого предположения. К их разговору я прислушивалась недолго и вскоре занялась тем, что стала внимательно рассматривать присутствующих. В первую очередь я искала взглядом Алексу, искренне надеясь, что вот сейчас среди светловолосых девушек

отыщется темненькая... но она не нашлась. Алексы среди нас не было. Теоретически она могла остаться в комнате, хотя, учитывая переполох, это казалось сомнительным. Мне было известно, в какой комнате она живет, и я все же решила проверить.

Нужная дверь была приоткрыта. Осторожно потянув на себя ручку, я заглянула внутрь, и моя последняя надежда разбилась вдребезги. Одна из кроватей была не заправлена и пуста, а вторая и вовсе аккуратно застелена, словно этой ночью на нее вообще никто не ложился.

Вернувшись в гостиную, я подошла к окну и, отдернув занавеску, посмотрела на улицу. Бесполезно. Даже если взрыв действительно был связан с разрывом купола, отсюда брешь не просматривалась.

На душе было беспокойно. Понятно, что спокойно быть и не могло, учитывая обстоятельства. Но меня одолевало какое-то невыносимо мучительное ощущение, которому у меня не получалось подобрать названия. Лишь спустя непродолжительное время я вспомнила, что уже испытывала такое однажды. Когда лорду Снэшу было плохо, я каким-то образом ощутила это и неведомо почему жаждала оказаться рядом.

Так было и теперь. Я буквально физически страдала от непреодолимой потребности увидеть его. Чувствовала, что сейчас ему трудно и больно и в моих силах ему помочь.

Но меня, как и остальных девушек, заточила в жилом корпусе охранная магия. И даже если бы удалось ее преодолеть, куда идти? Где его искать? Пресветлый, да что же это такое?! Почему я все это чувствую? Почему между мной и ним существует эта связь? Почему сердце бьется так неистово, а к глазам подступают неконтролируемые слезы? И дышать так трудно, так нестерпимо, словно вместе с воздухом в легкие попадает сухой песок...

Непроизвольно обхватив шею рукой, я осела на подлокотник дивана. Было плохо скорее морально, чем физически, и меня буквально трясло от жажды деятельности. Внутри все горело, и тело раскалилось настолько, что я даже не чувствовала жара пылающего в камине огня.

Тем временем одна из ниллэ со второго курса, подойдя к ведущей в коридор двери, прислонилась к ней щекой. И уже через несколько секунд с сожалением констатировала:

— Ничего не слышно.

— Может, ничего страшного и не случилось? — сложив руки на груди, предположила Люция. — Мало ли чем мог быть вызван тот звук. Не знаю, как вы, а я иду спать.

С прямой как палка спиной и высоко поднятым подбородком она покинула гостиную, и я подумала, что в будущем из нее и впрямь может получиться хорошая ниллэ. На фоне всеобщего настроения собой она владела отлично.

После ее ухода стихший было гомон возобновился. Та самая второкурсница озвучила очередную версию, состоящую в том, что охранная магия, помимо прочего, поглощает все внешние звуки, поэтому мы ничего и не слышим.

Ответить ей никто не успел, и все разговоры стихли повторно, поскольку прямо среди гостиной внезапно заискрился яркий свет. Все буквально открыли рты, забыв о правилах этикета и необходимости реверансов, когда из этого света вышел феникс.

Окруженный вихрем неугасающих искр, со светящейся кожей и горящими жидким золотом глазами, Кайл Снэш обвел быстрым и цепким взглядом всех присутствующих. А затем этот взгляд остановился на мне.

— Ты идешь со мной, — стремительно сократив между нами расстояние, не терпящим возражений тоном отрезал он.

Это было единственное, что он сказал, больше никаких объяснений не последовало. После чего просто схватил меня за предплечье, вынуждая подняться, и мы погрузились во вспыхнувший с новой силой свет.

Я не сразу поняла, куда мы переместились. Комната была небольшой и просто обставленной, с минимумом мебели, из которой мое внимание сразу привлекла кровать... хотя, наверное, правильнее будет назвать ее больничной койкой. Над ней, загораживая обзор, склонялся доктор Шайн. Но мне и не требовалось видеть того, кто лежал на белых простынях, чтобы понять, кто он.

— Терпи, сейчас придется туго, — произнес доктор, наклонившись еще ниже.

Сбросив руку удерживающего меня Кайла, я быстрым, но тихим шагом подошла к нему. Нет, не к доктору... к тому, кого он поил ярко-алой жидкостью.

Теперь мне стало больно не только морально, но и физически. Парализующая волна сочувствия и ужаса заполнила каждую клеточку тела, когда я увидела распластавшегося на кровати, искалеченного лорда Снэша.

Подумалось, что я сплю. Что представшая передо мной картина нереальна. Что Нориан Снэш сейчас не лежит в буквальном смысле прикованный к больничной койке широкими кожаными ремнями. И это не его тело охвачено пламенем, не его пальцы с силой сминают простыню, не с его губ срываются сдавленные стоны. Не на его коже виднеются многочисленные раны, словно он попал под дождь из битого стекла. И не его грудь перемотана бинтами, практически насквозь пропитавшимися кровью.

Глаза феникса были открыты, но он словно не видел никого и ничего. Белки воспалилась и покраснели, а зрачки расширились, практически полностью затопив светящуюся радужку.

— Плечо я вправил, все кости должны срастись благодаря регенерации, — разогнувшись, глухо произнес доктор. — Но с внутренним светом сделать ничего не могу. Он поглотил слишком много, сила пожирает его изнутри.

Кайл, лицо которого напоминало непроницаемую каменную маску, приблизился к Шайну вплотную.

— Он должен выжить, — неестественно спокойным и оттого еще более жутким голосом произнес феникс. — Используй любые методы, любые средства, хоть самую тьму призови, но исцели его.

— Я не всесилен, Кайл! — нервно бросил доктор. — Я сделал все что мог. Чудо, что он вообще до сих пор не отправился на тот свет!

Все это время я стояла, словно парализованная, и, не сводя взгляда с Нориана, боролась с желанием броситься к нему. Душу как будто разрывало на тысячи мелких клочков, и каждое произнесенное доктором слово вбивалось в нее подобно раскаленному гвоздю.

В следующую секунду Кайл кивнул в мою сторону и уже более эмоционально произнес:

— Я видел, на что она способна. Не знаю как, но у нее получается поглощать переизбыток света Нора. Пусть сделает это сейчас!

— Ты не понимаешь, о чем говоришь! — жестко отрезал Шайн. — Нориана убивает не переизбыток собственного света, а поглощенная извне сила! Даже если у девчонки получится перенять

хотя бы небольшую часть, это его не спасет! А ее тело просто не выдержит, и погибнут они оба!

Охватившее меня оцепенение спало, и я, обуреваемая вихрем чувств, вмешалась в разговор:

— Я хочу попробовать! Даже если это кажется невозможным, все равно я должна это сделать!

В настоящий момент меня не интересовало, что случилось. Я не хотела знать, как один из сильнейших фениксов империи оказался в таком состоянии и связано ли это с прозвучавшим недавно взрывом. Не хотела задумываться над тем, почему Кайл так беспокоится за брата, с которым всегда враждовал. Единственное, что меня заботило, — сам Нориан. Его жизнь.

— Это не просто невозможно, это бессмысленно, — ответил мне доктор. — Попытавшись помочь ему, ты умрешь, девочка. И умрешь зря.

— Заткнись! — грубо оборвал его Кайл, взвинченное состояние которого стало очевидным. Приблизившись, он схватил меня за плечи и, несильно встряхнув, проговорил: — Не понимаю, как у тебя получалось делать это раньше, но, если получится сейчас, проси, чего хочешь. Я говорю с тобой от лица всего рода Снэшей. Если сумеешь спасти жизнь моему брату, мы в долгу не останемся.

В направленных на меня глазах вместе с расплавленным золотом плескался страх. И какая-то моя часть, еще способная мыслить отвлеченно от нынешней ситуации, удивилась тому, что Кайл действительно переживает. Даже больше, чем просто переживает. При всех трудностях их взаимоотношений, он действительно не желал брату смерти.

Смерти...

Пресветлый, Нориан не должен умереть! Только не он! Не сейчас! Само слово «смерть» в отношении этого феникса звучит абсурдно, неправильно... так не должно быть!

— Сделаю все, что смогу, — ответила я, не колеблясь ни секунды. И вовсе не из-за прозвучавшего обещания вернуть мне долг.

— Да поймите вы, Нориану не помочь! — вновь вмешался доктор. — Мне, риах возьми, тоже непросто это принять, но факт остается фактом! И я не позволю тебе, Кайл, угробить девчонку, не стану потакать этому безумию!

Кайл переменялся в мгновение ока. Широко расправив плечи, пристально посмотрел на Шайна и взмахнул рукой, с пальцев которой сорвался столп холодного света. Обратившись пылающим на полу кругом, этот свет окружил доктора, не позволяя тому выйти за его пределы.

Что происходило дальше, я уже не видела и не слышала. Забыв и о Кайле, и о докторе, и вообще обо всем, осторожно присела на край кровати. Глаза Нориана оставались открытыми, но он находился в бессознательном состоянии и бредил. Метался на постели, сжимал челюсти и сминал пальцами влажную, испачканную кровью простыню.

Он не просто горел — пылал. Казалось, исходящий от него жар может сжечь дотла все, к чему прикоснется, а кровать оставалась целой лишь благодаря наложенной на нее магии.

— Ее смерть будет на твоей совести! — словно издалека донеслось до меня восклицание Шайна.

И отвечающий ему, полный горькой насмешки голос Кайла:

— На мне и так достаточно грехов. Еще один ничего не изменит.

После этих слов я словно отключилась. Окончательно отстранилась от внешнего мира, погрузившись в пылающее рядом пламя. Погрузилась буквально, без лишних сомнений взяв Нориана за руку. Я думала, что огонь обожжет, но ощутила лишь легкое тепло. Только крепко сжавшие мою руку пальцы причинили боль, но она была такой несущественной, что я не обратила на нее внимания.

«Как же так случилось? — глядя на заходящегося в агонии феникса, мысленно спросила я. — Почему именно с тобой?»

Мысленно обращаться к нему на «ты» не казалось чем-то неправильным и запретным. Скорее наоборот. Сейчас было можно...

Я действовала интуитивно, не пытаюсь ничего анализировать и не позволяя себе сомневаться. Просто отдалась во власть непреодолимого желания помочь тому, кто по каким-то необъяснимым причинам стал мне так дорог.

Когда взяла его вторую руку, меня потянуло к Нориану как магнитом, и я опустила голову ему на грудь. Биение чужого сердца отзывалось в висках и звучало как будто во мне самой — слишком громкое, слишком быстрое и неразумное.

Я хотела, как всегда, вытянуть из Нориана избыток света, но как только начала это делать, поняла, что его переполняет не свет. Что-то чуждое, инородное и очень сильное боролось в нем с его собственной силой и ломало, сжигало, уничтожало изнутри. Пришло понимание, что если так продолжится и дальше, то от него останется одна оболочка, а на месте сплетенного из личностных искр света — лишь пепелище.

На этот раз все было по-другому. Прежде я не осознавала, что делаю, и в такие моменты не думала вообще ни о чем. Но сейчас, в эти пропахшие кровью и горькими лекарствами мгновения я пребывала в ясном сознании. И в следующий момент хлынувшая в меня боль тоже была ясной, заставившей крепко сцепить зубы, чтобы подавить рвущийся из груди крик. Я не знала, как чувствует себя тот, в кого угодило с десятков горящих стрел, но казалось, что та боль сравнима с моей. Что множество тех самых стрел впились в тело, войдя глубоко под кожу. А еще казалось, что через соприкосновение наших с Норианом рук в меня перетекает горячий яд, стремительно распространяющийся по венам.

Боль была физической, метафизической, моральной. Оглушающей и парализующей, выпивающей рваное дыхание. По щекам бежали ручьи слез, перемешивающихся с текущей из носа кровью. Отпустить руки Нориана, оторваться от него я бы не смогла при всем желании... но такого желания и не возникло. Я только крепче сжимала его пальцы, уже не понимая, где нахожусь и сколько времени прошло.

Кажется, в какой-то момент кто-то попытался оттащить меня назад, но безуспешно. И я еще больше погрузилась в пламя, которое было везде — внутри Нориана, внутри меня, вокруг нас. Терзающая его агония передавалась мне, с каждой секундой становясь все сильнее.

Наверное, я все-таки закричала, не слыша собственного голоса и захлебываясь морем слез. Не знаю... не помню...

Я потерялась в избытке ощущений и всепоглощающей боли. В разрывающейся голове не осталось мыслей, кроме одной, бьющейся живым, сгорающим в пламени мотыльком: только бы он жил. Только бы жил...

Это необъяснимое желание было сильнее всего, что мне когда-либо доводилось испытывать. Сильнее меня самой. Сильнее сводящей

с ума боли, и только оно не давало сорваться в пучину огненного безумия.

Мне снился свет. Теплый и золотой. Обволакивающий и множеством лучей проходящий сквозь ставшее очень легким тело. Я словно бы висела в воздухе, окруженная только им одним — вне пространства, вне времени... а напротив находился он. Нориан Снэш. Являясь источником этого света, он медленно исчезал, растворялся в пахнущем небесной свежестью воздухе. И мне отчаянно не хотелось, чтобы это происходило. Не хотелось, чтобы он исчез.

А он смотрел на меня своими нереально яркими золотистыми глазами — смотрел с нежностью и тоской. И растворялся, растворялся, растворялся...

Легионы погибнут однажды
За честь, за долг и бесстрашье,
Но луч солнца тогда же блеснет
На шпиле Северной башни.

Ты знаешь, как это бывает,
Не дивись, что я здесь и сейчас,
И прости мне мое безрассудство,
Ведь знаешь — так любят лишь раз.

Я протянула вперед руки, но пальцы поймали лишь подсвеченный мириадами золотых частиц воздух. Отчаяние достигло пика, как вдруг эти частицы вновь стали собираться воедино, рисуя призрачный золотой мираж. Глаза, губы, развевающиеся на ветру волосы, контуры тела... расправленное за спиной огненное крыло.

— Моя аэллина, — коснулся слуха шелестящий, принесенный ветром шепот.

Мгновение — и я резко полетела куда-то вниз, проваливаясь в затягивающую меня темноту.

Нориан

Жизнь — один из самых ценных даров Пресветлого. Как бы ни было трудно, я всегда ценил его, а чужое желание отказаться от собственной жизни расценивал как трусость и слабость.

Фениксы призваны защищать простых людей — таков наш долг, и это еще одна непреложная истина.

Сейчас же, в эту самую минуту я был готов расстаться со своей жизнью. Повернуть время вспять и умереть еще там — в момент, когда проходил через взорвавшийся купол. И это не было признаком слабости или трусости. Это было желание исполнить долг — защитить людскую жизнь. Одну. *Ее* жизнь.

Потому что это я должен был сейчас лежать на смятых простынях. Меня должна была уничтожить непреднамеренно поглощенная сила. Тот, кто совершил покушение, отлично все просчитал. Он знал о моем изъяне. Имел образец моей крови и даже личностного света — иначе бы не сумел сделать то, что сделал. Сложно сплетенная магия, состоящая из крови, света и самого главного ингредиента — темной материи... Ее создатель, должно быть, гений. Темный гений... ублюдок, по вине которого пострадала ни в чем не повинная девушка.

Риах! Как я могу сосредоточиться на необходимом расследовании и выявлении виновных, если она сейчас при смерти?! Если ее жизнь может оборваться в любой момент и ни я, ни Шайн, ни кто-либо другой ничего не может для нее сделать?

Почему я сейчас стою в этом риаховом врачебном кабинете — здоровый, полный магии и сил, когда она едва дышит в соседней комнате?!

Время близилось к вечеру. За минувший день она так и не очнулась, и при взгляде на нее казалось, что жизни в этом хрупком теле больше нет.

С силой сжал кулаки, ощущая боль в еще не до конца затянувшихся ранах. Боль... разве это боль? Настоящую боль должна была ощущать она, когда вытягивала из меня риахову магическую смесь... Зачем? Почему она это сделала? Почему была готова пожертвовать собой ради меня? Да, я спас ее когда-то от порождения тьмы, но после она вернула тот долг сполна.

— Нор...

Услышав голос Кайла, сжал кулаки так, что побелели костяшки пальцев, а на незаживших царапинах выступила кровь.

— Уйди, — сдерживать себя удавалось с трудом. — Уйди или, клянусь, я тебя убью.

— Убивай, — ровно согласился тот. — Но я уже говорил и повторю снова — она сама хотела тебя спасти. Я ее не заставлял. Надавил, признаю, но если бы она не хотела, то никакие силы не заставили бы ее это сделать.

Я не оборачивался, понимая, что могу сорваться.

— Тебе вообще не следовало ее ко мне приводить. Ты не мог не понимать, чем все закончится.

— Конечно, не мог! — сменив тон, бросил Кайл. — Ты подышал, риах тебя дери! И что я должен был делать, а? Спокойно смотреть, как ты отходишь на тот свет?!

Все-таки обернулся. Глядя на него в упор, задал вопрос, ответ на который мне давно не требовался:

— Разве моя смерть тебя бы расстроила?

Кайл дернулся, как удара. Но уже через несколько мгновений на его лице появилась кривая, словно приклеенная усмешка.

— Больше, чем смерть какой-то девчонки. Пусть даже эта девчонка полна тайн.

И все-таки оборачиваться мне не стоило... Теперь Кайл дернулся от настоящего, прилетевшего ему в челюсть удара. Впечатавшись в стену, он зацепил и едва не снес шкаф, с которого посыпались книги и какие-то реактивы. И я ударил снова, ощущая нестерпимый, разливающийся в груди жар, требующий немедленного выхода. Понимал, что, в сущности, просто вымещаю на Кайле свою бессильную ярость, но удержаться было трудно.

— И это вместо благодарности, — отерев с лица кровь, вновь усмехнулся он.

Наверное, я бы не сдержался снова, не выйди к нам Шайн.

— Норриан! — В его голосе звучали укоризна и усталость, которым уступил место извечный сарказм. — Нужно выяснить отношения — ради Пресветлого, но только не здесь. И не в стенах института, если не хотите, чтобы случившееся этой ночью стало достоянием общественности. Нор, твой брат, между прочим, потратил уйму сил, чтобы все уладить. Весь персонал во главе с директрисой

думают, что ночью случился простой сбой в магии купола, а теперь все в порядке. И распоряжения твоим так называемым работникам, прошляпившим подготовленную ловушку, отдавал тоже он. Поэтому, как видишь, даже Кайл может быть иногда полезным. К слову, что там по поводу девушки?

Последний вопрос адресовался уже не мне.

— Официально все считают, что я забрал ее среди ночи для допроса, — ответил Кайл. — Якобы она видела у барьера что-то подозрительное. А сегодня отсутствовала по причине плохого самочувствия. Шито белыми нитками, конечно. По директриса, как и многие другие, думает, что я просто скрываю наши с ней близкие... кхм... не буду продолжать, иначе снова незаслуженно получу в морду.

Я мысленно сосчитал до пяти.

Сделал паузу, досчитал до десяти и, не глядя на Кайла, вошел в смежную комнату. Больничные палаты находились на других этажах, но переводить туда Иду было нельзя. И она лежала здесь, в находящейся в личном распоряжении Шайна комнате, где минувшей ночью спасла мне жизнь.

Осторожно присев рядом, коснулся холодной как лед руки. Всмотрелся в бледное лицо, с которого словно стерли все краски. С залегшими под глазами глубокими тенями, слегка заострившимися скулами и потрескавшимися губами, она казалась как никогда прекрасной. Для *меня* она была прекрасной. Тот свет, что привлек меня в нашу первую встречу, все еще горел в ней — слабый, но он был... Хотя я провел около нее целый день, только сейчас заметил, что ее волосы стали ярче. Будто все стертые с лица краски перенесли на них, усилив рыжину, которая прежде не была столь явной.

Глядя на нее сейчас, я видел перед собой освещенное светом лицо. Легкий, словно сотканный из искр силуэт, привидевшийся мне в бреду... такая хрупкая, но сильная духом девочка, решившая бросить вызов самой смерти.

— Ты будешь жить, — сжав холодные пальцы чуть крепче, пообещал ей. — Будешь жить... моя аэллина.

Я понял это еще в тот момент, когда, придя в себя, ее увидел. Понял, что эта девушка — единственная, кого бы я хотел так назвать. Она лежала рядом, положив голову мне на грудь, и пальцы наших рук были переплетены так крепко, что казалось, будто никакая сила не

сможет их разнять. Осознание произошедшего было мучительно болезненным из-за чувства вины, но оно пробудило во мне то, что казалось давно угасшим. Прилив совершенно мне несвойственной и позабытой за долгие годы нежности. Потребность защитить, уберечь от всех невзгод. И желание сделать ее счастливой — со мной или без меня.

Сирота, рожденная в низших кварталах и выросшая в простой семье, стала избранницей на церемонии. Поступила на факультет ниллэ. В нашем мире это большее, на что девушка ее положения могла рассчитывать... К риаху мир с такими устоями!

Доля ниллэ не для нее. Только не для этой девочки, душа которой теплая, как напитанный солнцем гречишный мед. Но она хочет учиться, хочет чего-то достичь, и у нее просто не было иного выбора.

Что ж. Если... вернее, *когда* она очнется, я позабочусь о том, чтобы этот выбор у нее появился.

ГЛАВА 23

Из комнаты я вышел с четким осознанием того, что нужно делать. Служба в Приграничье научила подавлять чувства, мешающие мыслить с рациональной холодностью. Запирать их на ключ, игнорировать, и сейчас требовалось именно это.

— Подготовь все необходимое для транспортировки, — оказавшись в кабинете, велел Шайну. — Я перенесу Иду к себе домой.

И, прежде чем он успел ответить, переместился в жилой корпус факультета ниллэ. Сидящие в гостиной студентки, увидев меня, вскочили со своих мест и изобразили реверанс. На их лицах отчетливо читался вопрос, что я здесь делаю и почему фениксы в последние сутки появляются в этом корпусе так часто.

— Где комната Иниды Трэйндж? — спросил, обращаясь одновременно ко всем.

С ответом они не спешили. Прятали глаза, кусали губы, отмалчивались в явной надежде, что ответит кто-то другой.

— Мне повторить вопрос? — позволил тени раздражения отразиться в голосе.

Они отмерли, как по команде. Одна из студенток, имени которой я не помнил, негромко проговорила:

— В конце коридора... я могу проводить.

Кивнул, принимая несмелое предложение, и, дождавшись, пока девушка подойдет к выходу из гостиной, двинулся следом.

Неизвестно, сколько времени пройдет, прежде чем Ида очнется, и как долго продлится ее восстановление. Можно было попросить дворецкого или какую-нибудь однокурсницу собрать ее вещи, но, учитывая всеобщее к ней отношение, делать этого я не хотел. Самому вторгаться в ее комнату тоже казалось не слишком красивым, но это было необходимо. Шайн предложил попробовать один новаторский метод лечения, основанный на сложной магии. Он использовал его для экстренного восстановления фениксов, которые, исчерпав силы, впадали в беспамятство. Суть заключалась в том, что брался личный, важный для пациента предмет, которым могло быть что угодно. С помощью особого заклинания с этого предмета считывалась аура,

часть которой затем добавлялась в лекарственный эликсир. Предмет в данном случае выступал как якорь, связывающий владельца с нашим миром, а эликсир восстанавливал физические силы. В большинстве случаев этот метод срабатывал... правда, в таких тяжелых случаях, как у Иды, прежде не применялся.

Решение перенести Иду к себе домой не вызывало сомнений. Оставлять ее во врачебном кабинете было рискованно. Тот, кто был причастен к совершенному на меня покушению, находился где-то поблизости и, возможно, знал о некоторых особенностях Иды. Выставить охрану и усиленную магическую защиту во врачебном крыле, не привлекая тем самым внимания, тоже было невозможно. К тому же сейчас не следовало доверять никому. Вообще. Без исключений. И единственное место, где Ида могла находиться в полнейшей безопасности, — мой личный небесный остров, надежно защищенный от всякого рода вторжений.

Пока мы шли по жилому коридору, я все-таки вспомнил имя сопровождающей меня студентки. Лайра Хоара. Посредственный уровень искр, посредственные знания — неудивительно, что ее имя легко выветрилось из памяти. Единственное, благодаря чему его все-таки удалось вспомнить, — это постоянное общение Лайры с небезызвестной Эмбер Шайдар.

Когда мы, дойдя до конца коридора, остановились у расположенной около лестницы двери, подумалось, что это неудачная шутка. За такими дверьми в институте обычно располагались кладовые, а никак не жилые комнаты.

— Хотите сказать, что Инида Трэйндж живет здесь? — спросил я, хотя подсознательно уже знал ответ.

Не успела девушка подтвердить мои предположения, как рядом появился дворецкий, который, склонив голову, произнес:

— Мое почтение, лорд Снэш. Могу ли я быть вам чем-нибудь полезен?

От вида его заискивающей полуулыбки внутри снова всколыхнулась злость.

— Можете, — ответил тем не менее ровно. — Мне необходимо войти в комнату Иниды Трэйндж. Я так понимаю, данная комната находится за этой дверью?

Наблюдать, как заискивающее выражение лица дворецкого сменяется на испуганное, было противно и смешно. Картина в голове сложилась предельно ясная, и его реакция сполна подтвердила ее правдивость.

— Да, — с небольшой заминкой произнес дворецкий. — Но, боюсь, без мисс Трэйндж внутрь не попасть...

Только после его слов, обратив внимание на дверь, я заметил покрывающий ее защитный полог. Сильный, сотворенный с использованием заклинания высокого порядка — на короткий миг даже почувствовал гордость за Иду, сумевшую его создать. Но на смену ему быстро пришла усилившаяся злость от понимания того, зачем ей вообще потребовалась такая защита.

Осторожно приподняв полог точно невидимую вуаль, взялся за дверную ручку. Но, прежде чем войти, поинтересовался:

— Разве в жилом крыле недостаточно свободных комнат?

Дворецкий побледнел и проблеял нечто невнятное о недостатке мест, но слушать эти бредни я не стал.

— Вы уже сполна продемонстрировали свою предвзятость, некомпетентность и ограниченность ума. — Голос прозвучал резко, хотя я старался держать себя в руках. — Ваше увольнение — вопрос пары часов, поэтому советую собирать вещи уже сейчас.

Войдя в комнату, захлопнул за собой дверь, не в состоянии больше терпеть окружающее, буквально пропитавшее воздух лицемерие.

Я сказал — комнату? Нет, это была не комната. Скорее каморка или чулан, куда зачем-то поставили старую кровать и покосившийся письменный стол. Казармы служащих в Приграничье — и то краше. Пресветлый... как она жила здесь все это время?

Присмотревшись внимательнее, отметил, что, несмотря на условия, Ида все-таки сумела создать здесь своеобразный уют. В этой комнатухе царили идеальный порядок и чистота. Кровать была застелена ажурным покрывалом явно ручной работы, а стоящая в углу швейная машинка непрозрачно намекала на то, кто его сшил. Многочисленные библиотечные книги выстроились в стройные стопки на столе, на спинке заменяющего вешалку стула — аккуратно расправленная форма для боевой магии.

А еще здесь присутствовал свежий, чуть сладковатый запах. Ее запах. Так пахнут полевые цветы после недавно прошедшего дождя;

так пахнет напоенный весенним солнцем воздух, когда после морозов приходит долгожданное тепло. Земляника и мед.

Остановившись в центре комнаты, непроизвольно замер осматриваясь. Рыться в чужих вещах не собирался, но взять какую-то одну вещь было необходимо. Взгляд скользнул по щетке для волос, канцелярским принадлежностям, швейной машинке... последняя для Иды определенно была дорога, но не тащить же с собой ее?

Личных вещей у Иды имелось крайне мало. Кусочек мыла, заколка, несколько лент для волос, небольшое круглое зеркальце, потрепанная, смутно знакомая тетрадь...

Тетрадь? Да. Та самая, куда она записывала свои стихи. Похоже, я нашел, что искал.

Когда взял ее в руки, на несколько коротких мгновений пальцам неожиданно стало горячо. Ощущение было скорее неожиданным, чем неприятным, и заставило выронить тетрадь. Упав на пол, она раскрылась примерно посередине, обнажая исписанные неровным почерком страницы. Я не собирался читать стихи — это было бы по меньшей мере подло. Они были чем-то слишком личным и сокровенным; отражением той части души, в которую нельзя входить без приглашения.

Но когда поднимал тетрадь, взгляд помимо воли зацепился за последние строки внизу страницы:

Пусть облетят листы календарей,
Настанет день — пройдет и это,
Но ты, мой самый главный человек,
На сердце будешь до скончанья века.

Строчки были выведены неровно, как если бы их очень торопились записать. Так бывает, когда мысль опережает скорость движения руки и ты боишься, что она ускользнет.

Простые слова, складывающиеся в такое же простое четверостишие. Но они задели что-то глубоко внутри меня, отозвались в прилившей к вискам крови. Интересно, кому эти строки посвящались?

Сбросив мимолетное наваждение, еще раз окинул комнату беглым взглядом и перенесся во врачебное крыло.

— Ты же понимаешь, что я не могу дать никаких гарантий? — встретил меня вопросом Шайн. — Неизвестно, как переход скажется на ее состоянии.

В кабинете остро пахло табаком. Обычно Шайн курил на улице, и повисший в воздухе дым показывал, насколько он нервничает.

— Я не смогу быть спокойным, оставив Иду в институте, — ответил, протянув ему тетрадь. — Это для эликсира подойдет?

Быстро, но внимательно ее осмотрев, Шайн кивнул и в свою очередь передал мне исписанный лист вместе с набитой лекарствами сумкой.

— Я буду навещать ее два раза в день. Здесь подробные инструкции насчет того, что и как нужно делать в мое отсутствие. И, Нор... — последовала короткая пауза. — Я правда не могу дать никаких гарантий, что после перехода через свет ей не станет хуже.

— Но если она останется здесь, никаких гарантий тоже нет. Ведь так?

— Я бы сказал, — не отводя взгляда, произнес Шайн, — что она в любом случае не переживет грядущую ночь и мои инструкции тебе не понадобятся. Как бы нам всем ни хотелось обратного.

Не став спорить и в очередной раз подавив поднимающиеся из глубин души эмоции, я вошел в смежную комнату. Ида лежала в той же позе, что и до моего ухода. Бледное, сливающееся с тоном простыней лицо оставалось все таким же бесстрастным, окутанным легкой вуалью умиротворения. Если бы не усилившиеся тени под глазами, можно было бы подумать, что она просто спит.

Посмотрел на нее несколько долгих секунд, после чего осторожно взял на руки. Каскад спутанных волос загорелся под лучами заглянувшего в окно закатного солнца. Но ни солнце, ни даже мое яркое сияние не заставили сомкнутые веки дрогнуть.

Запечатлев на холодном лбу короткий поцелуй, — как испокон веков делали фениксы, желая поделиться с кем-то благословением Пресветлого, — прижал Иду к себе и решительно шагнул в открывшийся световой проход.

Ида

Я никогда не была в пустыне и могла только догадываться, как чувствует себя затерявшийся в ней человек. Но сейчас ощущала себя именно таким человеком, много дней находящимся под неумолимым палящим солнцем, страдающим от жажды и нестерпимой сухости во рту и даже глазах. Под веки словно насыпали колючего песка, малейшая попытка пошевелиться причиняла нестерпимую боль во всем теле.

С трудом приоткрыв глаза, увидела перед собой лишь абсолютную черноту.

«Пресветлый, я что, ослепла?!» — промелькнула в гудящей голове ужасающая мысль.

Сознание было сонным и ватным, застланным пеленой путающего мысли тумана. Свясно думать не получалось, и я совершенно не представляла, что происходит и где я нахожусь.

Хотелось позвать кого-нибудь, но я не могла говорить. Горло словно оцарапали жесткой наждачной бумагой, и оно болело как при ангине. Кажется, в последний раз мне было настолько плохо во время серьезной болезни в детстве...

Следующая пробившаяся сквозь плотный туман мысль привела меня в еще больший ужас. Я вспомнила о лорде Снэше. Вспомнила, как он находился на грани жизни и смерти, которую я так старалась не позволить ему перешагнуть.

Переживания о самой себе тут же ушли, оставив единственный волнующий вопрос: он жив? Жив ведь, да?

Облизав пересохшие и, судя по ощущениям, потрескавшиеся губы, я позвала:

— Эй...

Собственный голос показался чужим. Хриплый, севший и тихий, он мог принадлежать древней старухе, разменявшей не один десяток лет.

— Есть здесь кто-нибудь? — Язык ворочался с трудом и казался очень горячим. Я даже ненароком его прикусила, тут же ощутив во рту неприятный металлический привкус.

Где-то неподалеку раздались размеренные шаги, за которыми последовал звук открывшейся двери. Кто-то вошел в комнату... где бы

эта комната ни находилась, и, кажется, приблизился к кровати... или на чем я там лежала?

— Вы очнулись, — произнес лишенный эмоций мужской голос.

Он показался мне смутно знакомым, но попытка напрячься и вспомнить, где его слышала, принесла новую вспышку головной боли.

Я выбирала — спросить, где нахожусь или с кем говорю, когда неизвестный сам разрешил мои сомнения:

— Меня зовут Росс. Я — слуга лорда Нориана Снэша, в доме которого вы сейчас находитесь.

— Он жив? — Как только осознала смысл сказанного, задала я самый главный вопрос.

— Лорд жив и пребывает в добром здравии, — последовал незамедлительный ответ.

Я испытала такое колоссальное облегчение, что к и без того раздраженным глазам подступили горячие слезы. Жив... Значит, у меня все-таки получилось. Значит, все было не зря.

Теперь, когда этот момент прояснился, я вернулась к другому волнующему меня вопросу. Задавать его было страшно, но не спросить я не могла:

— Скажите... а сейчас — ночь?

Спросила и напряглась, боясь услышать отрицательный ответ.

Прошло всего несколько коротких секунд, прежде чем Росс ответил, но по ощущениям минула целая вечность.

— Нет.

Сердце оборвалось и ухнуло куда-то вниз. Во рту стало еще суше, горло сдавил спазм. Я закашлялась. Поблизости тут же раздался плеск, и спустя мгновение моих губ коснулось прохладное стекло. Росс придерживал мою голову, а я пила и пила, глотая воду вместе со слезами от боли, как физической, так и моральной.

Когда я, утолив жажду и шумно дыша, пыталась успокоиться, слуга все тем же лишенным эмоций тоном произнес:

— Вам тяжело говорить, поэтому молчите и слушайте. Вы пробыли без сознания трое суток. Доктор Шайн не давал и процента на то, что вы придете в себя. Но, поскольку никогда нельзя исключить вероятность чуда, все эти дни он наблюдал за вами и проводил необходимые для восстановления процедуры. Накануне вечером дал специально приготовленный для вас эликсир, который, по его словам,

являлся вашим последним шансом. Лорд Снэш проводит у вашей постели все свободное время. Этой ночью у вас был сильный жар, который удалось сбить только к утру. Полагаю, это было действие эликсира, который все-таки привел к положительному результату. Доктор предупреждал, что в случае того самого чуда могут быть самые разные последствия. Вы не видите, как я понимаю?

Меня хватило только на слабый кивок.

— Лорд вместе с доктором Шайном прибудут примерно через два часа, — добавил Росс. — Мне уйти или остаться с вами?

— Остаться, — сдавленно проговорила я.

Подумалось, что, оказись я сейчас в одиночестве среди абсолютной черноты, попросту сойду с ума.

Росс разговорчивостью не отличался, но его присутствие все равно приободряло.

Поразительно, как обостряются остальные органы чувств, когда лишаешься какого-то одного. Я слышала шум ветра за окном и легкий шелест занавесок, чувствовала свежий, прилетающий с вершин гор аромат, к которому примешивался горьковатый запах напитавших комнату лекарств.

Спустя некоторое время мне удалось более-менее успокоиться и взять себя в руки. Нужно просто не думать о том, что будет, если зрение ко мне не вернется. Не думать, и все. Не стоит впадать в отчаяние раньше времени, пока еще ничего не известно наверняка.

Но даже если допустить мысль, что моя слепота — навсегда, о сделанном я не жалела. В конце концов, что такое потеря зрения против потери целой жизни? К тому же жизнь Нориана Снэша гораздо важнее моей. Скольких людей он уже спас, следуя своему долгу, и скольких еще может спасти. А я... Что я? Я всего лишь незначительная капля в огромном океане нашего мира.

Мне хотелось узнать о том, что случилось той ночью, когда прогремел взрыв и Нориан оказался при смерти. Но я решила, что спрошу об этом у него самого. А еще решила, что сразу же, как он придет, расскажу ему об Алексее... Пресветлый, только бы не было слишком поздно! Только бы за минувшие дни больше не случилось ничего страшного и никто не пострадал!

Я спрашивала у Росса, сколько сейчас времени, слишком часто, но он не раздражался и со свойственной ему бесстрастностью мне

отвечал. Именно сейчас, находясь среди крошечной темноты, я впервые возненавидела время, которое тянулось как никогда медленно. Хуже всего было то, что я не могла сама посмотреть на часы. Не могла дотянуться, чтобы попить воды. Не могла поправить подушку — попытавшись это сделать, ударилась кистью об изголовье кровати. Даже сесть на кровати мне помог Росс — у меня просто не хватило сил самостоятельно приподняться. Все это заставляло чувствовать себя абсолютно беспомощной, но больше плакать я себе не позволяла. Понимала, что если сейчас раскисну, то ненавидеть буду уже не время, а саму себя.

Единственное, что меня радовало, — это невозможность увидеть свое отражение в зеркале. Если мой внешний облик отражал внутреннее состояние, то выглядела я сейчас устрашающе. По большому счету мне было все равно, но...

Да, всегда имеется это «но», задумываться над которым совершенно не хочется.

Я узнала о приходе лорда Снэша не по раздавшимся в коридоре шагам, не по поднявшемуся с места Россу и даже не по скрипнувшей двери. Его приход я *почувствовала* на каком-то другом, нематериальном уровне. И вздрогнула, когда в сплошной черноте внезапно увидела пятно света... силуэт! Пресветлый, я увидела яркий человеческий силуэт!

— Мой лорд, — произнес Росс, вслед за чем повисла тишина.

Мне, с моим ощущением времени, она казалась бесконечной.

— Лорд Снэш? — не выдержав, хрипло нарушила ее я.

Светящийся силуэт застыл прямо напротив, всего в нескольких шагах от меня. Но после того, как я позвала, внезапно двинулся по направлению ко мне, и, не успела я опомниться, как оказалась в кольце теплых сильных рук. Это было так неожиданно и ошеломляюще, что мои незрячие глаза широко распахнулись, а с губ сорвался изумленный вздох.

— Инида... — пощекотало ухо горячее дыхание, и меня обняли еще крепче.

Даже если бы я осмелилась поддаться порыву и обнять его в ответ, у меня все равно не хватило бы сил. Поэтому мне оставалось только, замерев, затаенно наслаждаться этим невероятным по своей сути моментом. Меня обнимает феникс...

— Словами не передать, как я рад, — выдохнул он.

— Я тоже р-рада, — с трудом заставляя язык ворочаться, ответила я, — что с вами все хорошо...

Удерживающие меня руки напряглись, а мгновением позже их кольцо разомкнулось. Я не сводила глаз со светлого пятна, цепляясь за него взглядом, как за единственное спасение среди густой черноты. Показалось, что внезапно пятно этого света стало чуть более тусклым.

— Оставь нас, — попросил лорд Снэш, вероятно обращаясь к Россу.

Когда за тем закрылась дверь, светящийся силуэт склонился ко мне, и возникло ощущение, что он пристально всматривается в мое лицо. Я не видела его глаз, но отчетливо представляла, как в них, всегда таких пронизательных и внимательных, играют отблески расплавленного золота.

— Вы не видите, — это был не вопрос, а констатация очевидного факта.

Силуэт потускнел еще больше, и во второй раз за последние несколько минут повисла тишина. Впрочем, сейчас она не продлилась долго, и нарушил ее лорд Снэш:

— У Шайна срочный вызов, поэтому он должен навестить вас позже обычного. Но я перенесу его сюда прямо сейчас. Только перед этим скажите, как вы себя чувствуете? Боль, слабость, тошнота? Еще какие-то серьезные симптомы помимо... потери зрения?

Последнюю фразу он буквально выдавил.

— Слабость, — честно ответила я. — Болит... все. Но это не страшно, я потерплю... Только вот зрение, конечно...

К горлу снова подступил комок.

Риах! Ну почему мне так трудно сдерживаться? Почему я такая слабая?

— Пресветлый, Инида. — Голос лорда Снэша прозвучал сдавленно, и показалось, что в нем отражается вся боль мира. — Как мне жаль... Если бы ты только знала, как я ненавижу себя за то, что из-за меня ты так пострадала. Я не буду говорить слова благодарности, потому что их все равно не хватит. Но ты поправишься, Ида. Обязательно поправишься. И будешь видеть. Обещаю.

Мне захотелось заплакать еще больше. Просто он говорил так искренне и с такой неподдельной глубокой болью, что внутри все

переворачивалось. Я могла представить, что он сейчас чувствует, потому что на его месте испытывала бы то же самое.

— Пожалуйста, не вините себя ни в чем. — Мне все-таки удалось сдержаться. — Это был мой выбор. Я сама так решила. Доктор предупреждал, что все может кончиться плохо, но я ведь выжила. А зрение, даже если оно не вернется...

Силуэт стремительно приблизился, обволакивая меня своим светом, и теплая ладонь накрыла мою руку.

— Вернется, — с убежденностью и твердой решимостью заверил лорд Снэш. — Даже думать об обратном не смей. Ты снова будешь видеть, Ида. И все будет по-другому.

Только сейчас я заметила, что он говорит мне «ты». И обращается по имени. По *сокращенной* форме имени — но не с чувством превосходства над той, кто ниже по происхождению, а как к равной себе.

«Все будет по-другому», — эхом прозвучало в моей голове, вторя ускоренному биению сердца.

Интересно, что он имел в виду?

— Росс! — позвал лорд Снэш, после чего тот незамедлительно вошел в комнату, словно все это время ждал под дверью. — Я отлучусь за доктором. Не отходи от Иниды ни на шаг. Выполняй любые ее распоряжения. Все ясно?

— Да, мой лорд.

— Я скоро вернусь, — обратился он уже ко мне, несильно сжав мои пальцы.

Он уже поднялся с кровати, когда я, окликнув, его остановила. Возможно, следовало отложить этот разговор, дождаться осмотра доктора и того момента, когда говорить будет не так больно, но ждать я не хотела.

— Пожалуйста, задержитесь на несколько минут, — попросила я, игнорируя боль и першение в горле. — Мне нужно вам кое-что сказать...

И я рассказала об Алексее. Кратко, сухо, без эмоций — о том, как видела ее приступ сомнамбулизма, и о том, что ее не было в жилом корпусе ночью, когда прогремел взрыв.

— Не беспокойся об этом, Ида, — спустя короткую паузу после того, как я закончила, произнес лорд Снэш. — Тебе нужно думать

только о своем выздоровлении, об остальном позабочусь я.

Это была немного не та реакция, которой я ожидала. Впрочем, Нориан Снэш всегда умел держать себя в руках.

Он ушел, а я так и не успела спросить, что за эти три дня произошло в институте. Хотя, случись там что-то плохое, вряд ли бы он стал мне об этом говорить, не желая лишний раз волновать.

Когда он совершал переход, я видела очень яркое золотистое свечение. А еще мне вдруг показалось, что сгустившийся за спиной лорда Снэша свет имеет четкое очертание... Очертание крыла.

ГЛАВА 24

— Поверить не могу! — в который раз повторил доктор. — Нор, ты понимаешь, что это настоящее чудо?

Я уже сбилась со счета, сколько раз за последние несколько часов услышала слово «чудо». Шайн провел доскональный осмотр, напичкал меня всевозможными лекарствами, светил в глаза магическими огоньками — это по его словам, так как я не видела ни намека на свет, — и составил новый перечень рекомендаций, необходимых для моего скорейшего восстановления. Словом, изучил во мне все, что только можно, помимо личностных искр. Касаться их пока было небезопасно, следовало дождаться момента, когда я окончательно пойду на поправку.

— Я никогда не вру своим пациентам, — произнес доктор после осмотра. — Всегда считал и считаю, что бессмысленно скрывать правду, щадя их нежные чувства. Поступлю так и сейчас. Шансы на то, что зрение к вам вернется, мисс Трэйндж, крайне невелики.

— Шайн... — В голосе лорда Снэша прозвучало предостережение.

— Но, — ровно продолжил тот, — учитывая вашу уникальность во многих аспектах, полагаю, что даже этих шансов может оказаться достаточно. Во всяком случае после того, как вам удалось выкарабкаться с того света, возвращение зрения не кажется таким уж невозможным.

Пока лорд Снэш переносил доктора в обратно институт, Росс принес мне только что приготовленный куриный суп. Аппетита у меня не было никакого, но угрозой накормить меня с ложечки я прониклась и начала через силу есть самостоятельно. Поначалу это давалось тяжело, мне было трудно даже набрать еду и тем более ее проглотить, но постепенно я приноровилась, и у меня стало получаться. К счастью, тонизирующие средства, которыми меня напичкал доктор Шайн, сработали быстро, и я уже не чувствовала себя обессиленной от одного незначительного движения.

Поправиться мне хотелось больше, чем не хотелось есть, поэтому помимо супа я заставила себя съесть яблочное пюре и выпить горячий

отвар. Все это заняло немало времени, а лорд Снэш все не возвращался. Я понимала, что у него могли возникнуть какие-то неотложные дела, но на душе все равно было беспокойно. С тех пор как он перенес сюда доктора, я больше не слышала ни свиста ветра, ни каких-либо других доносящихся с улицы звуков. Должно быть, он сделал защитный барьер непроницаемым. Зачем? Чтобы, в случае чего, я оставалась в неведении? Это отнюдь не успокаивало.

Я пыталась расспросить Росса о нынешнем положении дел в Дрейдере, но он отмалчивался. Кажется, камень разговорить было проще, чем этого непрошибаемого рейанца.

Волнение еще долго не давало мне заснуть, но усталость в конце концов взяла свое, и я провалилась в легкую дремоту, уже вскоре обернувшуюся глубоким сном.

Проснувшись, я, как и накануне, не сразу поняла, где нахожусь. В сонном сознании промелькнула неясная мысль, что я сплю в своей камерке у лестницы, а на дворе стоит глубокая ночь. Это уже позже, спустя мучительно долгое в моем восприятии время, ко мне пришли воспоминания.

Стало страшно. Страшно оттого, что я не знала, который час. Не знала, находится ли в комнате кто-то еще. Не знала, сколько времени я проспала.

Умом понимала, что бояться нечего, но стоящая перед глазами чернота пугала, вызывала готовую захлестнуть меня панику, и бороться с этим было нелегко. Стараясь делать глубокие вдохи и следить за дыханием, я снова закрыла глаза. Так было проще успокоиться и поверить, что я вижу черноту лишь потому, что смежила веки.

Какая все-таки ирония... Люди так боятся тьмы, прячутся от нее, бегут, не выходят на улицы по ночам, только бы не столкнуться с ее порождениями. А она всегда рядом — неотступно, неуловимо. Чтобы встретиться с ней лицом к лицу, достаточно лишь закрыть глаза. Чтобы подпустить ее совсем близко, нужно лишь ослепнуть...

Вскоре мне удалось вновь заснуть, а когда я проснулась в следующий раз, увидела рядом знакомый светящийся силуэт.

— Лорд Снэш! — тут же вырвалось само.

— Доброе утро, Ида, — судя по голосу, он улыбался. — Могу я попросить тебя называть меня по имени?

Не находясь я в горизонтальном положении, упала бы.

— Вас? По имени? — со смесью недоверия и неуверенности переспросила я.

— Меня зовут Нориан, — явно с той же улыбкой напомнил он и, не дав мне ответить, спросил: — Как ты себя чувствуешь?

Прислушавшись к себе, я обнаружила, что мне стало намного лучше. Со зрением прогресса не было, но зато ушли ломота и боль во всем теле, а горло перестало першить.

— Спасибо, гораздо лучше. — Я невольно ответила на его улыбку. — Сейчас утро?

— Одиннадцать часов утра, — подтвердил он.

— Разве... — Я замялась. — Разве вам не нужно проводить занятия в институте?

На этот раз Нориан помедлил, прежде чем ответить.

— Сегодня занятия отменены, — наконец произнес он.

Нехорошее предчувствие, охватившее меня минувшим вечером, окрепло и переросло в подозрение.

— Что-то произошло, да? Вы поэтому вчера задержались?

Как и предполагалось, рассказывать об этом Нориан не хотел. Но, видимо рассудив, что если я не буду знать наверняка, то напридумываю себе еще больших ужасов, сообщил:

— Прорыв. Теперь они происходят практически каждую ночь. Вчера один из самых серьезных произошел прямо возле института.

Мое сердце упало.

— Это может быть связано с Алексой? — взволнованно спросила я. — Она может как-то ослаблять барьер или притягивать тьму?

Нориан вздохнул.

— На барьер действительно воздействуют изнутри, пытаюсь его ослабить уже не в первый раз. Но дело не в Алексе. Она ни при чем.

— Но как же...

— Она действительно страдает сомнамбулизмом, — ответил он на мой недосказанный вопрос. — Мне об этом известно давно, как и леди Лейдаль. Ее отец генерал Найрес подавил крупнейшее восстание, среди участников которого были те, кто впустил в себя тьму. Это не прошло для него бесследно. Тьма всегда пытается отомстить, и в тот

раз она оставила свой след на его дочери. Алекса родилась светловолосой и голубоглазой, как ее отец. Но в один день ее волосы и глаза потемнели, тогда же начались первые приступы. Она принимает лекарства, но их действия не всегда хватает. Поэтому, несмотря на высокое количество личностных искр и происхождение, ее и не приняли на факультет аэллин.

Я была ошарашена.

Даже представить такого не могла! Хотя это действительно многое объясняло — прежде я не раз задавалась вопросом, почему Алекса поступила всего лишь на факультет ниллэ. Не из-за цвета волос же, в самом деле...

Но вместе с тем я испытала изрядную долю облегчения оттого, что она ни в чем не виновата. Скорее уж виновата была я, поскольку позволила себе думать о ней плохо.

— Но если это не Алекса, — спустя недолгую паузу медленно произнесла я, — тогда кто ослабляет барьер?

— Понятия не имею, — честно признал Нориан. — Но, кто бы это ни был, он успешно пользуется болезнью Алексы, чтобы отвлекать от себя внимание. Этот человек должен обладать огромной силой воли и разбираться в высокой магии, чтобы призывать тьму в самом защищенном месте в империи, оставаясь при этом непойманным.

Немного помолчав, он резко сменил тему:

— Не хочешь попробовать встать?

Я хотела. Даже не просто встать, а дойти до ванной и привести себя в порядок... хотя вряд ли у меня бы это получилось, учитывая слепоту. Доктор сказал, что на время моего бессознательного состояния замедлил все процессы в моем организме. Еще вчера эта «заморозка» начала ослабевать, а сейчас все окончательно пришло в норму. Я чувствовала ужасную неловкость и не представляла, как об этом сказать. Да я сгорю со стыда, если попрошу лорда отвести меня в уборную!

— Позволь, я кое с кем тебя познакомлю, — произнес тем временем Нориан, после чего, вложив мне в руку какой-то металлический предмет, попросил: — Позвони в этот колокольчик.

Буквально через несколько секунд после того, как я выполнила требуемое, в комнату кто-то вошел. Могла бы поклясться, что не Росс — его присутствие я уже научилась распознавать.

— Это Дайла, — представил неизвестную Нориан. — Твоя личная помощница. Росс бывает занят обязанностями по дому, поэтому рядом с тобой всегда будет находиться она.

— Приятно познакомиться, леди, — учтиво произнесла женщина.

Мне с трудом удалось сдержать громкий вздох облегчения. Я почти не удивилась тому, насколько предупредительным и тактичным оказался Нориан. Другого от него вряд ли можно было ожидать.

Несмотря на приход Дайлы, встать мне помог он сам. Подав руку, осторожно придерживал за талию, пока я неуверенно садилась на кровати и опускала ноги на пол. Едва поднявшись, я тут же пошатнулась и точно упала бы, если бы не Нориан.

Находиться столь близко к нему, особенно остро из-за слепоты чувствовать каждое его прикосновение было так странно и вместе с тем волнующе. Даже удивительно, что, пребывая в таком плачевном состоянии, я еще обращала внимание на подобные вещи.

Нориан довел меня до двери ванной комнаты, где буквально передал в руки Дайлы. Когда он нас оставил, та тут же захлопотала вокруг меня, действуя с поразительной ловкостью и проворством. Я не знала, как она выглядит на самом деле, но представляла ее слегка полноватой женщиной средних лет — какой-то по-домашнему уютной, простой, но не глупой.

Ее обращение «леди» резало слух, и когда я попросила звать меня Идой, она легко согласилась. Помогла снять то, что было на мне надето, — ночная рубашка, кажется, — и забраться в ванну.

Весь следующий час я провела, нежась в горячей, источающей аромат эфирных масел воде. Сперва я испытывала некоторое смущение, но уже вскоре оно исчезло благодаря Дайле, которая занимала меня непринужденной беседой. Она много смеялась, и ее смех был таким же приятным и уютным, как голос. Как и она сама в моем представлении.

— У вас такие красивые волосы! — восхищалась она, когда мыла мне голову. — Шелковистые и такого чудесного цвета!

— Большинство находит этот цвет слишком темным, — с улыбкой заметила я.

— Какой же он темный? — удивилась Дайла. — Русый, а на свету — рыжий, как заходящее солнце!

Конечно, легкая рыжинка в моих волосах присутствовала всегда, но явной и бросающейся в глаза не была. Акцентировать на этом внимания я не стала, подумав, что Дайла просто преувеличивает из желания меня отвлечь и приободрить.

После ванны я надела сорочку и халат, ткань которых на ощупь напоминала шелк. Обулась в предложенные мне мягкие тапочки и, пока Дайла сушила мне волосы с помощью дорогостоящего артефакта, чувствовала себя человеком. Приятное ощущение чистоты пересилило неловкость, возникшую из-за того, что я надела не свои вещи. Умом понимала, что, учитывая ситуацию, в этом нет ничего такого — просто необходимость, не более. Нориан благодарен мне за свое спасение, и покупка одежды для него — не заслуживающий внимания пустяк. Но определенную дозу дискомфорта из-за этого все равно испытывала.

Через некоторое время после того, как я вышла из ванной, в комнату вернулся Нориан. Отпустив Дайлу, он хотел помочь мне прилечь на кровать, но я неожиданно для самой себя попросила о другом:

— Мы не могли бы выйти на балкон?

Воздух на улице был прохладным и свежим, но не холодным благодаря окружающей небесный остров магии. Напоенный ароматами, доносящимися со стороны гор, он охотно наполнил легкие, заставляя дышать ровно и глубоко.

— Сколько сейчас времени? — спросила я, ощущая под пальцами чуть шершавые деревянные перила.

— Почти вечер, — отозвался Нориан. — Солнце скоро будет садиться.

— А вы не могли бы... — Я чуть помедлила, сомневаясь, не прозвучит ли моя просьба слишком странно. — Не могли бы описать то, что сейчас видите?

Если Нориан и удивился, то ничем этого не выдал. Усадив меня на стоящий на балконе стул, укрыл взявшимся откуда-то одеялом и с отчетливо улавливаемой в голосе улыбкой произнес:

— Солнце находится впереди нас, на западе, но прячется за пышными облаками. Подступающий вечер смешивает на небесной палитре все оттенки золотого и алого. Вдалеке виднеется неспешно плывущий небесный остров, принадлежащий дому Кангов. На нем — резиденция, чьи куполообразные крыши горят под солнечными

лучами, а кроны кленов кажутся особенно яркими мазками, наложенными на холст. Справа от нас, на севере, простираются горы Нордред — самые высокие во всем Артогане. Их не видно, но иногда северный ветер Айхал зачерпывает на их верхушках пригоршни снега и приносит сюда. Рассыпает, и тот, подсвеченный солнцем, кажется мерцающей волшебной пылью.

— Спасибо, — на выдохе поблагодарила я, живо представив все, что он описал.

— А еще я вижу красивую девушку, — с той же улыбкой в голосе продолжил Нориан. — Солнечные лучи мягко касаются ее лица и путаются в распущенных рыжих волосах. У нее глаза цвета темного янтаря и задумчивый, устремленный вдаль взгляд. Она добрая, самоотверженная и храбрая, как героиня древних сказаний. Целеустремленная и упрямая. Временами кажется, что эта девушка не из нашего мира. Что она — посланница самого Пресветлого. Хранительница одного не заслуживающего такого дара феникса...

Я даже не заметила, как перестала дышать. Подскочив, сердце билось где-то в районе горла, а все внутри замерло, скрутилось тугим узлом.

Я правда все это слышу? Или вместе со зрением повредился и мой слух?

Стоило пройти через всю ту боль и лишиться зрения, только чтобы прожить этот момент... услышать эти слова, сказанные *им*.

«Он просто благодарен тебе за спасение, Ида! — мысленно напомнила я себе. — Не придумывай то, чего нет, и не теряй голову!»

Внезапно и этот удивительный момент, и наше уединение нарушил голос Росса:

— Простите, что прерываю, мой лорд. Пожаловал ваш младший брат. Проводить его в гостиную или вон?

Судя по интонации, слуга предпочел бы второе.

— В гостиную, — несколькими секундами позже разочаровал его Нориан. — Передай, что я скоро спущусь.

— Лорд Снэш, — позвала я, когда Росс ушел, и тут же, пересилив себя, исправилась: — Нориан... Если ваш разговор с братом будет как-то касаться меня, можно мне при нем присутствовать?

Ожидала, что он мне откажет, и даже успела морально на это настроиться. Но Нориан согласился, только сказал, что сперва выяснит,

зачем появился Кайл.

Уведя меня с балкона и усадив в стоящее в комнате кресло, Нориан ушел. Правда, рядом тут же появилась Дайла, своим разговором мешающая мне прислушиваться к тому, что происходило внизу. Конечно, визит Кайла мог быть вызван чем угодно, но я буквально нутром чувствовала, что он действительно так или иначе связан со мной. Пусть я ослепла, но по-прежнему хотела докопаться до правды и о себе, и о гибели родителей. Оставалось надеяться, что, если у Кайла появилась важная информация, Нориан позволит мне ее узнать и не станет ничего скрывать.

Да... в моем теперешнем положении только и оставалось, что надеяться. Взять все в свои руки и что-то предпринять я сейчас, к сожалению, не могла.

Часто спрашивать, сколько времени, уже вошло у меня в привычку. Поэтому я точно знала, что прошло одиннадцать минут перед тем, как братья Снэши вошли в комнату.

Даже попытайся Кайл скрыть свое присутствие, у него бы это не вышло. Его, как и Нориана, я тоже видела светящимся силуэтом, только свет его был более холодным. Дайла незамедлительно нас покинула, и после ее ухода в комнате повисла тишина. Она не продлилась долго, но заставила нервничать и вызвала ощущение, что случилось нечто плохое.

Кажется, со своими нехорошими предчувствиями я скоро стану параноиком...

— Здравствуй, Ида, — впервые за все время Кайл обратился ко мне по-человечески. Без насмешки, угрозы, раздражения и прочих негативных эмоций. — Рад, что тебе лучше.

Прозвучало вполне искренне.

— Спасибо, — коротко отозвалась я.

Следующие слова он уже произнес куда более привычным, чуть насмешливым и легким тоном:

— Что ж, с позволения моего дорогого брата я расскажу о том, что сегодня узнал. Хотя, должен заметить, определенные догадки у меня появились задолго до этого, но уверен я не был. Не возражаете? — без перехода спросил он и, не дожидаясь позволения, опустился в соседнее с моим кресло.

Нориан тем временем встал около меня.

— Поскольку я обладаю множеством талантов и не обделен искрами, — не страдая от скромности, продолжил Кайл, — мне удалось добраться до тщательно охраняемого сейфа еще одного моего дорогого брата. Речь о Рэйне, разумеется. Любопытно, что помимо ценных для него вещей я обнаружил там утерянную страницу, на которую так хотел взглянуть Нор. Хотя этот клочок бумаги и так находился в сейфе, на него вдобавок была наложена дополнительная охранная магия, отводящая глаза. И это еще не все. Мне пришлось совершить кражу из семейной библиотеки, чтобы отдать книгу, откуда была вырвана страница, особому эксперту. Выяснилось, что нашу семейную ценность пропитали специальным, завязанным на магии составом. И эта магия, по сути, схожа с той, которую применили для покушения на Нора.

Осмыслив сказанное, я не сдержала удивления.

— То есть на Нориана пытались воздействовать еще там, в библиотеке? Поэтому ему стало так плохо?

— Конечно, можно было бы списать все на паранойю нашего отца, но состав, по всем признакам, был изготовлен специально для Нора, — произнес Кайл. — При всем недопонимании и напряженности в отношениях, пытаться убить собственного сына он бы не стал.

— Значит... — медленно произнесла я, решаясь озвучить очевидное. — Все это дело рук вашего старшего брата?

— Хотелось бы верить, что нет, — заговорил молчавший до этого Нориан. — Но в настоящий момент все указывает на него.

У меня голова пошла кругом. Нет, Рэйн изначально мне не слишком нравился, хотя я толком и не понимала почему. Но чтобы он решил избавиться от Нориана, родного брата...

— Зачем? — озвучила я свое недоумение.

— А вот теперь мы подобрались к самому главному, — охотно продолжил Кайл. — К содержимому той пресловутой страницы.

Перебив его, рассказывать начал Нориан. И чем больше он говорил, тем все в большее потрясение я приходила. Слушала его ошарашенная, затаив дыхание.

Нориан сказал, что имя на обложке найденного мною дневника изначально показалось ему знакомым. Он предполагал, что мог видеть его в записях своего знаменитого предка, которые хранились в доме

Снэшей как семейная реликвия. И не ошибся. На вырванной странице действительно значилось имя «Аэллина Лейстой». Точнее, это были имя и фамилия.

— Этой информацией владеют немногие, но тебя она касается напрямую, поэтому ты имеешь право знать, — произнес Нориан, свет которого стал ярче. — Сейчас уже мало кто помнит, почему нареченных фениксов называют аэллинами. Первоначально Аэллина — это имя. Так звали девушку, которая около шестисот лет назад поступила в Академию света, существовавшую на месте нынешнего института. Она бежала из дома, чтобы начать самостоятельную жизнь и исполнить давнюю мечту — обучиться магии. Там, в академии, она познакомилась с Лосценом Снэшем, с которым у них возникли взаимные чувства. Любовь. Настоящая любовь. Светлая, чистая, обладающая удивительной силой.

Он сделал короткую паузу.

— С ними двоими связана малоизвестная легенда, которую в нашей семье считают реально произошедшими событиями. Когда случился самый крупный в новой истории Артогана прорыв, именуемый «Кровавым светом», Аэллина находилась в Северной башне вместе с остальными студентами. Многие из них рвались в бой, но фениксам был отдан четкий приказ защищать их и не позволять участвовать в битве. Исключение составляли лишь пятикурсники и профессора, обладающие необходимыми силами, чтобы присоединиться к легионам фениксов. Северная башня была защищена сильнейшим, созданным совместными усилиями куполом. Когда покрывающий академию барьер пал и на территорию хлынули порождения тьмы, башня устояла. Но началась кровавая бойня, которая происходила на глазах всех тех, кто находился в башне. Не только академия, но и весь Дрейдер, даже практически весь Артоган погряз в крови и хаосе. Первому легиону фениксов, возглавляемому Лосценом, удалось подавить прорыв близ академии, и они отправились в город.

— Сейчас начнется самое интересное, — вставил Кайл, явно не испытывающий особого пиетета перед историей своего рода.

Не обратив на него внимания, Нориан продолжил:

— Фениксы проигрывали, но держались из последних сил. Порождения расчищали путь для самой тьмы, желающей войти в

империю. Точно неизвестно, что произошло в Северной башне, но Аэллина выпрыгнула из окна. Согласно легенде, она почувствовала, что Лосцен серьезно ранен, а затем ей явился сам Пресветлый. Спрыгнув с самого высокого этажа, она должна была разбиться, но этого не произошло. В тот же самый момент Лосцен, в свою очередь, почувствовал угрожающую ей опасность, и связь между ними достигла апогея. Она была столь сильной, что Лосцен сумел, невзирая на разделяющее их расстояние, передать Аэллине ровно половину своих сил. И она, почти достигнув земли, внезапно взлетела ввысь на огненном, развернувшемся за ее спиной крыле.

— А потом отыскала своего прекрасного феникса и внесла свой вклад в победу над тьмой, — вновь встряв, хмыкнул Кайл.

Конечно, я этого не видела, но показалось, что Нориан наградил его недовольным взглядом.

— Говорят, что Лосцен и Аэллина, разделив силы, преумножили их в разы, — добавил он. — Стали подобны двум огненным духам, возглавившим уцелевшие легионы. Они одержали верх над тьмой, пожертвовав всем — своими силами, крыльями, тогдашней жизнью и всеми непрожитыми. Распавшись на эфирные частицы, вознеслись к Пресветлому. Об Аэллине практически ничего не известно — лишь то, что в академию она поступила под другим именем. Имя «Аэллина» знал только Лосцен. Он же перед смертью назвал его, а находящиеся рядом фениксы услышали и после, как дань уважения к великой любви, стали называть так своих избранниц. Случившийся тогда всплеск силы затронул многих. Согласно Второму закону света не все напитанные силой эфирные частицы исчезают без следа. Некоторые находят себе новых носителей — в большинстве случаев это не приводит к заметным последствиям. Но если таких частиц слишком много, рано или поздно они могут проявиться у носителя или его потомков.

— Можно, я скажу проще? — в третий раз нетерпеливо встрял Кайл. — Появившейся силе нужно было куда-то деться. Часть улетела куда-то в небо, а часть, с большой долей вероятности, нашла себе нового хозяина. Словом, ты, мышка, опять же, с большой долей вероятности, можешь оказаться потомком этого самого «нового хозяина». И носителем силы соответственно.

Хоть он и сказал «проще», легче для восприятия это все не стало. Меня как будто чем-то тяжелым по голове ударили.

— Кстати, сомневаюсь, что ты можешь поглощать свет одного только Нора. Я, например, такой же дальний родственник Лосцена, как и он. Так что вполне возможно, со мной этот трюк тоже сработает. Предлагаю проверить...

— Нет! — отрезал Нориан.

— Не сейчас, конечно, — невозмутимо закончил мысль Кайл. — Позже, когда мышка... то есть мисс Инида Трэйндж поправится.

Я не знала, что сказать и даже что думать. Осознать всю свалившуюся информацию было совсем непросто, а уж то обстоятельство, что во мне есть какие-то особые эфирные частицы, — и подавно.

А еще, что особенно странно, эта теория казалась мне немного неправильной. Не знала и не могла объяснить, чем именно, но это ощущение некоей неправильности и недосказанности ощущала предельно отчетливо.

— Это только предположение, — словно прочитал мои мысли Нориан. — Но оно многое объясняет. В том числе и тот факт, что ты нашла дневник, который принадлежал Аэллине. И что мы оба, в отличие от остальных, его видим.

Кайл напомнил о себе в очередной раз:

— Мог бы и мне его показать. Заодно мою версию проверили бы — увижу его или нет.

Пока они говорили, я все смотрела за спину Нориана, где не так давно мне почудилось сотканное из огня и света крыло. Оно прекрасно вписывалось в выстроенную теорию и служило лишним подтверждением ее правдивости. И все же...

Я тряхнула головой, отгоняя неясное волнение и беспокойство.

Еще раз мысленно прокрутив все, что узнала, в том числе и о покушении на Нориана, я сделала главный вывод:

— Полагаете, совершенные покушения и призывы тьмы могут быть как-то связаны с этой нашей... особенной связью? Простите за тавтологию.

— Возможно, — согласился Нориан и с предельной серьезностью добавил: — Это держится на уровне государственной тайны, Ида, но раз зашла речь, я скажу — в последнее время сторонников тьмы среди

подданных Артогана становится все больше. Постоянно плетутся заговоры, происходят попытки восстаний. Многие хотят впустить тьму в империю, совершить переворот и получить от нее власть. Не императорский дворец, а бывшая Академия света и нынешний Институт аэллин всегда были главным оплотом, главной крепостью, падение которой будет означать конец всему. Сейчас угроза как никогда серьезна. Но мы не сможем вычислить заговорщиков, если станем действовать слишком открыто. Приходится быть осторожными. Вдобавок, как ты правильно заметила, их действия могут быть связаны непосредственно с нами. Сила взаимодействия Лосцена и Аэллины смогла сдержать тьму в прошлый раз, и это может повториться снова.

— А еще мы до сих пор не знаем, кто способствовал твоему избранию на церемонии, — напомнил Кайл и без перехода выразительно фыркнул: — Поскольку, несмотря на задействованные ресурсы, никто до сих пор этого не понял, рискну предположить, что в кои-то веки на церемонии изъявил свою волю сам Пресветлый.

От переизбытка впечатлений и мыслей у меня неожиданно разболелась голова. Странное чувство некоторой неправильности дополнилось ощущением, что я упускаю что-то очень важное. Еще и глазам вдруг стало больно, из-за чего я непроизвольно их потерла.

— Ну все, на сегодня разговоров достаточно, — похоже, мои действия не укрылись от внимания Нориана. — Идем нужно отдыхать и принять лекарства.

Мне бы хотелось продолжить разговор, но внезапно навалившаяся усталость взяла свое. Даже думать было физически больно.

Росс явился по первому зову и с превеликим удовольствием, которого я не видела, но чувствовала, проводил Кайла до выхода. Правда, перед уходом тот пообещал, что непременно заглянет завтра утром.

Несмотря на приход Дайлы, Нориан сам помог мне лечь в постель и сам же дал необходимые для приема по расписанию лекарства. Затем подоткнул одеяло и, склонившись, запечатлел на моем лбу короткий поцелуй. Я покрылась дрожью с головы до пят и не успела отреагировать на этот жест, как он вышел из комнаты. А я вслед за его уходом практически мгновенно провалилась в сон.

Как говорил доктор Шайн, стремительно накрывающий и глубокий сон — первый шаг к быстрому выздоровлению.

ГЛАВА 25

Следующая неделя тянулась долго, но медленно текущее время меня больше не огорчало. Рядом всегда кто-то находился, и я не чувствовала себя потерянной в темноте. А когда приходил Нориан, я радовалась не только его присутствию, но и тому, что могу его видеть, — пусть не в полной мере, а лишь смутным силуэтом, но это все же лучше, чем ничего.

Он читал мне. Сначала — отрывки из художественной литературы, — к слову, мы выяснили, что у нас одни и те же любимые книги, — а затем и параграфы учебников. Идея принадлежала мне, а Шайн назвал жажду деятельности и обучения хорошим признаком. Так что, получив официальное разрешение от доктора, Нориан взялся подтягивать меня по разным предметам. В основном по теории боевой магии.

Лучшего учителя даже представить было сложно. Спокойный, уравновешенный, не устающий заново разъяснять то, что непонятно с первого раза. И не скупой на похвалы, если мне удавалось быстро в чем-то разобраться.

Удивительно, как всего за несколько дней я успела узнать столько нового. Прежде, несмотря на все свое рвение, у меня оставались некоторые пробелы в особо сложных темах. А теперь они оказались заполнены.

Еще у нас появилась небольшая традиция. Вечером, незадолго до отхода ко сну, мы сидели перед камином и разговаривали. Обо всем. О забавных случаях из детства, о героях любимых книг и просто о самых разных вещах.

Всю жизнь фениксы казались мне недостижимыми. Небожителями, невероятно далекими от простых людей. И кто бы мог подумать, что они во многом такие же, как и мы, — у них тоже есть простые человеческие чувства и переживания, они так же любят и ненавидят, переживают взлеты и падения, радуются восходу солнца и грустят под барабанный по окнам дождь.

Каждый раз, когда Нориан переступал порог комнаты, на моем лице расцветала невольная улыбка. Я радовалась возможности просто

находиться рядом с ним, чувствовать исходящее от него тепло и слышать успевший стать родным голос.

Я быстро шла на поправку. Благодаря доктору Шайну и его действенным методам мой организм восстанавливался гораздо быстрее, чем можно было ожидать. А, возможно, дело было не только в докторе, но и в Нориане, само присутствие которого меня исцеляло. Как-то раз я даже поймала себя на том, что непроизвольно впитываю его свет, — совсем немного, буквально пару капель. И сразу же вслед за этим ощутила прилив сил.

Серьезных разговоров вроде того, из которого я узнала древнюю легенду, больше не было. Судя по всему, Нориан всерьез вознамерился оградить меня от всяческих волнений, и сколько бы раз я ни пыталась затронуть интересующую меня тему, он уклонялся от ответа. В конце концов я оставила эти попытки, временно отпустила ситуацию и просто начала радоваться тому, что имела.

Эти дни, в которые я была лишена зрения, неожиданно стали одними из самых лучших в моей жизни, каким бы странным это ни казалось. Я даже начала думать, что и со слепотой можно научиться нормально существовать. В конце концов, живут ведь как-то тысячи людей с таким недугом. А рожденные незрячими и вовсе никогда не видели цветов и света, у меня же есть воспоминания о них...

Прошло еще несколько дней, и, не считая зрения, я практически полностью восстановилась. Мы с Дайлой стали часто выходить в раскинувшийся за домом сад. Будучи зрячей, я ни разу в нем не гуляла и сейчас могла только предполагать, как он в действительности выглядит. Нориан, теперь уже без моих просьб, часто описывал то, что нас окружало. Он рассказал, что в этом саду, независимо от времени года, цветут ливианы — нежно-голубые цветы, которые за особенность светиться в темноте еще называют цветком Пресветлого. Здесь не было беседки — лишь простая деревянная скамья, стоящая практически у самой кромки острова. Сидя на ней, можно было ощутить себя находящимся где-то на краю мира.

Этим вечером мы с Норианом тоже гуляли по саду и разговаривали. А потом, присев на скамейку, молчали. Но это молчание не было напряженным или неловким, а наоборот — правильным и естественным. Когда-то я слышала высказывание, что,

если тебе есть о чем молчать с человеком, значит, это твой человек. Интересно, можно ли отнести то же к фениксам?

Мой феникс... Даже звучит невероятно!

— О чем ты сейчас думаешь? — неожиданно спросил Нориан.

Я непроизвольно прикусила губу, порадовавшись, что фениксы не умеют читать мысли.

— Я... — хотела ответить что-то незначительное, но так и не окончила предложение.

Потому что темнота перед глазами внезапно стала рассеиваться, как если бы среди ночи начал плавно загораться свет. Непроизвольно замерев и затаив дыхание, я на несколько мгновений прикрыла глаза. Подумалось, что мне просто показалось и это игра подсознания, которое выдает желаемое за действительное...

— Ида? — обеспокоенно позвал Нориан.

Все так же не дыша, я открыла глаза. И увидела пятна золотистого света. Силуэты облаков и неясный отблеск вечернего неба. Опустив взгляд, распознала очертания своих лежащих на коленях рук.

Это были лишь пятна, но сердце уже подпрыгнуло и учащенно забилось, в то время как пальцы слегка задрожали от охватившего меня волнения.

Повернув голову, я увидела сидящего рядом Нориана — и это был уже не просто светящийся силуэт. Пятно волос, лицо, светлая одежда и лежащая на спинке скамьи ладонь...

— Ида? — с еще большим беспокойством повторил он. — Что-то не так? Тебе плохо?

Облизав разом пересохшие губы, я не своим от волнения и счастья голосом проронила:

— Я... я вижу.

Уже к следующему утру окружающий мир обрел для меня четкость. Проснувшись, я еще долго лежала с закрытыми глазами, боясь, что, когда их открою, снова увижу лишь темноту. Но опасения не оправдались, а самые смелые надежды сбылись. Я действительно видела — так же ясно, как до потери зрения.

Ошарашенная этим открытием, я некоторое время неподвижно лежала в кровати, боясь поверить своему счастью. А затем, резко с нее соскочив, запрыгала по комнате, готовая расцеловать весь мир.

Я вижу! Пресветлый, я действительно вижу! Как прекрасен открывающийся с балкона вид, как прекрасны трепещущие под легким сквозняком занавески, как прекрасна каждая деталь комнаты, где я нахожусь! И как начинаешь ценить самые простые, такие привычные вещи, когда неожиданно их теряешь! Я могу видеть, слышать, ходить, чувствовать — что еще нужно для счастья?

Когда дверь вдруг отворилась и в комнату вошла полноватая миловидная женщина, я сразу узнала в ней Дайлу — удивительно, но она оказалась почти в точности такой, какой я ее себе представляла. Поддавшись порыву, я бросилась к ней на шею, заключая в крепкие объятия и пытаюсь закружить по комнате.

— Ох... — только и выдохнула она.

— Я вижу, Дайла! — захлебываясь восторгом, воскликнула я. — По-настоящему вижу, понимаешь?

— Ох, Идочка! — снова на выдохе проронила она.

Даже не помню, когда в последний раз так радовалась. Буквально по-детски, желая прыгать и делиться этой радостью со всеми окружающими.

В какой-то момент, запыхавшись, я перевела взгляд на дверной проем и увидела стоящего там Нориана. Прислонившись к дверному косяку, он не сводил с меня глаз, и эти глаза сияли. В буквальном смысле сияли. А на его губах играла улыбка.

Я на несколько мгновений застыла, внезапно осознав, что, гарцуя по спальне в одной сорочке, вид, должно быть, имею комичный. Смутившись, заправила за ухо упавшую на лоб прядь и сцепила руки за спиной.

— Ох, лорд Снэш! — в третий раз охнула Дайла. — К нашей Идочке окончательно вернулось зрение! Вот радость-то!

Нориан промолчал и, словно бы не услышав ее слов, продолжил неотрывно на меня смотреть. Заметив это, Дайла проговорила нечто неразборчивое и хотела выйти из комнаты, но он жестом ее остановил.

— Я за доктором, — сообщил он, наконец оторвавшись от созерцания меня. — Скоро вернусь.

Не успели ни я, ни Дайла ничего ответить, как он растворился в столпе золотистого света. Вслед за этим Дайла как-то странно на меня посмотрела — загадочно и с хитроватой улыбкой.

— Что? — не поняла я.

— Нет-нет, ничего, — не стирая этой самой улыбки, буквально пропела она и как бы невзначай обронила: — Может, и дождется империя того дня, когда знаменитый Нориан Снэш наконец женится...

Я не сразу поняла, на что она намекает, а когда сообразила, возмутилась:

— Дайла! Ну что ты такое говоришь? Лорд Снэш просто благодарен мне. И он очень благороден, поэтому столько для меня делает...

— Ну да, ну да, — все с той же напевностью произнесла Дайла. — Конечно, никто не сомневается в благородстве лорда Нориана Снэша. Но, должна заметить, когда мужчина просто благодарен, он на женщину так не смотрит...

— Дайла!

— Давайте-ка мы вас быстренько в порядок приведем, — легко сменила она тему. — Негоже молодой девушке перед двумя мужчинами в одной сорочке щеголять. Даже если один из них движим исключительно благородными намерениями, а второй — доктор...

Было так странно и вместе с тем волнующе видеть все те вещи, которые прежде я знала лишь на ощупь. Платье, в котором выходила в сад, туфли, мыло и шампуни, щетка для волос... Я как будто открывала для себя мир заново.

Доктор Шайн навещал меня еще накануне вечером, сразу после того, как я стала различать цветные пятна. Осмотрев меня, он сказал, что теперь уж дело точно пошло на поправку. Правда, полное восстановление зрения прогнозировал нескоро.

Что ж, этим утром ему пришлось окончательно уверовать в чудеса. Он даже сказал, что внесет историю моего восстановления в свой список особых случаев и на досуге будет изучать.

После мы совместно позавтракали за накрытым в гостиной столом. Росс подал вкуснейшие картофельные вафли и глазунью с беконом, а на десерт — мои любимые сдобные булочки.

— Что теперь планируешь делать? — поинтересовался у меня доктор. — Вернешься в институт?

— Конечно, — не задумываясь, кивнула я. — Я много пропустила, но Нори... в смысле, лорд Снэш занимался со мной, и думаю, что сумею все наверстать.

Называть Нориана по имени при свидетелях у меня до сих пор не получалось. Да и, как ни крути, такую фамильярность могли не так понять.

— Незадолго до того, как все случилось, леди Вивьер предложила мне стать ее ниллэ, — неожиданно для самой себя поделилась я.

За столом ненадолго повисла тишина.

— И что ты ответила? — показалось, что Нориан слегка напрягся.

— Пока ничего. Да и не думаю, что после моего долгого отсутствия ее предложение все еще будет в силе.

А теперь показалось, что напряжение отпустило Нориана так же быстро, как пришло.

— Тебе не нужно соглашаться, если роль ниллэ — это не то, чего ты действительно хочешь, — произнес он. — Я...

Он хотел сказать что-то еще, но не окончил фразу, поскольку в гостиную вошел Росс. Такие волны недовольства, какие исходили от него сейчас, появлялись только в одном-единственном случае.

— Кайл? — правильно интерпретировал их Нориан.

Не успел Росс ответить, как предмет его недовольства появился в гостиной собственной персоной. И не просто появился, а буквально влетел на всех парах, сияя, аки начищенный медный таз.

— Мышка, рад тебя видеть! — проигнорировав остальных, обратился он ко мне. — И еще больше рад, что это взаимно! Осмысленный взгляд тебе идет.

Я сочла за благо промолчать.

— Когда ты вошел, Ида на тебя не смотрела, — заметил Нориан. — Откуда ты знаешь, что к ней вернулось зрение?

Соизволив обратить внимание на других присутствующих, Кайл окинул брата снисходительным взглядом.

— Не только у тебя в стенах института есть осведомители. Как я уже неоднократно упоминал, у тебя, Шайн, — он перевел взгляд на доктора, — просто очаровательная секретарша. И, прежде чем ты в очередной раз соберешься ее уволить, вспомни, что кроме нее никто не смог вытерпеть твой скверный характер дольше одного дня.

Шайн, который действительно открыл рот в явном намерении что-то сказать, тут же его закрыл. И, сложив руки на груди, ответил Кайлу недовольным прищуром.

Тот тем временем, ничуть не стесняясь, занял место за столом и велел Россу принести ему завтрак. Слуга буквально скрипнул зубами, и я подумала, что он откажется. Но нет — почтительно склонив голову, удалился на кухню.

— Не успел поесть, столько дел с самого утра, — с обманчиво беззаботной улыбкой пояснил Кайл. — Пока мой завтрак готовится, предлагаю обсудить одно важное дело. А именно — возвращение мисс Иниды Трэйндж обратно в институт.

Чего я никак не ожидала, так это что его приход вызван именно этим вопросом. И, похоже, удивилась не только я.

Не дав никому вставить ни слова, он с ходу продолжил:

— Обрисую ситуацию для мышки... Ида, ты ведь не против, если я все-таки буду называть тебя мышкой? Не против — вот и отлично. Перейдем к делу. Сейчас ситуация такова, что вся столица, а там и весь Артоган может отправиться к риаху в любой момент. Такого количества прорывов, какое случается в последние недели, не было со времен «Кровавого света». В эпицентре событий оказался небезызвестный Институт аэллин, откуда с завидной периодичностью проводятся призывы тьмы. Причем, прошу заметить, проводятся блестяще и не известными никому из нас методами — даже в Центре изучения темной материи не могут определить их суть. Если тьма прорвется в институт, повторятся события шестисотлетней давности, и повезет ли нам выстоять на этот раз — неизвестно.

— Кайл, — попытался перебить его Норриан.

Но это оказалось не так-то просто. Не обратив на него внимания, тот продолжил говорить, глядя при этом на меня:

— Нор ввиду определенных чувств к тебе, мышка, пытается тебя уберечь. Умалчивает о некоторых вещах, чтобы не волновать. Но ты уже выздоровела, и смысла что-то скрывать больше нет. И если мой драгоценный братец по каким-то причинам все еще предпочитает молчать, то вместо него расскажу я. Все те дни, которые ты находилась здесь, вокруг дома Нора каждый день случались сильнейшие прорывы. Почти как в тот раз, когда здесь появился риах. Они случаются рядом с тобой, мышка. Тебя, как и Нора, хотят уничтожить в первую очередь. Видимо, последователи тьмы — или вообще сама тьма — опасаются повторения той давней истории. Конечно, сомнительно, что между вами с Нором может возникнуть такая великая, дарящая крылья

любовь, — усмехнувшись, Кайл покосился на брата, — но определенная связь между вами, как ни крути, есть. И связь эта непредсказуема, а значит, опасна.

Откинувшись на спинку стула, Кайл побарабанил пальцами по крышке стола.

— А теперь подведем итог. Тебя с Нормом хотят уничтожить, а параллельно кто-то с упорной регулярностью взывает к тьме прямо из Института аэллин. И кем является этот «кто-то», нам все еще неизвестно. Даже Нор с его опытом и возможностями до сих пор не сумел его — или их — вычислить. А времени остается все меньше. Единственное, что ему удалось выяснить, — остаточные следы темного флера ведут в жилое крыло ниллэ. К тому же нам известно, что призыватель, — назовем его так, — пользуется недугом Алексы Найрес, прикрываясь им как щитом. Поэтому есть основания полагать, что призывателем является кто-то из учащихся факультета ниллэ. И поскольку ни я, ни Нор, ни даже Шайн не можем часто появляться в жилом крыле ниллэ, не вызывая вопросов, наблюдать за девушками придется тебе, мышка.

Не успела я в полной мере осмыслить все вышесказанное, как Нориан отрезал:

— Достаточно! Ида не будет в этом участвовать. Это слишком рискованно.

— По-твоему, ей следует все время торчать в твоём домишке, пока весь Дрейдер летит в бездну? — Кайл выразительно на него посмотрел. — Ты же не дурак, Нор, и сам все прекрасно понимаешь. Мое предложение — наиболее разумное из всех вариантов. И, держу пари, ты сам думал о том же. Ида вернется к занятиям, и это привлечет к ней внимание призывателя. За ней начнут наблюдать, а она, в свою очередь, будет присматриваться к окружающим. Можно будет организовать какую-нибудь провокацию, и заговорщики себя проявят...

— Нет! — повторно отрезал Нориан, вокруг которого появился яркий светящийся ореол.

И тут вмешалась я.

— Простите, — произнесла вежливо и не повышая голоса, но тут же завладела всеобщим вниманием. — А моим мнением на этот счет вы поинтересоваться не желаете? Конечно, я изучаю этикет не так

давно, но, насколько помню, некрасиво говорить о человеке в третьем лице в его же присутствии.

Шайн, с интересом наблюдающий за происходящим спором, кашлянул.

— Ты права, приношу извинения, — уже более сдержанно произнес Нориан. — Но если тебе важно мое мнение, то я не только против предложения Кайла, но и против твоего возвращения в институт вообще.

Разговор прервало возвращение Росса, принесшего дополнительную порцию завтрака. Когда он поставил перед Кайлом тарелку, стало очевидно, что еда на ней отличается от той, что ели мы.

— Что ты принес? — спустя несколько мгновений замешательства спросил Кайл.

Отступив на шаг, Росс с деланным почтением склонил голову и невозмутимо отозвался:

— Вы не сказали, что именно желаете съесть на завтрак. Поэтому мне пришлось самому догадываться о ваших предпочтениях.

— То есть ты считаешь, что я питаюсь... *этим?* — Кайл неприязненно поддел вилкой сырые капустные листья и свекольную ботву.

Росс даже бровью не повел и с той же невозмутимостью ответил:

— Слышал, козлы любят овощные отходы.

Не ожидавший подобной наглости и вольности Кайл буквально воздухом подавился.

— Ты понимаешь, что только что оскорбил феникса? — недобро прищурившись, процедил он.

— Я всего лишь озвучил тот факт, что козлы любят овощные отходы, — не проникся угрозой Росс. — Не моя вина, что вы приняли это невинное замечание на свой счет.

Я до боли прикусила губу, чтобы не рассмеяться. А вот Нориан и доктор Шайн, до этого молча, но со всевозрастающим интересом следящие за происходящей перепалкой, сдерживаться не стали.

Выходка Росса разбавила градус повисшего напряжения, и все, кроме Кайла, как-то незаметно расслабились. Впрочем, Кайл, надо отдать ему должное, быстро справился с собой и даже вернул Россу его же шпильку.

— Что ж, тогда в следующий свой визит непременно захвачу с собой сено, — с ироничной усмешкой обронил он, глядя на слугу. — Слышал, его очень любят бараны. А тебя нужно поощрить за такое внимание к гостям и добросовестное отношение к своим обязанностям.

— Росс, можешь идти, — обратился к слуге Нориан, оборвав словесную перепалку. И когда тот удалился, вернулся к предыдущей теме: — Как уже сказал, я против твоего возвращения в институт, Ида. По крайней мере сейчас.

— А я, если, конечно, мое мнение кого-то волнует, должен заметить, что предложение Кайла не лишено смысла, — вставил доктор Шайн. — Нор, ты же в состоянии обеспечить ее безопасность. И действительно понимаешь, что времени у тебя, точнее, у всех нас, осталось мало.

Дождавшись, пока доктор договорит, я вступила в разговор:

— С вашего позволения, теперь все-таки выскажусь я, — сохраняя спокойствие, посмотрела на Нориана. — Я понимаю ваше беспокойство и все сопутствующие моему возвращению в институт риски. Но эти риски оправданны. Если я могу оказать какую-либо помощь в меру своих скромных сил и послужить на благо империи, то должна это сделать.

— *Скромных* сил? — перебил Кайл, закатив глаза. — Пресветлый, да если бы скромность можно было продавать, эта девчонка бы озолотилась...

— К тому же я и правда много пропустила, — добавила я. — Еще немного — и у тех, кто этого хочет, появится прекрасный повод меня исключить.

Нориан чуть подался вперед и, не сводя с меня немигающего взгляда, спросил:

— А ты сама этого хочешь? Хочешь быть ниллэ?

Уже не в первый раз он затрагивал тему моих желаний. Показалось, что мой ответ для него действительно важен. Но проблема заключалась в том, что ответа на заданный вопрос у меня не было. Я хотела использовать выпавший мне шанс, учиться и добиться чего-то в жизни. А что до ниллэ... Нет, эту роль исполнять не хотела, но именно она и была выпавшим мне шансом.

Пока я старалась все это объяснить, Нориан продолжал неотрывно на меня смотреть, источая едва заметный рассеянный свет. А когда я замолчала, спросил:

— Что, если бы у тебя была возможность учиться, не становясь при этом ниллэ?

Я растерялась. Почему он об этом спрашивает? Разве для меня такое возможно?

— Давайте вы продолжите свой увлекательный диалог позднее, — снова бесцеремонно вмешался Кайл. — Речь не об этом. Мы говорим о необходимости мышке вернуться на факультет ниллэ сейчас, а не о ее обозримом будущем. И поскольку сама мышка высказалась за свое возвращение в институт, не вижу никаких препятствий и предлагаю сделать это уже сегодня.

Спор занял еще некоторое время, но в итоге Нориан сдался. Причем сложилось впечатление, что сдался только из-за моего мнения, — Кайла с доктором Шайном он бы попросту проигнорировал. Было очевидно, что вся эта затея не пришлась ему по душе, но принимать решение за меня он не мог. Точнее, мог, но не стал.

В итоге мы сошлись на том, что в институт я вернусь сегодняшним вечером. Нориан, перенесший доктора обратно в институт, отсутствовал несколько долгих часов. Кайл, к счастью, тоже ушел... вернее, улетел на своем григанне, и эти часы я коротала в обществе Дайлы и не знала, куда себя деть. Пыталась читать, но толком не могла сосредоточиться, предложила Россу помощь на кухне — мне вежливо, но непрозрачно намекнули, что никакая помощь не требуется.

Сидя на любимейшей садовой скамейке, я смотрела на проплывающие впереди облака и думала — обо всем и сразу. О возвращении к учебе, о призывателях, которых необходимо обнаружить... о Нориане. Да, пожалуй, о Нориане — больше всего.

В мыслях снова и снова всплывали слова, сказанные им за завтраком. Что он в действительности имел в виду? И взгляд — такой пристальный, внимательный, проникающий в самую глубину души...

«Когда мужчина просто благодарен, он на женщину так не смотрит», — прозвучало в сознании голосом Дайлы.

Я потрянула головой и приложила ладони к покрасневшим от волнения щекам. Даже холодный, прилетающий с гор ветер не мог их остудить, как не мог унести опасные, но такие будоражащие мысли. Стоило признать, что я уже давно не смотрела на Нориана просто как на лорда, феникса и тем более преподавателя. Даже дружбы с ним, предложи он ее, мне бы не хватило.

Да... давно следовало признать, что сирота из низших кварталов отчаянно и безвозвратно влюбилась в блистательного, принадлежащего высшему миру феникса. А самое плачевное в моей ситуации было то, что чем дальше, тем все сильнее эта влюбленность напоминала... любовь. И если влюбленность еще можно переболеть, побороть, заставить себя не обращать на нее внимания, то что делать с чувством куда более сильным?

Мне хотелось быть рядом с Норианом, видеть его, слышать. Говорить с ним и с ним же молчать. Хотелось, чтобы у нас было еще много вечеров у камина и на этой скамейке в уютном небесном садике...

Порой мне казалось, что мои чувства взаимны. Но сама мысль об этом пугала своей нереальностью. Я боялась поверить в то, что это возможно, боялась выдать желаемое за действительное. Жизнь — это ведь не сказка, где прекрасные принцы влюбляются в простых девушек, а не в прекрасных принцесс.

Как бы то ни было, один вечер на садовой скамейке у меня в запасе еще был. Нориан пришел, когда облака сгустились и небо из дневного стало сумеречным. Собирались плотные свинцовые тучи, грозящие разразиться мощным осенним дождем. Пусть остров и покрывал защитный купол, на улице заметно похолодало, и Дайла вынесла мне шерстяную шаль, в которую я закуталась.

— Замерзла? — вместо приветствия спросил Нориан, приблизившись.

— Немного, — с улыбкой согласилась я.

Вместо того чтобы сесть рядом, он остановился около скамейки и снова посмотрел на меня так, что внутри все перевернулось.

— Я хочу кое-что тебе подарить, — неожиданно произнес Нориан.

В следующее мгновение в его руках появился изящный, висящий на золотой цепочке кулон. Овальной формы янтарь был заключен в

золотую, украшенную витыми узорами оправу и светился, как если бы в него заключили маленькое солнце.

Я машинально поднялась на ноги, замороженно глядя на эту красоту.

— Этот камень называют Слезой феникса, — пояснил Нориан. — Когда-то он находился в императорской короне, но потом был дарован моему деду за заслуги перед Артоганом. Тот, в свою очередь, подарил его моей бабушке, а она перед смертью отдала его мне. Она ушла много лет назад, но я хорошо ее помню — меня эта железная леди всегда любила особенно. Она велела подарить Слезу феникса той, кого я назову своей избранницей. И сейчас я хочу подарить ее тебе.

Сначала я подумала, что ослышалась. Затем — что сплю и вижу сон.

Хотя на дворе было холодно, мне вдруг стало так жарко, словно я оказалась в эпицентре стремительно разгорающегося пожара. От смеси неверия, волнения и робкой, переплетенной с надеждой радости стало трудно дышать. Обычно я не отличалась косноязычием, но сейчас не могла подобрать нужных слов.

— Я понимаю, что этот подарок, скорее всего, стал для тебя неожиданным. — Нориан улыбнулся одними уголками губ. — Знай, что он ни к чему тебя не обязывает. Помимо того, что я сказал, Слеза феникса — это сильный оберег, в котором заключена искра Первого феникса. Пусть это будет единственная слеза в твоей жизни, Ида...

И прежде чем я успела хоть что-то сказать, он добавил:

— В обществе, где я вырос, принято спрашивать у родителей понравившейся девушки разрешения за ней ухаживать. Если родителей нет, то у ее опекунов или ближайших родственников. С учетом твоих взаимоотношений с опекунами я задам этот вопрос тебе, — сделав короткую паузу, он невесомо коснулся моей руки и посмотрел мне в глаза. — Дашь ли ты мне шанс, Ида, доказать, что я достоин такой девушки, как ты?

Пресветлый... теперь я начала думать, что умерла и вознеслась на небеса.

Благодаря урокам этикета я знала, что его последний вопрос — формальный, задаваемый лордами родственникам леди, к которым они хотят проявлять знаки внимания. Но сейчас он звучал совсем не как

формальность... Изучая ненавистный этикет, я даже помыслить не могла, что когда-нибудь услышу этот вопрос, адресованный мне!

— Так что ты скажешь, Ида? — спросил Нориан. — Ты позволишь мне попытаться завоевать твое расположение?

Мне хотелось крикнуть, что никакое расположение ему завоевывать не требуется. Что я и так влюблена в него без памяти и сейчас готова рухнуть в обморок от одного только осознания происходящего.

Но моей смелости на это не хватило. Да и уроки этикета бесследно все-таки не прошли. Поэтому я внезапно севшим голосом проронила короткое:

— Да.

Улыбка Нориана стала отчетливее. Осторожно развернув меня спиной к себе, он приподнял мои волосы и застегнул на шее кулон. Слеза феникса, коснувшаяся моей кожи, оказалась приятно теплой и едва уловимо пульсирующей, словно в ней билось маленькое сердце.

— Посторонние не смогут его увидеть, — когда я вновь развернулась к нему лицом, сказал Нориан и тут же добавил: — Пока.

В какой-то момент промелькнула шальная мысль, что меня сейчас поцелуют, но он лишь мягко провел большим пальцем по моей щеке.

— Я бы тоже хотела кое-что вам подарить, — найдя в себе силы отвести взгляд, я сунула руку в карман.

Сейчас на мне было то же платье, в котором Нориан перенес меня сюда из института. Дайла, перед тем как отправить его в стирку, достала из кармана и вернула мне тряпичного феникса — того самого, которого я сшила дома и почему-то все время носила с собой.

— Вот. — Я протянула его Нориану. — Конечно, в сравнении с вашим этот подарок совсем неказистый... но пусть будет у вас. На удачу.

— Ты взяла его в кладовой Северной башни? — удивился тот.

— Нет. Сшила еще до того, как там побывала, — честно ответила я. — Но, видимо, мы с Аэллиной Лейстон и впрямь связаны. Это ведь в ее вещах я нашла приглашение на прием?

— Да, — подтвердил Нориан, приняв тряпичного феникса из моих рук. — Тогда я хотел проверить, почувствуешь ли ты их. Спасибо, Ида.

«Спасибо, Ида», — прозвучало с какой-то особой теплотой и нежностью, и у меня в который раз перехватило дыхание. Моменты, которые я сейчас проживала, казались такими волшебными, что я была готова остаться в них навечно. Хотелось, чтобы весь мир застыл, замер в безмолвии, вычеркнув из своего существования само время, а мы остались здесь вдвоем — на парящем высоко над землей небесном острове...

Непроизвольно коснувшись пальцами кулона, я улыбнулась Нориану. А когда он улыбнулся в ответ, прогремел гром.

Тучи, собирающиеся последний час, наконец разразились проливным дождем. Но где-то далеко впереди, вопреки всему, по небу разливались золотистые лучи закатного солнца...

ГЛАВА 26

В жилом крыле со дня моего последнего здесь пребывания произошли изменения. И главным из них стал новый, сменивший Гая дворецкий. Это был молодой человек с рыжими, достающими до плеч волосами и приветливым взглядом. В отличие от своего предшественника, он казался более дружелюбным и простым. Но обладал при этом учтивостью и безупречным умением себя держать.

Второе изменение — непосредственно моя комната, куда Нориан перенес меня из дома. Вместо тесной каморки в моем распоряжении теперь была просторная комната с большой кроватью, нормальным шкафом и письменным столом. Причем жить мне здесь предстояло одной.

— Разве у нас нет нехватки мест? — удивилась я.

— Такая проблема отсутствует, — почтительно отозвался дворецкий. — Разумеется, в жилом крыле предусмотрено гораздо больше комнат, чем сейчас занято. Ведь есть еще ответвление от этажа второго курса, где пустуют сорок комнат.

Мое удивление быстро прошло. Учитывая отношение ко мне Гая, чего-то подобного я и ожидала. Возможно, узнай я об этом немного раньше — расстроилась бы из-за такой несправедливости. Но сейчас это больше не волновало.

— Обращайтесь, если вам что-нибудь понадобится, — сказал дворецкий напоследок. — Я к вашим услугам.

Нориан тоже со мной попрощался и ушел, используя свет, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания студенток. Оставшись в одиночестве, я немного постояла на месте, осматриваясь, а затем с разбега плюхнулась на кровать. Постель оказалась такой мягкой, что я буквально утонула в ней, не удержавшись от того, чтобы с блаженством потянуться.

Конечно, в отличном настроении я пребывала вовсе не из-за новой комнаты. Улыбку на лице рисовало воспоминание о нашем разговоре с Норианом и ощущение на шее дорогого сердцу кулона.

Просто поразительно, как все может измениться за какие-то считанные дни. С того самого момента, как я была зачислена в

Институт аэллин, моя жизнь стала невероятно насыщенной. Но последняя неделя определенно побила все рекорды. Сначала я едва не умерла, потом ослепла, оказалась в доме лорда Нориана Снэша, а в завершение получила от него невероятный подарок и услышала такие же невероятные слова. А если прибавить ко всему этому мое возвращение в институт с важной миссией, то впору вообще сходить с ума от переизбытка впечатлений!

Без дела я провалялась недолго. Мне уже было известно, что занятия в институте возобновились, но в своих передвижениях воспитанницы до сих пор были ограничены. Свободное время разрешалось проводить исключительно в стенах института, и даже прогулки в саду теперь были строго по расписанию. А это означало, что сейчас, в вечернее время, девушки, скорее всего, собрались в гостиной факультета. Именно туда я и планировала навеститься. На все возможные вопросы у меня уже были готовы ответы, и, прежде чем выйти из комнаты, я мысленно их повторила.

Собираться с духом не потребовалось. После всего пережитого предстоящее общение с однокурсницами не вызывало ни малейшего волнения. Самое главное — незаметно за ними наблюдать и не упускать из виду ни одной детали. И, что немаловажно, держаться при этом естественно.

Как и ожидалось, гостиная не пустовала. Разбившись на небольшие группки, девушки читали, пили чай и просто болтали, сидя у камина. Я не старалась остаться незамеченной, но и привлечь к себе внимание не пыталась. Просто вошла, скользнула взглядом по присутствующим и, увидев восседающую в гордом одиночестве Алексу, направилась к ней.

И все-таки без внимания мой приход не остался. Все разговоры вдруг начали смолкать и постепенно сошли на нет, а еще я буквально физически почувствовала на себе множество чужих взглядов. Такую реакцию можно было понять — все-таки мой фееричный уход с Кайлом Снэшем и последующее недельное отсутствие не могли не вызывать вопросов. Хотя было сказано, что я нахожусь в лазарете из-за серьезной простуды, вряд ли все в это поверили.

— Привет. — Я присела на подоконник рядом с Алексой.

На этом подоконнике было обустроено что-то вроде небольшого уютного уголка: мягкие подушки, пара сложенных одеял и

специальный миниатюрный столик для чая. А еще можно было задернуть занавеску, оградившись тем самым от всех остальных.

— Выздоровела? — Кажется, Алекса была единственной, на кого мое возвращение не произвело особого впечатления.

— Да, — просто ответила я.

— Эй, Трэйндж! — позвала Эмбер. — За какие заслуги тебя в новую комнату поселили, а? За те самые, ради которых тебя среди ночи увел Кайл Снэш?

Ее выпад совсем не удивил. Удивило то, что Эмбер никто не поддержал, за исключением верной Лайры, неловко захихикавшей.

— Замолчи, Шайдар! — внезапно вступилась за меня Санди, поправив съехавшие с переносицы очки. — Или нам всем вспомнить, в каком виде ты позавчера вернулась из дома?

Еще одной неожиданностью стало то, что Эмбер на этот выпад ничего не ответила. Только жутко покраснела, и на ее лице отчетливо проступил еще не сошедший со скулы синяк. Учитывая имеющиеся в распоряжении аристократок косметические средства, все недостатки кожи они сводили очень быстро. Каким же был этот синяк прежде, если даже сейчас от него остался такой явный след? Я, как и остальные, давно знала, что отношения с семьей у Эмбер не ладятся, но даже не думала, что отец поднимает на нее руку, а именно такой вывод сейчас напрашивался. Видимо, в этом и кроется корень ее жестокости по отношению к другим и желание возвыситься за их счет.

Эмбер стало даже жаль.

— Говорят, около института недавно случился сильный прорыв? — спросила я у Алексы, но так, чтобы услышали все. — Даже занятия из-за этого на некоторое время отменили.

Алекса кивнула:

— Жуткое зрелище. Половина ведущей к институту улицы оказалась раскурочена, только-только восстановили.

— Просто удивительно, как тьме, несмотря ни на что, раз за разом удается подбираться все ближе, — делано удивилась я, незаметно наблюдая за реакцией всех присутствующих.

— Это же тьма, — пожав плечами, хмыкнула Алекса. — Сколько от нее ни отгораживайся, сколько ни прячься под защитными барьерами, она все равно находит способ проникнуть через них.

Голос Алексы оставался ровным, и, не зная я о ее недуге, даже не расслышала бы в нем едва заметных ноток горечи.

— Давайте сменим тему! — внезапно попросила Лайра. — Все это слишком ужасно. И не стоит поминать тьму на ночь глядя.

В целом вечер прошел гораздо лучше, чем я рассчитывала. Лучше, но не плодотворней. Конечно, я и не надеялась, что сразу же замечу за кем-нибудь из девушек что-то подозрительное, но долю разочарования все равно испытала.

За время моего отсутствия в институте произошло еще одно изменение. Если раньше отбой в одно время был желателен, но необязателен, то теперь все ложились спать в пол-одиннадцатого и ни минутой позже.

Зарий — так звали нового дворецкого — появился в гостиной за десять минут до назначенного срока и учтиво попросил всех пройти в свои комнаты. Уходя, я еще раз попыталась внимательнее присмотреться к однокурсницам, но ничего необычного так и не заметила. Чувствовала себя при этом неудачливым начинающим детективом из любимой серии книг.

Следующим утром меня ждал сюрприз. Проснувшись, я обнаружила у своей кровати красивый букет, в котором белые лилии соседствовали со слегка мерцающими ливianaми. Записки к цветам не прилагалось, но она и не требовалась, чтобы понять, кто отправитель. Вдохнув прекрасный сладко-свежий аромат, я несколько долгих мгновений сидела, глупо улыбаясь, а затем рухнула обратно на постель и спрятала улыбку в подушке.

Занятия шли своим чередом. Преподаватели ни о чем меня не расспрашивали, только ставили в известность о том, что предстоит подготовить рефераты по пропущенному материалу. Леди Нейль, правда, заметила, что всю минувшую неделю у моих однокурсниц были практические занятия и мне придется сильно постараться, чтобы их нагнать.

Коснулись изменения и боевой магии. Теперь ее вел не только Нориан, но и — какая неожиданность! — Кайл Снэш. Это было связано с участвовавшими прорывами и нависшей над всеми нами угрозой. Количество уроков боевой магии увеличилось вдвое, а поскольку Нориан был нужен и за пределами института, часть его

обязанностей как преподавателя взял на себя Кайл. Впрочем, я догадывалась, что дело было не только в этом. Вместе с преподаванием Кайл получил законный повод подолгу находиться в институте и контактировать со студентками.

Надо ли говорить, что теперь все девушки собирались на боевую магию как на бал? В отличие от Нориана, Кайл не только не пресекал, но и поощрял флирт со стороны студенток, а зачастую даже сам его провоцировал.

Так что разговоры об угрозе со стороны тьмы теперь сменились на обсуждение Кайла Снэша. В гостиной, в столовой, в коридорах и даже перед занятиями по другим предметам постоянно звучало его имя. Причем не только первокурсницы, но и ниллэ со второго курса смотрели на него с обожанием и затаенной надеждой. Аэллины, как обычно, были более сдержанны, хотя и среди них можно было заметить признаки интереса.

Словом, Кайл с успехом делал то, что отлично умел, — купался в лаврах всеобщего внимания, кружил головы и разбивал сердца. Но теперь, глядя на него, я понимала, что все это — напускное. Что под оболочкой оболстителя-аристократа скрывается внимательный и порой жесткий феникс, пытливо наблюдающий за всеми, кто его окружает.

Так прошло несколько дней. Каждое утро я продолжала получать красивые букеты. А вечерами в комнате меня всегда ожидал какой-нибудь изысканный десерт, доставленный из лучшей кондитерской Дрейдера. Из-за прорывов, которые теперь происходили каждую ночь, Нориан появлялся в институте исключительно для проведения занятий, и виделись мы только там. Но на боевой магии я время от времени ловила на себе его взгляд, который никак не вязался с образом строгого преподавателя. Это было так странно и вместе с тем волнующе — обмениваться подобными, понятными только нам двоим взглядами, находясь в окружении кучи студенток. Имелось в этом что-то запретное, но оттого еще более захватывающее...

В один из вечеров я задержалась в ванной. Уже перестала опасаться, что кто-то может забрать мою одежду или организовать ледяной душ, — отношение ко мне не то чтобы изменилось в лучшую сторону, скорее, стало нейтральным. Теперь я могла спокойно ходить в

ванную вместе с остальными, не вставая для этого ранним утром и не дожидаясь позднего вечера, когда все уйдут.

Сегодня кто-то из девушек насыпал в воду бассейна специальный порошок, окрасивший ее в ярко-синий цвет. Кроме того, порошок создал ворох такой же синей пены и добавил аромат спелой ежевики. Неудивительно, что этим вечером вместо гостиной будущие ниллэ предпочитали проводить время в купальне. Я исключением не стала и, сидя на бортике бассейна, пила приготовленный Зарием лимонад — тоже синий, что примечательно. Даже купальные костюмы, выданные нам еще при зачислении и долгое время пылящиеся в шкафу, были голубого цвета и отлично вписывались в общую картину.

Сделав глоток, я посмотрела на резвящихся в воде девушек поверх стакана. В большинстве из них сейчас никак нельзя было узнать «всегда сдержанных и отстраненных» ниллэ. Разве что староста да несколько второкурсниц оставались в стороне и взирали на происходящее безобразие со смесью снисхождения и оскорбленного достоинства.

За последние дни я уже неоднократно примеряла маску призывателя на каждую девушку. Буквально вчера Кайл выловил меня между занятиями и сообщил, что теперь они точно уверены в причастности кого-то из воспитанниц факультета ниллэ. Минувшей ночью им с Норианом удалось уловить отчетливый темный импульс, исходящий от нашего жилого крыла. Он был кратковременным и слабым, но явно шел не от Алексы. И вот теперь, точно зная, что призыватель находится среди тех, кто меня сейчас окружает, я снова и снова пыталась понять, кто же это может быть.

К настоящему моменту мне так и не удалось заметить ни за одной из девушек никаких странностей. Но тем не менее я выделила для себя несколько кандидатур, наиболее, на мой взгляд, подходящих на роль потенциального пособника тьмы.

Человек, успешно практикующий призывы тьмы и остающийся при этом незамеченным, должен быть как минимум умен. И силен. А еще — непременно выдержан, чтобы ничем себя не выдать.

Именно по этим причинам мой список возглавляла староста. Она всегда держалась чуть в стороне, не участвовала в общих разговорах и, учитывая ее положение, имела больше привилегий, чем остальные. Всегда была сдержанной и собранной, я ни разу не видела, чтобы она

открыто демонстрировала чувства. Зато слышала, что другие ниллэ поговаривали, будто у нее ледяное сердце.

На вторую позицию в списке из тех же соображений я поставила еще одну второкурсницу. Райлана Нэйс почти ни в чем не уступала старосте, разве что вела себя с другими более надменно.

Ну и третью позицию занимала Эмбер. Не потому, что я относилась к ней с предубеждением, и даже не из-за ее склочного характера. Просто было очень легко представить, как недолюбленный ребенок копит в себе обиды и, взрослея, не прощается с ними, а продолжает их приумножать, впуская тем самым в себя тьму.

Допив лимонад, я поднялась, собираясь убрать опустевший стакан, как вдруг в буквальном смысле столкнулась с Лайрой. Кажется, она несла лимонад Эмбер, и теперь оба наших стакана со звоном упали на пол и разлетелись на множество осколков.

— Риах! — выругался кто-то, находящийся поблизости. — Нужно быть осторожнее, тут теперь повсюду стекло!

К счастью, поддерживающая порядок бытовая магия работала исправно и осколки быстро исчезли. Я отделалась легким испугом, а вот Лайре достался глубокий порез на руке.

— Тебе нужно во врачебное крыло. — Я машинально тронула ее за плечо. — Нужно сказать Зарию, он проводит...

Подняв на меня взгляд, Лайра невнятно пробормотала, что не стоит. Мол, у нее есть быстро заживляющий раны крем, им она и воспользуется.

Я не сразу поняла, что с ней не так. Только когда она, набросив халат, вышла из ванной, меня накрыло внезапным озарением. Ее глаза. Я точно помнила, что они всегда были голубыми. Но в тот короткий миг, когда наши взгляды встретились, на меня смотрели темно-серые глаза. Глаза цвета холодной стали.

Весь следующий день я не находила себе места. Сначала едва дождалась утра и занятия по боевой магии, стоящего первым в расписании. Пропустив завтрак, пришла к аудитории самой первой и подождала Нориана, который, к счастью, сегодня тоже пришел пораньше.

Я рассказала ему о своих подозрениях относительно Лайры. Точнее, это были скорее не подозрения, а практически полная

убежденность в ее вине.

Вчера, заметив ее неестественно потемневшие глаза, я вдруг вспомнила и другой связанный с нею случай. Не так давно, сидя в «Золотом пере», я стала невольной свидетельницей ее встречи с мужчиной. Тогда я подумала, что у них свидание, но вдруг этот вывод был ошибочным? Мне ведь тогда еще показалось, что незнакомец передал Лайре какой-то небольшой флакончик. А сразу после этого, той же ночью, на Нориана было совершено покушение, едва не стоившее ему жизни...

Ну и в заключение я припомнила, что не видела Лайру среди присутствующих в гостиной девушек той ночью, когда в куполе института впервые появилась брешь. А осторожно расспросив нескольких девушек, выяснила, что и на уборке в Северной башне она тогда задержалась дольше остальных.

Узнав от меня всю эту информацию, Нориан медлить не стал. Пообещав, что проверит все сегодня же, он исчез примерно минут на сорок и даже опоздал на занятие, чего прежде ни разу не случилось. Зато по его лицу, как обычно, ничего нельзя было прочесть, и мне оставалось лишь гадать, куда он уходил и что в это время делал.

Все последующие занятия я никак не могла сосредоточиться, то и дело мысленно уплывая далеко за рамки учебных предметов. Все учащиеся института были проверены и перепроверены не по одному разу. А после того, как стали происходить все эти страшные события, за нами постоянно велось незаметное наблюдение. Конечно, задействовать все доступные средства, не рискуя спугнуть призывателя, было невозможно, но все-таки за безопасность в институте отвечали лучшие из лучших. А защита здесь была едва ли не сильнее, чем в императорском дворце. Поэтому мне было странно сознавать, что именно я — по сути, простая студентка, заметила связанные с Лайрой странности. Объяснить это я могла только своей повышенной удачливостью, полоса которой началась еще в день Церемонии избрания...

После обеда, когда мое терпение подобралось к критической отметке, я неожиданно оказалась в жилом крыле преподавателей. А именно — в личных покоях Нориана. Почему неожиданно? Потому что на выходе из столовой меня перехватил появившийся словно из ниоткуда Кайл и, ничего не объясняя, окутал светом.

Уже в следующее мгновение я стояла в светлой гостиной, из окна которой открывался вид на внутренний двор. Собственно, как раз по этому виду я и поняла, в какой части института нахожусь.

Нориан стоял у камина, а когда появились мы с Кайлом, обернулся и сделал шаг нам навстречу.

— Ты видела, как *этот* пузырек передал Лайре незнакомый человек? — без предисловий спросил он, протянув мне небольшой полупрозрачный сосуд.

Взяв его, я внимательно к нему присмотрелась и неуверенно ответила:

— Не могу сказать наверняка... тогда я видела его мельком. Но скорее да, чем нет.

— А незнакомец? — подал голос Кайл. — Его ты запомнила?

Описать внешность того человека для меня не составило труда — его я действительно запомнила.

После моих слов на лицах обоих фениксов отчетливо проступило разочарование.

— В чем дело? — напряженно поинтересовалась я.

— Ты видела Даймона Норта, — ответил Нориан. — Он специализируется на производстве различных косметических средств. В том числе тех, что осветляют волосы и меняют цвет глаз. Вот это, — он кивнул на пузырек, — флакон из-под дорогостоящих глазных капель, временно изменяющих пигмент радужки.

— То есть вы хотите сказать, что...

— Девине просто не повезло родиться с темно-серыми глазами, — закончил за меня Кайл. — В высшем свете не прощают таких «изъянов», но даже среди аристократов далеко не все — счастливые обладатели светлых волос и глаз. Вот и прибегают к подобным ухищрениям. Хотя в этом никто не признается — такие вещи принято скрывать. Так что никакого отношения к призывам тьмы Лайра не имеет.

Несколько долгих секунд я пребывала в ступоре, осмысливая вышесказанное, а после разочарование фениксов передалось и мне. Все же детектив из меня и впрямь вышел неудачный. А ведь картина так хорошо складывалась! Я почти не сомневалась, что Лайра — именно та, кого мы ищем... а теперь все вернулось к тому, с чего начиналось.

— Ладно, у меня дел полно. — Кайл бросил взгляд на часы. — Вынужден вас оставить. Нор, ты же перенесешь мышку в ее комнату, дабы она не запятнала свою репутацию, выходя из твоих покоев?

Вопрос был риторическим, да к тому же заданным с явным намерением поддеть. И Кайл, не дожидаясь на него ответа, скрылся в ярком золотистом свечении.

— И что теперь? — спросила я спустя короткую паузу.

— То же, что и прежде, — ровно ответил Нориан.

Да, его голос оставался ровным, но от меня не укрылось напряжение в его позе и то, как он сжал пальцы в кулаки. Я понимала, чем вызваны и это напряжение, и досада, и тщательно скрываемая усталость. Время утекало, как вода сквозь разомкнутые ладони, а он не мог разоблачить пособника тьмы и злился на себя за это. Чувствовал вину за то, что не оправдывал доверия императора и не мог устранить серьезную, нависшую над всем Артоганом угрозу.

Прорывы случались не только в столице, но и по всей империи. Из-за этого легионы фениксов были разбросаны по разным городам, и все равно их не хватало. Настоящее число погибших замалчивалось, но ходили слухи, что каждую ночь гибнут сотни. А что еще хуже — покрывающий Артоган купол истончался, и главная преграда между нами и тьмой становилась все более зыбкой.

— Нориан... — Я сделала шаг к нему. — Я понимаю... по крайней мере, думаю, что понимаю, как вам тяжело. Но вы делаете все, что в ваших силах. Каждую ночь защищаете нас всех от тьмы, подавляете прорывы, спасаете чужие жизни. На вас лежит тяжелая ноша, и я не представляю кого-либо другого, кому она была бы по силам. Вы из тех, кто, исполняя свой долг, идет до конца, не щадит себя и требует от себя же фактически невозможного. Я... я восхищаюсь вами.

Я сказала это, повинувшись неконтролируемому порыву, и, только закончив говорить, удивилась собственной внезапной смелости. Мне всегда было проще броситься в пламя, чем открыто выразить свои чувства. *Такие* чувства.

Даже не заметила, как Нориан вдруг оказался прямо передо мной. Показалось, что я окунулась в само средоточие пронзительного света, который исходил из направленных на меня глаз. Пронзаемая больше осязаемыми, чем видимыми лучами, я вдруг захотела потянуться к ним

навстречу. Раствориться в них, в этом удивительно прекрасном свете... в том, кому этот свет принадлежал. И кто смотрел на меня так, словно я — единственное в своем роде сокровище. Смотрел так, как никто и никогда.

— Это я восхищаюсь тобой, Ида, — не отводя взгляда, негромко произнес Нориан. — Наверное, я все-таки чем-то заслужил милость Пресветлого, раз он послал мне встречу с тобой. Я хотел сказать это позже, но скажу сейчас. Ты не просто спасла мне жизнь, ты вернула мне ее смысл — веру. Веру в людей. Веру в этот мир. В то, что для Артогана еще не все потеряно, раз в нем есть такие светлые и чистые души.

За его словами последовало несколько долгих мгновений, в которые мы неотрывно смотрели друг другу в глаза. Не знаю, что Нориан видел в моих, но я в его — целый пронизанный солнечным светом мир. Кто первым подался навстречу, не знаю тоже. Только вдруг весь этот солнечный мир исчез, спрятавшись под закрытыми веками. И я тоже закрыла глаза, чтобы в следующую секунду ощутить его губы на своих.

В своем воображении я не раз рисовала свой первый поцелуй. Представляла, каким он будет, где я буду находиться в этот момент и самое главное — с кем. Засыпая на небольшом чердачке, даже в самых смелых мечтах не могла вообразить, что меня поцелует один из первых лордов империи. Феникс. И произойдет это в Институте аэллин...

Впрочем, мне было все равно и где мы находимся, и какие титулы он носит. Имел значение только он сам и те искры, которые, разгораясь между нами, превращались в буйное, но не обжигающее пламя.

Когда-то, воображая первый поцелуй, я боялась, что не сумею все сделать правильно. Сейчас перестало волновать и это — те детские страхи теперь казались до боли наивными и нелепыми.

Нориан целовал меня нежно, явно сдерживая себя. И от этого его особо бережного ко мне отношения на сердце становилось тепло-тепло — словно и осень, и даже зима миновали, открыв дорогу свежей жизнерадостной весне...

Когда Нориан отстранился и вновь посмотрел на меня, его глаза мерцали еще ярче, приобретя насыщенный оттенок янтаря. Наверное, мне следовало смутиться и покраснеть, что приличествовало настоящей леди, но леди я никогда не была. И не смутилась. И даже не

покраснела. Потому что этот поцелуй был правильным и естественным; нежным, но полным затаенного огня и невысказанного вслух обещания.

— Мне, наверное, пора? — Я не сдержала расцветающую на разгоряченных губах полуулыбку. — Не хочу вас отвлекать...

— *Тебя*, — поправил меня Нориан, голос которого прозвучал непривычно глухо. — И ты никогда не отвлекаешь меня, Ида.

Что бы он ни говорил, дел у него и впрямь имелось много, и задерживать его я не хотела. Поэтому попросила перенести меня в мою комнату. А когда Нориан ушел, на прощанье запечатлев на моих губах еще один — на этот раз короткий — поцелуй, я некоторое время стояла, прислонившись спиной к закрытой двери. Машинально касалась губ кончиками пальцев и улыбалась, улыбалась, улыбалась...

Удивительно, как среди нависшей над Артоганом тьмы вдруг появился такой яркий луч света... луч, принадлежащий нам двоим. Мне и Нориану.

ГЛАВА 27

Ночью меня разбудили голоса, раздающиеся не то за соседней стеной, не то прямо у меня за дверью — спросонья было не определить. Поднявшись, я тихо подошла к двери и, прислушавшись, осторожно надавила на ручку. Выглянув в коридор, обнаружила, что он пуст, а голоса действительно раздаются в соседней комнате. Так уж получилось, что моя новая комната располагалась рядом с той, куда меня поселили изначально и где сейчас жила Люция.

Подслушивание никак нельзя назвать благородным занятием, но, учитывая обстоятельства, пришлось к нему прибегнуть. Еще раз мельком осмотревшись и никого не заметив, я вышла в коридор и прильнула к соседней двери.

— Ты достала! — звучал шипящий, приглушенный голос Люции. — Я просто ходила в ванную, ясно тебе?

— Среди ночи? — В голосе Санди звучали недоверие и скепсис.

— Да, представь себе, среди ночи! — огрызнулась Люция. — У девушек, если тебе неизвестно, раз в месяц бывает неприятный период, который может начаться в любой момент!

— Если все так, отчего же ты так нервничаешь?

— Да потому что ты раздражаешь своими тупыми вопросами! В чем ты меня подозреваешь? — Люция явно с трудом сдерживала желание перейти на крик. — Сама-то куда собралась?

— Пойду в гостиной посижу, — невозмутимо отозвалась Санди и со скептической усмешкой добавила: — Подожду, пока одна истеричка соизволит успокоиться.

Кажется, я даже расслышала, как Люция скрипнула зубами, а затем за дверью раздались приближающиеся шаги. Я успела отпрянуть и как раз скрылась в своей комнате, когда эти шаги прозвучали уже в коридоре.

Услышанный разговор не мог меня не заинтересовать и не заставить задуматься.

Люция... она стояла в конце списка тех, на кого я примеряла роль пособника тьмы. До поступления в институт мы жили неподалеку, я знала ее семью, да и вообще для такой роли она казалась слишком

взбалмошной и легкомысленной. Но ведь этот образ мог оказаться лишь удобной ширмой, под которой скрывалась темная суть. Она ведь была так уверена в том, что на церемонии изберут именно ее...

Немного помедлив, взвешивая все «за» и «против», я направилась в гостиную. Намеревалась списать свой приход туда на бессонницу и аккуратно расспросить Санди, не замечала ли она за Люцией чего-нибудь странного. А заодно проверить, действительно ли сама Санди пошла посидеть в гостиной, а не куда-нибудь еще...

Санди и в самом деле оказалась в гостиной. Забравшись с ногами на подоконник, смотрела в окно и пила чай из сервиза, в котором он никогда не заканчивался.

— Не помешаю? — приблизившись, спросила я.

Обернувшись на мой голос, она выразительно хмыкнула:

— Тоже не спится?

— Услышала ваши с Люцией голоса за стеной, — призналась я, присев рядом. — Спать расхотелось.

— У меня всегда так, — вздохнула Санди. — Если проснулась среди ночи, до утра буду ворочаться. Проще пободрствовать хотя бы с полчаса, прежде чем снова пытаться заснуть. Поэтому Люция для меня — ужасная соседка.

— Часто будит тебя по ночам? — тут же зацепилась я.

— Не поверишь, она еще и храпит, — отхлебнув чаю, усмехнулась Санди. — Никогда не думала, что скажу это, но уж лучше бы я жила с тобой. Надо было вступить за тебя еще в тот день, когда из-за Люции тебя выселили... хотя что уж теперь об этом говорить.

— Мне казалось, ты всегда сама за себя, — заметила я.

— Так и есть. — Она внимательно посмотрела на меня поверх очков. — Я стараюсь избегать разного рода стычек и не принимаю ничью сторону. Хотя, говоря по правде, когда кого-то травят, а я держусь в стороне, меня иногда мучает совесть. Смотри, — без перехода сменила она тему, указав на окно. — Видишь их?

Только сейчас я заметила парящие по периметру института огни. Они походили на проводников, только были меньше раза в три и очень блеклыми — если не присматриваться, даже не заметишь.

— Охранки, — с видом знатока пояснила Санди. — Передовая магическая разработка... ну как передавая — по крайней мере, так считается в империи. Эти огни невидимы. Они фиксируют все

происходящее в общих чертах, конечно, но все-таки, — и передают сведения своему владельцу. В данном случае — лорду Нориану Снэшу, я полагаю.

Санди смотрела в окно, но в какой-то момент я поймала в отражении ее взгляд. Стало не по себе. В сознании мелькнула смутная догадка, вызвавшая желание немедленно соскочить с подоконника и отбежать подальше. Но я, не желая выдавать подозрений, медленно встала на ноги и поинтересовалась:

— Откуда тебе обо всем этом известно? И если эти огни невидимы, тогда почему мы сейчас их видим?

Снова обернувшись ко мне, Санди усмехнулась:

— Так ведь их мой отец разрабатывал. Он служит при дворе императора.

А ведь и правда, я что-то такое слышала...

Сдержать вздох облегчения мне удалось с трудом. Я ведь и правда почти поверила, что Санди — пособница тьмы. Точно паранойю скоро заработаю...

Мое облегчение продлилось ровно до того момента, как она добавила:

— А что до того, почему мы их видим... потому что, как я сказала — эта разработка не такая уж и передовая. Если задаться целью увидеть и внимательно присмотреться — они покажутся, это не так уж и удивительно. По-настоящему ценное изобретение, основанное на сочетании светлой и темной материй, мой отец продал тем, кто имеет широкий взгляд на мир. Это же изобретение находится и у меня... во мне. Империя в том виде, в котором она существует сейчас, обречена. Поэтому, — одним уверенным движением Санди вдруг сняла очки, — впустить тьму и объединиться с ней — единственное верное решение, которое пойдет на пользу всему Артогану.

Глаза, не закрытые стеклами очков, оказались ужасающими и завораживающими одновременно. Лишенные белков, они были абсолютно черными, разбавленными лишь редкими золотыми вкраплениями, походящими на звезды в темном небе.

Все произошло слишком быстро. Сначала, слушая Санди, я на несколько мгновений оцепенела — и этого промедления было достаточно. А потом, увидев ее глаза, уже не смогла от них оторваться. Меня словно затягивало в глубокую темную бездну, в то время как

весь окружающий мир терял привычные краски. Цвета блекли, исчезали, становились черно-белыми, как карандашный набросок.

Я попробовала закричать, хотя подсознательно понимала, что ничего не выйдет, — голос пропал. А потом, когда привычный мир сменила его черно-белая, полная теней копия, все внезапно закружилось. Я лишь смутно сознавала, что Санди взяла меня за руку и мы куда-то понеслись... побежали, полетели — не знаю...

Только окружающие нас темные всполохи давали понять, что нами в буквальном смысле движет тьма. Вернее, тьма движет Санди. Меня она не касалась, и только однокурсница, вцепившаяся в мою руку стальной хваткой, все тащила куда-то вперед по темным, сменяющим друг друга коридорам. К горлу подступала тошнота, голова кружилась, а в тело словно впивалось множество ледяных игл — особенно в руку, за которую меня держала Санди.

В какой-то момент все мысли исчезли и голова словно налилась свинцом. Холод проникал в тело все глубже и глубже, перед глазами все плыло, и последнее, о чем мне все-таки удалось подумать, прежде чем полететь куда-то вниз: «Пожалуйста, пусть все это окажется ночным кошмаром... И прости, Нориан».

Просыпаясь, человек обычно ожидает увидеть свет. Или хотя бы проблески света. Если просыпается ночью — тогда хотя бы пятно окна... Но никак не абсолютную черноту, заставляющую ужаснуться от предположения, что он ослеп. Снова. Паника опередила воспоминания, скрутила внутренности, заставила сердце пуститься вскачь... а когда тьма перед глазами внезапно рассеялась, я подумала, что уж лучше бы вновь ослепла.

Потому что прямо напротив меня лежал риах, опустивший на лапы свою огромную, увенчанную острыми рогами голову. Увидев его, я с трудом подавила машинальный, готовый вырваться из груди крик.

Где мы находились, я не знала. Это был круглый, лишенный окон зал, где четыре массивные колонны подпирали высокий потолок. Голые каменные стены были темно-серыми, как и пол, и источали пробирающий до костей холод. Источником света служили странного вида фиолетовые огни, подрагивающие на прикрепленных к стенам факелах.

На первый взгляд казалось, что риах спит. Его глаза были закрыты, а узкие ноздри раздувались в ровном дыхании, выпуская клубы темного дыма. Я попыталась встать, но не смогла даже шевельнуться — меня словно сдерживали невидимые путы, тянущие все жизненные силы. К своему ужасу, я также обнаружила, что совершенно не могу пользоваться магией. Личностные искры ощущались как-то странно — у меня едва получалось до них дотянуться, а о том, чтобы преобразовать их во внешнюю энергию, и речи идти не могло. Они воспринимались совсем тусклыми и словно бы гасли в незримой, наполнившей этот зал черноте.

— Можешь не пытаться, — внезапно раздался голос Санди, звучащий словно из ниоткуда. — Свету не пробиться сквозь здешнюю тьму.

Лишь спустя несколько долгих мгновений я поняла, что ее голос доносится не откуда-нибудь, а от... риаха. Сначала я подумала, что она находится где-то за ним, но потом, наткнувшись на немигающий взгляд темного порождения, осознала невероятную по своей сути вещь. Это было немыслимо, невозможно и просто невообразимо, но...

— Санди? — не веря самой себе, позвала я.

Подняв голову, риах склонил ее набок, и в его черных глазах отразилось нечто вроде усмешки.

— Изумительно, правда? — Пасть риаха осталась закрыта, но голос все равно будто исходил из нее. — Мой отец — настоящий гений, а я — его первый удачный эксперимент. И доказательство, что тьма — не такое великое зло, каким мы привыкли ее считать. Если с ней сотрудничать.

Я была потрясена. По-настоящему потрясена. И некоторое время просто не находила слов, оторопело смотря на сидящее передо мной... порождение тьмы? Человека? Нет, человеком оно уж точно не было.

— Не понимаю, — все так же не сводя с риаха глаз, выдохнула я. — Как это возможно?

— О, ты бы очень удивилась, узнав подробности, — прозвучал насмешливый ответ. — Но, к сожалению, времени на это у нас нет. Видишь ли, этой ночью, с минуты на минуту ты должна умереть. Ничего личного, Ида, мне правда жаль. Но ты — главная угроза плану, который разрабатывался десятилетиями. И я горжусь тем, что именно

мне выпала честь запустить этот выстроенный умнейшими представителями человечества механизм.

Когда ко мне потянулась когтистая и большая, словно сотканная из теней лапа, я не смогла отпрянуть. Риах... Санди... легко подхватила меня и перенесла в ту часть зала, которая до этого была у меня за спиной. Здесь находилось то, чего я не могла видеть прежде, — словно высеченный прямо в полу круг, в котором чем-то красным были начертаны незнакомые символы. И это красное явно не было обычной краской...

— Я знала, что ты пытаешься меня обнаружить, — положив меня прямо в центр круга, как ни в чем не бывало произнесла Санди. — И знала, что этой ночью, услышав нас с Люцией, ты последуешь за мной. Даже скучно оттого, насколько ты оказалась предсказуема.

Почувствовав спиной ледяной каменный пол, мысленно я принялась лихорадочно искать пути к спасению. А вместе с тем подумала, что Санди права — детектив из меня и впрямь вышел ужасный. И тот факт, что не только я, но и лучшие фениксы империи не смогли ее вычислить, ничуть не успокаивал.

В качестве пособницы тьмы Санди я никогда не рассматривала — по крайней мере, не выделяла ее среди других. А ведь на практике у госпожи Нейль именно она показала лучший результат, продемонстрировав безупречную выдержку... Пресветлый, да как это возможно?! Как та, кто может обращаться в монстра из кошмаров, столько времени незамеченной находилась в Институте аэллин?

Впрочем, все посторонние вопросы быстро выветрились у меня из головы, когда фиолетовые огни вдруг оторвались от стен и направились ко мне. Подлетев ближе, они зависли по периметру круга, начали покачиваться из стороны в сторону, и это их движение напоминало жуткий ритуальный танец. Несмотря на то, что они находились рядом со мной, я не чувствовала исходящего от них тепла — казалось, что они, напротив, источают пробивающий на дрожь холод.

Когда Санди начала негромко что-то говорить, из ее речи я не поняла ни слова. Только боковым зрением увидела, как окружающие меня символы загораются один за другим все тем же фиолетовым светом.

Холод усилился. Он пробирался под кожу, выпивал дыхание и вытягивал из неподвижного тела то, что принято называть жизнью. Умирать было не страшно, только ужасно обидно оттого, что все вышло так глупо. Что еще вечером я радовалась и улыбалась, а теперь лежала неизвестно где, служа призыву тьмы...

Нет, риаха с два я так просто сдамся!

Я ведь ни разу не пользовалась личностными искрами с тех пор, как спасла Нориана. Значит, их количество сейчас должно быть большим. Нельзя просто так опускать руки, ведь речь идет не только о моей жизни, а о жизнях всех, кто находится в институте! Я просто не имею права сдаваться!

Пытаться коснуться собственных искр было больно физически. Проклятый холод отнимал все силы, пальцы рук и ног онемели. Облачко белого пара, срывающегося с моих губ, становилось все меньше и меньше... Санди продолжала говорить на неизвестном языке, вокруг меня уже загорелись все символы.

И в тот момент, когда мое тело онемело полностью, когда оно выгнулось дугой от разлившейся по нему острой боли, а на глазах выступили непроизвольные слезы, мою шею вдруг обожгло. Тепло, зародившееся в ямке между ключицами, с каждой секундой становилось все отчетливее, стремительно распространялось по телу, вытесняя смертельный холод.

«Слеза феникса! — промелькнуло в сознании. — Подаренный Норианом кулон!»

Санди внезапно сбилась. Хотя мимику риаха нельзя назвать выразительной, я заметила, как она нахмурилась, явно не понимая, что происходит. И прежде, чем она успела это понять, я одним резким движением откатилась в сторону, оказавшись за пределами круга. Дотянувшись до искр, создала самую сильную светлую энергию, на которую была способна, — ту же, какой в прошлый раз ранила появившегося у дома Нориана риаха, — и направила ее на Санди.

Она не успела вовремя среагировать и громко взревела, когда в темном туманном боку появилась пропаленная дыра. Мне удалось вспомнить, как воздвигнуть не слишком сложный защитный барьер, и моих сил на это хватило. Бросившийся ко мне риах наткнулся на него, снова заревел и отпрянул. Но уже спустя пару секунд, собрав силы, ударил в барьер снова. Я понимала, что долго сдерживать его не смогу

и нужно срочно придумать что-то еще, когда в другом конце зала внезапно появился яркий свет.

Оставив меня в покое, Санди отпрыгнула назад и зажмурилась, явно не в силах его выносить. А я, глядя на знакомое золотое свечение, едва не зарыдала от облегчения. Нориан, как всегда, пришел вовремя.

Далее все происходило стремительно. Нориан и Санди бросились ко мне одновременно, и если первый желал защитить, то вторая явно жаждала моей смерти. Понимая, что у нее имеется единственный шанс, она раззявила гигантскую пасть, выпустила призрачные когти и совершила один резкий прыжок.

Время замедлилось. Я наблюдала за всем происходящим словно со стороны, хотя машинально попыталась отпрянуть. На меня пахнуло холодом с одной стороны и жаром — с другой. Будто оказавшись на границе света и тьмы, я предельно отчетливо сознавала, что тьма доберется до меня первой. Что спустя считанные доли секунды призрачные когти вопьются в тело, достанут до сердца и с моих губ сорвется последний вздох...

Появившаяся в мыслях картина была очень яркой, и я почти поверила, что это уже случилось. Но тут устремившийся ко мне свет внезапно ускорился, пронесся вперед со скоростью молнии и настиг риаха прежде, чем тот до меня добрался. Расстояние между нами с Санди сократилось до предела, когда световая волна, настигнув цель, отбросила ее назад.

С грохотом впечатавшись в стену, риах сполз по ней вниз, и его окружили всполохи тьмы. Раздался глухой рык, и фигура порождения тьмы начала постепенно уменьшаться. Вскоре на месте чудовища из кошмаров появилась растрепанная белокурая девушка, из носа которой шла кровь.

Во время ее трансформации Нориан оказался около меня и приобнял за плечи. Я почувствовала, как от него исходит легкое, окутывающее меня тепло, от которого даже дышать стало легче.

Преобразившись, Санди попыталась подняться, но ноги ее не держали, и она рухнула обратно. Упираясь руками в пол, бросила на нас взгляд, полный жгучей ненависти и презрения. Выглядело жутко.

В следующий момент где-то справа материализовалась и открылась дверь, в которую вошли Кайл, доктор Шайн и несколько облаченных в форму фениксов. Фениксы во главе с Кайлом

приблизилась к Санди, и я отвернулась, не желая видеть, что там будет происходить. А доктор тем временем подошел к нам, и Нориан подтолкнул меня к нему навстречу.

Меня снова окутало тепло — на этот раз лечебное. Шайн быстро меня осмотрел, заставил выпить пару лекарств и уверенно констатировал, что я в полном порядке. Убедившись в том, что мне ничего не грозит, Нориан попросил детально рассказать обо всем, что со мной произошло.

Пока я рассказывала, они с Кайлом осмотрели зал, уделив особое внимание кругу и начерченным в нем символам.

— Где мы находимся? — запоздало поинтересовалась я, когда Кайл, присев на корточки, мазнул пальцем по одному из символов.

— Подземелье Северной башни, — ответил Нориан. — Оно было запечатано много столетий, поэтому о его существовании многие уже не помнят.

— А как вы нашли меня? — задала я еще один вопрос. — Благодаря Слезе феникса?

Ко мне тут же обратились удивленные взгляды Кайла и доктора Шайна. Наверное, не стоило упоминать о кулоне при всех...

— И благодаря ей — тоже, — кивнул Нориан.

— Шайн, глянь-ка, — неожиданно произнес Кайл, растерев между пальцами красный пигмент. — Это, случаем, не кровь из твоих особых запасов?

Присев рядом с ним, доктор изучил вещество, которым были начерчены символы, и подтвердил, что догадка Кайла верна. Насколько я поняла из их дальнейшего разговора, в кабинете доктора хранились особые образцы крови, которые он использовал для своих экспериментов. Редкие экземпляры, и один из них сейчас применили для начертания древних символов.

Поднявшись на ноги, доктор, нахмурившись, бросил:

— Пойду проверю свои запасы. Если кровь взята оттуда, то...

Он не договорил из-за внезапной вибрации, пробежавшей по полу и стенам. С потолка посыпались пыль и мелкая каменная крошка, вслед за этим где-то наверху раздалось несколько громких раскатов, напоминающих гром.

Все, кто находился в зале, как по команде напряглись и замерли. А затем, когда раскаты повторились, резко встrepенулись.

В повисшем между присутствующими молчании внезапный смех Санди прозвучал как тот самый громовой раскат. Машинально обернувшись, я увидела на ее лице довольную улыбку и безумный блеск в глазах. Ее удерживала пара фениксов, но она их словно не замечала.

— Вы ничего не сможете сделать, — глядя прямо на меня, произнесла она. — Этой ночью тьма войдет в Артоган, и никто не сможет ей помешать. — Санди выдержала короткую паузу и с улыбкой, которая стала еще шире, добавила: — Добро пожаловать в ад.

ГЛАВА 28

Впервые за все время Нориан не учитывал мое мнение в отношении меня же. Просто поставил перед фактом, что сейчас перенесет на свой небесный остров, где я буду в большей безопасности, чем в стенах института. Мое напоминание о том, что институт — фактически самое защищенное место во всем Артогане, он попросту проигнорировал.

Фениксы увели Санди, Кайл отправился собирать свой легион, чтобы защищать императорский дворец, и в подземном зале нас осталось трое.

— Нор, я как доктор официально заявляю, что ты себя угробишь, если не восполнишь силы перед тем, как столкнуться с тьмой, — произнес доктор Шайн. — Я закончил с эликсиром, о котором тебе говорил, — должно сработать лучше «жидкого янтаря». Он у меня с собой, так что...

— Сначала перенесу Иду в безопасное место, — не дослушав, отрезал Нориан.

Ни у меня, ни у доктора не было шанса что-либо возразить. Мгновение — и мы оказались в знакомом саду, вокруг которого простиралось темное небо. Поскрипывали деревья, ветер срывал мерцающие лепестки цветов, в свете садовых огней ютилась на самом краю острова деревянная скамья...

— Жить надоело?! — возмутился обычно непоколебимый доктор Шайн. — В твоем состоянии только двоих одновременно через свет и таскать!

В его состоянии?

— Я чего-то не знаю? — вопросительно посмотрела на Нориана. — Вам стало хуже?

— Все в порядке, — с легкой улыбкой успокоил он меня и, обратясь уже к доктору, велел: — Давай свой эликсир.

Шайн только тяжело вздохнул и, покачав головой, протянул Нориану небольшой пузырек. Тот не медля, одним глотком выпил все его содержимое, после чего доктор сообщил, что нужно подождать пару минут.

Пока истекали обозначенные минуты, доктор тактично отошел в сторону, оставив нас с Норианом наедине. Где-то внизу в это время раздавались грохот и громкий рев, даже сюда, на эту огромную высоту доносились отзвуки чьих-то криков... было похоже на то, что Дрейдер действительно превратился в ад. Небо было плотным и черным, абсолютно лишенным красок, и выглядело это устрашающе. Казалось, что небольшой небесный остров с возвышающимся на нем домом — единственное спокойное место среди захватившего мир апокалипсиса.

— Я все-таки хочу пойти с вами, — эмоционально проговорила я. — От меня ведь тоже может быть польза! Если вам станет плохо, я смогу помочь, как делала это раньше, и... Я ведь не зря училась! Пусть мои навыки небезупречны, но сейчас любая личностная искра не будет лишней!

— *С тобой, Ида,* — поправил меня феникс. — *Не с вами и не вам, а с тобой и тебе.*

— Я хочу пойти с тобой, Нориан, — послушно повторила я, глядя ему в глаза. — Не хочу, чтобы ты шел один... Не представляю, что буду делать, если ты вдруг не вернешься.

Взяв мои руки в свои, он поднес их к губам и, не отводя взгляда, пообещал:

— Я вернусь. Любая ночь заканчивается, и наступает утро. Сегодняшним утром тоже взойдет солнце — и для нас, и для всего Артогана.

В отличие от него, я не была уверена, что утро наступит вообще. Окутавшая мир ночь казалась совершенно беспросветной, поглотившей даже звезды. Творящееся сегодня безумие напоминало воплотившийся в реальность кошмар, но все же мне хотелось верить в лучшее. А еще хотелось быть там — внизу, чтобы оказать Нориану посильную помощь. Мы ведь так и не проверили теорию Кайла — что если я могу впитывать свет любых фениксов? Тогда я могла бы брать у каждого понемногу, преобразовывать его в личностные искры и сражаться с порождениями вместе с ними...

Невероятно хотелось быть полезной, но Нориан лишил меня такой возможности. Я прекрасно понимала, что без него мне этот остров не покинуть.

— Все будет хорошо, Ида. — Нориан мягко коснулся моей щеки. — Верь мне.

Я накрыла ладонью его руку, и спустя несколько долгих мгновений мы подались друг другу навстречу. Я испытывала жгучее желание поцеловать его, обнять, раствориться в таком родном золотистом свете... а потом сказать, что люблю. По-настоящему люблю его.

Поцелуя не случилось. В какие-то считанные доли секунды Нориан вдруг страшно побледнел и, качнувшись, осел на скамью.

— Нориан! — перепугавшись, воскликнула я, тщетно пытаюсь его придержать. — Пресветлый, тебе плохо?! Доктор Шайн, помогите ему!

Доктор не заставил себя ждать. Быстро оказавшись рядом, он встал напротив хрипящего Нориана и, глядя на него сверху вниз, улыбнулся.

— Ну наконец-то. Я уж думал, ошибся с дозой и эликсир не работает.

— Что же вы стоите? — Я еще не до конца осознала происходящее. — Разве не видите, что ему плохо?! Так ведь не должно быть!

— О, ты сильно заблуждаешься, милочка. — Улыбка доктора стала откровенно мерзкой. — Именно так все и должно быть.

Резко схватив Нориана за плечо, он впечатал его в спинку скамейки и, склонившись над ним, произнес:

— Ничего личного, Нор, но этому миру нужен прогресс.

Судя по взгляду Нориана, он не выпал из реальности и все понимал, но ни пошевелиться, ни воспротивиться не мог. А я, в этот самый момент тоже осознав ужасающий факт, отпрянула от того, кого Нориан ошибочно считал своим другом.

Взгляд внезапно зацепился за валяющуюся на земле прочную ветку, и я, подняв ее, оказалась за спиной доктора. Попыталась его ударить, но он легко остановил меня, насмешливо бросив:

— Даже не пытайся, девочка. Ты ему не поможешь. На этот раз твои особые умения на нем не работают.

Я хотела позвать на помощь Росса, но не успела. Одним выверенным движением Шайн вдруг обхватил меня за пояс и зажал мне рот рукой. А затем, с насмешкой глядя в глаза, произнес:

— Ты такая забавная в своем наивном стремлении спасти феникса. А в действительности не можешь спасти даже саму себя.

Он сделал короткую паузу, после которой негромко и, как мне показалось, с некоторым сожалением добавил:

— Прощай, Инида.

Сильный толчок, вышибающий из легких весь воздух, — и я, теряя опору, лечу вниз.

Еще успела увидеть практически безумный от собственного бессилия и ярости взгляд Нориана, а потом сорвалась с небесного острова... и полетела прямо в черную бездну, которой сейчас воспринималось ночное небо.

Ветер здесь всегда был особенным. Каждый раз, выходя на балкон дома Нориана или оказываясь в саду, я замечала его. Свободный и свежий, он наполнял легкие, помогал дышать ровно и глубоко, приносил аромат затаенной надежды и веры в лучшее будущее.

Но сейчас ветер был горьким и колючим. Ударял в спину мощным потоком, точно желая поддержать, но не имея возможности это сделать. А еще он оказался ледяным — здесь, за пределами покрывающего небесный остров защитного купола. Выступившие на глазах слезы заиндевели. Вместе с короткими вздохами, которыми я ловила морозный воздух, с губ срывалось облако белого пара. Раздуваемый ветром подол платья напоминал парус.

Бесконечность. Я нередко задумывалась над тем, что она такое. Не имеющее конца движение, стремительный полет куда-то вперед... или вниз. Что-то новое и что-то неизменное. Неизбежная цикличность, но всякий раз повторяющаяся по-разному.

Это падение в бездну тоже было бесконечным, и, казалось, что когда-то я уже проживала его. Что так же, как и сейчас, летела вниз, навстречу неминуемой смерти, только тогда небо оставалось высоко надо мной, а теперь черной вуалью окружало со всех сторон.

Звуки исчезли, поглощенные темнотой. Слышался только печальный свист ветра, напоминающий поминальную песнь.

Мыслей почти не осталось, лишь душу терзала нестерпимая боль сожаления. Мне было не особенно жаль саму себя — пусть моя жизнь оказалась недолгой, но я прожила несколько по-настоящему ярких мгновений. Мне было мучительно горько за Нориана, за совершенное по отношению к нему предательство.

Доктор Шайн... Почему никто не подумал, что он сам мог передать Санди кровь из своих запасов? Почему я забыла о том, как,

найдя дневник, расспрашивала его об Аэллине Лейстон? Ведь мне еще тогда показалось, что он о чем-то недоговаривает... А откуда ему было о ней знать, если эта легенда известна только фениксам?

Последние отголоски мыслей унес ветер, выпивший и остатки не успевших замерзнуть слез. А я все падала и падала куда-то вниз, машинально расправляя руки в неосуществимом желании полететь...

— Я люблю тебя, Нориан, — прошептала пересохшими губами запоздалое признание.

Когда где-то наверху внезапно появился яркий свет, я подумала, что мне мерещится. Даже вспомнила про свет в конце тоннеля, который, как принято считать, люди видят перед смертью. А потом в этом свете стал отчетливо различим стремительно приближающийся ко мне силуэт. И в этот же самый момент я вдруг осознала, что подобный свет окутывает и меня — ярко-золотистый, сияющий, легко рассеивающий окружающую темноту.

Я словно проснулась. Мысли ожили, охватившее меня ледяное оцепенение спало, и я расширившимися от изумления глазами наблюдала за тем, как силуэт обретает узнаваемые черты.

Это был Нориан. Феникс, за спиной которого разворачивалось большое огненное, рассыпающее вокруг множество искр крыло. Такое же, какое я видела, будучи слепой, но теперь оно сияло гораздо ярче.

Усилившийся ветер расплел мои волосы, и я заметила, как развевающиеся перед лицом пряди буквально горят. Неосознанно протянув к Нориану руки, обнаружила, что кожа тоже светится, словно по венам вместо крови бежит жидкий свет.

Только сейчас осознала, что мое падение замедлилось, и именно поэтому Нориан смог меня нагнать. В эти мгновения я не задумывалась над тем, как он сумел прыгнуть следом за мной и почему это сделал; перестал ли действовать тот яд, которым его опоили, или его выжег внутренний свет... Просто, поймав направленный на меня взгляд, не отпустила его и продолжала протягивать вперед руки до тех пор, пока наши с Норианом пальцы не переплелись.

— Я тоже тебя люблю, — так и не поняла, прозвучал его голос у меня в мыслях или на самом деле.

Небо пронзила яркая вспышка, окончательно разогнавшая вокруг нас черноту. Мы парили в воздухе, находясь под личным светящимся куполом среди золотой мерцающей пыли. Меня переполняли

невыразимые чувства, из глаз продолжали литься бесконтрольные слезы, и я уже не понимала, чем они вызваны...

Яркое солнце светит в глаза.
Но ты знаешь — я не ослепну!
Вдвоем умрем за весь мир,
А затем возродимся из пепла...

Внутри меня пробуждалось что-то очень хорошо знакомое, но давно позабытое. Сотни образов пытались прорваться в сознание, наполнить его подобно прорвавшей плотину реке, и часть этих образов я видела в направленных на меня глазах. Глазах, которые теперь были не прозрачными, не янтарными благодаря выпитому эликсиру, а по-настоящему золотыми. Вернувшими свой первозданный цвет и отражающими свет души.

Сколько раз мне снился этот момент! Сколько раз я видела его в мыслях!

Теплый и золотой свет. Обволакивающий и множеством лучей проходящий сквозь ставшее очень легким тело. Я висела в воздухе, окруженная только им одним, — вне пространства, вне времени... а напротив находился *он*. Являясь источником этого света, *он* медленно исчезал, растворялся в пахнущем небесной свежестью воздухе. И мне отчаянно, до боли в груди не хотелось, чтобы это происходило. Не хотелось, чтобы он исчез.

А он смотрел на меня своими нереально яркими золотистыми глазами — смотрел с нежностью и тоской. И за его спиной, охваченное ярким пламенем, рассыпалось тысячами искр золотое крыло...

Сейчас все было так же, только Нориан не исчезал. Напротив, становился все ярче и ярче, его пальцы сжимали мои, согревали, делились искрящимся теплом... И за моей спиной тоже появилось крыло. Не знаю, как и когда, но в какой-то момент я отчетливо почувствовала его как неотъемлемую часть себя.

— Ты не сможешь больше возродиться, — грустно улыбнулась я, невесомо коснувшись его щеки. — А мне такая возможность недоступна вовсе.

— Смогу, — истекая золотистой кровью, прошептал *он*, тщетно пытаясь удержать мою бесплотную душу. — Пройдет много лет, развеется этот пепел, и судьба вновь сведет нас. Мы снова встретимся, моя Аэллина. И в следующий раз я тебя не отпущу. Клянусь.

Ветер выпил огненные слезы, развеял огненный силуэт, и рассеянный столб мелких искр взмыл к затянутым тучам небесам. Искры гасли, растворялись, терялись в облачном мареве, и лишь две из них добрались до небесных высот, чтобы затем быть разлученными.

Чтобы пробыть в Первозданном свете — чертоге Пресветлого долгие столетия, а затем вернуться на землю. Чтобы снова встретиться, не помня друг друга. И снова полюбить...

Один из многих образов оказался невероятно ярким, заставившим сердце подскочить и забиться где-то в районе горла. Я смотрела на *него* — того, с кем поделила такую долгую судьбу, и по-прежнему не могла сдерживать слез, которые превращались в настоящее море. Нориан. Лосцен. Мой единственный феникс, поделившийся со мной своей последней непрожитой жизнью.

Эмоций было слишком много, они переполняли, разрывали изнутри. Я словно разделилась надвое, осознавая себя и как Ида, и как Аэллина, жившая много лет назад. Все последнее время мы думали, что являемся потомками героев древней легенды. Но мы были самими героями. Умершими шестьсот лет назад, чтобы, переродившись, продолжить то, что не завершили в прошлой жизни. И обрести такое долгожданное, выстраданное и заслуженное счастье.

— Это ты, — хрипло выдохнул Нориан, обхватив ладонями мое лицо. — Пресветлый, это действительно ты...

— Лосцен... Нориан... — так же хрипло выдохнула я сквозь сжимающий горло спазм. — Я так тебя ждала...

Поцелуй был отчаянным, горячим, наполненным бушующим океаном чувств. Нас охватывал золотой вихрь, и, подхваченные им, мы поднимались высоко в небеса... поднимались на разделенных на двоих крыльях.

А потом, когда внизу раздался оглушительный рев, устремились в город. Еще полчаса назад Нориан ни за что не позволил бы мне отправиться туда вместе с ним, но теперь все было иначе. Память,

погребенная под слоем времени, пробудилась, соединив тех нас, какими мы были сейчас, с теми, кем являлись в прошлом.

В прошлый раз мы совместными усилиями прогнали тьму, но всем фениксам это стоило непрожитых жизней. Только Лосцен сумел уберечь одну, передал мне часть своего света, чтобы после мы смогли возродиться вместе. И теперь, когда память об этом вернулась, мы оба знали, что делать. Знали, как вновь подавить тьму.

Цикличность. Бесконечность. То самое неизменное, что повторяется из раза в раз.

Дрейдер погряз во мраке. Вязкая чернота стелилась по улицам, и ее не могли прогнать ни фонари, ни горящий в окнах свет, ни левитирующие повсюду огни. Большинство людей сидели по домам, но те, кому во время случившихся прорывов не повезло находиться в городе, в панике металась по улицам. Темных очагов было так много, что подавлять их просто не успевали. То тут, то там мелькали вспышки исходящего от фениксов света. Сотни григаннов мчались по воздуху, неся на спинах объятых золотистым свечением наездников.

Отсюда, с высоты, был виден императорский дворец, над которым сейчас активировали мощнейший защитный купол. Такой же купол простирался и над Институтом аэлин, чьи высокие башни скрывались в темной, проникающей даже сквозь него дымке.

Мы с Норрианом направлялись в Приграничье. Именно там, на границе между империей и тьмой, случились самые сильные прорывы. Именно там, в главном, защищающем наш мир барьере появились огромные бреши, сквозь которые в Артоган хлынул поток темных тварей.

Окружающий нас свет послужил быстрому переходу в Приграничье. Я знала, что перемещаться на такие большие расстояния могут не все фениксы, но нам это удалось легко.

Прежде я никогда не была в Приграничье... в этой жизни. Но сейчас казалось, что я и не покидала эти места. Что прошло всего несколько минут, а не долгие столетия с того момента, когда мы точно так же находились здесь, борясь с порождениями тьмы.

— Смотрите! — воскликнул кто-то внизу.

— Что это? *Кто* это?

Наше появление привлекло всеобщее внимание. Но ненадолго.

Здесь, в Приграничье, буйствовал настоящий хаос. Повсюду раздавались крики и лязг огненных мечей, приграничный город находился в руинах, заполонившую все черноту почти не разбавлял даже свет фениксов.

Гигантский барьер напоминал живое существо. Он подрагивал, колыхался под натиском кишащих за ним порождений. Местами зиял черными дырами, из которых появлялись существа из ночных кошмаров. Кровь фениксов уже заливала землю, перемешиваясь с черными тeneвыми ошметками. Страх и ужас граничили с решительностью и отвагой тех, кто сейчас сражался за свет и Артоган.

Мы с Норианом подлетели к самому барьеру, от которого сейчас одновременно исходили и жар, и холод. Запах гари и терпкого фимиама впитался в частицы воздуха и наполнил легкие.

Говорят, у тьмы женское лицо. Это действительно так. Я видела ее сейчас — бескрайнюю исконную силу, принявшую подобный человеческому облик. Она стояла по ту сторону барьера, окруженная своими безобразными порождениями. Лицо ее — прекрасное, но холодное и бесчувственное; одежды — черная беззвездная ночь, поглощающая все живое; длинные темные волосы — тени, находящиеся рядом даже при свете дня.

Она смотрела на меня, на Нориана, на всех нас... во всех нас.

Кругом продолжал раздаваться грохот, помимо борьбы с порождениями, шло подавление восстаний, вспыхнувших в разных уголках империи. Сторонники тьмы этой ночью намеревались впустить ее и захватить власть. И она уже была по эту сторону барьера, рядом с нами — в тех, кто добровольно ей сдался, продал душу в жажде наживы и власти.

Нориан взял меня за руку, и в момент этого прикосновения окружающий нас свет стал ярче. Отведя взгляд от барьера, я посмотрела в родные, искрящиеся теплом глаза и увидела в них все то, что мы вместе пережили.

Я помнила, как втайне от матери и ненавидящего меня отчима изучала книги по магии. Как сбежала из дома, едва достигнув совершеннолетия, и поступила в Академию света. Как впервые увидела его — блистательного Лосцена Снэша, которым восхищалась вся империя. Помнила, как мое детское восхищение им переросло в любовь. Взаимную любовь.

Помнила, как, находясь в Северной башне, словно наяву увидела образ самого Пресветлого. И как спрыгнула вниз, зная, что не разобьюсь. Веря, что так нужно.

Помнила даже Кота, которого в той жизни тоже звала просто Котом. Похоже, у кошек, как и у фениксов, действительно в запасе далеко не одна жизнь...

Последний образ отразился в направленных на меня глазах Нориана, и я едва заметно ему кивнула. Наши посланные друг другу улыбки тоже были такими — едва заметными, понятными только нам и заменяющими тысячу слов.

Подлетев к самой большой брешу, у которой сейчас шло масштабное сражение фениксов и обладающих искрами людей против темных порождений, мы снова зависли в воздухе. Не отпуская моей руки, Нориан протянул вперед вторую, и с его пальцев сорвались яркие искры, сплетающиеся в мощный световой поток. Я перенимала часть его света, впитывала и, преобразовывая, направляла обратно.

Цикличность. Бесконечность. Связь двух накрепко сросшихся душ.

Любовь, настоящая, бескорыстная, ничего не требующая взамен, и есть внутренние искры. Они не гаснут, не исчезают и способны приумножаться, если делиться ими с другими. Настоящая любовь и есть свет, который не способна погасить даже самая черная ночь.

Столп выпущенного нами света врезался в барьер, обволакивал дыры и затягивал их сначала тонкой, а потом все сильнее уплотняющейся пеленой. Обращаясь огнем, жег темные порождения, которые хрипели и рычали, не желая отправляться в небытие, но неизбежно отступали и исчезали.

Фениксы, видя это, бросались в бой с новыми силами. Заливисто ржали григанны, мелькали световые вспышки, по Приграничью разносились крики. Часть города пылала в огне, тот же огонь охватил несколько смотровых башен, которые теперь напоминали гигантские факелы.

Лоб сделался влажным, ладони тоже жгло, но я, как и все, не отступала. Отстраненно замечала, что многие фениксы, расправляясь с порождениями, то и дело смотрят на нас с Норианом. Они явно узнавали его, но не понимали, кто я и почему за нашими спинами — крылья...

Чем меньше становились бреши в куполе, тем гуще делалась за ним тьма и агрессивнее — порождения. Даже те, что оставались на этой стороне, погибая, бросались на фениксов из последних сил. Многие вставали друг на друга — страшные, изломленные, — создавали живую неустойчивую лестницу и пытались до нас дотянуться. Но, едва их касался свет, как они вспыхивали пламенем. Издавали рев, падали, сторали, оставляя после себя удушливый едкий смрад.

В какой-то момент я снова увидела за барьером лицо. Теперь оно было огромным, как и вся фигура, словно сотканная из локутов темного тумана. В раскосых глазах плескалась ярость — холодная и необъятная, а сами глаза казались двумя бескрайними черными провалами.

Силы истекали, и казалось, что даже сквозь разделяющий нас барьер тьма заставляет эти силы исчезать еще быстрее. Она словно бы молча говорила, что, пусть на этот раз нам вновь удастся ее сдержать, мы все равно не выживем. Отдадим все силы до последней капли и исчезнем из этого мира, снова став лишь легендой... одним из воспоминаний, которые, как известно, тоже имеют свойство постепенно исчезать.

И пусть. Пусть нас не станет в этом мире, главное, что Артоган не падет, а мы будем вместе. Точно знаю, что будем...

— Остановись, — прозвучал хриплый голос Нориана. — Дальше я сам...

Я отрицательно качнула головой.

— В одиночку никому из нас не справиться.

Он знал это, но все равно хотел уберечь меня... снова. А для меня лучше смерть с ним, чем жизнь без него. Зачем мне мир, в котором нет неотъемлемой части моей души?

Мы отдавали все. Без остатка. Весь наполняющий нас свет, все искры. За Артоган, за самих себя...

Купол продолжал впитывать свет и залечивать нанесенные тьмой раны. Бреши затягивались, уплотнялась мерцающая, покрывающая их пелена, и вскоре порождения перестали сквозь них проходить.

Когда затянулась последняя брешь, мы с Норианом, пошатываясь, с трудом опустились на землю. В колени впились сухая обожженная земля, легкие наполнил густой, напитанный гарью дым.

Нориану пришлось хуже, чем мне, — он находился на грани потери сознания. Окружающий нас свет стал приглушенным, но еще не угас и не подпускал темных тварей. Я положила голову Нориана себе на колени и, перебирая спутанные золотистые волосы, смахнула выступившие на глазах слезы.

Да, бреши исчезли, но темных порождений в Артогане осталось слишком много. Мы справимся с ними здесь, в Приграничье. Возможно, подавим прорывы в Дрейдере. Но что делать с другими городами, где сейчас гибнут люди? Фениксов на все провинции не хватит, они устанут, а прорывов этой ночью случилось такое огромное количество...

Не знаю, сколько прошло времени перед тем, как территория у барьера была очищена от порождений. Только отстраненно замечала, что их становится все меньше и меньше, а потом вдруг обнаружила, что вокруг нас с Норианом собрались уцелевшие фениксы.

На нас устремилось множество взглядов, в которых отражались изумление, смутная надежда, восхищение и... почтение. Ничего не говоря, они вдруг стали опускаться на одно колено и склонять головы. Хотелось думать, что только перед Норианом как перед своим командиром, но нет — перед нами обоими.

Я не испытала ни смущения, ни неловкости — ничего. Только склонилась ближе к Нориану, скрывая нас водопадом рассыпавшихся рыжих волос, и посмотрела в устремленные вверх глаза.

Его грудь тяжело вздымалась, пересохшие губы были слегка приоткрыты, а цвет кожи приблизился к свежевывавшему снегу. Я тоже чувствовала себя ослабленной, исчерпавшей силы до дна, но все же мне было легче. Какие-то крохи сил во мне еще остались, в то время как у Нориана их едва хватало на то, чтобы поддерживать жизнь. Взаимодействие с главным, покрывающим Артоган куполом — совсем не то же самое, что подавление обычных прорывов. После такого мало кто выживает, а те, кто выживает, исчерпывают все свои ресурсы, получая вместо большого скопления личностного света крошечные остатки искр...

Я чувствовала, что Нориан выживет. Знала, что, немного восстановившись сама, сумею помочь ему, как делала всегда. В прошлой жизни он передал мне часть своих сил, и именно поэтому между нами сейчас существовала такая связь.

— Ты больше не сможешь... — Спазм сжал горло, и я договорила с трудом: — Больше не сможешь использовать свет...

— Это не важно, — едва слышно проговорил Нориан, с нежностью на меня смотря. — Все не важно, кроме тебя и благополучия Артогана...

Шелестящий ветер развеивал последние частицы нашего света, фениксы все еще стояли, преклонив колена. С затушеванного тучами неба хлестал дождь, холодными каплями стекающий по лицам и впитывающийся в сухую обожженную землю.

Прижавшись лбом ко лбу Нориана, я прикрыла глаза. Борьба не окончена, но мы сделали все, что могли. Проходы закрыты, и тьма не проникнет в империю, а остальное нам уже неподвластно. Нужно подавлять бунты, изгонять задержавшиеся в Артогане порождения... у фениксов и простых воинов должно получиться. Иначе ничего не имело смысла.

Тьма никогда не успокоится. Она и сейчас смотрит на нас, стоя по ту сторону барьера, и ожидает падения империи. Сегодня это произойдет или через сотни лет, для нее не важно. Что для человека целая жизнь, для тьмы — лишь песчинка в бесконечном водовороте времени.

— Нам все равно не выстоять, — услышала я негромкие голоса переговаривающихся неподалеку фениксов. — Говорят, вокруг императорского дворца собрались целые полчища темных тварей... и вокруг Института аэллин... в резервации рейанцев тоже прорыв, а их спасти никто не сунется...

Я не хотела открывать глаза. Не хотела видеть безысходность на лицах тех, кто нас окружал. Мы сделали все, что могли, исполнили свой долг и предназначение, и я думала, что завершили начатое. Но разве был смысл закрывать прорехи в куполе, если империю погубят порождения, оказавшиеся внутри? Купол еще долгое время не пропустит новых — отданной нами силы хватит на долгие десятки, если не сотни лет... Но слишком много порождений успело проникнуть в империю.

Пресветлый, ну почему? Разве все должно было закончиться именно так?

Я не хотела открывать глаза.

В прошлой жизни мне нравился запах луговых цветов и гречишного меда. В этой я тоже любила их, а еще — землянику. Мне нравился вкус свежей выпечки и аромат шоколадного печенья, которое традиционно пекут каждые выходные.

Я любила лучи, которые переливаются радугой на ресницах, если, прищурившись, смотреть на солнце. Любила вечерний Дрейдер и закат... любила писать стихи, которые оказались обрывками моих воспоминаний, принявших такую причудливую форму.

Любила Кота и даже опекунов... любила Нориана.

Такие простые и понятные чувства — некоторые незначительные, но по-своему важные; некоторые — составляющие саму мою жизнь.

От них на душе тепло. Даже сейчас, когда сверху падает холодный дождь и пробирается под одежду недовольный ветер...

Я не хотела открывать глаза. Но открыла, когда сквозь сомкнутые веки внезапно пробился яркий свет. Я не сразу поняла, откуда он исходит, а когда осознала, что он сосредоточен в груди Нориана, изумилась.

И изумление испытала не только я, но и сам Нориан, который даже нашел силы приподнять руку. Расстегнув нагрудный карман, он запустил в него пальцы и спустя мгновение извлек... тряпичную фигурку. Сшитого мною феникса, которого я не так давно подарила ему на удачу.

Я во все глаза смотрела на лежащую на ладони Нориана фигурку, которая светилась все ярче и ярче; стремительно увеличивалась в размерах и менялась. Разноцветные лоскуты ткани словно сливались друг с другом, приобретали одинаковый цвет и превращались в золотое оперение. Не прошло и полминуты, как оживший феникс вспорхнул с ладони Нориана и, продолжая увеличиваться, взмыл ввысь. Его свет был самым ярким из всего, что мне доводилось видеть, но смотреть на него было совсем не больно.

Множество пораженных взглядов устремилось на воспарившее в небеса чудо. А огненная птица поднималась все выше и выше, с длинного золотого хвоста срывались искры, осыпающиеся на землю вместе с прекращающимся дождем.

«Совсем как первый феникс...» — промелькнуло в мыслях.

Там, где он летел, таяли свинцовые тучи, открывая розоватое рассветное небо. А там, куда падали его искры, рассеивались тени,

оживала земля и в мгновение ока таяли порождения тьмы. Широкий размах крыльев словно покрывал собой весь Артоган, касался защитного купола, который сиял, светился, переливался всеми оттенками радуги, точно гигантский мыльный пузырь...

А затем, не успел никто опомниться, как навстречу этому фениксу вылетел еще один — его точная копия. И я, в изумлении за ним наблюдая, точно знала, откуда он — из Северной башни Института аэллин. Из сундука в кладовой, где пролежал много-много столетий...

Две прекрасные огненные птицы рисовали в небе пламенные узоры и прогоняли мрак. Они как посланники самого Пресветлого очищали империю, писали историю и отворяли дверь в новую эпоху.

Завороженная зрелищем, я пропустила тот момент, когда Нориан сначала сел, а затем, полный сил, поднялся на ноги. Только когда он протянул мне руку, предлагая встать, я внезапно осознала, что слабость ушла. Что в моей душе снова сияют искры, зажженные теми, что рассыпали птицы...

Оглянувшись по сторонам, я увидела, как потрясенные фениксы осматривают друг друга и самих себя. У них, сотканые из чистейшего света и пламени, за спинами вырастали крылья...

Нориан обнял меня, и мы посмотрели на чистое рассветное небо. Ветер унес последние следы едкой гари и наполнил воздух ароматами прохладной свежести... Наступило долгожданное утро.

ГЛАВА 29

Кайл, вальяжно рассевшийся в одной из парадных гостиных императорского дворца, выглядел предельно довольным жизнью. Чего нельзя было сказать об остальных присутствующих: Нориане, докторе Шайне и мне — нервничающей, но старающейся держать себя в руках.

— Нор, хватит смотреть на меня так, словно хочешь убить, — по лицу Кайла расплзлась ленивая усмешка. — Все сложилось просто прекрасно. И вообще, почему твоя постная физиономия постоянно обращена ко мне? Не я столкнул любовь всей твоей жизни с небесного острова.

Нориан недобро покосился на раскуривающего трубку Шайна и сдержанно заметил:

— План был твоим. И, как всегда, безрассудным.

— Как всегда *действенным*, ты хотел сказать? — поправил Кайл. — Должен заметить, что именно благодаря нам со стариной Шайном этот мир уцелел. Но, конечно, кого это волнует? Все лавры достаются среднему из братьев Снэшей и его новоявленной крылатой аэллине!

В их пререкания я практически не вслушивалась. До сих пор не могла прийти в себя от всех свалившихся потрясений и открытий.

Сейчас прямо передо мной лежал дневник, принадлежащий Аэллине Лейстон, то есть мне. Когда ко мне вернулись воспоминания, я вспомнила и то, как в прошлой жизни дружила со служащим в Академии лекарем. Именно ему — предку доктора Шайна, я оставила дневник, в который долгое время записывала все свои переживания.

Незадолго до «Кровавого света», когда всех студентов отправили в Северную башню, я почувствовала, что могу не пережить эту ночь. Должно быть, мною тогда двигала воля самого Пресветлого, и я передала дневник лекарю... Уже позднее, когда мы с Норианом исчезали из этого мира, я вспомнила о дневнике. Мы знали, что в следующей жизни не будем помнить предыдущую и не сможем сразу друг друга узнать. И тогда, объединив последние крохи сил, на расстоянии окутали дневник своего рода барьером. Магией, не

позволяющей посторонним его видеть и прочесть. Он должен был стать ключом — подсказкой, призванной нам помочь.

Лекарь передал дневник своему сыну. Тот — внуку... Дневник передавался из поколения в поколение. История постепенно превращалась в легенду, а ее суть, как это обычно бывает, оказалась почти утеряна.

Доктор Шайн и думать забыл о переданном ему дневнике и вспомнил о нем, только встретив меня. О легенде он знал лишь поверхностно и не слишком верил в ее правдивость. Но мои изменяющиеся искры и наша с Норианом связь заставили его задуматься. Будучи человеком далеко не глупым, рассудительным и дальновидным, он решил некоторое время за нами понаблюдать и подбросил дневник в библиотеку — так, чтобы я смогла его найти.

Постепенно разрозненные картинки в голове доктора Шайна складывались в единое целое. Но все же он ни в чем не был уверен до конца и понимал, что делиться своими догадками с Норианом нельзя.

В ту ночь, когда Санди увела меня в подземелье Северной башни, доктор рассказал о своих предположениях Кайлу. А тот, в свою очередь, быстро сориентировался и предложил их проверить.

Шайн дал выпить Нориану парализующий эликсир и заставил поверить в свое предательство. Затем столкнул меня с небесного острова, в то время как сидящий на григанне Кайл был готов поймать меня в любой момент, если их затея не сработает. Но она сработала.

И все же Нориан, несмотря на благополучный исход, уже второй день продолжал злиться на них обоих.

Вчера во всем Артогане творились сумятица и неразбериха. Среди простого народа никто толком не знал, что произошло, делиться информацией власть не спешила, а фениксы никак не могли прийти в себя после обретения крыльев. Правда, обзавестись крыльями посчастливилось далеко не всем — тот же Кайл продолжал довольствоваться григанном. Впрочем, его это обстоятельство, как ни странно, не слишком расстроило.

И вот сейчас мы находились во дворце, прибыв сюда по приглашению самого императора. Именно из-за предстоящей приватной беседы с ним я и нервничала. Накануне Нориан уже разговаривал с ним, но император выразил желание видеть и меня.

Кроме того, в настоящий момент проходили массовые аресты бунтовщиков. Многие аристократы, участвовавшие в стоворе, лишались титулов. А еще всех подозреваемых проверяли на наличие в них тьмы. Отец Санди, как и она сама, тоже был задержан, а его открытие в использовании темной материи уже тщательно изучалось.

— Леди Трэйндж, — внезапно позвал меня вошедший в гостиную лакей. — Прощу вас проследовать за мной.

Поймав ободряющий взгляд Нориана, я поднялась с кресла и, взяв дневник, пошла в указанном направлении. Мысленно даже усмехнулась — надо же, как быстро в «леди» меня записали.

К слову, взять с собой дневник было отнюдь не моей инициативой, а просьбой императора. Зачем он ему, я не знала, но доверяла Нориану, который не имел ничего против.

Приемные покои, куда меня привели, оказались на удивление лаконично обставлены. Я ожидала видеть ту же помпезную роскошь, присущую всем интерьерам дворца, но здесь от нее имелась разве что позолоченная лепнина на потолке.

Император встретил меня сидящим у большого панорамного окна, из которого открывался вид на солнечный Дрейдер. Стоило мне его увидеть, как все волнение почему-то испарилось, и я почувствовала себя увереннее. Сделала соответствующий случаю реверанс и застыла в неудобной позе, дожидаясь, когда мне позволят распрямиться.

— Не вам мне кланяться, — в следующий момент услышала я.

Император улыбался, и его улыбка оказалась доброй, хотя и уставшей. Меня пригласили присесть и попробовать чаю, а затем император спросил, может ли он взглянуть на мой дневник. Этот дневник я до сих пор воспринимала как что-то очень личное, и делиться его содержимым с посторонними совсем не хотела... но отказать императору, разумеется, не могла.

— Не беспокойтесь, я не стану его читать, — угадал он мои мысли. — Да и не смогу, поскольку наложенная на него магия все еще действует... Но вы уже можете прочесть эти записи, ведь так?

Я утвердительно кивнула — после возвращения памяти о прошлой жизни я действительно смогла увидеть содержимое дневника. Сначала это казалось очень странным — словно раздвоение сознания... но к настоящему моменту я разобралась в себе, буквально разложила все по полочкам и приняла себя. Моя жизнь оказалась всего

лишь разделенной на две части... и теперь она продолжалась. Продолжалась под именем Иниды Трэйндж.

— Я просто хотел увидеть его, — пояснил император, взяв дневник. — Откровенно говоря, я большой почитатель древних вещей. Вещей с Историей. Удивительно... кто бы мог подумать, что это возможно? Я говорю с воскресшей легендой... о, не смущайтесь, — улыбнулся он, заметив мою реакцию. — Хотя я и император, я — простой смертный человек. А вы жили в другой эпохе, были участницей событий, вошедших в историю. И самое главное — предотвратили трагедию эпохи нынешней. Артоган многим обязан вам с Норрианом. И я считаю великой честью то, что мне довелось видеть чудо, проводниками которого вы стали. То, что вы переродились во время моего правления.

Казалось бы, после всего случившегося я уже не должна была ни удивляться, ни испытывать неловкости, но сейчас чувствовала именно это.

— Даже не знаю, что сказать...

— Ничего говорить не нужно. — Все-таки улыбка у императора и впрямь добрая. — На самом деле я хотел не только познакомиться с вами, но и рассказать о том, что успел узнать. Вчера, как вы, должно быть, уже знаете, был задержан Акрай Гант — отец вашей бывшей однокурсницы Санди Гант. Наш главный дознаватель отлично умеет... допрашивать, поэтому в настоящее время нам известно практически все о заговоре и участии в нем Ганта. Вы должны знать, Инида, что это он приходил к вашим родителям с требованием вас отдать. Если верить его словам, тогда его направляла сама тьма, указавшая на особенного ребенка. Он предлагал вашим родителям деньги, угрожал, но те отказались с вами расставаться. Тогда Гант и его сообщники устроили несчастный случай, рассчитывая, что после смерти родителей вы попадете в приют, где вас удочерит кто-нибудь из них. Но они не учли тот факт, что у вашей матери была сестра. Женщины долгое время не общались, поэтому никто не думал, что она захочет вас забрать и тем более откажется от денег, которые ей за вас предложат.

— Тетушка Эльза отказалась от денег? — не сдержавшись, изумилась я и только потом поняла, что перебила императора.

— Именно так, — ничуть не оскорбился тот. — Дело в вашей матери. Насколько нам удалось выяснить, незадолго до своей гибели она навестила вашу тетушку и взяла с нее клятву заботиться о вас, если с вашими родителями что-то случится. Клятва была скреплена магическим артефактом, поэтому нарушить ее было нельзя.

— Но почему? — все еще не понимала я. — Я слишком хорошо знаю тетушку Эльзу, она бы никогда не связала себя подобным обещанием просто так...

— Верно. Но дело в том, что ваш дядя на тот момент имел серьезные проблемы с деньгами. Он потерял работу, и ему грозила долговая яма, а их дом был выставлен на торги. Ваш отец в то время удачно продал картину одному лорду, который щедро за нее заплатил. Этим средств хватало на то, чтобы покрыть долги, и ваша мать предложила сестре сделку. В сущности, Эльза на тот момент ничего не теряла. Ведь никто не предполагал, что уже через пару дней с вашими родителями случится ужасная трагедия и ей придется исполнять данную клятву.

Наверное, еще неделю назад я бы отреагировала на такую информацию по-другому и мое удивление длилось бы дольше. Но после событий последних дней такие новости вызывали лишь горькое сожаление о том, что все сложилось именно так. Я понимала, что родителей не вернуть, но была благодарна судьбе за то, что в этой жизни целых десять лет у меня была любящая семья.

— Акрай Гант понесет заслуженное наказание? — справившись с собой, спросила я.

— Разумеется, — подтвердил император. — Но я не намерен его казнить. Живым он принесет гораздо больше пользы. Гант будет пожизненно заключен и изолирован от общества, но при этом продолжит работу над изучением темной материи — разумеется, под строгим контролем. Все-таки он настоящий гений, пусть и темный. А вот его главный сообщник, скорее всего, будет казнен.

— Вы уже знаете, кто он? — поинтересовалась я, подумав о старшем из братьев Снэшей.

Император поднялся с места, вынудив меня незамедлительно сделать то же самое, и произнес:

— Узнаем уже через несколько минут. Норриан не хотел, чтобы вы при этом присутствовали. Но я считаю, что вы как никто другой

имеете право находиться на заседании Малого совета, где будет проведена одна из главных проверок. Итак, леди Трэйндж, вы составите мне компанию?

Вопрос был во всех отношениях риторическим.

Нориан

В зале заседания собрался Малый совет, представители главных домов фениксов и несколько специально приглашенных лиц. Теперь все ждали только прихода императора, который должен был появиться ровно в полдень.

— Подожди, — остановил меня Кайл у входа в зал. — Давай поговорим?

Шайн кашлянул и с не свойственной ему тактичностью прошествовал дальше, оставив нас наедине.

— Не думаю, что сейчас подходящий момент, — ровно ответил я.

— А когда он будет подходящим? — Кайл усмехнулся, но его глаза оставались серьезными. — За долгих пятнадцать лет мы так и не нашли времени для нормального разговора. Ты злишься на меня, хотя понимаешь, что в своих действиях я был прав — что сейчас, что тогда. Просто кому-то нужно делать грязную работу, и я всегда брал это на себя. Тебе доставалась роль жертвы, мне — беспринципного злодея. Так, может, это мне следует злиться на тебя, а не наоборот?

— То есть тебе следует злиться на меня за то, что ты соблазнил мою невесту? — Я не сдержал сарказма. — А спустя пятнадцать лет подверг риску жизнь моей возлюбленной?

— Если бы я не соблазнил младшенькую принцессу, ты бы уже был женат, — резонно заметил Кайл. — И неизвестно, как бы все сложилось у тебя с Идой и сложилось ли вообще. И просто к слову — чтобы соблазнить ее высочество, мне даже своими способностями пользоваться не пришлось. Тебе давно известно, какой она оказалась на самом деле — порочной стервой, надевающей маску невинной скромницы. Тебе об этом говорили многие, но разве ты их слушал? А я всего лишь хотел открыть тебе глаза и уберечь от роковой ошибки. Я ведь с детства восхищался тобой — таким правильным, принципиальным, сильным, несмотря на изъян. И я говорю это тебе сейчас, потому что устал от нашей негласной вражды. Но, — он выдал

очередную небрежную усмешку, — это совсем не значит, что временами ты жутко меня не бесишь.

Откровенность Кайла оказалась... неожиданной. И он был по своему прав. Я понимал это и уже не испытывал ни злости, ни жгучей боли за совершенное им пятнадцать лет назад. Особенно сейчас, когда осознавал себя не только Норианом, но и Лосценом Снэшем.

Даже первоначальная ярость, вызванная его поступком относительно Иды, сейчас почти утихла. Как и все мы, он действовал на благо империи, и, как бы то ни было, все и впрямь закончилось благополучно.

— Знаешь, пожалуй, я даже тебе благодарен. — Судя по выражению лица Кайла, моя откровенность тоже стала для него неожиданной. — Если бы не твое вмешательство — тогда и сейчас, — действительно неизвестно, как бы все для нас сложилось.

Кайл на несколько мгновений оторопел, что случилось с ним нечасто, а затем со своей неизменной ироничностью бросил:

— Рад, что ты наконец-то это понял.

— Но, — я вернул ему усмешку и его же слова, — это совсем не значит, что временами ты жутко меня не бесишь.

— Кстати... — Кайл хитро прищурился. — Представляешь реакцию отца, когда он узнает, что сын, которого он считал позором рода, и Лосцен, с которым он так носится, — одно и то же лицо?

Я невольно улыбнулся — пожалуй, мне бы тоже хотелось на это посмотреть.

— Прошу прощения, лорды, — прервал наш разговор незаметно приблизившийся советник. — Его императорское величество прибудет с минуты на минуту. Прошу вас занять свои места.

Император появился на балконе в тот же момент, когда мы заняли места в ложе. Но вовсе не он приковал к себе мой взгляд, а та, кто вышла на балкон вместе с ним.

Все еще не верилось, что мы встретились вновь. Все еще было страшно заснуть, а проснувшись, понять, что это был лишь сон. Не так давно я думал, что разучился бояться и испытывать сильные чувства, но *она* снова перевернула мой мир.

Волосы, в которых теперь поселилось солнце, взгляд теплых карих глаз, внутренний свет, проникающий сквозь кожу и делающий

простое лицо необыкновенно прекрасным... сейчас незримое, но всегда находящееся за спиной пламенное крыло.

— Челюсть подними, — насмешливо шепнул мне Кайл.

А ведь я настоятельно просил императора не приводить сюда Иду... Зрелище предстояло малоприятное.

Когда император дал знак, в центр зала вывели нескольких людей и фениксов, среди которых оказался Рэйн. Бросив взгляд на отца, сидящего в соседней ложе, я заметил, что он будто постарел на несколько десятков лет. Когда это произошло — вчера, когда ему сообщили о возможной причастности к заговору любимого сына, или в этот самый момент, когда он увидел Рэйна в роли обвиняемого?

Процедуру выявления тьмы проводил главный дознаватель, использующий для этого очередную разработку Ганта. Каждый подозреваемый садился на стул, являющийся своего рода артефактом, и либо не происходило ничего, либо вокруг него появлялись всполохи тьмы. Учитывая все те же разработки Ганта, позволяющие скрывать или приглушать наличие тьмы, проводить проверку обычным способом было нецелесообразно. Хотя для полной достоверности главный дознаватель осматривал еще и личностные искры.

Было сложно определить, чье появление вызвало возмущенный гул — Рэйна или одного из членов Малого совета. Пожалуй, что обоих сразу.

Первые всполохи появились как раз вокруг советника, что породило новую волну гула среди присутствующих и заставило того смертельно побледнеть. У двух следующих подозреваемых тьмы выявлено не было, а после наступил черед... мисс Факронт — секретарши Шайна. До того момента, как она села на стул, на ней был балахон с глубоким, скрывающим лицо капюшоном. Я знал, кто под ним скрывается, а вот для Кайла, похоже, это стало сюрпризом.

— Да ладно! — непроизвольно округлив глаза, выдохнул он.

— Как ты там говорил? У Шайна просто очаровательная секретарша? — усмехнулся я, когда вокруг девушки за клубилась тьма.

Это было ожидаемо. Прошлой ночью она пыталась скрыться, покинув столицу, но ее успели перехватить. Только она всегда была настолько близко к Шайну, что могла запомнить код от хранилища, где находились его запасы, и взять оттуда кровь. Вдобавок мисс Факронт

была близка с Кайлом, и, хотя он вряд ли говорил с ней о чем-то важном, некоторую пользу из их близости она все-таки могла извлечь.

Последним проверку проходил Рэйн. Напряглись все, даже я. До последнего не хотелось верить, что он ко всему этому причастен. Что именно он, изучив семейные архивы от и до, совершил такое предательство. Тем более, он ведь феникс — создание света, самой природе которого противна тьма.

Шли долгие секунды. Минута, другая... ничего. Дознаватель, нахмурившись, провел осмотр личностных искр Рэйна несколько раз — снова ничего. Сам Рэйн в это время выглядел отстраненно-невозмутимым, и только те, кто хорошо его знал, могли заметить негодование, полыхающее глубоко внутри него. Он был оскорблен происходящим, хотя умело сохранял лицо и держал себя в руках.

Когда спустя некоторое время тьма в нем так и не проявилась, волна гула прокатилась по залу заседания в третий раз.

— Что ж, самое время вмешаться, — негромко проговорил Кайл.

В следующее мгновение он поднялся с места, чем привлек к себе внимание, и громко произнес:

— Уважаемые лорды и леди! Ваше императорское величество. Как вы можете видеть, мой старший брат — лорд Рэйн Снэш оказался невиновен в том, в чем его пытались обвинить. Но отсутствие в нем тьмы еще не означает, что он не был причастен к заговору, и, разумеется, расследование должно быть продолжено. Однако сейчас предлагаю вам принять во внимание другой крайне важный момент.

Выдержав паузу и убедившись, что его слушают, Кайл продолжил:

— Прежде всего мне следует признаться в своем неблагоприятном поступке — некоторое время назад я заглянул в сейф Рэйна втайне от него. Как многим известно, у нашей семьи есть личная библиотека, где собраны экземпляры редких книг и рукописей, имеющих отношение непосредственно к нашему роду. Не так давно мы с Норианом наведались туда и обнаружили, что в необходимой нам на тот момент рукописи отсутствует важная страница. Позже именно эту страницу я и обнаружил в сейфе Рэйна. Но любопытно то, что, находясь в сейфе, она была дополнительно скрыта сильным заклинанием... притом не просто для посторонних, но, судя по проведенному анализу той магии, даже для самого Рэйна. А также прошу заметить, что рукопись была пропитана ядом, предназначенным специально для Нориана. О чем,

разумеется, уже известно главному дознавателю и его императорскому величеству. Вскоре после этого на Нориана было совершено серьезное покушение, едва не стоившее ему жизни... Но вернемся к библиотеке и сейфу. В ту часть библиотеки, где хранилась упомянутая мною рукопись, доступ открыт только членам нашей семьи. К сейфу Рэйна — непосредственно самому Рэйну и... его законной жене, леди Авелле Снэш.

На несколько долгих мгновений в зале воцарилась тишина. Намек Кайла был непрозрачным и... практически абсурдным. Должен признать, рассматривать Авеллу как одного из главных пособников тьмы и организатора покушений мне бы даже в голову не пришло.

— Это возмутительно! — Наш отец поднялся с места. — Кайл, ты в своем уме? Нашему дому и так нанесено серьезное оскорбление, но твои подозрения в отношении невестки — это уже за гранью!

— Почему же, по-вашему, Рэйн с Авеллой, прожив столько лет в браке, не могут зачать наследника? — Кайла, привыкшего шокировать публику, было не смутить. — Не потому ли, что в моей дорогой невестке свет соседствует с тьмой?

На сей раз волна гула была особенно громкой. Скандальное заявление Кайла вызвало всеобщий ажиотаж и породило массу пересудов. Я же в это время не сводил взгляда с Авеллы, сидящей рядом с отцом. Так же как и Рэйн, она прекрасно владела собой, но на считанные мгновения я уловил отразившийся в ее глазах страх. И решил вмешаться.

— Леди Авелла, — подчеркнуто вежливо обратился к ней, — вы согласитесь пройти проверку, дабы опровергнуть выдвинутые против вас обвинения?

Она отреагировала моментально:

— Почему я должна подвергаться этой унижительной процедуре? Вам недостаточно того, что через нее прошел мой муж — феникс из именитого и уважаемого дома? Вам, — обратилась она к главному дознавателю, — следовало бы искать настоящих преступников, а не прилюдно унижать фениксов и их семьи!

— И все же, — настаивал Кайл. — Разве вы не хотите доказать мне и всем, кто уже начал в вас сомневаться, нашу неправоту? Я принесу вам публичные извинения, если окажусь не прав.

— Да зачем мне твои извинения?! — Маска холодной леди Авеллы дала трещину. — Я не стану участвовать в этом...

— Довольно! — внезапно раздавшийся усиленный артефактом голос императора заставил всех смолкнуть. — Леди Авелла, я попрошу вас спуститься вниз и пройти необходимую проверку. В случае если обвинения не подтвердятся, извинения принесу вам лично я. Надеюсь, *моих* извинений вам будет достаточно?

Авелла заметно побледнела — можно было решить, что от злости и негодования, но теперь я был уверен, что от страха. И уже почти не сомневался, что Кайл в своем смелом предположении оказался прав. В очередной раз прав.

С прямой как палка спиной, под прицелом множества взглядов Авелла спустилась и приблизилась к главному дознавателю. Тот проводил ее к стулу, и когда Авелла на него опустилась, в зале вновь повисла тишина. Пронзительная. Абсолютная. Напряженная.

Снова шли долгие секунды, постепенно складывающиеся в такую же долгую минуту...

— Полагаю, этот фарс можно заканчивать, — негромко, но отчетливо среди повисшего молчания произнес глава дома Снэшей. — Моя невестка не...

Он не договорил, поскольку внезапно «его невестка» начала стремительно меняться. Перстень на ее руке треснул и осыпался на пол серым пеплом. На впившихся в подлокотники пальцев отрасли черные когти, соломенного оттенка волосы темнели, как и половина лица. Авелла мелко тряслась и издавала невнятные хрипы, в то время как часть ее совершенного тела покрывалась уродливыми темными пятнами. Когда она подняла взгляд и посмотрела перед собой сквозь упавшие на лицо темные пряди, ее глаза заливала чернота.

Последующие события развивались стремительно. Сначала дознаватели надели на кричащую Авеллу железные браслеты и увели ее из зала. Затем проделали то же с одержимыми тьмой советником и мисс Факронт. Стены зала тем временем сотрясались от громких разговоров и жарких споров. Никто не мог понять, как Авелла — супруга феникса — могла быть связана с тьмой и как она столько времени это скрывала.

Гомон вновь прервал император, поведавший присутствующим подлинные события последних дней. Рассказал об открытии Акрая

Ганта, научившегося вживлять темную материю в людей и умело это маскировать. У его дочери сдерживающим артефактом являлись очки, у Авеллы, судя по тому, что мы увидели, — перстень.

Затем император затронул тему «Кровавого света», после чего перешел к связи тех событий с нынешними. Он попросил меня подняться к нему и, когда я оказался на балконе, во всех подробностях изложил древнюю легенду. Легенду, которой я сам поделился с ним вчера. О свете и тьме. О ненависти и любви. О том, что настоящие чувства не умирают, а продолжают жить вечно. О том, что всего двое людей могут повлиять на целый мир.

Реакцию отца на тот факт, что его сын — воплощение знаменитого Лосцена, я все-таки увидел. Никогда прежде мне не доводилось видеть негнибаемого лорда Вэйра Снэша таким потрясенным.

Император говорил о многом. О том, что нам всем необходимо меняться и изменять подход к обучению аэллинов. О том, что предстоит совершать реформы и постепенно отходить от обучения магии одних лишь только аристократов. О том, что в Артогане теперь есть девушка, которую тоже можно назвать фениксом. Фениксом, буквально восставшим из пепла.

До, он говорил о многом... но в эти мгновения, стоя рядом с Идой, я мог думать лишь о ней. О ее присутствии. И о том, что хочу проводить рядом с ней каждую секунду, наверстывая потерянные столетия...

Позже, когда заседание было окончено и растерянные, озадаченные, взбудораженные члены Совета покидали зал, мы столкнулись с Кайлом.

— Ты сегодня не перестаешь удивлять, — заметил я ему.

— Просто я отлично разбираюсь в женщинах, — расплылся он в самодовольной улыбке. — Правда, мышка?

— Особенно в секретаршах, — поддела его Ида, чем вызвала смехок проходящего мимо Шайна.

Этот долгий день перерос в такой же долгий вечер. Император устроил закрытое празднество, на которое пригласил фениксов из всех домов и первых аристократов империи. Там он повторил речь, которую держал на Совете, и совсем скоро все знали правду о Нориане Снэше и Иниде Трэйндж. О Лосцене Снэше и Аэллине Лейстон.

С такой известностью нам вряд ли придется просто. Но мы справимся. Вместе — отныне и навсегда.

ЭПИЛОГ

Наш небесный остров плавно плыл над окутанным солнечным светом Дрейдером. Доносившийся с гор ветер был ласковым и свежим, колышущим хрупкие головки ливиан и шуршащим древесными кронами.

Мы с Норианом сидели на простой деревянной скамье и смотрели вперед — на чистое голубое небо, где наравне с нами парили белые птицы. На душе было тихо и спокойно, а сердцу — тепло-тепло. Рядом, прямо в мягкой весенней траве развалился мурчащий Кот, лениво отгоняющий от себя настырных бабочек.

Последние четыре года промелькнули как одно мгновение. Да и что такое четыре года в сравнении с вечностью, которая ожидала нас впереди?

У нас была пышная свадьба для народа и скромная — для самих себя. Кажется, только вчера я надевала подвенечное платье и шла в Храм света — к тому, кто ждал меня у алтаря. Тогда казалось, что я иду сквозь годы разлуки и каждый шаг разрушает последние барьеры, приближая меня к своему настоящему предназначению.

В империи происходили изменения. Мы с Норианом стали первыми, кто отказался от ниллэ. Мне не требовалась девушка, которая забирала бы у меня боль... потому что никакой боли с Норианом я не испытывала. Никогда. И это стало поводом пересмотреть воспитание аэллин. Им начали давать больше свободы, а фениксы перестали руководствоваться только желанием обзавестись наследниками и искали истинных чувств.

Любовь — чувство, которое для аристократов долгое время являлось роскошью, чувство, которое вызывало лишь снисходительные усмешки, теперь обрело вес. Требовалось больше времени, чтобы намеченные императором изменения вступили в полную силу, но первые шаги были сделаны.

Тьма затаилась. За последние четыре года в Артогане не случилось ни одного прорыва. Но она не ушла насовсем и когда-нибудь обязательно вернется — таков закон. Однако я верю, что, когда

это произойдет, люди и фениксы будут готовы. И бесконечная история повторится, но напишем ее уже не мы с Норианом, а кто-то другой.

У нас есть любимый дом, стоящий на клочке парящей высоко в небесах земли. Есть любовь и семья, доверие и много приносящих радость дней. Наш маленький небесный рай...

— Мама, папа! — прозвучал за нашими спинами звонкий мальчишечий голос. — Вы не видели Кота?

Услышав нашего трехлетнего сынишку, Кот вмиг растерял всю свою беззаботность и лень. Навострив уши, приподнялся и, глядя на нас, страдальчески мяукнул, словно бы прося защиты.

Выбежавшая на крыльцо запыхавшаяся Дайла воскликнула:

— Вот вы где! Арктур, маленький негодник, а обедать кто будет?

— Мне Росс разрешил пообедать попозже, — не выговаривая букву «р», с важным видом ответил наш мальчик, как две капли воды похожий на Нориана.

— И с каких это пор Росс за вас отвечает, а? — подбоченилась Дайла. — Ну я ему...

Переглянувшись, мы с Норианом засмеялись. Арктур подбежал к нам и с ногами забрался на скамейку, а Кот в это время тихонько заполз под нее.

Глядя на сына, я видела в нем продолжение нас. Жизнь бесконечна еще и потому, что находит продолжение в наших детях, и это так прекрасно... Может быть, даже Кайл однажды это поймет. Кто остался неизменным, так это он. Хотя, несмотря на все заверения, что скорее утопитя, чем женится и заведет детей, Арктура он любил. А уж Арктур его просто обожал и с нетерпением ждал каждого визита любимого дяди... в отличие от Росса, с которым Кайл продолжал меряться остроумием и обмениваться извечными шпильками.

Иногда я приглашала к нам Алексу и, как ни странно, Люцию, с которой мы неожиданно сблизились. Передумав становиться ниллэ, она вышла замуж за скромного положения аристократа и была этим вполне счастлива. Родительский дом я оставила бывшим опекунам и навещала их время от времени, хотя особого удовольствия от таких встреч не испытывала.

С домом Снэшей у нас тоже было не все гладко. Узнав, что Нориан — это Лосцен, Вэйр Снэш долго не мог прийти в себя, а потом буквально раздулся от гордости. Но доверительных и по-настоящему

теплых отношений между ним и Норианом быть уже не могло. Нас это особо не огорчало. Мы встречались на приемах, порой навещали друг друга и не препятствовали общению сына с бабушкой и дедушкой. Этого было достаточно.

— А вот и Кот! — радостно завопил Арктур, заметив высунувшийся из-под скамейки хвост.

Я снова засмеялась и посмотрела на счастливо улыбающегося Нориана.

Да, мы действительно были счастливы... счастливы в таких простых, но особенно ценных мгновениях, которые я иногда заносила в дневник. Туда же я записывала и стихи, которые продолжали во мне рождаться. Только теперь они были не обрывочными воспоминаниями о прошлом, а впечатлениями о настоящем. И я читала их Нориану.

А наш небесный остров все плыл и плыл вперед. Двигался навстречу солнцу и вольному ветру. Навстречу светлому будущему...

---

notes

Примечания

1

Здесь и далее в тексте стихи автора.